

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ  
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ  
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-  
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК  
СЕКЦИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ РАН

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ  
ЖУРНАЛ

№ 39

Издаётся с сентября 1993 г.



МОСКВА  
2016

ББК 83  
Л 64

Главный редактор

*А.Н. Николюкин* – д-р филол. наук

Редакция:

*А.И. Чагин* – д-р филол. наук (зам. главного редактора)

*Е.А. Цурганова* – канд. филол. наук,

*Т.Г. Юрченко* (ответственный редактор)

*А.В. Голубков* (ученый секретарь)

Редакционный совет:

*В.Н. Аношикина* – д-р филол. наук, *И.Л. Волгин* – д-р филол. наук, *И.Л. Галинская* – д-р филол. наук, *Н.В. Королёва* – д-р филол. наук, *О.А. Коростелёв* – канд. филол. наук, *Т.Н. Красавченко* – д-р филол. наук, *И.В. Логинова* – канд. филол. наук, *А.Е. Махов* – д-р филол. наук, *П.В. Палиевский* – д-р филол. наук, *А.Н. Сенкевич* – д-р филол. наук, *Л.В. Скворцов* – д-р филос. наук, *В.Н. Терёхина* – д-р филол. наук, *В.М. Толмачёв* – д-р филол. наук, *Е.П. Челышев* – академик РАН

Л 64 **Литературоведческий журнал № 39:** Науч. журн. / РАН. ИНИОН; Отд-ние ист.-филол. наук. Секция языка и лит.; Гл. ред. Николюкин А.Н. – М.: ИНИОН, 2016. – 344 с.

В журнале публикуются научные статьи по истории отечественной и зарубежной литературы, по теории литературы, а также хроника литературной жизни и библиография по литературоведению.

Рукописи представляются в редакцию в печатном и электронном виде. К тексту статьи прилагаются: краткая аннотация на русском и английском языках и список ключевых слов, а также справка об авторе с указанием ученой степени, должности, места работы и контактной информации. Публикуемые рукописи рецензируются. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

The Journal of Literary History publishes articles and essays on the history of Russian and foreign literature, theory of poetry, as well as literary chronicle and bibliography. The manuscripts are reviewed. The articles by postgraduates are published gratis.

Номер журнала к 200-летию смерти Г.Р. Державина (1743–1816) включает статьи по отдельным аспектам творчества писателя, а также особенностям историко-культурного контекста эпохи.

Для литературоведов, культурологов, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в систему elibrary.ru

ББК 83

© Литературоведческий журнал, 2016. Научное издание

ISSN 2073-5561

© ИНИОН РАН, 2016

## СОДЕРЖАНИЕ

### К 200-летию смерти Г.Р. Державина

<i>A.E. Махов.</i> Державинская теория лирики в европейском контексте .....	7
<i>В.Л. Коровин.</i> Об оде Державина «Слава» (1810) и его политических и религиозных взглядах накануне Отечественной войны 1812 г. .....	32
<i>А.В. Семёнова.</i> «Россияда» М.М. Хераскова как один из источников оперы Державина «Грозный, или Покорение Казани» .....	46
<i>А.Д. Ивинский.</i> К вопросу о контекстах «Фелицы»: В.П. Петров (Материалы к теме) .....	54
<i>А.А. Илюшин.</i> Державин о Радищеве и Шелехове .....	71
<i>А.С. Курилов.</i> Державинская составляющая критерия народности русской литературы в аксиологии молодого В.Г. Белинского .....	78
 <b>«Из стаи славной...»</b>	
<i>С.А. Кибальник.</i> Александр Михайлович Панченко и петербургская школа «феноменологии культуры» .....	88
<i>Т.М. Миллионщикова.</i> Николай Иванович Либан и Московский университет .....	101

## История литературы

<i>A.C. Курилов.</i> Когда и о чём звенели колокольчики?	
К вопросу о датировке стихотворений А.К. Толстого .....	114
<i>О.А. Богданова.</i> Вячеслав Иванов и становление науки о Достоевском на рубеже 1910–1920-х годов	
(М.М. Бахтин, Б.М. Энгельгардт, В.Л. Комарович) .....	143
<i>Литературный комментарий к роману Ф. Рабле</i> «Гаргантюа и Пантагрюэль». Книга третья: «Деяния и речения Пантагрюэля» / Составление <i>А.В. Журбиной</i> .....	171
<i>Е.О. Мосиенко.</i> Совы в русской поэзии .....	178

## Из истории европейской поэтики XIX в. (Материалы к энциклопедии)

<i>В.Л. Махлин.</i> Ирония.....	188
<i>Н.Т. Пахсарьян.</i> Натурализм .....	201
<i>Е.А. Цурганова.</i> Декаданс в Англии .....	208

## Публикации

<i>Б.Ф. Егоров.</i> Мой спор с Ю.М. Лотманом о Пушкине и участие Г.М. Фридлендера .....	215
--	-----

## Библиография

<i>Мария Федоровна Ростовская (1815–1872) / Сост. и вступит.</i> статья М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва .....	237
<i>Заметки Кота Учёного .....</i>	337
<i>Коротко об авторах .....</i>	338

## **JOURNAL OF LITERARY HISTORY AND THEORY CONTENTS**

### **To commemorate 200-th anniversary of death of G.R. Derzavin**

<i>A.E. Makhov.</i> Derzhavin's theory of lyrics in the european context.....	7
<i>V.L. Korovin.</i> On Derzhavin's ode «Glory» (1810) and his political and religious views on the eve of the Patriotic war of 1812.....	32
<i>A.V. Semionova.</i> «Rossiyada» by M.M. Kheraskov as one of the sources of the G.R. Derzhavin's opera «Grozny, or the Conquest of Kazan».....	46
<i>A.D. Ivinsky.</i> To the problem of the context of «Felitsa»: V.P. Petrov (Approaches to the theme).....	54
<i>A.A. Ilyushin.</i> Derzhavin about Radischev and Shelekhov .....	71
<i>A.S. Kurilov.</i> The role of Derzavin's legacy in the concept of national spirit of Russian literature in the axiology of young Belinsky .....	78
 <b>«From a covey glorious...»</b>	
<i>S.A. Kibalnik.</i> Aleksander Michailovich Panchenko and the school of «the phenomenology of culture» of St.-Petersburg.....	88
<i>T.M. Millionshchikova.</i> Nikolai Ivanovich Liban and the Moscow State University .....	101

## History of literature

<i>A.S. Kurilov.</i> «The bell-flowers»: To the problem of dating of the lyrics of A.K. Tolstoy .....	114
<i>O.A. Bogdanova.</i> Vyacheslav Ivanov and formation of science about Dostoyevsky at the boundary of the 1910–1920-th (M. Bakhtin, B. Engelhardt, V. Komarovich).....	143
The literary comment to the «Gargantua and Pantagruel» of F. Rabelais. The third book of the heroic deeds and sayings of Good Pantagruel / Comp. by <i>A.V. Zurbina</i> .....	171
<i>E.O. Mosienko.</i> Owls in the Russian poetry.....	178

## From the history of European poetics of the XIX-th century

<i>V.L. Machlin.</i> Irony .....	188
<i>N.T. Pahsaryan.</i> Naturalism.....	201
<i>E.A. Tzurganova.</i> Decadence in England.....	208

## Publications

<i>O.E. Yegorov.</i> My dispute with Y.M. Lotman about Pushkin with the participation of G.M. Fridlender .....	215
---	-----

## Bibliography

<i>Maria Feodorovna Rostovskaya (1815–1872) /</i> Comp. a preface by M.A. Biriukova and A.N. Strižev .....	237
Notes of the Learned Cat .....	337
Author Index .....	338

# К 200-ЛЕТИЮ СМЕРТИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

А.Е. Махов

## ДЕРЖАВИНСКАЯ ТЕОРИЯ ЛИРИКИ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

### *Аннотация*

Трактат Г.Р. Державина «Рассуждение о лирической поэзии или об оде» рассматривается как синтез многочисленных поэтических идей, восходящих к разным эпохам в истории европейской поэтики. Заимствуя из теорий лирики рубежа XVIII–XIX вв. круг представлений, связанных с понятиями чувства, сердца и выражения, Державин отказывается видеть модель лирики в музыке (как это делает большинство европейских теоретиков XVIII в.), предпочитая связывать лирику с визуальной изобразительностью и трактуя лирическое стихотворение как череду выразительных «картин».

*Ключевые слова:* «Рассуждение о лирической поэзии» Державина, теории лирики, поэтические топосы, лирика и музыка, лирика и живопись, образ, выражение чувства, Шарль Баттё, Иоганн Готфрид Гердер.

*Makhov A.E. Derzhavin's theory of lyrics in the european context*

*Summary:* Derzhavin's «Discourse on lyric poetry» is considered as a synthesis of numerous poetological ideas taken from different periods in the history of European poetics, especially from modern theories of lyrics. Derzhavin acquired modern notions of lyrical «feeling» and «expression», but refused to regard music as a model for lyrical expression (as the majority of European theorists did). He preferred to associate lyrics with visuality and to treat lyrical poem as a chain of expressive «pictures».

Трактат «Рассуждение о лирической поэзии или об оде», над которым Г.Р. Державин работал в последнее десятилетие жизни<sup>1</sup>, был создан уже после того, как лирика вошла (благодаря Шарлю Баттё и подхватившим его идею немецким эстетикам) в триаду литературных родов, а полемика о сущности лирики, сосредото-

ченная главным образом вокруг вопроса о том, является ли она, вместе с прочими литературными родами, подражанием, как считал сам Баттё, или (само)выражением, как полагало большинство немецких теоретиков, уже завершилась в пользу второго мнения.

Перипетии интенсивного обсуждения лирики европейскими поэтологами не могли не быть известны Державину: при редкости прямых цитат или заимствований в его трактате есть ссылки на Баттё, И.Г. Гердера, И.Г. Зульцера и других теоретиков лирики. Следовательно, трактат Державина можно и нужно рассматривать как реплику в этом обсуждении. Но была ли эта реплика запоздалой, малозначительной или все-таки оригинальной?

А.В. Западов, благодаря которому мы располагаем полным текстом «Рассуждения»<sup>2</sup>, полагал, что «трактат Державина в целом находится на уровне современной ему европейской эстетической мысли»<sup>3</sup>. Этот тезис нуждается в уточнении. Что именно Державин принимает в современной ему теории (теориях) лирики – и что отвергает? Остается ли он в рамках современной теории или дополняет ее концептами, взятыми из более ранних эпох истории поэтики? Вносит ли он в современную теорию собственные, оригинальные штрихи?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам первым делом нужно извлечь из текста Державина его основные идеи и связать их в некое целое – т.е., по сути дела, реконструировать державинскую концепцию лирики в ее общем виде, оставляя в стороне частные вопросы (обсуждение отдельных жанров, моментов истории поэзии и т.п.). При этом мы сохраняем словесный состав державинских формулировок, приводя их варианты, но воздерживаясь от введения собственных терминов.

### **Концепция Державина в ее основных положениях**

Лирика – изображение (излияние, представление) чувств (превосходных чувств) сердца (восторженного сердца) (с. 516, 536, 537)<sup>4</sup> – таких чувств, которые приводят душу в движение<sup>5</sup>.

Если лирика изображает *чувства* сердца, то эпос и драма – *действия* сердца или (в драме) высокого духа (с. 521, 536–537). Однако ода может порой не только изображать чувства, но и описывать действие, как эпос или драма (с. 537).

Произведения всех трех родов должны обладать единством: в лирике это – единство чувства или страсти, а в эпопее и драме – единство действия (с. 539). Однако это единство в лирике сочетается с разнообразием, которое поражает и удивляет слушателей (с. 540–541), и с особым беспорядком (ода не терпит плана – с. 538), в котором на самом деле наличествует тайная связь (с. 538).

Лирика – древнейшая форма поэзии: она родилась вместе с человеком, который первое свое слово произнес лирическим воскликновением (с. 517). Лирика возникла из восхищения чудесами мироздания и представляет глас восхищения, излияние восторга, порожденного этим восхищением (с. 516–517; поэт поет только в состоянии восхищения – с. 522) и / или удивлением поэта (так, в духовной оде поэт удивляется премудрости создателя<sup>6</sup>). Поэтому она не одно подражание природе, но и вдохновение природой (с. 517). Вдохновение – дар Неба, луч Божества (с. 522); ему свойственно высокое и быстрое парение (с. 522), в ходе которого воображение беспрестанно представляет множество картин, вещей, чувств (с. 536).

Лирика содержит картины, которые должны быть блестящими, живыми, краткими (с. 548); они должны создавать эффект тесноты – толпами тесниться (с. 579) – и одновременного совмещения (лирик видит вдруг тысячи мест и совмещает их в одну совокупность – с. 538). Краткость состоит также в тесном совмещении мыслей (с. 544)<sup>7</sup>.

Разнообразие и внезапное совокупление картин и предметов, показывающие остроумие поэта, а также громкий, высокопарный, цветущий слог оды приводят в восторг и удивление (с. 536).

### «Слоевой состав» трактата

Уже из этого краткого свода концептов видно, что Державин соединяет в своей теоретической конструкции идеи, восходящие к разным эпохам поэтики: так, топос «поэзия – говорящая живопись» восходит к античности, мотив остроумия, вызывающего изумление, – к поэтике барокко, топика «чувства и сердца» – к дискуссиям о лирике во второй половине XVIII в. и т.д.

Задумывая термин русской мифологической школы, мы можем сказать, что трактат Державина имеет «слоевой состав» – и прежде чем обсуждать степень оригинальности державинской теории, мы попробуем представить ее хронологический срез, распределив составляющие ее концепты по эпохам.

### ***Античность***

Выявляя античный поэтический пласт в тексте Державина, мы должны в первую очередь отметить исключительно важную для него (о чем еще пойдет речь ниже) идею живописности лирики, создающей «блестящие, живые картины» (с. 548). Эта идея, без сомнения, восходит к горацианскому топосу *«ut pictura poesis»*, который, варьируясь, проходит через всю историю европейской поэтики: так, ренессансный теоретик, Лодовико Дольче, определит «стихи и слова» как «кисть и краски поэта, которыми он наносит тени и цвета на полотно своего изобретения, чтобы создать столь удивительный портрет природы...»<sup>8</sup>; Филип Сидни (в начале «Защиты поэзии») называет поэзию «говорящей картиной (a speaking picture)»; немецкий теоретик и поэт XVIII в. Иоганн Бурхард Менке в латинской диссертации «О приятном» (1734) отмечает, что «поэт, как и художник, имитирует природу, и вполне уместно назвать, вместе с Флакком, поэзию картиной»<sup>9</sup>, и т.д.

Едва ли не самую знаменитую формулировку этой же мысли дает римская «Риторика к Гереннию»: «Стихотворение должно быть говорящей картиной, картина – молчащим стихотворением (poëma loquens pictura, pictura tacitum poëma debet esse)» (IV, 39). Отголосок этой формулы находим у Державина: «Поэзия по подражательной своей способности не что иное есть, как говорящая живопись» (с. 563).

Отметим еще две реминисценции из поэтики Горация, воспринятой, возможно, через тексты-посредники. Лирическая поэзия, «забавляя, так сказать, просвещает царства» (с. 567) – отголосок совета смешивать «приятное с пользой (utile dulci)» (v. 343); рецепт успеха лирика – «проливай слезы, и будут плакать» – восходит к совету Горация *«si vis me flere, dolendum est»* («если хочешь, чтобы я плакал, нужно [самому] печалиться»)

(v. 102), который Державин, впрочем, мог почерпнуть и у следующего за Горацием Буало («Pour me tirer des pleurs, il faut que vous pleuriez» – «Поэтическое искусство», III, 142).

Идея цивилизаторской функции лирической поэзии (народы «самую дикость свою оставили и начали собираться в общества не через что другое, как через пение и лиру», с. 517; «почти все древние вожди и законодатели... были поэты и законы свои изрекали стихами», с. 567) – также горацианская по своим истокам («Первым диких людей от грызни и от пищи кровавой / Стал отвращать Орфей, святой богов толкователь...»; именно поэты стали «законы писать на скрижалях», в. 391–399, перевод М.Л. Гаспарова), но варьировавшаяся и дополняемая поэтологами на протяжении многих веков, особенно в эпоху Ренессанса.

Античные истоки имеет также идея декорума – в державинской терминологии, «приличия»: «каждая мысль», «каждое чувство должны быть одеты «им приличным тоном» (с. 570); «указатель приличия» – «вкус» (с. 571). Идея декорума разрабатывается в риторике, где связывается с идеей правдоподобия; эта связка понятий переходит в литературную теорию классицизма: правдоподобие достигается лишь приличествующим соотношением между предметом и стилем, стилем и жанром, характером и поступком и т.п. Эта связь удерживается и у Державина: «Правдоподобие состоит в том, чтобы собраны были все приличия и принадлежности к воспеваемому предмету в пособие, дабы ему через них казаться более вероятным» (с. 545).

К поэзии идею декорума применил Гораций, который не использовал само это слово, но ясно обозначил тему «приличия», когда определил свою задачу – показать, «что приличествует, что нет (quid deceat, quid non)» (v. 308). Нарушение литературного приличия, по Горацию, вызывает смех: «Весь народ начнет хохотать – и всадник и пеший» (в. 113; перевод М.Л. Гаспарова). Та же реакция на нарушение декорума – и у Державина: «...неприличная разнообразность будет пестрый шутовской наряд, смех в благородном читателе произвести могущий» (с. 541).

Античные поэтологические топосы, фигурирующие в тексте Державина, изначально относились не к лирике, но к поэзии вообще или к ее отдельным (нелирическим) родам. Так, горацианское «*si vis me flere, dolendum est*» относилось к драматическому

искусству, к исполнению роли трагическим актером. Державин переориентирует эти топосы на лирику – и в этом он не всегда оригинален. Горацианскую формулу применяет к лирической поэзии Ф. Клопшток, используя ее как аргумент против теории Баттё о лирике как подражании «чужим» чувствам: «Баттё, следуя за Аристотелем, на самых сомнительных основаниях связал сущность поэзии с подражанием. Но тот, кто поступает в соответствии со словами Горация “Если ты хочешь, чтобы я заплакал, то печалься сам” – разве он просто подражает? Когда он всего лишь подражал, я не заплачу. Он должен был быть на месте того, кто страдал; он должен был *сам перестрадать*. (...) Требовать от поэта одного лишь подражания – значит превращать его в актера... И, наконец, тот, кто описывает собственную скорбь! Он подражает сам себе?»<sup>10</sup>

То же относится и к принципу правдоподобия, довольно неожиданно примененному Державиным к лирике. Однако о правдоподобии в оде писал уже Иоганн Иоахим Эшенбург: «Ода также требует определенного правдоподобия (*Wahrscheinlichkeit*), или относительного соответствия между ее предметом и возбуждаемыми им чувствами, представлениями и образами»<sup>11</sup>.

Теория лирики, стремительно развивающаяся во второй половине XVIII в., втягивает в свою орбиту поэтические топосы, которые прежде с лирикой ассоциировались слабо или не ассоциировались вообще. Державинская теория – часть этого процесса.

### *Ренессанс*

«Поэзия – язык богов, голос истины, пролившей свет на человеков» (с. 567). Мысль о божественной природе поэзии можно было бы, конечно, связать с античной традицией: поэт одержим богом (музами) уже у Платона. Однако у Державина божественность поэзии связана с ее истинностью, что едва ли приемлемо для Платона, но зато характерно для позднесредневековых и ренессансных гуманистов. Упомянем лишь первого в их ряду – Альбертино Мускато. Е.В. Лозинская следующим образом характеризует его взгляды на поэзию: «Согласно Альбертино, поэзия происходит из божественного источника (...) и имеет свой закон в Боге... Первые поэты были избраны Богом, чтобы открыть людям Его

существование (...). Они суть сосуды божества (*vas erat ille dei*) и поэтому их стали называть *vates* – пророками... Поэзия – это вторая теология...»<sup>12</sup>

Благодаря своему божественному происхождению поэзия содержит, под покровом вымысла, высшие истины, принадлежащие не поэту, но самим богам. Державину не было необходимости обращаться к ренессансным источникам, чтобы почерпнуть эту мысль: топос доживает до XVIII в. и находит очень ясное выражение у позднего Гердера, с трудами которого Державин был знаком. Гердер применяет топос именно к лирике: «В ней [лирической поэзии. – *A. M.*] говорит не личность (*Person*) поэта, но вдохновленный Богом (*Gottbegeisterter*), жрец музы; значит, из него [поэта. – *A. M.*] говорит сама муз, сам Бог»; лирический поэт «открывает нам истины, которыми вдохновил его Бог»<sup>13</sup>.

Божественность и истинность поэзии / лирики соединены у Гердера, как и у Державина – но как и у ренессансных поэтологов. Такое понимание лирики исключает идею «самовыражения», столь важную для теоретиков середины XVIII в., но чуждую и Державину, и, как видим, позднему Гердеру. Попутно обратим внимание на еще один топос, который присутствует в утверждении Державина о необходимости для одописца владеть широким кругом знаний: «...в оде потребно знание мифологии, истории, астрономии и прочих наук»<sup>14</sup>. Топос поэта-полигистора, «*poeta doctus*» восходит к античности, но широко обсуждаться начинает в эпоху Ренессанса, когда поэзия осмысляется как «наука», причем наука высшая, соединяющая в себе достоинства других наук. Приведем радикальное суждение по этому поводу из комментария Ауло Джано Парразио к Горацию (1531): поэту надлежит буквально «знать все (*regum omnium peritum esse oportet*)»<sup>15</sup>.

Идеал поэта-полигистора подхватывает барокко и отчасти удерживает немецкое Просвещение, так что Державину опять-таки не надо было сильно углубляться, чтобы его воспринять. Георг Фридрих Майер, ученик Александра Баумгартина, в «Началах всех изящных наук» (1748–1750) рекомендует поэту овладеть как можно большим кругом знаний: «Кто достаточно владеет этими науками, тот обладает бесконечно многими материалами, из которых он может составлять новые здания своих вымыслов»<sup>16</sup>.

Неожиданным выглядит, пожалуй, применение этого топоса к лирике – но мы уже отметили, что развивающаяся теория лирики втягивает в свой круг идей топосы, которые нам уже кажутся чуждыми этому поэтическому роду.

### **Барокко**

Еще одна связка понятий, важная для понимания державинской теории, – удивление и остроумие. Она не вполне очевидна, поскольку об удивлении Державин говорит многократно, а об остроумии – редко. Вот что говорится об удивлении: «лирическое высокое» «приводит в восторг и удивление» (с. 536); использовав знание различных наук, поэт будет «удивлять достойней»<sup>17</sup>; «в духовной оде удивляется поэт премудрости создателя», «в героической оде восхищенный лирик удивляется или сорадуется душевным и телесным качествам прославляемого им героя...»<sup>18</sup>; одно из «отличительных свойств» оды – «ужас и удивление могуществу» (с. 518); «разнообразие» в лирике («в картинах и чувствах», «в слоге и украшениях») «поражает и удивляет слушателей» (с. 540).

Наконец, с чувством удивления связано само происхождение лирической поэзии: «Человек, из праха возникший и восхищенный чудесами мироздания, первый глас радости своей, удивления и благодарности должен был произнести лирическим воскликновением» (с. 516–517).

Лишь в одном, но чрезвычайно важном месте удивление связано с остроумием (собственно, с «остротой ума»). Рассуждая об «оде смешенной», где «стихотворец может говорить обо всем», «похваляя героя, прославлять бога; описывая природу, проповедовать нравоучение и проч.», Державин объясняет: «Разность предметов производит разнообразие и рождает изобилие, показывает остроту ума как молнию, от одного края неба до другого мгновенно устремляющуюся, что возбуждает удивление»<sup>19</sup>.

«Острота ума» – и есть способность «разностью предметов» «возбуждать удивление». Мы оказываемся в самом центре литературной теории барокко, для которой удивление / изумление, вызванное остроумной метафорой (понимаемой как сопряжение далеких друг от друга вещей), – высшая цель творчества. Эта идея

развивается во многих барочных трактатах; достаточно будет привести несколько выдержек из самого фундаментального – «Подзорной трубы Аристотеля» Эмануэле Тезауру: «метафора: это слово изумляющее, разум быстро проницающее, один предмет через другой объясняющее»; «изо всех имеющихся [фигур] она и самая удивительная, благодаря неожиданности остроумных Сопряжений; когда неожиданность исчезнет, пропадет и все достоинство Концепта, и вся сила Метафоры...»; «Возвышенность всегда рождает Изумление, а Изумление рождает Восторги»; «для удачного и Остроумного Подражания самое необходимое это толика новизны, иначе не достигнешь идеала Изумления»; «самая первая Новизна, как ты уже из вышесказанного можешь догадаться, чревата Изумлением; Изумление чревато Восхищением...»<sup>20</sup>

Слово «метафора» в терминологии Державина, стремящегося все поэтические понятия выразить русскими словами, отсутствует; метафоре в целом соответствуют «сравнение и уподобление», посредством которых поэзия «сравнивает два предмета чувственным образом между собою, или вдруг решительно их друг другу уподобляет» (с. 563).

Характерно, что «сравнение» производится «вдруг решительно» – и в других местах Державин подчеркивает его быстроту, внезапность, неожиданность, «нечаянность»: «Внезапное же совокупление всех далеких и близких лучей, или околичностей, к одной точке есть верх искусства»<sup>21</sup>; «быстрое парение мыслей» «приводит в восторг и удивление» (с. 522); все «разнообразия» лирической поэзии должны «вдруг» разрешаться «какою неожиданною нечаянностию, приводящей в восторг и удивление» (с. 541).

Внезапностью, неожиданностью отмечена метафора и у барочных теоретиков – у Тезауру эта внезапность передается образом молнии: «Представь, что к одному понятию другое добавляется, из того же слова добытое, и дивным светом первое озаряет, так что будто бы быстрая молния пробежит в разумении твоем, и новизна пробудит в душе Изумление...»<sup>22</sup>

Этот образ возникает и в трактате Державина: «Священная Ода... быстротою, блеском и силою своею, подобно молнии объемля в единый миг вселенную, образует величие Творца. Когда сверкает в небесах, тогда же низвергается и в преисподнюю; извивается, чтобы скорее цели своей достигнуть; скрывается, чтобы

ярче облистать; прерывается и умолкает, дабы вновь внезапно и с вящим явившись устремлением, более звуком и светом своим удивить, ужаснуть, поразить земнородных» (с. 518).

Барочное остроумие – стремительный, подобный молнии, облет разумом мира («быстрое парение мыслей», объемлющее «в единый миг вселенную» у Державина), изумляющий читателя. Этот мотив мгновенного полета (а вернее, облета) объединяет Державина и барочных теоретиков. «Философствовать, – пишет Тезауру (имея в виду “остроумное” философствование), – это не что иное, как облетать умственно все категории (volar con la mente per tutte le Categorie)»<sup>23</sup>. Еще яснее этот мотив выражен у английского поэта Уильяма Давенанта, который в предисловии к поэме «Гондеберт» (1651) дал остроумию следующее определение: «Остроумие – не только удача и труд, но также ловкость разума, который с невообразимой быстротой (...) облетает мир и возвращается назад, к памяти, доставляя ей свои универсальные обзоры»<sup>24</sup>.

Как и в вышеописанных случаях, Державин связывает с лирикой топос, имевший в барочной теории более широкий диапазон использования. Правда, в применении к лирике концепта «удивления / изумления» Державин имел европейских предшественников. Так, Иоганн Кристофф Готшед полагал (как и Державин), что в хвалебных одах (Loboden) «восхищение и удивление (Bewunderung und Erstaunung) овладевают поэтом», подсказывая ему «новые образы, мысли и выражения...»<sup>25</sup> Позднее Эшенбург замечает, что ода требует чудесного, нового, неожиданного (Unerwartete), изумляющего (Überraschende)<sup>26</sup>. То же место у Державина, где говорит-ся «о первом гласе» человека как «лирическом воскликновении»<sup>27</sup>, исполненном «радости (...), удивления и благодарности», почти буквально взято из Баттё (видимо, редкий для Державина случай прямого заимствования), также отмечающего момент «удивления» в первом лирическом высказывании человека: «Первым восклицанием человека, выходящего из небытия, было лирическое выражение (une expression lirique)... Этот крик был одновременно криком радости, восхищения (admiration), удивления (étonnement), благодарности; он был вызвал множеством идей, поразительных и самих по себе, и вследствие их новизны»<sup>28</sup>.

Как видим, понятие «удивления» (восходящее к Аристотелю, присутствующее в ренессансной поэтике<sup>29</sup>, но получившее статус поэтологической доминанты именно в поэтиках барокко) было введено в теорию лирики до Державина. Что касается второго члена интересующей нас связки – концепта «остроумия», то нам не удалось обнаружить его (тем более в соединении с идеей «удивления») в европейской теории лирики XVIII в.: возможно, это чисто державинский мыслительный ход.

### *Теории оды в XVII–XVIII вв.*

Идеальной моделью лирики для Державина была, конечно, ода – и не только для него, но и для многих теоретиков эпохи (Гердер практически не различает оду и лирику). Что же Державин берет из теории одического жанра, которая весьма интенсивно развивалась в XVII и XVIII столетиях?

Весьма краткое обсуждение оды во 2-й песни «Поэтического искусства» Буало содержит, по сути, три идеи: 1) высокость – ода, «поднимая до небес свой честолюбивый полет, в своих стихах ведет беседу с богами»; 2) разнообразие предметов – идея, переданная косвенно, посредством перечисления отдельных одических тем, весьма разнородных; 3) знаменитый «прекрасный беспорядок» (*beau désordre*), возникающий вследствие того, что «бурный стиль» оды часто «двигается наудачу (*marche au hasard*)»; и все же «прекрасный беспорядок» возникает не случайно, но является следствием искусства (*un beau désordre est un effet de l'art*).

Первые две идеи принимались лишь с небольшими расширениями, без особых обсуждений; третья же породила целую теорию об особом порядке, присущем оде.

Высокость оды связывается с категорией возвышенного, которая понималась в духе трактата Псевдо-Лонгина «О возвышенном», весьма читаемого в эту пору (благодаря французскому переводу Буало, а в России – переводу И.И. Мартынова). Готшед, говоря о «патетическом роде письма», свойственном прежде всего оде, отмечает, что именно «в этом роде письма (*Schreibart*) нередко находит место возвышенное (*Hohe*), о котором Лонгин написал целую книгу»<sup>30</sup>.

Приведем, в качестве типичного, суждение об оде Эшенбурга: ей присущи «более высокие [чем в песне, *Lied*] предметы, более сильные чувства, более высокий полет мыслей и выражений»<sup>31</sup>. Этот эшенбурговский «полет» (*Schwung*), конечно, восходит к «полету» (*vol*) Буало. В этот ряд следует поставить и высокий «полет» у Державина: «Высокость, или выспренность лирическая, есть не что иное, как полет пылкого, высокого воображения...» (с. 536).

В отношении разнообразия одических предметов теоретики практически единодушины: «Все предметы приличествуют оде, духовные, нравственные, возбуждающие любовь, военные и тому подобные...» (Даниэль Георг Морхоф)<sup>32</sup>; «материи, которые могут наличествовать в оде, почти неисчислимы» (Готшед)<sup>33</sup> и т.д. Штюрмер Генрих Вильгельм фон Герстенберг переносит топос разнообразия с оды на широко понимаемую «песню» (*Lied*). Задаваясь вопросом, «что может быть воспето?», он отвечает длинным перечислением предметов, а затем суммирует его следующим образом: «одним словом, почти все принадлежит к области песни»<sup>34</sup>.

Есть этот топос и у Державина. В кратком очерке истории лирики он отмечает: когда «из собраний народных перешло песнопение и в круги семейств», «там воспевалось все житейское», – далее следует небольшой перечень предметов (с. 520). Что же касается оды, то Державин оставляет множественность тем для одной (но едва ли не самой им любимой) из ее разновидностей – «оде смешенной»: «в ней одной стихотворец может говорить обо всем»<sup>35</sup>.

Идея «прекрасного беспорядка» также взята на вооружение Державиным; однако ее обсуждение занимает у него гораздо больше места, чем у Буало. Приведем общий ход державинской мысли. «Беспорядок лирический» возникает из-за того, что «восторженный разум не успевает чрезмерно быстротекущих мыслей расположить логически. Поэтому ода плана не терпит». Однако этот беспорядок мнимый, ибо за ним скрыт некий тайный порядок: этот «беспорядок правильный», ибо «между периодов... находится тайная связь». Почему же эта связь – тайная? «Лирик в пространном кругу своего светлого воображения видит вдруг тысячи мест», которые он должен пропустить или совместить «в одну совокупность», чтобы скорее долететь до своего предмета (с. 538–539).

Итак, эффект «лирического беспорядка» возникает из-за пропусков и «сочинений», которые вызываются «быстрою» лирического «полета»; но на самом деле в этом беспорядке есть «тайная связь». Таково, по сути, державинское толкование на не слишком понятный «прекрасный беспорядок» Буало.

Державин был далеко не единственным поэтом, кто пытался не просто заимствовать у Буало идею лирического (одилического) беспорядка, но и прояснить ее смысл, теоретизировать ее. Первым в ряду толкователей «прекрасного беспорядка» следует назвать Ш. Баттё, из которого Державин напрямую заимствовал некоторые идеи и выражения<sup>36</sup>.

В «Курсе изящной словесности» Баттё посвящает «беспорядку оды» небольшую главу, объясняя его как представление «вещей внезапно и без подготовки (brusquement et sans préparation)» или как расположение вещей «в порядке, который для них неестественен». «Беспорядок» служит для того, чтобы «разнообразить, оживлять, обогащать предмет»; но тому же служит и «прыжок» («écart»), которому тоже посвящена небольшая глава. Прыжок – «род пустоты между двумя идеями, которые не имеют между собой непосредственной связи. Известно, сколь быстр дух. Когда дух разгорячен страстью, эта быстрота возрастает неизмеримо. Пылкость гонит мысли, торопит их. И поскольку невозможно все их выразить, поэт схватывает лишь наиболее замечательные, выражая их в том порядке, в каком они находились в его душе, не выражая те [мысли], которые служили им для связи...»<sup>37</sup>

В рассуждении о «перескоке» (аналог термина «écart» у Баттё) Державин варьирует это рассуждение (используя, видимо, русский перевод Д. Облеухова): «Перескок» – «промежуток между понятиями, когда не видно между ими надлежащего сопряжения. Дух наш сам по себе быстр; но когда еще разгорячен какою страстию, то стремительнее бывает. В жару мысли теснятся, летят и как всех их вдруг высказать не можно, то некоторые из них не договариваются, или пропускаются; а важнейшие токмо как бы выпорхивают в таком порядке, в каком находились в кругу нашего воображения, оставляя прочие без примечания, кой могли бы служить им связью» (с. 553).

Отметим, что в этот весьма точный пересказ Баттё Державин вводит свою личную сигнатуру – столь любимый им образ тесноты («мысли теснятся»).

Итак, беспорядок оды вызван быстротой нашего духа, которая усиливается в жаре страсти: отсюда – внезапность, нарушения естественного порядка вещей, прыжки, пропуски связей между идеями. Так – у Баттё и у следующего за ним Державина. Однако они не были одиноки в этих идеях. Уже Готшед, за два десятилетия до Баттё, пишет о «патетическом» (по сути, одическом) «роде письма»: «Он следует пылкой необдуманности, которая царит во всех чувствах и не оставляет времени выучить то, что он [поэт] хочет сказать. Кажется, что он [этот род письма] больше мечет громы и молнии, чем говорит (*mehr zu donnern und zu blitzern als zu reden*)...»<sup>38</sup> Оде присущ «отрывистый, краткий способ выражения»; в ней неуместны «связующие слова (*Verbindungswörter*)»; «она начинает каждую строфиу, так сказать, с прыжка»<sup>39</sup>. Готшед предвосхищает и мотив «пропуска связей», и мотив «прыжка»: его «*Sprung*» синонимичен «*écart*» у Баттё.

Характерно, что рассуждение Готшеда завершается цитатой из Буало – строкой про «прекрасный беспорядок»: Готшед мыслит свой текст как научное обоснование тезиса Буало.

Обратим внимание, однако, на мысль Державина, которой нет ни у Буало, ни у Баттё: беспорядок оды – мнимый; на самом деле в ней имеется скрытый порядок, или «тайная связь», как выражается Державин. Откуда взялась эта идея?

Немецкие теоретики, толковавшие тезис Буало о «прекрасном беспорядке» оды, корректировали его, говоря о мнимости этого беспорядка. «Лирический беспорядок (*lyrische Unordnung*)» «скорее видимость, нежели действительность», поскольку «порядок и ряд мыслей» все-таки не случайны, а определяются «вдохновенной фантазией», – пишет Эшенбург<sup>40</sup>.

Существует особый «порядок», определяемый «законами» фантазии; именно таков «порядок» лирики, который неверно воспринимается нами как беспорядок. Этот тезис – следствие попыток вывести литературные роды из типологии «связи идей»: каждый род «связывает идеи» по-своему. Такой подход вдохновлялся популярной в XVIII в. ассоциалистской психологией: она трактовала человеческое сознание как совокупность идей, связанных

между собой ассоциациями, которые возникают по разным причинам – в силу смежности, сходства, контраста, причинной связи вещей, соответствующих данным идеям, и т.д.

Немецкие поэтологи пытались применить ассоциалистский подход к теории родов. Так, в весьма необычной теории Иоганна Якоба Энгеля («О действии, разговоре и повествовании», 1774; «Начала теории поэтических родов, развитой на основе немецких образцов», 1783) «дидактический род» соответствует причинно-следственной связи идей; «описательный род – пространственной связи (т.е. связи в пространстве частей, образующих целое); «лирический род» – связи «по закону фантазии». Что это за закон, Энгель не объясняет: ясно лишь, что поэт «просто рассыпает свои чувства, по мере того как они одно за другим развиваются в его душе»<sup>41</sup>.

Определить этот загадочный «закон фантазии» попытался Моисей Мендельсон, который также использовал ассоциалистский метод, но предметом рассмотрения выбрал одну лишь лирику. По его мнению, существует три типа связи: 1) реальная связь (Real-verbindung) вещей, соответствующая их расположению в окружающем нас мире; 2) каузальная связь; 3) связь «через общность признаков» – именно эту связь использует воображение, она же лежит в основе лирики. В лирике поэт, движимый стремлением к соучастию, сочувствию (Teilnehmung), переходит от идеи к идее по принципу «общности признаков» и руководствуясь некой «главной идеей». При этом «лирический поэт должен умолчать обо всех побочных идеях, которые затмеваются в более сильном свете главной идеи... Отсюда прыжки (Sprünge), внезапные переходы, скрытый порядок»<sup>42</sup>.

Мендельсон подводит психологическую основу под те признаки лирической поэзии (оды), которые уже давно привлекали внимание поэтологов – в том числе и Державина, сказавшего о лирическом вдохновении: в нем «нет ни связи, ни холодного рассуждения» (с. 522).

### *Лирика как род: Топика чувства, сердца, выражения*

Баттё выделил три литературных рода на основе присущих им индивидуальных «красок» (couleur): краска лирического рода – «опьянение чувства» (l’ivresse du sentiment), краска эпоса –

повествование, драмы – действие<sup>43</sup>. Предметом лирики оказалось чувство, а действием лирики – выражение (в дальнейшем уже немецкими теоретиками противопоставляемое аристотелевскому подражанию). При этом старое представление о поэзии как «говорящей живописи» было потеснено иной интермедиальной параллелью: лирика не изобразительна, но выразительна – как музыка, с которой она разделяет идеал «выражения чувства»: «Музыка – выражение сердечных чувств посредством неартикулированных звуков, музыкальная поэзия, или лирика, – выражение тех же чувств посредством артикулированных звуков, или, что то же самое, слов»<sup>44</sup>.

Идея, что лирика должна «выражать», кажется нам банальной – но она нова для литературной теории XVIII в. (до этого лирика, понимаемая как жанр, а не род, скорее «двигала, возбуждала» чувства – по модели риторического «товореге»), хотя появляется и до Баттё: если брать немецкую традицию, то о «выражении чувств» поэтом весьма последовательно говорит уже Готшед.

К диаде «чувство – выражение» следует добавить и постоянно фигурирующий в текстах эпохи топос «сердца»: сердце поэта переполнено чувствами, он изливает их. «Сердце поэта чувствует, что оно вдохновлено живой радостью или раздираемо сильной скорбью. Он решает воспеть свой восторг или свою боль. Естественное решение: ибо чувство стремится себя излить», – пишет в своих комментариях к Баттё его переводчик Иоганн Адольф Шлегель<sup>45</sup>.

Выдвигая понятие «чувства» применительно к лирике на первый план, Баттё пересматривает и традиционное аристотелевское представление о единстве произведения. Аристотель знает лишь принцип единства действия; такое единство у Баттё оставляется лишь эпопеи и драме. «В оде должно быть единство чувства, как в эпосе и драме – единство действия»<sup>46</sup>. Ему вторят, с некоторыми вариациями, немецкие теоретики. Необходимое «требование» к оде, по Эшебургу, – «единство предмета оды и вызываемого им основного чувства (Hauptempfindung) в душе поэта»<sup>47</sup>.

Любопытно, что мысль об особом, интериоризированном единстве лирического стихотворения удержат романтики, хотя по-своему ее варьируя: по Новалису, «в настоящем стихотворении нет иного единства, кроме единства души (die Einheit des

Gemüts)»<sup>48</sup>; Гёльдерлин определит лирическое стихотворение как «продленную метафору чувства (fortgehende Metapher Eines Gefühls)»<sup>49</sup>.

Державин подхватывает всю эту триаду – топику чувства, выражения, сердца; и при этом, как и немецкие теоретики, но гораздо осторожнее, выводит лирику из области подражания: «она не есть, как некоторые думают, одно подражание природе, но и вдохновение оной, чем и отличается от прочей поэзии» (с. 517). Однако лирика не становится у Державина и выражением! Лирика понята как «изображение» (но не выражение) «всех чувств сердца человеческого» (с. 516).

Чувство – объединяющее начало разных лирических жанров: «В песне господствует полное, живое чувство, как и в оде, но только гораздотише, не с таким возвышением и распространением»<sup>50</sup>. Характерно, что, заимствуя у Горация его «*si vis me flere, dolendum est*», Державин расширяет его мысль именно топикой чувства: «чувствуй, и будут чувствовать; проливай слезы, и будут плакать» (с. 575).

Различение единства в лирике, с одной стороны, и в эпосе и драме – с другой, заимствовано Державиным из приведенного выше суждения Баттё: «Единство страсти, или одно главное чувство, в лирической песни, как в эпопее и драме единство действия, господствовать должноствует...» (с. 539).

Появляется у Державина, хотя и нечасто, идея «выражения»; но «выражение» у него – не выражение чувства, а скорее некая живописная выразительность: так, ода «печатается только о богатстве, высокости мысли и яркой выразительности» (с. 609).

### Доминанта державинской концепции

Итак, мы находим у Державина целый ряд поэтологических топосов разных эпох, сведенных в единой конструкции применительно к лирике. Сам метод его работы, преимущественно консолидирующий, соединительный, принципиально отличается от метода рассуждения о лирике у европейских теоретиков второй половины XVIII в. Последним очень важно определить лирику именно по-новому – связать ее с узким кругом относительно новых поэтологических концептов (выражения, музыкальности и т.п.)

и тем самым, по сути, использовать теоретический дискурс о лирике для разделения «старого» и «нового» в поэтике.

Вот почему у европейских теоретиков доминирует разделительная стратегия: лирика – выражение, но никак не изображение; музыкальное, но никак не живописное; сердце и чувство, но не мысль, и т.п. Приведем два примера такой разделительной стратегии. Иоганн Адольф Шлегель разделяет «поэзию живописи (Poesie der Malerey)» и «поэзию чувства (Poesie der Empfindung)»; первая отображает внешнее (она «говорит глазу»), вторая – внутреннее (она «говорит сердцу – redet ins Herz»)<sup>51</sup>. Лирика, разумеется, относится ко второй категории. Сходное разделение проведено, много позднее, Фридрихом Шлейермахером в «Лекциях по эстетике» (1819). Шлейермахер находит в искусстве два основных принципа – музыкальное выражение и миметическое изображение; в соответствии с ними он делит словесное искусство на музыкальное (или субъективное) и пластическое (или объективное): «Лирическое, в качестве музыкальной поэзии, полностью заполняет собой одну сторону этой двойственности; эпическое и драматическое, в качестве изображающих искусств, образуют другую сторону»<sup>52</sup>.

Державин мало озабочен подобного рода категорическими разделениями: даже три литературных рода соединены у него топикой «чувства и сердца», которая, правда, по-разному в них претворяется. Создается впечатление, что в свою теорию лирики он просто стремится включить как можно больше поэтологических идей различного происхождения.

Не приводит ли это к эклектике? На мой взгляд, Державин проводит свою соединительную стратегию все-таки весьма избирательно – хотя бы потому, что очень ясно выражает доминанту своей теории, а потому и не включает в свой текст идеи, которые бы ей противоречили.

Прежде чем сформулировать эту доминанту, обратим внимание на одну странность трактата. В нем много говорится о «чувстве», в нем появляется и слова «выражение», «выразительность»; но столь важная для европейской теории лирики идея «выражения чувств» появляется лишь в относительно второстепенных контекстах<sup>53</sup>, и ни разу – в ключевых определениях лирики!

Лирика у Державина – не «выражение», но «изображение» или «представление»: «изображение» «всех чувств сердца человека»

ческого» (с. 516); слова «изображать», «изображение» повторяются многократно и в самых ключевых определениях. Появляются и слова «представлять», «представление»: «Песни представляют чувства или страсти сердца, приводящие душу в движение»<sup>54</sup>; лирическая высокость «состоит в живом представлении веществ» (с. 536).

Мы видели, что важной точкой схождения Державина с современной теорией лирики было то, что мы назвали топикой чувства и сердца: в лирике господствует чувство, она – «разговор сердца» (с. 570)<sup>55</sup>. Но дальше пути Державина и европейской теории расходятся. Начиная по крайней мере с Баттё, связавшего лирику с музыкальным модусом выражения, теория лирики именно в музыке будет видеть идеальную модель этого рода, отрицая значение для лирики внешней изобразительности: по определению Вильгельма Хейнзе, «поэзия [имеется в виду именно лирическая поэзия. – A. M.] должна иметь дело только с невидимым»<sup>56</sup>. Не случайно именно в этот период в поэтике возникает своеобразный «антипикториализм» (выражение Кэвина Берри<sup>57</sup>), состоящий в том, что живописи, осознанной как неповоротливое, статичное искусство, предпочитается музыка с ее гибкостью, изменчивостью и прочими качествами, свидетельствующими о ее способности передавать все оттенки душевной жизни.

Основы понимания лирики как «другой музыки» опять-таки заложил Баттё, описавший лирическую поэзию как «пение, вызывающее радость, восхищение...», и заявивший: «Я совсем не вижу в ней картины, живописи. В ней все – огонь, чувство, опьянение»<sup>58</sup>.

Совсем иначе обстоит дело у Державина. О связи поэзии и музыки у него говорится лишь в одном разделе, где обсуждается «сладкогласие или сладкозвучие» (по сути, всего лишь звукоподражание в поэзии); зато мысль о живописности лирики, о ее способности изображать картины пронизывает весь трактат, начиная с переноса на лирику топоса поэзии как говорящей живописи. «Живые картины» (с. 548), создаваемые лириком, упоминаются постоянно: поэт «старается выставить разные картины» (с. 540), «лирическое высокое» состоит «в беспрестанном представлении множества картин и чувств блестящих» (с. 536); в дифирамбе

нужно, чтобы «картины, которые, кажется, никакого сношения между собою не имеют, толпами теснились» (с. 579).

Различие выступает особенно явно, если сравнить Державина с ранним Гердером. Последний судит разделительно: «Сущность песни – пение, а не картина (*Gesang, nicht Gemälde*)»; «песня должна быть услышана, а не увидена»<sup>59</sup>. Державин же и в «русских древних народных песнях» находит «картины» (с. 606).

Если многие европейские теоретики, в духе выщечитированного Хейнзе, полагали, что лирика должна иметь дело «только с невидимым», то Державин стремится удержать в ней живописный компонент, зримость. Другое дело, что у Державина этот живописный компонент ставится в связь с «чувством» поэта – позволяет это незримое чувство изобразить. Задача лирики – представить невидимое через видимое; «неизвестный или невидимый предмет представить через видимый въявь...» (с. 563). В то же время эти «картины» могут существовать, не теряя своей зримости, и в одном лишь воображении лирика, который именно в воображении «видит вдруг тысячи мест» (с. 538).

Итак, лирика у Державина лишь в малой и ограниченной мере музыкальна, но зато всецело живописна: «картины» – ее главное выразительное средство; правда, картины интериоризированные, освоенные и присвоенные чувством. Центральное место «картины» в системе лирической выразительности видно из следующей примечательной формулировки: «В превосходных лириках всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выражение» (с. 522). Слово и мысль должны стать «картиной» – лишь тогда, став зримыми, они могут стать чувством и выражением. Державин не говорит: «выражать чувство», но переворачивает это уже ставшую привычной европейскую формулу: «чувство» для него и есть «выражение». В самом деле: «чувство», по Державину, уже запечатлено в «картине», а потому выразительно.

Были ли у Державина единомышленники среди европейских теоретиков лирики? Таковым мне представляется, как ни странно, Гердер – тот самый Гердер, который так последовательно разрабатывал теорию лирики именно на основе музыкальной модели, определяя лирическую поэзию как «музыку души».

Однако в некоторых поздних работах он стремится построить теорию лирики на основе идеи антропологической равнозначности двух базовых чувств – зрения и слуха: «Глаз и ухо, самые тонкие чувства нашей природы, органы всего приятного, привлекательного и прекрасного, являются, как мне кажется, в их счастливом соединении, прародителями лирической поэзии»<sup>60</sup>.

Называя метафоры, которыми в поэтиках передают сущность лирики, Гердер упоминает «поток» и «полет». Последний (*Flug*) представлен в образах, напоминающих вышеупомянутое державинское описание «полета» священной оды («когда сверкает в небесах, тогда же низвергается и в преисподнюю» и т.д.): «Муза воспаряет и опускается, кажется, что заблудилась, но никогда не теряет путь, наконец, либо возвращается к месту, откуда она воспарила, либо исчезает в облаках – прекрасный образ для жанра (*Gattung*) оды, которая представляет собой вдохновенную живопись фантазии (*enthusiastische Gemälde der Phantasie*)». Тут же, двумя строками ниже, лирическая поэзия традиционно определена как «совершенное выражение чувства»; однако, как видим, это выражение воплощено живописными (*Gemälde!*), а не музыкальными средствами<sup>61</sup>.

Итак, лирика – живопись, но живопись фантазии; образ, но внутренний. Новаторскую работу по интериоризации понятия «образ» Гердер проделал в статье «Об образе, поэзии и басне» (1787), где высказана мысль, что уже акт зрения сам по себе – творческий процесс: «мы не просто видим, но создаем для себя образы»; образ на сетчатке глаза – «произведение твоего внутреннего чувства, художественная картина, создаваемая способностью твоей души к наблюдению». «Дух сочиняет (*der Geist dichtet*), наблюдающее внутреннее чувство (*bemerkende innere Sinn*) творит образы. Оно творит новые образы даже и тогда, когда предметы уже тысячекратно были восприняты и воспеты; ибо оно видит их собственными глазами, и чем вернее внутреннее чувство останется самому себе, тем своеобразнее оно соединит и опишет эти предметы»<sup>62</sup>.

Внешний предмет, образ, чувство в человеческом восприятии оказываются неразрывно переплетены – что приводит Гердера к формулировке, напоминающей державинское «уравнение» мысли, картины, чувства и выражения: «Предмет и образ, образ

и мысль, мысль и выражение... имеют между собой столь мало общего, что лишь посредством нашего восприятия... они начинают граничить друг с другом»<sup>63</sup>.

В этой же статье, когда заходит речь о лирике, возникает живописная метафора: лирическая поэзия, особенно ода, – «прекраснейшая живопись человеческой речи (*schönste Gemälde der menschlichen Sprache*)»<sup>64</sup>. С этим Державин не мог бы не согласиться.

Заимствуя из современной лирической теории топику чувства, сердца и выражения, Державин не принимает установку на музыкальную модель. Лирик, в его трактовке, не выражает чувства невидимо-музыкально, но изображает их живописно, посредством «картин» – не реальных, но существующих в его «светлом воображении». Таким пониманием лирики объясняется, на наш взгляд, и план Державина сопроводить свои лирические стихотворения изображениями, оставшийся неосуществленным при жизни поэта, но отчасти реконструированный Я.К. Гротом в его Собрании сочинений Державина. Этот план визуализации, кажущийся для начала XIX в. чем-то архаичным, принято связывать с эмблематической традицией, которую Державин якобы запоздало подхватил. Но не будет ли вернее и исторически точнее связать замысленные Державиным словесно-визуальные композиции с той линией в теории лирики, которую представляет поздний Гердер и сам Державин? Тогда этот замысел можно истолковать как попытку эксплицировать визуальный момент, который присущ лирике по самой ее природе – если, конечно, понимать ее как «вдохновенную живопись фантазии» (Гердер) или как «беспрестанное представление множества картин» (Державин).

<sup>1</sup> Согласно А.В. Западову, Державин начал собирать материалы к трактату в 1807 г.; вплотную к тексту приступил, по-видимому, осенью 1809. – *Западов А.В.* Работа Г.Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // XVIII век. – СПб.: Институт русской литературы РАН, 1986. – Т. 15. – С. 232–233.

<sup>2</sup> При жизни автора были напечатаны две первые части трактата и небольшие фрагменты из третьей. Третья и четвертая части опубликованы А.В. Западовым в 15-м и 16-м томах сборника «XVIII век» (1986, 1989).

<sup>3</sup> *Западов А.В.* Цит. соч. – С. 245.

- <sup>4</sup> Первые две части трактата цитируются по изд.: Сочинения Державина: В 9 т. / С примеч. и предисл. Я.К. Грота. – Т. 7. – СПб.: изд. Имп. Акад. наук, 1872. Страницы указываются в скобках, при цитате. 3-я и 4-я части цитируются по публикации А.В. Западова.
- <sup>5</sup> Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 3-я // XVIII век. – СПб.: Институт русской литературы РАН, 1986. – Т. 15. – С. 248.
- <sup>6</sup> Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я // XVIII век. – СПб.: Институт русской литературы РАН, 1989. – Т. 16. – С. 291.
- <sup>7</sup> Пристрастие Державина к словам «теснота», «тесниться», из которых он делает позитивные поэтические понятия (образы и должны «тесниться») невольно заставляют вспомнить тыняновскую «тесноту стихового ряда»: только у Тынянова «теснятся» слова, а у Державина – образы, «картины».
- <sup>8</sup> Dolce L. Osservationi nella volgar lingua (1550). Цит. по: Weinberg B. A history of literary criticism in the Italian Renaissance. 2 vol. – Chicago: Chicago University Press, 1961. – Vol. 1. – P. 127.
- <sup>9</sup> Цит. по: Lempicki S. von. Geschichte der deutschen Literaturwissenschaft bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. – Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1920. – S. 240.
- <sup>10</sup> Klopstock F.G. Gedanken über die Natur der Poesie (1759) // Texte zur Geschichte der Poetik in Deutschland / Hrsg. von H. G. Rötzer. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1982. – S. 285–286.
- <sup>11</sup> Eschenburg J.J. Die lyrische Poesie (1783) // Lyriktheorie. Texte vom Barock bis zur Gegenwart / Hrsg. von L. Völker. – Stuttgart, Reklam, 1990. – S. 107.
- <sup>12</sup> Лозинская Е.В. Итальянская поэтика // Европейская поэтика от Античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель. – М.: Издательство Кулагиной – Intrada, 2010. – С. 116.
- <sup>13</sup> Herder J.G. Die Lyra. Von der Natur und Wirkung der lyrischen Dichtkunst (1795–96) // Lyriktheorie. Cit. ed. – S. 128.
- <sup>14</sup> Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 3-я // Цит. изд. – С. 279.
- <sup>15</sup> Цит. по: Weinberg B. Cit. ed.– Vol. 1. – P. 97.
- <sup>16</sup> Meier G.F. Anfangsgründe aller schönen Wissenschaften // Texte zur Geschichte der Poetik in Deutschland. Cit. ed. – S. 265–266.
- <sup>17</sup> Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 3-я // Цит. изд. – С. 279.
- <sup>18</sup> Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я // Цит. изд. – С. 291–292.
- <sup>19</sup> Там же. – С. 302.
- <sup>20</sup> Тезауро Э. Подзорная труба Аристотеля / Пер. Е. Костюкович. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 226, 201, 50, 91, 190.
- <sup>21</sup> Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я // Цит. изд. – С. 302.
- <sup>22</sup> Тезауро Э. Цит. соч. – С. 226.
- <sup>23</sup> Tesauro E. II Cannocchiale aristotelico. – Torino: Zavatta, 1670. – P. 107.

- <sup>24</sup> *D'Avenant W.* Gondibert: An Heroick Poem. – London: John Holden, 1651. – Р. 20.
- <sup>25</sup> *Gottsched J.Ch.* Von Oden oder Liedern (1730) // Lyriktheorie. Cit. ed. – S. 45.
- <sup>26</sup> *Eschenburg J.J.* Op. cit. – S. 108.
- <sup>27</sup> Державин хочет сказать, что лирический «глас» человека возник до речи или является его первой речью. Здесь он не оригинален: помимо цитируемого ниже Ш. Баттё эту мысль высказывает Ж.Ж. Руссо («первые речи были первыми песнями» – *Rousseau J.-J. Essai sur l'origine des langues... // Oeuvres complètes.* – Р.: Gallimard, 1995. – Vol. 5. – Р. 380), И.Г. Гердер (в трактате «О происхождении речи», 1770), Ф. Гемстгергейс.
- <sup>28</sup> *Batteux Ch.* Cours de belles lettres ou principes de la littérature. Nouvelle édition. – Francosfort: Bassompierre, 1755. – Т 3. – Р. 27.
- <sup>29</sup> См. о нем: *Лозинская Е.В.* Удивление. Admiratio как эстетическая категория в поэтиках эпохи Чинквеченто // Европейская поэтика от Античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель. – М.: Издательство Кулагиной – Intrada, 2010. – С. 429–437.
- <sup>30</sup> *Gottsched J.Ch.* Von der poetischen Schreibart (1730) // Lyriktheorie. Cit. ed. – S. 41.
- <sup>31</sup> *Eschenburg J.J.* Op. cit. – S. 106.
- <sup>32</sup> *Morhof D.G.* Von den Oden (1682) // Lyriktheorie. Cit. ed. – S. 34.
- <sup>33</sup> *Gottsched J.Ch.* Von Oden oder Liedern (1730) // Lyriktheorie. Cit. ed. – S. 43.
- <sup>34</sup> *Gerstenberg H.W. von.* Briefe über Merkwürdigkeiten der Literatur, 20 Brief // Lyriktheorie. Cit. ed. – S. 77.
- <sup>35</sup> *Державин Г.Р.* Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я // Цит. изд. – С. 302.
- <sup>36</sup> Некоторые заимствования Державина из Баттё отмечены уже в работе: *Машин А.* Эстетическая теория Баттё и лирика Державина // Вестник образования и воспитания. – Казань, 1916. – № 5–6.
- <sup>37</sup> *Batteux Ch.* Cours de belles lettres... Cit. ed. – Р. 19, 17.
- <sup>38</sup> *Gottsched J.Ch.* Von der poetischen Schreibart (1730) // Lyriktheorie. Cit. ed. – S. 41.
- <sup>39</sup> *Gottsched J.Ch.* Von Oden oder Liedern (1730) // Lyriktheorie. Cit. ed. – S. 45.
- <sup>40</sup> *Eschenburg J.J.* Op. cit. – S. 107.
- <sup>41</sup> Цит. по: *Scherpe Kl.* Gattungspoetik im 18. Jahrhundert. Historische Entwicklung von Gottsched bis Herder. – Stuttgart: Metzler, 1968. – S. 142–143, 156–157.
- <sup>42</sup> *Mendelssohn M.* Von der lyrischen Poesie (1777) // Lyriktheorie. Cit. ed. – S. 92.
- <sup>43</sup> *Batteux Ch.* Principes de la littérature. Nouvelle édition. – Paris: Desaint et Saillant, 1764. – Т 1. – Р. 246.
- <sup>44</sup> *Batteux Ch.* Cours de belles lettres ou principes de la littérature. Nouvelle édition. – Francosfort: Bassompierre, 1755. – Т 3. – Р. 6.
- <sup>45</sup> Lyriktheorie. Cit. ed. – S. 55.
- <sup>46</sup> *Batteux Ch.* Cours de belles lettres ou principes de la littérature. Nouvelle édition. – Francosfort: Bassompierre, 1755. – Т 3. – Р. 20.
- <sup>47</sup> *Eschenburg J.J.* Op. cit. – S. 107.

- <sup>48</sup> *Novalis. Schriften* / Hrsg. von P. Kluckhohn und R. Samuel: In 5 Bde. – Stuttgart: Kohlhammer, 1960–1988. – Bd 3. – S. 683 (N 656).
- <sup>49</sup> *Hölderlin F. Über den Unterschied der Dichtarten (1798–1800)* // Lyriktheorie. Cit. ed. – S. 148.
- <sup>50</sup> Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 3-я // Цит. изд. – С. 278.
- <sup>51</sup> *Schlegel J.A. Von dem höchsten und allgemeinsten Grundsatze der Poesie* // Hern Abt Batteux... Einschränkung der schönen Künste auf einen einzigen Grundsatz aus dem Französischen übersetzt und mit einem Anhange einiger eignen Abhandlungen versehen. 2 Aufl. – Leipzig: Olms, 1759. – S. 364–365.
- <sup>52</sup> *Schleiermacher F. Vorlesungen über die Aesthetik* / Schleiermacher F. Sämtliche Werke. – Berlin: Reimer, 1842. – 3 Abth., Bd 7. – S. 648.
- <sup>53</sup> В сравнении песен разных народов (с. 520) и в определении пеана (с. 577).
- <sup>54</sup> Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 3-я // Цит. изд. – С. 248.
- <sup>55</sup> Ср. у И.Г. Зульцера описание лирики как «чувствительного разговора с самим собой (empfindungsvollen Selbstgespräches)». – *Sulzer J.G. Lyrisch (1771–1774)* // Lyriktheorie. Cit. ed. – S. 84.
- <sup>56</sup> Цит. по: *Markwardt B. Geschichte der deutschen Poetik. Band 2: Aufklärung, Rokoko, Sturm und Drang.* – Berlin: Walter De Gruyter, 1956. – S. 638.
- <sup>57</sup> *Barry K Language, music and the sign. A study in aesthetics, poetics and poetic practice from Collins to Coleridge.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – P. 43–45.
- <sup>58</sup> *Batteux Ch. Cours de belles lettres ou principes de la littérature. Nouvelle édition.* – Francofort: Bassompierre, 1755. – T 3. – P. 2.
- <sup>59</sup> *Herder J.G. Volkslieder, Zweiter Teil. Vorrede (1778–1779)* // Lyriktheorie. Cit. ed. – S. 96–97.
- <sup>60</sup> *Herder J.G. Die Lyra. Von der Natur und Wirkung der lyrischen Dichtkunst (1795–96)* // Lyriktheorie. Cit. ed. – S. 120.
- <sup>61</sup> Ibid. – S. 127.
- <sup>62</sup> *Herder J.G. Über Bild, Dichtung und Fabel* // Texte zur Geschichte der Poetik in Deutschland / Hrsg. von H.G. Rötzer. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1982. – S. 319–322.
- <sup>63</sup> Ibid. – S. 319.
- <sup>64</sup> Ibid. – S. 323.

**В.Л. Коровин**

**ОБ ОДЕ Г.Р. ДЕРЖАВИНА «СЛАВА» (1810)  
И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИХ  
И РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДАХ  
НА КАНУНЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.**

***Аннотация***

Ода «Слава» входит в цикл духовных од Державина 1810 г. («Надежда», «Идолопоклонство», «Добродетель», «Истина»). Она направлена против Наполеона и текстуально перекликается с деловой запиской Державина «Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи» (1810). В обоих случаях он убеждает Александра I ограничиться обороной империи и отказаться от новых территориальных приобретений, апеллируя при этом к истории – к Плутархову жизнеописанию Александра Македонского. В статье также отмечается аллюзия на оду «Слава» в «Певце во стане русских воинов» В.А. Жуковского.

*Ключевые слова:* позднее творчество Державина, духовные оды, Библия, Александр I и Наполеон, Плутарх, Александр Македонский, Отечественная война 1812 г., В.А. Жуковский.

*Korovin V.L. On Derzhavin's ode «Glory» (1810) and his political and religious views on the eve of the Patriotic war of 1812*

*Summary.* Ode «Gloria» was included in the cycle of Derzhavin's spiritual odes 1810 («Hope», «Idolatry», «Virtue», «Verity»). It is directed against Napoleon and the text resonates with Derzhavin's business note «The dreams of the economic organization of the military forces of the Russian Empire» (1810). In both cases, he convinces Alexander I to limit defense of the Empire and to refuse the new territorial acquisitions, calling for history, to Plutarch's the biography of Alexander the Great. The article also notes the allusion to the ode «Glory» in «The Singer in the Camp of Russian Soldiers» by V.A. Zhukovsky.

Ода «Слава», написанная Державиным 24 июня 1810 г<sup>1</sup>., впервые была опубликована во время Отечественной войны в августе 1812 г.<sup>2</sup> и оказалась первым его выступлением в печати после вторжения Наполеона в Россию. Потом она еще дважды перепечатывалась при жизни поэта<sup>3</sup>, входила в посмертные собрания его сочинений<sup>4</sup> вплоть до «гротовского», но после этого уже никогда не переиздавалась и не вызывала интереса исследователей. Между тем эта ода заслуживает отдельного внимания хотя бы потому, что именно на нее, скорее всего, намекал В.А. Жуковский, обращаясь к Державину в «Певце во стане русских воинов», созававшемся в октябре 1812 г.:

*О старец! Да услышим твой  
Днесь голос лебединый;  
Не тщетной славы пред тобой,  
Но мщения дружины;  
Простерли не к добычам длань,  
Бегут не за венками –  
Их подвиг свят: то правых брань  
С злодейскими ордами<sup>5</sup>.*

Автор здесь как будто убеждает старшего поэта, что русские воины достойны похвалы, хотя тот нуждался в этом меньше, чем кто бы то ни было. Очевидно, перед нами аллюзия на многочисленные у Державина поэтические высказывания о тщетности земной славы (его подражание 48-му псалму так и озаглавлено: «На тщету земной славы», 1796), а конкретно – на оду «Слава», являвшуюся его последней публикацией ко времени сочинения «Певца во стане русских воинов». Вне зависимости от того, как понимать смысл этой аллюзии (как скрытую полемику или, напротив, как апелляцию к моральным принципам автора «Славы») и догадывался ли Жуковский, что ода была написана за два года до войны, ясно, что он расценил ее как не вполне соответствующую моменту и ждал, когда Державин прямо откликнется на текущие события.

Это произошло очень скоро: в том же октябре 1812 г. отдельной брошюрой вышла его ода «На парение орла», а в начале января 1813 г. – огромный (646 стихов) «Гимн лироэпический на прогнание французов из отечества»<sup>6</sup>. В них Отечественная война получила нравственную и религиозную оценку. Оправдывая «пути

Господни»<sup>7</sup>, Державин утверждал веру в Божественное правосудие и неизбежность победы «агнца» над «змием» («кротости» – над «коварством»)<sup>8</sup> и предрекал окончательное падение Наполеона и славу Александра I как умиротворителя Европы.

Ода «Слава», в которой противопоставлены не названные по имени беззаконный завоеватель и «добрый царь», имела антинар-леоновскую направленность и может рассматриваться в качестве некоего пролога к стихотворениям Державина об Отечественной войне 1812 г. с их духовной и политической проблематикой. Вместе с тем она была написана в совершенно других обстоятельствах и связана в первую очередь с думами и заботами поэта в 1810 г., с его одновременными ей произведениями.

\* \* \*

«Слава» относится к циклу духовных од Державина, сочиненных на Званке летом 1810 г.: «Надежда. К Ф.П. Львову» (15 июня), «Идолопоклонство» (27 июня), «Добродетель» (12 июля), «Истина» (21 июля) и четыре подражания Л. Козегартену – «Тоска души» (27 июня или июля?), «Явление» (28 июля), «Предвестие» (29 июля) и «Проблеск» (6 августа)<sup>9</sup>. Все они – в другом порядке – вошли в пятую часть «Сочинений» Державина (1816).

«Слава» и «Идолопоклонство», написанные с интервалом в два дня (24 и 27 июня), выделяются в их ряду наличием эпиграфов из Священного Писания, а также заметных (хоть и завуалированных) намеков на политическую злобу дня. В особенности это касается «Славы». В ней поэт с самого начала обращается не к простым смертным, а к «царям»:

*Еще ль, цари, вам имя громко  
Быть мнится славою прямой?  
Еще ль, мудрец, ее ты только  
Чтешь дыма блещущей струей?  
Признайтесь, – ваша мысль неправа;  
Уверьтесь истины в словах:  
Бессмертная, прямая слава  
Есть цепь цветущих вечно благ (III, 47).*

«Мудрец», советующий презирать любую славу, с точки зрения поэта, неправ, поскольку лишает человека сильнейшего побудительного мотива для деятельности на благо других людей. И он вдвойне неправ по отношению к царям, которые не могут и не должны безразлично относиться к мнению своих подданных, довольны они их правлением или нет, прославляют их или ненавидят. Другое дело, что «громкое имя» (историческая известность) еще не есть «прямая слава» (заслуженное одобрение современников и потомков). Ода Державина как раз и учит тому, что их следует различать.

«Слава» состоит из 14 восьмистишных строф и композиционно делится на две части: ровно по 6 строф (кроме вступительной и заключительной) отведено ложной славе и славе подлинной. Переход осуществляется в восьмой строфе:

*Но и хранящий строги нравы,  
Угрюмый доблестию муж,  
Не отревай совсем чувств славы  
И ты от любочестных душ.  
Всем смертным славолюбье сродно,  
Различен путь лишь и предмет...* (III, 49)

Известно, что мысли о славе человеческих деяний, в особенности посмертной, часто занимали Державина, в том числе мысли о собственной славе как поэта (достаточно вспомнить его «Памятник», 1795). И он то рассуждал, в чем состоит истинная слава (честь, величие, бессмертие в памяти потомков), то сокрушался об увядании земной славы от времени, об ее тщете перед лицом вечности (в этом не было большого противоречия, поскольку мысли о посмертной славе у него сопрягались с верой в бессмертие души и загробное воздаяние). Поэтические суждения о славе находятся во множестве его стихотворений – от ранних «Читалагайских од» (среди них в особенности ода «На великость») до последних стихов «Река времен в своем стремленьи...»<sup>10</sup> От оды с названием «Слава» можно было бы ожидать каких-то обобщений на эту тему, но посвящена она лишь одному определенному ее аспекту. О славолюбии, присущем всем смертным, и о различных путях к славе Державин здесь только упоминает, а на самом деле говорит *исключительно* о славе правителей и царей.

Ложной в оде показана слава завоевателя и «тирана», истинной – слава «доброго царя». В этих обобщенных образах легко узнаваемы демонизированный Наполеон и идеализированный Александр I:

*Что ж хвалишься во злобе, сильный,  
 Внутрь беззаконием и вне,  
 Коль ты, чрез слезы крокодильны,  
 Чрез токи крови на войне,  
 Чрез вероломства, бунты, яды,  
 Чрез святотатну неба честь,  
 Поверг престолы, храмы, грады  
 И мог царей всех выше сесть?  
 <...>  
 Возьмем же, в противоположность  
 Тирану, доброго царя,  
 Всю истощившего возможность,  
 Блаженство подданных творя:  
 Не зрим ли Гения в нем неба,  
 Блестяща радуги лучем,  
 В том – мрачна демона Эреба?  
 Тот сыплет свет, – сей вержет гром (III, 47, 50).*

Слава завоевателя обманчива, поскольку следующая за ним при жизни тайная ненависть побежденных после смерти обернется открытым поношением. И напротив, мирная слава царя, заботящегося о благе подданных и правящего с «кротостью» (которая упоминается почти во всех посвященных Александру I стихах Державина, начиная с сочиненного к его коронации «Гимна кротости», 1801), со временем только умножится, а кроме того, она больше по сердцу поэту:

*Виждь: тайно, мрачно днесь вздыханье  
 Вслед ходит всюду за тобой;  
 А завтра клятвы, восклицанье  
 На гроб твой гром повергнут свой. –  
 Кто ж замыслы исполнит страшны,  
 Чем мир поработить мнил весь?  
 Где блеск, где звук, где пышны брашны?  
 Ты был – и нет, – твой слух исчез!<sup>11</sup>*

<...>

...Но польза творцу чрез кротость, честность  
Звучней всех плеск принадлежит.  
Отец семейств, законодатель,  
Забрало от татей, коварств,  
Сохи, серна изобретатель –  
Бича славней, по правде, царств.

<...>

Гнусна убийц народов слава;  
Я тихой дорожусь молвой... (III, 48, 50)

Нельзя сказать, что в целом эти рассуждения слишком оригинальны. В.Г. Белинский имел некоторые основания назвать «Славу» в числе тех «резонерствующих од» Державина, в которых «все мысли столько же справедливы, сколько и стары и общи: их можно найти у любого плохого стихотворца того времени»<sup>12</sup>. Кроме того, эти «мысли» не новы и у самого Державина: они повторяются во многих его сочинениях, в том числе хрестоматийно известных. Ср.: «И славно ль быть тому тираном, / Великим в зверстве Тамерланом, / Кто благостью велик, как Бог? // Фелицы слава – слава Бога, / Который браны усмирил; / Который сира и убога / Покрыл, одел и накормил...» («Фелица», 1782; I, 146); «Блажен, когда, стремясь за славой, / Он пользу общую хранил, / Был милосерд в войне кровавой / И самых жизнь врагов щадил: / Благословен средь поздних веков / Да будет друг сей человеков! / Благословенна похвала / Надгробная его да будет, / Когда всяк жизнь его, дела / По пользам только помнить будет; / Когда не блеск его прельщал / И славы ложной не искал! <...> Не лучше ль менее известным, / А более полезным быть...» («Водопад», 1791; I, 471–472); «Но ты, о зверских душ забава! / Убийство! – я не льщусь тобой, / Батыев и Маратов слава / Во ужас дух приводит мой; / Не лучше ли мне быть забвенну, / Чем узами сковать вселенну? <...> Мне добрая приятна слава; / Хочу я человеком быть...» («Мой истукан», 1794; I, 609–611).

Примеры, подтверждающие, что в оде «Слава» Державин переложил на новый лад то, что прежде уже неоднократно высказывал, нетрудно умножить. Вопрос в том, с какой целью он это сделал в данном случае? И почему ограничился не самым душеполезным для простых читателей рассуждением о славе венценос-

цев, притом прозрачно намекая на Александра I и Наполеона и подчеркивая их антагонизм, хотя формально они тогда были союзниками? Ответ на это кроется в историческом и биографическом контексте оды.

\* \* \*

В июне 1810 г. через Великий Новгород проезжала великая княгиня Екатерина Павловна со своим новым супругом герцогом Ольденбургским. По этому случаю Державин тогда же сочинил стихотворение «Шествие по Волхову российской Амфитриты» (III, 37). При дворе она возглавляла консервативную партию противников реформ М.Н. Сперанского, которой поэт горячо сочувствовал, а также была особенно враждебно настроена против Наполеона, в том числе по личным мотивам: осенью 1808 г. он делал предложение о браке с нею, возмущившее русскую общественность и, в частности, побудившее Державина сочинить в 1809 г. трагедию «Евпраксия», в которой хан Батый домогался руки русской княжны<sup>13</sup>.

Весной 1810 г. Наполеон, после вторичной безуспешной попытки породниться с российским императорским домом (вторично он сватался к великой княгине Анне Павловне), заключил брак с австрийской принцессой, и отношения его с Александром I стали все больше портиться. Противники Тильзитского договора 1807 г. (в их числе был и Державин) надеялись, что навязанные Наполеоном соглашения и союз с ним будут разорваны, и к середине 1810 г. эти надежды окрепли. В то же время Наполеон, казалось, находился на вершине своего могущества. В мае и в июне 1810 г. русские журналы сообщали о победах французов в Испании, о торжествах в разных частях Европы по случаю брака французского императора и т.п.<sup>14</sup> Все это не могло не беспокоить Державина, который видел в Наполеоне угрозу для России (и не напрасно, как показало время). Как человек государственный, хоть и давно отставленный со службы, он, конечно, имел свои соображения о том, что сейчас следует делать Александру I, и искал способы довести их до его сведения. Визит Екатерины Павловны в Новгород представлял удобный для этого случай.

Скорее всего именно ко времени этого визита, к июню 1810 г., Державин подготовил на высочайшее имя проект «Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи» (VII, 439–464), в котором предлагал переорганизовать вооруженные силы и сделать определенные «генеральные распоряжения». В целом эту записку Я.К. Грот датировал 1807–1810 гг., но предисловие к ней – 1810 г., поскольку на полях его черновой рукописи упоминается издание «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха в переводе С.Ю. Дестуниса, вышедшее в 1810 г. (VII, 440)<sup>15</sup>.

Это предисловие текстуально перекликается с написанной 24 июня 1810 г. одой «Слава».

Предваряя свои конкретные предложения о принципах комплектования армии, ее снабжении и т.п., Державин красноречиво доказывал, что Александру I следует оставить экспансионистские замыслы и при переустройстве военных сил думать исключительно об укреплении обороны империи. Он убеждал императора, что России не нужны новые территориальные приобретения, что все уже сделано его предшественниками на троне, что ему «остается... только утвердить сие обширное здание непоколебимыми столпами», предупредив «ненасытных кровопийц, каковы суть Бонапарты, честолюбивые и дальновидные замыслы повелевать Европою или всем светом» (VII, 442). В то время когда к России только что (в 1809 г.), с одобрения Наполеона, была присоединена Финляндия и шла русско-турецкая война, такие суждения являлись выражением оппозиции правительству и звучали довольно остро. Желая убедить царя в своей правоте, Державин апеллировал к урокам мировой истории. С этого и начинается предисловие к «Мечтам о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи»:

«Прочитывая историю и видя в ней, с одной стороны, беспрерывные тяжкие браны, подвиги завоевателей, а с другой, опустошения не токмо многих городов и стран, но и целых империй, приходит мне на мысль вопросить сих бичей человечества: какой предмет или цель они имели в их предприятиях, проливая кровь себе подобных и делая толь бедственные опустошения? Ежели бы они мне ответствовали: отмстить противнику своему, распространить свою славу, рас простреть свое владычество и, наконец, учинить счастливыми своих подданных, – проходя

происшествия вселенныея, едва ли я вижу кого из них достигших до исполнения своих желаний» (VII, 440).

В качестве самого поучительного (и единственного в этом тексте) исторического примера он приводил судьбу Александра Македонского и его державы. Образ самого прославленного из завоевателей дал Державину повод к рассуждению о ложности их славы и тщетности затраченных ими усилий и принесенных жертв:

«Слава пагубою и злодеяниями не приобретается, но проклятие; владычество никогда усилием приобретаться не может; ибо истинная власть состоит в покорении сердец и воли человека благодеяниями, и потому владычество победителя было и всегда будет суетно и недолговременно. Коль скоро дух из него вылетит, то и оковы его разрываются. Многим владеть и не пользоваться им благоразумно и порядочно, совершенная глупость. Это тот Тантал, который в море стоит, которого и напиться не может. <...> А сверх того: что усилием приобретено, то всегда готово к отторжению. Убедительнейший сему пример видим на самом просвещеннейшем завоевателе: коль скоро его не стало, то пространнейшая его монархия тотчас расхищена и разделена <была> на многие царства его полководцами; из чего произошли новые браны и новые несчастья народов. К чему и для чего подъяты были Александром Великим все подвиги? Поистине, ни к чему<sup>16</sup>» (VII, 440).

По мнению Державина, российский император сейчас находится в наивыгоднейших обстоятельствах и может стяжать истинную славу благодетеля для своего народа и миротворца для народов Европы. Для этого нужно отказаться от мыслей о расширении границ и сделать такие распоряжения,

«...которые бы обеспечивали на долгие времена целость империи <...> и представили бы ее таким великанином, который без войны был страшен свету и содержал бы равновесие в руке своей, а паче междуусобием в крови своей утопающей Европы, бы<л> царств посредником, или паче миротворцем. Вот прямая слава кроткого Александра. Дух его народа и доброта души его на такой чреде, что могут они стяжать ему славу Александра, но не великого победами, а богоподобного миром вселенныея или, по крайней мере, Европы! Что несравненно лучше и величественнее, неожидали титла всех императоров, и всех победителей вселенныея» (VII, 441).

В оде «Слава» Державин также апеллирует к урокам истории, преподаваемым человечеству самим Творцом и Промыслителем мира. Именно таков смысл предпосланного оде эпиграфа: «*День дню отрыгает глагол, и нощь нощи разум*» (Пс 18:3). Псалом, откуда взят этот стих, Державин ранее переложил под заглавием «*Доказательство Творческого бытия*» (1796): «Небеса вешают Божью славу, / Рук Его творенье твердь; / День за днем течет Его уставу, / Нощи нощь приносит весть» (I, 726–727).

В оде под «завоевателем» подразумевается в первую очередь Наполеон, но в принципе это фигура обобщенная, вполне логично наделяемая и чертами из жизнеописания Александра Македонского. Одна из них взята из только что прочитанного Державиным Плутарха в переводе С.Ю. Дестуниса:

*Почто явиши в себе Тантала  
Иловиши мнимой славы тень?  
На то ль, чтоб о тебе сказала  
Слов несколько афинска чернь?* (III, 48)

Эти строки прямо отсылают к рассказу Плутарха о тяжком и бесплодном походе Александра в Индию, когда он в сердцах воскликнул: «Поверите ли вы, афиняне, каким опасностям подвергаю себя, дабы заслужить похвалу от вас?»<sup>17</sup> (сравнение же завоевателя с Танталом использовано в приведенном выше отрывке из предисловия к «*Мечтам о хозяйственном устройстве...*»).

К «Сравнительным жизнеописаниям» в оде есть как минимум еще одна отсылка. Так, в строках «*И в бочке циник благородно / Велел царю не тмить свой свет*» (III, 49), очевидно, подразумевается пересказанный Плутархом эпизод с Диогеном, попросившим Александра не заслонять ему солнца. В предисловии к «*Мечтам о хозяйственном устройстве...*» также есть отсылки к конкретным эпизодам написанной Плутархом биографии Александра (например, о его отношениях с индийским царем Пором, см.: VII, 440). Наличие аллюзий на один и тот же текст греческого историка в совершенно разных по жанру оде и деловой записке 1810 г. только естественны, поскольку в обоих случаях речь идет об уроках истории и развиваются сходные мысли.

И в оде «Слава», и в предисловии к «*Мечтам о хозяйственном устройстве...*» Державин усиливался доказать, что история

учит, а Закон Божий требует от царей избегать «гнусной славы» «убийц народов» и не стремиться к завоеваниям ради завоеваний. Российскому же монарху, чье «власть и могущество... управляют такою частью света, каковую едва Римляне и прочие завоеватели вселенныя под властью имели» (VII, 442), новые приобретения просто опасны.

В подтексте этих рассуждений, конечно, было несогласие отставного государственного деятеля с определенными внешне-политическими акциями правительства. Кроме безусловно и постоянно осуждавшегося Державиным союза с Наполеоном и сотрудничества с ним в европейских делах, в июне 1810 г. он мог думать о не слишком удачно развивавшейся русско-турецкой войне, ближайшей целью которой было присоединение Молдавии и Валахии. В этом у него были единомышленники, в том числе находящиеся в правительстве. Так, Н.С. Мордвинов, друг А.С. Шишкова и давний знакомый Державина, являвшийся в 1810 г. членом Государственного совета и главой департамента государственной экономии, 25 августа 1810 г. подал Александру I записку «О ускорении мира с турками», в которой высказался против приобретения новых земель. Любопытно, что Мордвинов при этом прибег к сходной с державинской риторике и не обошелся без суждения об «истинной славе»: «Благосостояние империи Российской – единый предмет, достойный отеческого попечения Государя Императора – не требует приобретения Молдавии и Валахии. *Не завоевание новых земель, но сохранение в целости древнего достояния может токмо доставить славу истинную и хвалу веков* Обладателю половины двух частей мира и упить к нему любовь и благоговение народное. Пространство империи Российской столь уже обширно, что самое-то расширение соделывает ее слабою против ополчения соединенных Европы сил»<sup>18</sup> (курсив мой. – В.К.). Можно не сомневаться, что этих мыслей Мордвинов придерживался и ранее и мог обсуждать их с Державиным, регулярно встречаясь с ним на литературных собраниях у Шишкова в 1809 и 1810 гг. (см.: VIII, 903–904).

«Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи» Державин писал специально для Александра I (хотя она и не дошла по назначению). Ода «Слава» обращена как будто вообще к «царям», но предназначалась в первую очередь

для него же. Главная мысль в этих текстах одна и та же: российскому императору не следует идти по стопам Александра Македонского и Наполеона, они недостойны ни расточаемых им похвал, ни, тем более, тайного восхищения и зависти (в чем Державин, видимо, подозревал Александра I). Он должен заботиться о внутреннем благосостоянии государства и охране его границ. Слава, добываемая «чрез токи крови на войне», сама по себе сомнительна и ужасна для поэта («Подрыв и вражью с треском граду / Не радует души моей...» – III, 50). И если Александру I все-таки суждено стяжать славу победителя на войне, пусть это будет слава защитника отечества. Только этот род воинской славы Державин в оде «Слава» признал бессмертной и несомнительной:

Во обороне лишь отчизны  
Венчает славою война.  
Могилы – в жертвенники тризны  
Преобращает нам она (III, 51).

Таким образом, в июне 1810 г. интересующая нас ода являлась актуальным политическим высказыванием – агитацией против Наполеона и союза с ним, предупреждением об исходящей от него угрозе, критикой проводимой российским правительством внешней политики, советом обратить все силы на оборону и внутренне благоустройство страны и в особенности на воспитание юношества и попечение о бедных и больных (чему особо посвящена 12-я строфа). Своей одой Державин в очередной раз преподавал урок царю, хотя и вряд ли слишком рассчитывал на его действенность (ведь и деловую записку он озаглавил «Мечты...»).

Духовный смысл оды «Слава» (согласующийся, в частности, со смыслом «Гимна лироэпического на прогнание французов из отечества») заключается в утверждении идеи Божественного правосудия, рано или поздно, но всегда осуществляющего в земной истории человечества, а не только за ее пределами. Стремящийся к всемирному господству коварный тиран никогда не сможет ни достигнуть своей цели, ни удовлетвориться достигнутым и будет наказан не только в будущей жизни, но и покроется бесславием на земле. «Прямой славой» Бог награждает только добрых и благотворительных государей, старающихся поступать в согласии с заповедями Божьими. Но поскольку абсолютные совершенство,

благо и истина принадлежат единственно Богу, Царю вселенной, истинные слава, честь и поклонение подобают только Ему, о чём и говорится в последней строфе, завершающейся словами Псалтири<sup>19</sup>:

*Так, доблесть токмо превосходна  
Должна по правде славной быть;  
Благотворителя народна  
Долг сердцем и устами чтить.  
Се солнце Творческой державы  
Вещает силу, бездн сквозь тму:  
«Бог благ, – один Он Царь есть Славы,  
И вся поклоняется Ему» (III, 51).*

<sup>1</sup> См.: Державин Г.Р. Сочинения / С объяснительными примеч. Я. Грота: В 9 т. – Т. 3. – СПб., 1866. – С. 47. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи (римская цифра – том, арабская – страница).

<sup>2</sup> Вестник Европы. – 1812. – Ч. 64. № 16 (август). – С. 302–305. Вместе с одой было напечатано переведенное Державиным с немецкого обращение «К жителям Остзейских губерний». (Там же. – С. 306–309.)

<sup>3</sup> См.: Сочинения и переводы, издаваемые Российской академией. – Ч. 6. – СПб., 1813. – С. 181–184; Державин Г.Р. Сочинения: В 5 ч. – Ч. 5. – СПб., 1816. – С. 67–71. Три незначительных разнотечения текста 1816 г. с первой публикацией указаны Я.К. Гротом (III, 47, 49).

<sup>4</sup> Имеются в виду издания А.Ф. Смирдина (1831, повторено в 1833–1834), И.П. Глазунова (1843) и Д.П. Штукина, подготовленное Н.А. Полевым (1845). Последний, распределив стихотворения Державина по жанрово-тематическим отделам, поместил оду «Славу» в разделе «Духовные стихотворения» (см.: Державин Г.Р. Сочинения / Биография писана Н.А. Полевым. – СПб.: Изд. Д.П. Штукина: в тип. К. Жернакова, 1845. – С. 25–26).

<sup>5</sup> Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – Т. 1. – М., 1999. – С. 240. О времени создания «Певца во стане русских воинов» см. комментарий А.С. Янушкевича. (Там же. – С. 595–598).

<sup>6</sup> Об этих одах см.: Коровин В.Л. Державин и 1812 год: О смысле и композиции «Гимна лироэпического на прогнание французов из отечества» // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 2012. – Т. 71. – № 6. – С. 42–52. О датах первых публичных чтений и изданий «Гимна» см.: Морозова Н.П. 1813-й год в жизни Г.Р. Державина // Державинские чтения: Сб. науч. статей. – Вып. 9. – СПб., 2014. – С. 113–114.

<sup>7</sup> «Пой! – (мир гласит мне горний, дольний) – / И оправдай пути Господни» («Гимн лироэпический...»; III, 138).

- <sup>8</sup> «Открылась тайн священных дверь! / Исшел из бездн огромный зверь / Дракон, иль демон змиевидный... <...> А только агнец белорунный, / Смиренный, кроткий, но челоперунный, / Восстал на Севере один, – / Исчез змей-исполин! (III, 139). В примечаниях к этой «тайновинной» строфе Державин дал ссылки на Апокалипсис (гл. 11, ст. 9 и гл. 17, ст. 14), но, не желая прямо отождествлять эти образы с Наполеоном и Александром I, пояснил, что в его «Гимне» «под видом змия... разумеется коварство», а «под видом агнца представляется христианская кротость и имеет отношение к тому, что царствующий император вступил на престол под знаком Овна» (III, 138–139).
- <sup>9</sup> Точные даты написания этих стихотворений, отмеченные в рукописях, указаны к комментариям Я.К. Грота (см.: III, 42, 52, 56, 61, 68, 73, 75, 78).
- <sup>10</sup> Об этом стихотворении в интересующем нас аспекте см., напр.: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Последнее стихотворение Державина // Русская литература. – 2000. – № 2. – С. 146–158.
- <sup>11</sup> В этих строках Я.К. Грот усматривал одно из предсказаний Державина о падении Наполеона (III, 49). Кажется также, что это аллюзия на 36-й псалом (ст. 35–36): «Видех нечестиваго превозносящая и высящая, яко кедры Ли-ванского. И мимо идох, и се не бе, и взысках его, и не обретеся место его».
- <sup>12</sup> *Белинский В.Г.* Сочинения Державина <1843> // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. – Т. 6. – М., 1981. – С. 17–18.
- <sup>13</sup> Об аллюзионном фоне трагедии «Евпраксия» см.: *Альтшулер М.Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. – Изд. 2-е, доп. – М., 2007. – С. 165–169.
- <sup>14</sup> См., напр., раздел «Обозрение происшествий» в «Вестнике Европы» за 1810 г. (Ч. 51. – № 11 (май). – С. 247–249; № 12 (июнь). – С. 328–339).
- <sup>15</sup> Плутарховы сравнительные жизнеописания славных мужей / Пер. с греч. Спиридона Дестуниса. – СПб., 1810. – Ч. 1–2.
- <sup>16</sup> Эта заключительная сентенция очень напоминает фразу военного писателя и державинского приятеля Е.Б. Фукса: «Какую пользу стяжал Александр от завоевания древнего мира? Смерть его все разрушила» (Письма Е.Б. Фукса о последней войне французов с пруссаками // Вестник Европы. – 1810. – Ч. 51. – № 9 (май). – С. 17). Майский номер журнала в июне 1810 г. вполне мог оказаться на столе у Державина. Если это не случайное совпадение (что вполне вероятно), это дополнительный аргумент, чтобы уточнить время его работы над предисловием к «Мечтам о хозяйственном устройстве...»
- <sup>17</sup> Цит. по: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Полный перевод / [Пер. с древнегреч. С.Ю. Дестуниса].* – М.: Эксмо, 2006.
- <sup>18</sup> Архив графов Мордвиновых / Предисл. и примеч. В.А. Бильбасова: В 10 т. – Т. 4. – СПб., 1902. – С. 15–16.
- <sup>19</sup> «Возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вечная, и внидет Царь славы. Кто есть сей Царь славы? Господь крепок и силен, Господь силен в брани. Возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вечная, и внидет Царь славы. Кто есть сей Царь славы? Господь сил, Той есть Царь славы» (Пс 23:7–10).

А.В. Семёнова

**«РОССИЯДА» М.М. ХЕРАСКОВА  
КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ОПЕРЫ  
Г.Р. ДЕРЖАВИНА «ГРОЗНЫЙ,  
ИЛИ ПОКОРЕНИЕ КАЗАНИ»**

*Аннотация*

В статье предпринята попытка доказать, что Г.Р. Державин, создавая оперу «Грозный, или Покорение Казани», обращался к поэме «Россияда» М.М. Хераскова как к источнику мотивов, образов, элементов сюжета.

*Ключевые слова:* М.М. Херасков, Г.Р. Державин, «Россияда», «Грозный, или Покорение Казани», Иван IV.

*Seimionova A.V. «Rossiyada» by M.M. Kheraskov as one of the sources of the G.R. Derzhavin's opera «Grozny, or the conquest of Kazan»*

*Summary.* This article attempts to show that G.R. Derzhavin, creating the opera «Grozny, or the conquest of Kazan», referred to «Rossiyada» by M.M. Kheraskov as a source of motives, characters, elements of the plot.

Опера Г.Р. Державина «Грозный, или Покорение Казани» (1814) и поэма М.М. Хераскова «Россияда» (1779) рассказывают об одном и том же историческом событии – присоединении Казанского ханства к Московскому государству Иваном IV. В предисловиях к произведениям оба автора отмечают, что опирались на исторические источники и предания, допуская, однако, неточности и многое домысливая<sup>1</sup>. Если выбор одного и того же предмета предполагает сходство сюжетов, то аналогичные вымыслы, вероятно, являются следствием влияния предшествующего произведения на последующее. Опора на общие источники, среди которых «Казанская история», а также античные и европейские эпи-

ческие поэмы (прежде всего «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо)<sup>2</sup> отчасти объясняет параллели, и все же некоторые совпадения представляются неслучайными. Вероятно, Державин обращался к «Россияде» Хераскова как к источнику мотивов, образов, элементов сюжета.

В произведениях Хераскова и Державина действуют схожие персонажи, с которыми связан ряд вымыслов. Так, центром сложного любовного конфликта, не имевшего места в действительности, оказывается казанская царица Сумбека. У Державина, как и у Хераскова, она предстает не столько политиком, сколько женщиной – любящей, ревнивой, коварной и мстительной. Сумбека в поэме Хераскова напоминает одновременно Диону, Медею и Армиду. Державин сравнительно точно воссоздает этот образ в опере. Сумбека желает стать женой Османа и разделить с ним трон, но любовник неверен ей. Осман очарован юной Эмирою. Любовь и ревность ослепляют казанскую царицу, она думает не столько о благе государства и грядущей войне, сколько об Османе.

Этот сюжет, во многом додуманный Херасковым, все же основан на реальных событиях. Прототипом Османа был крымский вельможа Кощак, который являлся любовником ханши Сююнбеки, вдовы казанского правителя Сафа-Гирея. В «Казанской истории» есть упоминание о том, что Кощак планировал убить маленького Утемиша, жениться на Сююнбеке и занять казанский трон. Однако крымская партия в Казани, возглавляемая Кощаком, потерпела поражение. Он бежал из города, но был захвачен в плен русским отрядом, доставлен в Москву и казнен. Согласно «Казанской истории», притязания Кощака на престол и руку царицы были небезосновательны: «...царевич Кощак, человек величавый и свирепый, удостоенный царем самого высокого сана среди казанских вельмож за то, что показал себя в боях мужественным воеводой...»<sup>3</sup>. В поэме Хераскова герой представлен иначе. Осман слаб и малодушен, лукав, легко поддается чужому влиянию. Он любовник, но не воин. Неприглядная смерть Османа в поэме – наказание за обман, коварство и жажду власти. Державин в опере иначе обыгрывает этот сюжет, но все же частично следует за поэмой Хераскова. Так, Державин заимствует из «Россияды» само имя Осман, причем вводит вымышленную героиню Эмиру и заостряет конфликт, формируя любовный треугольник Сумбека–Осман–Эмира. Однако

Осман в опере Державина не столь слаб и коварен, как персонаж в поэме Хераскова, хотя и в опере он в большей степени герой-любовник, нежели воин и политик, каковым, согласно источнику, являлся Кощак. Кроме того, Осман просит поддержки у царя Ивана и переходит на сторону русских (а не погибает, как Осман в «Россияде» и его прототип крымский хан Кощак).

Любовь Алея к Сумбеке в рассматриваемых произведениях – преувеличение. В поэме после покорения Казани Алей просит у Иоанна в награду лишь руку Сумбеки. В опере Шигалей уговаривает царя простить Сумбеку и восстановить брак. Согласно «Казанской истории», все было несколько иначе. Шигалей не простил Сююнбеке предательства, однако был вынужден жениться на ней по настоянию Ивана IV еще до похода на Казань в 1552 г. Автор «Казанской истории» утверждает, что Шигалей запер жену в отдаленной комнате и не жил с ней, несмотря на ее красоту<sup>4</sup>. Так ли это было, установить едва ли возможно, но в данном случае Херасков противоречит одному из своих источников, и Державин следует за автором поэмы.

Сходство поэмы Хераскова и оперы Державина усиливает общий вымышленный эпизод – волхование Сумбеки в волшебной роще, обращение царицы к духу покойного супруга. Гробницы татарских правителей, в том числе и Сафгирея, в священном лесу под стенами Казани – выдумка. Сафа-Гирей был похоронен в мечети, а зачарованный лес никогда не существовал. Волшебная роща имеет множество прообразов, в том числе у Тассо. Волхование Сумбеки в поэме описывается с явным подражанием ворожбе Медеи в «Метаморфозах» Овидия, на что указывает А.И. Любжин<sup>5</sup>. Впрочем, Херасков в данном случае мог ссылаться и на исторические источники: летописцы обвиняли татар в чародействе. Например, казанская царевна Горшадна славилась как чародейка. В «Казанской истории» описано призвание бесов казанскими жрецами<sup>6</sup>. Другой вопрос, можно ли упомянутые сведения воспринимать как исторические факты. В опере Державина также появляется волшебная роща, где похоронены Сафа-Гирей и предшествующие ему правители Казани и куда отправляется Сумбека, чтобы призвать дух покойного супруга. Это является точным повторением вымысла Хераскова.

Еще один вымышленный персонаж, заимствованный Державиным у Хераскова, – чародей Нигрин<sup>7</sup>, чей образ восходит к образу Исмена из поэмы Тассо. Нигрин является в Казань, чтобы помочь Сумбеке истребить россиян. Херасков списывает на Нигрина одно из событий, имевших место в действительности. Непогода, застигнувшая русскую армию под стенами Казани, едва не застала царя отдать приказ об отступлении. Князь Курбский в «Истории о великом князе Московском» совершенно серьезно говорит о чарах, творимых казанцами<sup>8</sup>. Херасков повествует в поэме о тех же событиях, но место неопределенных стариков и женщин, наводящих чары, занимает Нигрин, призвавший Зиму с Кавказских гор<sup>9</sup>. Державин здесь снова следует за Херасковым: Нигрин и Сумбека в опере насылают на русский стан метель и мороз:

*Ясни, ясни, неба свод,  
Мерзни, мерзни, русский род,  
И метели, рассыпайтесь,  
И сугробы, поднимайтесь... (с. 632)*

Чародей Нигрин оказывается ключевым персонажем для реализации «змеиной» темы и в поэме, и в опере. Источником послужило предание о змеином месте, на котором царь Саин основал Казань<sup>10</sup>. Истребив змей и построив город там, где располагалось гнездо, царь Саин занял их место. Отсюда возникло представление о змеином роде, к которому принадлежат казанские правители. Державин прямо указывает на это в своем комментарии: «Сафгирей, славный царь казанский, жестокий враг России, по преданию был чародей и ездил на змее» (с. 595). В «Казанской истории» бес, изгнанный силой Христовой, обращается огненным змеем и улетает на запад<sup>11</sup>. Херасков использовал эту идею в своей поэме, связывая магометанскую Казань с образом змеи или дракона<sup>12</sup>. В поэме на пламенном драконе восседает Безбожие в облике Магомета, в крылатых змеев Нигрин обращает Рамиду и рыцарей. Завоевание Казани христианами означало очищение города от скверны, символом чего в поэме является исчезновение змеев. Державин также уподобляет «Змея – адскому демону, всю злобу на Россию изрыгавшему» (с. 582), хотя Змей в опере все-таки один – Зилант, но призывает его Нигрин. Вместе с разорением змеиного гнезда рушится и трон Саина:

Сафагирея конь крылатый,  
 О мой Зилант, любезный друг!  
 Стальночешуйные царем российским латы  
 Пробиты сквозь твои.  
 Ты кровью истекаешь  
 И испускаешь дух!  
 <...>  
 Гнезда теперь змеина  
 Трон рушится Саина (с. 626).

В поэме Хераскова и опере Державина падение Казани предваряют пророчества: видение Сумбеки и явление таинственного мужа в «Россияде» и предсказание той же Сумбеки и Нигрина московскому царю в «Грозном». В отличие от Хераскова, Державин превращает пророчество в попытку казанцев обмануть Грозного, однако сами предсказания похожи. Отчасти, впрочем, это вновь можно объяснить влиянием общего источника: в «Казанской истории» упомянуто пророчество старшей жены Сафагирея, дочери сибирского хана<sup>13</sup>.

Произведения Хераскова и Державина объединяет еще несколько отступлений от истории. Например, последовательное отождествление Казани с Золотой Ордой. Херасков неоднократно именует Казань Ордой, а основание города как плацдарма для нападения на русские земли приписывает Батыю<sup>14</sup>, что не соответствует действительности. Державин смягчает вымысел, придерживаясь летописных преданий об основании Казани Саином, однако при этом называет последнего сыном Батыя:

Град сей,  
 О ком днесь идет военна пря,  
 Построен, ведаем, Саином  
 Батыя сыном,  
 Чтоб быть с Россией рубежом,  
 И прозван для того змеиным он гнездом,  
 Что из него удобней нападать,  
 И на Россию огнь и меч и смерть бросать (с. 588).

Казань в опере также соотнесена с Золотой Ордой<sup>15</sup>, а кроме того, и Херасков, и Державин упоминают опричников, которых в 1552 г. не было<sup>16</sup>.

Одновременно сходство и различие поэмы Хераскова и оперы Державина проявляются в образе московского царя. Иоанн в изображении Хераскова предстает сначала неопытным, поддающимся дурному влиянию царедворцев монархом, который по мере развития сюжета мужает и становится мудрее, превращаясь в образцового государя. Херасков намеренно обходит стороной деяния Ивана IV, за которые его прозвали Грозным<sup>17</sup>. При этом он допускает анахронизм, поскольку в первой и второй песнях поэмы описывает события 1547–1549 гг., период формирования «Избранной рады», но относит их к 1552 г. Державин, напротив, уже в заглавии называет московского государя Грозным, и в первых действиях мы находим тому объяснение. В диалоге с Шигалеем царь говорит о своих прошлых заблуждениях и заявляет о намерении быть суровым и не прощать предательства бояр. Как и Херасков, Державин отклоняется от истории, но в другую сторону. Рыцарски благородный и милосердный Иоанн Хераскова и непреклонный Грозный Державина – разные ипостаси московского государя. Однако рассказ Грозного о своих «младых нравах» может быть сопоставлен с предложенным Херасковым описанием первого периода царствования Иоанна.

Несмотря на общий предмет и наличие ряда параллелей, «Россияда» и «Грозный, или Покорение Казани» соотносятся с разными политическими событиями. «Россияда», появившаяся в 1779 г., незадолго до формальной ликвидации Крымского ханства и присоединения Крыма к России (1783), прочитывалась в контексте русско-турецких войн царствования Екатерины II<sup>18</sup>. Оперу Державина следует рассматривать в контексте Отечественной войны 1812 г. и борьбы с Наполеоном, на что сам автор указал в предисловии: «К нынешним военным обстоятельствам мне показалось оное прилично. Ничего, кажется, нет подобнее кровожаждущим варварским ордам нынешних Французов; вождя их – волшебнику Нигрину, который более обманом, обаянием и хитростями своими, нежели мужеством хотел устрашить своих противников; Змея – адскому демону, всю злобу на Россию изрыгавшему; Иоанна (кроме грозного его нрава) – великодушному и прибежному к Богу Александру, победившему врагов всей вселенной и утвердившему свободу и блаженство не токмо России, но и всей Европы» (с. 582). Тем не менее в «Грозном» Державин

воспроизводит отдельные мотивы, образы и эпизоды из «Россияды». Отчасти это обусловлено влиянием общих источников, однако Державин заимствует и некоторые вымыслы Хераскова, почти не изменяя их, что дает основания утверждать: «Россияда» является одним из основных литературных источников последней оперы Державина.

---

<sup>1</sup> Так, Херасков пишет: «Повествовательное сие творение расположил я на исторической истине, сколько мог сыскать печатных и письменных известий, к моему намерению принадлежащих; присовокупил к тому анекдоты, доставленные мне из Казани бывшим начальником Университетских гимназий в 1770 г. Но да памятают мои читатели, что как в эпической поэме верности исторической, так в дееписаниях поэмы искать не должно. Многое отмечал я, переносил из одного времени в другое, изобретал, украшал, творил и созидал». – Поэма Хераскова и «Историческое предисловие» цитируются по изд.: *Херасков М.М. Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. Ч. 1. Россиада, эпическая поэма.* – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796. – С. XIV. Ср. в предисловии Державина: «Ныне достоинство большой героической оперы есть чудесные вымыслы поэзии, несмотря на невероятность их или несходство с природою, – очарование взора живописью и зодчеством, слуха музыкой и пением, вообще же ума и сердца самыми даже науками, согласно действующими к единой трогательной, нравственной или забавной цели, которую предызбирает себе сочинитель. <...> Содержание ее я взял из казанской истории и тамошнего края татарского баснословия». – Сочинения Державина цитируются по изд.: *Державин Г.Р. Сочинения... с объяснительными примеч. Я. Грота: В 9 т. – Т. 4: Драматические сочинения.* – СПб.: Изд. Имп. Акад. наук, 1867. – С. 581–582.

<sup>2</sup> Об античных и европейских источниках «Россияды» пишет А.И. Любжин. – *Любжин А.И. Новоевропейский эпос в «Россиаде» Хераскова // Русская литература.* – 2010. – № 1. – С. 3–25; *Любжин А.И. «Россиада» М.М. Хераскова и античная эпическая традиция // Colloquia classica et indo-germanica – IV.* – СПб.: Наука, 2008. – С. 415–452 (Acta linguistica Petropolitana. Труды ИРЛИ РАН. Т. IV. Ч. 1).

<sup>3</sup> *Полное собрание русских летописей.* – Т. 19: История о Казанском царстве. – СПб., 1903. – С. 70.

<sup>4</sup> Там же. – С. 182.

<sup>5</sup> *Любжин А.И. «Россиада» М.М. Хераскова и античная эпическая традиция. Цит. соч.*

<sup>6</sup> «И послала Царица самого казанского сеита узнать, Московский ли Царь и Великий Князь одолеет Казань или казанцы одолеют его. И девять дней

- лежали, припав к земле, бесовские иереи, молясь и не поднимаясь со своего места...» – *ПСРЛ*. – Т. 19: История о Казанском царстве. Цит. соч. – С. 67.
- <sup>7</sup> На это заимствование указывает Я. Грот. См. *Державин Г.Р. Сочинения...* с объяснительными примеч. Я. Грота. Цит. соч. – С. 582.
- <sup>8</sup> «...Я хочу только вкратце вспомянуть, как они над христианским войском разные чары творили и великие дожди на него наводили. Как только начинало всходить солнце, их старики или женщины выходили на возвышенное место города так, что нам всем было видно, и кричали различные сатанинские слова, махали одеждами своими на наше войско и неблагочинно вертелись перед нами. И тогда среди ясной погоды задувал ветер и появлялись облака, и начинал лить дождь, да такой, что сухие места обращались в болота и водой наполнялись, причем вокруг нас все было тихо, и только над войском точно из воздуха все это случалось». – *Курбский А.М. История о великом князе Московском*. – СПб., 1913. – С. 54.
- <sup>9</sup> «Уже спасения россияне не чают, / Смущенны на стенах Нигрина примечают, / Который в торжестве с казанцами ходил, / Руками действуя, морозы наводил. / Сие казанское лукавое злодейство / Признали ратники за адское чародейство». – *Херасков М.М. Цит. соч. – С. 313–314.*
- <sup>10</sup> *ПСРЛ*. – Т. 19: История о Казанском царстве. Цит. соч. – С. 10.
- <sup>11</sup> Там же. – С. 67.
- <sup>12</sup> «Но как Российские Ираклы ни сражались, / Главы у гидры злой всечастно вновь рождались, / И жалы отрастив в глухих местах своих, / Вонзали паки в грудь России те змии. / Драконова глава лежала сокрушenna, / Но древня злоба в нем была непотуплenna». – *Херасков М.М. Цит. соч. – С. 3.*
- <sup>13</sup> *ПСРЛ*. – Т. 19: История о Казанском царстве. Цит. соч. – С. 66.
- <sup>14</sup> См. *Херасков М.М. Цит. соч. – С. 3.*
- <sup>15</sup> *Державин Г.Р. Цит. соч. – С. 594.*
- <sup>16</sup> Ср. *Державин Г.Р. Цит. соч. – С. 614; Херасков М.М. Цит. соч. – С. 39 и 328.*
- <sup>17</sup> В «Историческом предисловии» к «Россияде» Херасков сообщает: «Иностранные писатели, сложившие нелепые басни о его суровости, при всем том по многим знаменитым его делам великим мужем нарицают. Сам Петр Первый за честь поставлял в мудрых предприятиях сему Государю последовать. История затмевает сияние его славы некоторыми ужасными повествованиями, до пылкого нрава его относящимися: верить ли толь несвойственным величому духу повествованиям, оставил историкам на размышление. Впрочем, безмерные царские строгости, по которым он Грозным поименован, ни до намерения моего, ни до времени, содержавшем в себе целый круг моего сочинения, вовсе не касаются». – *Херасков М.М. Цит. соч. – С. XII.*
- <sup>18</sup> На это указывает А.Н. Соколов. – *Соколов А.Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века*. – М., 1955. – С. 146.

А.Д. Ивинский

## К ВОПРОСУ О КОНТЕКСТАХ «ФЕЛИЦЫ»: В.П. ПЕТРОВ (МАТЕРИАЛЫ К ТЕМЕ)

### *Аннотация*

В данной статье мы пытались раскрыть связь «Фелицы» с традицией русской торжественной оды. Г.Р. Державин использовал в своем тексте ряд мотивов, которые были в 1760–1770-е годы разработаны Петровым. При этом Державин и наследовал Петрову, и порывал с ним. Он парадоксальным образом сочетал в «Фелице» откровенно архаичную идеологию и резко новаторскую форму.

*Ключевые слова:* Г.Р. Державин, В.П. Петров, «Фелица», ода.

*Ivinsky A.D. To the problem of the context of «Felitsa»: V.M. Petrov (Approaches to the theme)*

*Summary.* In this article we have tried to describe «Felitsa»'s connection with the tradition of Russian ode. G.R. Derzhavin used in his text a number of motives that were earlier developed by V.P. Petrov in the 1760–1770. In «Felitsa» Derzhavin combined Petrov's archaic ideology and innovative form of the «new ode».

Исследователи справедливо отмечали новаторский характер «Фелицы»<sup>1</sup>, однако ее связь с традицией русской торжественной оды в должной мере до сих пор не раскрыта. Один из важнейших ее контекстов – творчество В.П. Петрова. С нашей точки зрения, Г.Р. Державин использовал в своем тексте ряд мотивов, которые были в 1760–1770-е годы разработаны Петровым.

История как личных, так и творческих взаимоотношений двух поэтов пока не написана. Мы вынуждены опираться на немногие известные факты и свидетельства.

Во-первых, мы знаем, что они были знакомы и поддерживали отношения; ср., напр.: «Между известными того времени поэтами, посещавшими Державина, к удивлению моему, не однажды не

сходился я с Княжниным и Петровым. <...> Оды его и тогда были при дворе и у многих словесников в большом уважении»<sup>2</sup>.

Во-вторых, исследователи уже указывали на цитаты из Петрова как в раннем, так и в позднем творчестве Державина<sup>3</sup>.

В-третьих, еще в начале XIX в. связь творчества Петрова и Державина была очевидна. Так, например, П.А. Вяземский утверждал, что Петров – один из учителей Державина: «Первыми его учителями в стихотворстве были, кажется, Ломоносов и Петров. У первого он научился звучности языка письменного и живописи поэзии; у другого похитил он тайну заключать живую, или глубокую мысль в живом и резком стихе – тайну, совершенно неизвестную Ломоносову. В скором времени Державин сравнился с наставниками, и, конечно, превзошел Петрова»<sup>4</sup>. Напомним также и хрестоматийно известную характеристику, данную А.С. Пушкиным в «Воспоминаниях в Царском селег»: «Державин и Петров героям песнь бряцали // Струнами громозвучных лир»<sup>5</sup>. В сознании молодого поэта Державин и Петров связаны как наиболее яркие выразители екатерининского «громкого века военных споров», правда при этом, вопреки хронологии, Державин оказался на первом месте, что, впрочем, не означало, что Петрова можно предать забвению, и в глазах Пушкина он остается одним из важнейших поэтов эпохи.

В настоящей заметке мы не хотели обсуждать вопрос о явных и скрытых державинских цитатах из Петрова: интересовало соотношение картин мира и связанных с ними идеологий. При этом мы намеренно ушли от сопоставления петровских и державинских «громозвучных» батальных од, между которыми имеется некоторое количество частных соответствий, и сосредоточились на демонстрации того, как в едва ли не наиболее не- и даже анти-петровской оде Державина недвусмысленно пропступали константы той интерпретации екатерининского царствования, которую создал Петров.

Как хорошо известно, «Фелица» строилась на противопоставлении императрицы ее вельможам, при этом «киргиз-кайсацкой царице» приписывались все лучшие качества, а мурзам – худшие<sup>6</sup>. Именно Фелица должна была подать пример правильного поведения:

*Подай, Фелица! наставенье:  
Как пышно и правдиво жить,  
Как укрощать страстей волненье  
И счастливым на свете быть?*<sup>7</sup>

Герою нужна помощь императрицы, потому что он раб своих «прихотей». Фелица жила просто, все свое время проводила в полезных трудах, чуждалась развлечений:

*Мурзам твоим не подражая,  
Почасту ходишь ты пешком,  
И пища самая простая  
Бывает за твоим столом;  
Не дорожась твоим покоем,  
Читаешь, пишешь пред налоем  
И всем из твоего пера  
Блаженство смертным проливаешь;  
Подобно в карты не играешь,  
Как я, от утра до утра.  
Не слишком любишь маскарады,  
А в клуб не ступишь и ногой;  
Храня обычаи, обряды,  
Не донкишотствуешь собой;  
Коня парнасса не седлаешь,  
К духам – в собранье не въезжаешь,  
Не ходишь с трона на Восток;  
Но кротости ходя стезею,  
Благотворящею душою,  
Полезных дней проводишь ток*<sup>8</sup>.

Мурза же, напротив, проводил время в мечтах, пирах, любви, охоте. Однако это не какая-то оригинальная черта героя, напротив:

*Таков, Фелица, я развратен!  
Но на меня весь свет похож.  
Кто сколько мудростью ни знaten,  
Но всякий человек есть ложь.  
Не ходим света мы путями,  
Бежим разврата за мечтами.  
Между лентяем и брюзгой,*

*Между тищеславья и пороком  
Нашел кто разве ненароком  
Путь добродетели прямой<sup>9</sup>.*

«Путь добродетели» известен только Екатерине II, и она открывает его «слабым смертным», сотворить «свет из тьмы», «космос» из «хаоса», создать счастье из «страстей свирепых»:

*Нашел, – но льзя ль не заблуждаться  
Нам, слабым смертным, в сем пути,  
Где сам рассудок спотыкаться  
И должен вслед страстям идти;  
Где нам ученые невежды,  
Как мгла у путников, тмят вежды?  
Везде соблазн и лесть живет,  
Пашей всех роскошь угнетает. –  
Где же добродетель обитает?  
Где роза без шипов растет?*

*Тебе единой лишь пристойно,  
Царевна! свет из тьмы творить;  
Деля хаос на сферы стройно,  
Союзом целость их крепить;  
Из разногласия согласье  
И из страстей свирепых счастье  
Ты можешь только созидать.  
Так кормщик, через понт плывущий,  
Лося под парус ветр ревущий,  
Умеет судном управлять<sup>10</sup>.*

При этом исключительно важно, что Фелица боролась со злом не жестокостью, а «снисхождением»<sup>11</sup>:

*Едина ты лишь не обидишь,  
Не оскорбляешь никого,  
Дурачествы сквозь пальцы видишь,  
Лишь зла не терпишь одного;  
Проступки снисхождением правишь,  
Как волк овец, людей не давишь,  
Ты знаешь прямо цену их.  
Царей они подвластны воле, –  
Но богу правосудну боле,  
Живущему в законах их<sup>12</sup>.*

Она даровала подданным свободу думать и говорить:

*Неслыханное также дело,  
Достойное тебя! Одной,  
Что будто ты народу смело  
О всем, и въявь и под рукой,  
И знать, и мыслить позволяешь,  
И о себе не запрещаешь  
И быть и небыть говорить;  
Что будто самым крокодилам,  
Твоих всех милостей зоилам  
Всегда склоняешься простить.*

Она ангел, ниспосланный с небес, чтобы править империей:

*Стремятся слез приятных реки  
Из глубины души моей.  
О! коль счастливы человека  
Там должны быть судьбой своей,  
Где ангел кроткий, ангел мирный,  
Сокрытый в светлости порfirной,  
С небес ниспослан скиптру носить!<sup>13</sup>*

Она «слава Бога», благодаря помощи которого были остановлены войны, спасены бедные, просвещены «все смертные»:

*Фелицы слава, слава бога,  
Который браны усмирил;  
Который сира и убога  
Покрыл, одел и накормил;  
Который оком лучезарным  
Шутам, трусам, неблагодарным  
И праведным свой свет дарит;  
Равно всех смертных просвещает,  
Больных покоит, исцеляет,  
Добро лишь для добра творит<sup>14</sup>.*

Все эти мотивы без труда обнаруживаются в текстах Петрова 1760–1770 гг., который придал комплиментарной оде ломоносовского типа<sup>15</sup> ту завершенность, которая позволила поклонникам «Фелицы» говорить об исчерпанности ломоносовской линии<sup>16</sup>.

Основной конфликт од Петрова – противоборство Истины и Лжи. Основная цель, которую он преследует, – создать картину идеального государства, живущего по законам Истины.

В таком государстве царят «тишина» и гармония:

*Не всуе скиптр Тебе вручен,  
Всему спасителен он миру;  
Тебе облекшейся в порфиру  
Во славу Север облечен.*

*Но скучных тучах утро красно  
Когда покажет верный знак,  
Что небо должно быти ясно;  
Коль утра мил такого зрак?  
Краснеет горизонт безмрачен,  
Журча крутится ток прозрачен,  
Под златом блещут чела гор,  
Роса живит луга зелены,  
Животным льется бодрость в члены,  
По рощам птиц не молкнет хор<sup>17</sup>.*

Естественно, что образ идеального мира у Петрова находит свое полное выражение в современной ему России, символом которой является молодая императрица Екатерина II. Однако торжеству Истины на земле постоянно мешают происки различных врагов. И Петрову очень важно показать, что Россия на протяжении всей своей истории ведет непрерывную борьбу со злом, хотя наибольших успехов достигла только во время царствования Екатерины. Поэтому одной из главных тем поэзии Петрова является тема избранности России в борьбе с Неправдой. В этом смысле интерес Петрова привлекают две фигуры в истории – Петр Первый и Екатерина Вторая. Следует отметить, что личность Петра не имеет уже того сакрального значения, которое ей придавал, например, М.В. Ломоносов (ср.: «Он бог, он бог был твой Россия»). Петр в исторической концепции Петрова – начинатель России, первый, кто вступил на истинный путь, но не более. Весьма показательной в этом смысле является обширная ода «На заключение с Оттоманскою Портою мира» (1775), центральную часть которой составляет диалог Судьбы и Мудрости о судьбах Норда, роли России и происках ее противников. Рассуждая о достижениях Петра, Судьба

уговаривает Премудрость сойти на землю в облике Екатерины и установить наконец там закон:

*Теперь Сама с небес Ты сиди,  
И тронов изуми стражей;  
<...>  
Жены во образ облекися,  
ЕКАТЕРИНОЙ облекися,  
И сяди на ПЕТРОВ престол  
<...>  
Дела ПЕТРОМ не довершены  
ЕКАТЕРИНОЙ соверши;  
Исправи нравы повреждены,  
Закон им ясен написши.  
Провозвести пространну миру,  
Что отчество Россия сиру,  
Прости объятия Твои,  
Да под чужим рождены небом,  
Призренные наущным хлебом,  
Летят к Тебе, как пчел рои<sup>18</sup>.*

Петров подчеркивает, что только «сейчас» явилась «истинная посланница небес»:

*О вестник Божия совета!  
Свершилось, еже ты предрек.  
Свидетели все части света,  
Каков ЕКАТЕРИНИН век.  
Помазанницу зрим Господню,  
Что вержса злобу в преисподнюю  
Мир хочет в роды одолжить.  
Коль нужны дышущим стихии  
ЕКАТЕРИНА толь России;  
Она достойнаечно жить<sup>19</sup>.*

Петров регулярно подчеркивает сакральную сущность власти Екатерины, которая принесла в Россию свет высших Истины и Закона:

*Там разным племена языком  
Ко Господу взывают сил;*

*Велик Господь в Петре Великом,  
Велик в Елисавете был:  
Но коль прославен, дивен ныне  
В возлюбленной ЕКАТЕРИНЕ,  
Орудии твоих чудес;  
Ты ими насаждал в нас крины  
Законом ты ЕКАТЕРИНЫ  
Преложишь землю в вид небес<sup>20</sup>.*

Ср.:

*Российская к сей день Царица  
При громком шуме торжества  
Как вожделенная денница  
Блеснула славой божества.  
Еще блестает к нам лучами,  
Еще пред нашими очами  
Священны зрятся красоты!  
Предвестница душевна ведра,  
Бесценный дар к нам Неба щедра,  
Гряди; благословенна Ты!<sup>21</sup>*

Другим важнейшим для Петрова мотивом является мотив преступности мира, погрязшего в «грехе», «неправде». «Истина», «Совесть» вынуждены были бы совсем покинуть Землю, если бы не Екатерина и ее страна, которые ведут праведный образ жизни:

*Я искра Божества, я Совесть,  
Вецаает тако Дева мне:  
<...>  
Сердец превышая отрада  
С людьми я вечно жити рада;  
Но быв забвенно от людей,  
Сама я их позабывала,  
В молчаньи скучном пребывала,  
Внутрь их беспечных спя грудей.*

*И безучастна в их совете,  
Из градов бегала в леса,  
Как чужестранница в сем свете  
Скрывалась часто в небеса.*

*Теперь меня Екатерина,  
Блаженства Северу причина,  
Со небу долу созвала,  
Иль паче спящу разбудила,  
Везде мне храмы сорудила,  
Чтоб я Богинею была<sup>22</sup>.*

Теперь же «Совесть», естественно, благодаря Екатерине II, торжествует в России:

*Как жадну ниву после ведра  
Проходит благодатный дождь:  
Глубоко душ я вниду в недра,  
Свидетель чувствий всех и вождь.  
Источники злых дум иссякнут,  
И, как от солнца воск, умякнут,  
Ожесточенные сердца.  
<...>  
Исчезнут тяжбы и раздоры,  
И ябеда, пренаглый волк,  
Мздоимцев пища, вечны споры  
И хитростный закона толк.  
Пойду и каждого понужжу  
Жить так, как должно честну мужу<sup>23</sup>.*

Екатерина, по Петрову, должна была исправлять нравы, и в результате победить «неправду»:

*Иль извергов природы дерзких  
В правдивом гневе порази;  
Или полки чудовищ мерзких  
Опять в людей преобрази.  
Не дай распространиться яду;  
Запри уста разверсты аду;  
Во нравах награди урон:  
Дабы, сколь ток твой чист и ясен,  
В сердцах толь светел и прекрасен  
Вновь Божий возблестал закон<sup>24</sup>.*

Ср. этот же мотив в поздних одах:

*Как нова юностью орлица,  
Ты радостями взлетай  
И в мир, блаженная Царица,  
Входящих правнуков сретай.  
Великая, их жсмя ко груди,  
Праматерью великих буди.  
Умножь под крыльями птенцов,  
И их Себе сообразуя,  
Несестье ими наказуя,  
Низрини зло с земных концов.*

Этого Петрову кажется недостаточно, и он приравнивает Россию небесному Царству; сами боги спускаются на землю, чтобы увидеть это чудо:

*Его поправша злость змиину  
С зари здесь видят до зари;  
Чтоб созерцать Екатерину  
Нисходят с тронов их Цари;  
С небес нисходят сами боги,  
Оставя звездные чертоги,  
И путешествуют сюда:  
Да Смертну узрят очесами  
Творящу землю небесами:  
Наши, дщери, стоит путь труда<sup>25</sup>.*

В 1790-е годы тема неутомимого зла обрела конкретное политическое выражение. Один из главных объектов нападок Петрова – республиканская форма правления. По его мнению, она отвергает священную правду, подменяет истинную свободу «порочным сеймом» и может привести только к разрушительным последствиям и уничтожению всех несогласных:

*Им Сейм широки к буйству двери.  
Тогда-то сии полузвери  
В бой когти изостряя свои  
Усобь дерутся возбесяся;  
И часто с их кровьми смесяся  
Краснеют Вислины струи.*

<...>  
*В чудовищей преобразились  
 Секванским духом заразились.  
 Поправ священные права,  
 Грозят срыть храмы и расхитить,  
 Чужим имуществом насытить  
 Их алчны руки, рты, чрева.*

И далее:

*Грозят во все края достигнуть;  
 Царей с престолов низложить  
 Возлесть на тверды, Творца с ней сдвинуть  
 И в век законом уложить:  
 Чтоб все на свете были равны;  
 Все наглы, хищны, зверонравны.  
 Когда не так: весь дол трясти,  
 Поделать пропасти ужасны,  
 И, кои с ними не согласны,  
 Живых во адে погребсти<sup>26</sup>.*

В другой оде читаем о «греховной жизни» поляков, презревших истину и поклоняющихся идолам:

*Кроме не многих сердцем правых,  
 Держась которы мыслей здравых  
 Во гнусну не вдалися злость;  
 От черни до вельмож всевластных  
 Все прочи, сонм невежд нещастных,  
 Колеблемы, как вихрем трость.*

*То идолом кого поздравят,  
 И поклоняются ему;  
 То скучась тем; другого ставят,  
 Морят в густом кадил дыму.  
 Под разными всегда предлоги  
 Меняются их мысль и боги.  
 Подобье сущее детей:  
 Им лестны новые затеи  
 И были б только чародеи.  
 Они суть жертва их сетей<sup>27</sup>.*

На этом фоне раскрывается всемирно-историческое значение Российской империи, это мир закона, порядка, космоса, а не хаоса:

*По точному закону ходит  
На небе ясный вождь планет;  
ЕКАТЕРИНА где предводит,  
Слепому року места нет.  
Где смертных ум изнемогает,  
Она удобно постигает,  
Причин союзы, благо, зло,  
Начала, средства, ток, степени,  
Прямые виды действ и тени,  
Всего вес, меру и число<sup>28</sup>.*

И конечно, это мир милосердия, противопоставленный царящему вокруг злу и жестокости:

*Где нет Борея, там Зефир;  
Где нет Магмела, тамо мир.  
Твоя где область расширится,  
Там суд и милость водворится<sup>29</sup>.*

В соответствии с этими представлениями на первый план выдвигается мессианская идея. Россы во главе с Екатериной должны покарать зло и установить на всей земле тот порядок, который с таким успехом вводился в России:

*Карай, исполни власть Господню,  
Губи чудовища земли,  
Низвергни злобу в преисподнюю,  
И брань окованну зашли  
Туда, где аспиды грызутся,  
Где тигры лютые пасутся<sup>30</sup>.*

Или:

*«Восстани днесь, восстань Деввора,  
Преступны грады разори;  
Теки, низвергни Вельфегора,  
Мои воздвигни олтари.*

*От ига мой народ избави,  
Судей над царствами постави,  
Вселенной возврати покой;  
Не бойся, я защитник Твой.  
Моей десницей Египтянин упорной»<sup>31</sup>.*

Государыня заботится о подданных и доверяет им, предос-  
тавляя свободу «писать, что чувствуют»:

*Монархия благоустроена  
Противной шествия стезей,  
Без грому небесам подобна,  
Щадя как Мать своих людей  
Во основание закона  
Любовь со высоты шлет трона;  
Любовью начинает суд;  
Дарует своему народу  
Писать, что чувствуют, свободу;  
Да сами облегчат свой труд<sup>32</sup>.*

Однако этим подданным предстоит еще проделать огромный  
путь, прежде чем они смогут полностью осознать свое счастье и  
сделаться его достойными:

*Младенец како в рост приходит,  
Сие он чувствует ли сам?  
Что в нем природа производит,  
Приметно ль смертных очесам?  
Он бдя, крепится, возмогает;  
Он спя во мужа достигает;  
И се, сосал кто рожьшей грудь,  
Течет как исполин в свой путь!  
МОНАРХИЯ! Ты тем же следом  
Ведешь Твоих блаженства в храм;  
Тебе природы образ ведом,  
В нас деять неприметно нам.  
Ты знаешь, како нрава в лепость,  
Доброт во исполинску крепость  
Непринужденно нас облечь,  
Чтоб нам Тебя достойно течь<sup>33</sup>.*

Императрица представляла пример праведного и разумного поведения, который находился в резком противоречии с обычным для людей образом жизни, строящимся на безудержных страстиах, ложных убеждениях и общей инертности:

*Когда врагов воюешь,  
В нас храбра кровь кипит;  
Когда уста отверзешь,  
И мудростью дохнешь,  
В нас вихрь страстей умолкнет,  
И зиждется сердца;  
Зазреет здравый разум,  
И ложных мнений тучи  
Исчезнут, яко дым<sup>34</sup>.*

В этой связи особое значение приобретали у Петрова нравоучительные рассуждения о греховной сущности человека, который не может самостоятельно бороться со своей натурой. Поэтому наказание порока не имеет смысла: нельзя карать человека за то, что является неотъемлемой частью его природы, иначе на земле просто не останется людей:

*Aх, естыли б Небо должна  
На грех пускало месть,  
Летал бы гром за громом,  
Тряслася бы земля!  
И что бы смертны были?  
Кто праведен пред ним?  
Так власть земна коль сядет  
На строгости престол,  
И станет крыть суровость  
Под тенью правоты,  
Пре обратити может  
Селения в пустыню  
И в жительство зверей<sup>35</sup>.*

Жестокостью нельзя победить порок, единственное средство борьбы с ними – милосердие и сострадание, пример которого демонстрировала Екатерина II:

*Слаба доброте страх подкрепа;  
 Он есть отчаянья отец;  
 В поверженных душах свирепа  
 Родится буря наконец.  
 Вотще закон свой меч изсунет,  
 Коль чувства к благу в них не вдунет.  
 Их кара вящее жесточит;  
 Едина милость их мягчит<sup>36</sup>.*

В другом месте читаем о том, что жизнь Екатерины – это та путеводная звезда, тот «кормчий», который ведет непросвещенных к свету истины:

*Оставя власть тиранам  
 Брожденны страсти нам  
 Насильством укрочати,  
 МОНАРХИЯ! Ты шлешь  
 Узду для оных разум;  
 Он нашим свет стезям,  
 Он кормчий действий наших;  
 Гнушаясь обладать  
 Толпой непросвещенных,  
 Возводиши наш дух  
 Ко горю созерцанью,  
 И учит умиляться,  
 Жалеть, и сострадать<sup>37</sup>.*

Адресуясь к тому же комплексу представлений о Екатерине II, природе и смысле ее власти, что и Петров, Державин в «Фелице» резко меняет характер оформления этой системы: он снимает батальную тему, столь важную для Петрова, а вместе с тем резко ограничивает религиозно-мистическую проблематику, выдвигая на первый план образы частного и придворного быта и связанную с ним тему личного выбора образа жизни и поведенческого образца. Соответствующим образом меняется стилевая система: «высокому» слогу Петрова противопоставляется слог «забавный русский», и нравоучение оказывается скрыто литературной игрой. В результате возникает парадоксальная конструкция, откровенно архаичная на уровне идеологии и резко новаторская на уровне формы, наследующая Петрову и порывающая с ним.

- 
- <sup>1</sup> Гуковский Г.А. Русская литература XVIII в. – М., 1998. – С. 339–355; Пумянский Л.В. К истории русского классицизма // Пумянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. – М., 2000. – С. 92–94; Серман И.З. Русский классицизм. Поэзии. Драма. Сатира. – Л., 1973. – С. 80–89; Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII вв. – СПб., 2005. – С. 330–334; Ивинский А.Д. Торжественная ода и литературная политика Екатерины II: Журнал «Собеседник любителей российского слова» // Известия РАН. Серия литературы и языка. – М., 2008. – Т. 67. – № 5. – С. 62–67.
- <sup>2</sup> Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. – М., 1866. – С. 60.
- <sup>3</sup> См.: Серман И.З. Державин. – Л., 1967. – С. 34; Серман И.З. Русская поэзия второй половины XVIII в. Державин // История русской поэзии. – Л., 1968. – Т. 1. – С. 135; Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII вв. – СПб., 2005. – С. 303.
- <sup>4</sup> Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 1–12. – СПб., 1878–1896. – Т. 1. – С. 16.
- <sup>5</sup> Пушкин [А.С.] Полн. собр. соч.: В 16 т. – М.; Л., 1937–1959. – Т. 1. – С. 80.
- <sup>6</sup> См., об этом, напр.: Серман И.З. Державин. – Л., 1967. – С. 56–57.
- <sup>7</sup> Державин Г.Р. Сочинения. – СПб., 1864. – Т. 1. – С. 132.
- <sup>8</sup> Там же. – С. 133–134.
- <sup>9</sup> Там же. – С. 139–140.
- <sup>10</sup> Там же. – С. 140–141.
- <sup>11</sup> По-видимому, мотив «снисхожденья» к человеческим слабостям восходит к русской журналистике 1760–1770 гг., в первую очередь ко «Всякой всячине» (о нем подробнее см.: Ивинский А.Д. Культурная политика Екатерины II: К вопросу о литературной позиции журнала «Всякая всячина» // *Slavia Orientalis*. – Warszawa, 2015. – Т. 64. – № 2. – С. 229–243).
- <sup>12</sup> Державин Г.Р. Сочинения. – СПб., 1864. – Т. 1. – С. 141.
- <sup>13</sup> Там же. – С. 143.
- <sup>14</sup> Там же. – С. 146.
- <sup>15</sup> Об отношении Петрова к поэзии Ломоносова см., напр.: Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. – СПб., 2005. – С. 275–276 и след.
- <sup>16</sup> Об этом см.: Ивинский А.Д. Литературная политика Екатерины II: «Собеседник любителей российского слова». – М., 2012.
- <sup>17</sup> Петров В. Сочинения. Т. 1–3. – СПб., 1811. – Т. 1. – С. 141.
- <sup>18</sup> Там же. – С. 104.
- <sup>19</sup> Там же. – С. 143.
- <sup>20</sup> Там же. – С. 20.
- <sup>21</sup> Там же. – С. 141.
- <sup>22</sup> Петров В. Сочинения. Т. 1–3. – СПб., 1811. – Т. 2. – С. 5.
- <sup>23</sup> Там же. – С. 6–7.
- <sup>24</sup> Там же. – С. 164.

<sup>25</sup> Там же. – С. 122.

<sup>26</sup> Там же. – С. 163–163.

<sup>27</sup> Там же. – С. 161.

<sup>28</sup> *Петров В. Сочинения. Т. 1–3. – СПб., 1811. – Т. 1. – С. 107.*

<sup>29</sup> Там же. – С. 56.

<sup>30</sup> Там же.

<sup>31</sup> Там же. – С. 47.

<sup>32</sup> Там же. – С. 25.

<sup>33</sup> Там же. – С. 135–136.

<sup>34</sup> Там же. – С. 136.

<sup>35</sup> Там же. – С. 132.

<sup>36</sup> Там же.

<sup>37</sup> Там же. – С. 133.

**А.А. Илюшин**

## **ДЕРЖАВИН О РАДИЩЕВЕ И ШЕЛЕХОВЕ**

### *Аннотация*

В статье осуществлен анализ трех стихотворений Державина (эпиграмма, эпитафия, акrostих). Сближены Радищев и Шелехов, познавшие Сибирь, Ломоносов и открытие Америки, восьмистишиная строфа и мотив смерти – и пр.

*Ключевые слова:* стих, акrostих, катрен, восьмистишие, реминисценция, линеарность.

*Ilyushin A.A. Derzhavin about Radischev and Shelekhov*

*Summary.* The article presents the analysis of three poems by Derzhavin (an epigram, an epitaph, an acrostic). Bringing together Radischev and Shelekhov who had known the Siberia, Lomonosov and the discovery of America, stanza of 8 lines and the motive of death and so on.

### На Радищева

*Езда твоя в Москву со истиной сходна,  
Не кстати лишь смела, дерзка и сумасбродна.  
Я слышу, на коней ямщик кричит: вирь! вирь!  
Знать, русский Мирабо, поехал ты в Сибирь.*

Радищев, твое «Путешествие из Петербурга в Москву» похоже на правду, хотя эта книга смела, дерзка и сумасбродна. Смелость и дерзость у нас в почете, – «Парень был дерзким и смелым», как поется в песне. Честь безумцам. Сумароков придумал себе псевдоним «Сумасбродов» – и правильно. Будем дерзновенными смельчаками и отчаянными безрассудными сумасбродами.

Далее по тексту. «Я слышу». Читатель вправе предполагать, что речь тут идет об авторском «Я», о лирическом герое, можно сказать, о «лирическом субъекте», разбираемого четверостишия.

Но тут же обнаруживается некий камень преткновения. Мнимые упреки прозвучали почти комплиментарно, и вот слышится ямщицье «вирь! вирь!» – возглас, предостерегающий нерасторопных пешеходов от грозящей им опасности (ср. также «пади! пади!» или «берегись! ожгу!»). По всему видно: автор крамольной «Езды» из молодой столицы в старую поплатился за свой поступок личной свободою, приговорен к сибирской ссылке, Державин же – вслед ему – произносит нечто напутственное, называя Радищева русским Мирабо.

Впрочем, не исключены сомнения относительно того, является ли автором этого загадочного четверостишия Державин. В венгеровской хрестоматии «Русская поэзия» (т. 1) оно отнесено к стихотворениям, приписываемым Державину. Там же датировано 1790-м годом – самое подходящее время для того, чтобы совпасть с радищевскими мытарствами в связи с его «Путешествием». Бросавший вызов «Властителям» и «Судиям» Державин и тираноборец Радищев кажется могли бы понять друг друга, что и произошло, но лишь отчасти: в целом певцу Фелицы чужд остался пафос радищевской оды «Вольность».

Придерживаясь версии, согласно которой эпиграмма на «Езду в Москву» все-таки принадлежит перу Державина, попробуем понять, что же, собственно, не устраивало нашего поэта-юбиляра в радищевской книге. Ее несвоевременность? (вот же, явилась не-кстати)? Сумасбродство автора (но оно прекрасно)? Чего-то как бы не хватает? (так обойдемся). Какие-то эфемерные и вялые мотивировки.

Ямщик кричит на коней, Державин – Радищеву, крики эти рифмуются один с другим: вирь-вирь – в Сибирь; чрезвычайно шумная эпиграмма. И чего только ни втиснулось в четыре строки ее текста. Державин умел «так делать стихи». И не слабо получалось. Хотя как мастер версификационного изобретательства поэт Радищев не уступал поэту Державину. Общение меж ими – на «ты», по крайней мере со стороны Державина (ср. с фонвизинским Стародумом, осуждавшим обращения на «вы»). Радищев простился с жизнью аллитерированным моностихом («ПОТОМСТВО... ОТОМСТИТ»), Державин – затейливым акrostихом («РУИНА ЧТИ»), о котором см. в Приложении к этой статье.

\* \* \*

## Надгробие Шелехову

*Колумб здесь российский погребен:  
Преплыл моря, открыл страны безвестны;  
Но, зря, что все на свете тлен,  
Направил паруса во океан небесный.*

Шелехов (Г.И. Шелихов) – путешественник-первопроходец, осваивал так называемую «русскую Америку» (т.е. Аляску). Предприимчивый купец и наблюдательный исследователь Восточной Сибири и Дальнего Востока. Судя по эпитафии, сочиненной Державиным, несколько разочарован в земной жизни и наземных морях, возжаждав океана небесного. Если он не Христофор Колумб, то по некоторым признакам не менее чем наш Афанасий Никитин, некогда ходивший за три моря в поисках неведомого.

Первопубликация державинской эпитафии более объемна по сравнению с ее окончательным вышеприведенным вариантом текста и значительно менее удачна – настолько, что читаешь сомневаясь: ужели великий поэт мог писать такую нескладицу? Это касается впоследствии отброшенной концовки, которая выглядела далеко не лучшим образом:

*Направил парус свой во океан небесный  
Искать сокровищ горных, неземных,  
Сокровище благих!  
Его ты душу успокой.*

Не «успокой», разумеется, а именно по-церковному – «упокой», от глагола «упокоить», а не «успокоить». В этой же заключительной строке понапрасну и без особой надобности отсутствует рифма к слову «упокой» и нарушено правило альтернансы. «Его ты душу» – фигура неловкой синтаксической инверсии. Или вот еще: «сокровищ», «сокровище». Разве что скудостью словарного запаса можно объяснить склонность стихотворца к использованию этого приема – двукратного повтора одного и того же слова, да еще и длинного, четырехсложного в своей начальной форме. Явлением того же порядка посчитаем неравнодущие автора к синонимии: «горных, неземных». Наконец, вопрос о предпочтении формы либо

единственного, либо множественного числа: или «парус свой», или «паруса» – одномачтово или трехмачтово судно?

Отмеченными несообразностями пестрит лишь вторая половина текста, а первая – в полном порядке. Здесь стилистический почерк автора – державинский – вполне узнаваем. Подозревается участие одного и того же мастера в создании как эпиграммы (на Радищева), так и эпитафии (Шелехову). Септима эпитафии преобразилась в катрен окончательной редакции и уже одним этим уподобилась эпиграмме (для Радищева четыре строки и для Шелехова столько же). Сходство между ними стало бы еще более очевидным, если бы эпитафия (как и эпиграмма) была написанаalexандрийским стихом, но такого не произошло: она выдержана в размерах вольного ямба. Еще одна лингвостиховедческая частность – в обоих стихотворениях допущено по одному гиатусу при сочетании имени существительного с предлогом: «со истиною» и «во океан». Эффектное зияние «душу упокой» осталось вне рассмотрения ввиду крайней сомнительности державинского авторства, о чём уже шла речь.

Радищев – русский Мирабо. Шелехов – российский Колумб. Во всяком случае, именно такие прозвища дает им Державин. Присовокупить бы к иностранному антропониму подходящее определение (наш, русский, российский, новый) – и вот уже складывается чья-то репутация. Так, Сумароков – российский «Шекспир» (Шекспир), Фонвизин – «из перерусских русской» Лафонтен, Николев – русский Мильтон (Милтон). Оба поэта – английский и русский – были незрячи и занимались стихотворством. Самому же Державину весьма льстило то, что его фамилия рифмуется с прозванием ветхозаветного Иисуса Навина (Державин – Навин). См. также в Библии Книгу Навина, преуспевшего в умении останавливать бег Солнца: редкостный дар. А Ломоносов – российский Пиндар.

Что касается «Радищева-Мирабо», то более или менее ясно, в силу каких соображений сближены двое этих сторонников европейского свободолюбия. Да, в самом деле имя Мирабо стало нарицательным (поборник Вольности). Лицеист Пушкин поприятельски общался «с обоими Мирабо» – так называл он братьев Тургеневых, один из которых станет декабристом. Деятель Великой

французской революции пришелся по душе российским вольно-думцам.

...Каждому свое. Кому-то уготована слава бунтаря-революционера, кому-то – участь мореплавателя, первооткрывателя. «Колумб Америку открыл». Ломоносов предузнал издалека явление «Колумбов российских», которые продолжат освоение Нового Света. Вот что писал о них создатель героической поэмы «Петр Великий» задолго до экспедиций Шелихова:

*Колумбы Росские презрев угрюмый рок,  
Меж льдами новый путь отворят на восток,  
И наша досягнет в Америку держава...*

Стихи, что и говорить, пророческие. Аляска на какое-то время станет нашей и пребудет таковою до тех пор, пока ее не лишился. Вот они: генуэзец Колумб – «южнее», а «севернее» – Шелихов, именем которого назван один из райцентров в Иркутской области. Один вслед за другим открывали Америку в разных ее частях – так уж получилось. Теперь русскому Колумбу рукой подать от прибайкальского пристанища до Илимского острога, с которым так трагически связана судьба Радищева. Таков сюжет этого небольшого очерка, рассказанного Державиным. Было ли так в самом деле – Бог весть. В одном лишь могу поручиться: цитация стихотворных строк, принадлежащих Державину и Ломоносову, была выполнена тщательно и обошлась без опечаток.

### **ПРИЛОЖЕНИЕ. Державин, «Река времен...».**

Поэт встретил смерть, ополненный аспидною доской и грифелем в руке. Ему предстояло сложить свои предгибельные стихи и начертать их – не то что бы вилами по воде на недолговечность подобных записей. Дело вроде нехитрое: взять какую ни есть тряпицу и просто стереть написанное с доски. Но судьба, видимо, хранила этот восьмистрочный державинский шедевр:

*Река времен в своем стремлены  
Уносит все дела людей  
И топит в пропасти забвенья  
Народы, царства и царей.*

*А если что и остается  
 Чрез звуки лиры и трубы,  
 То вечности жерлом пожрется  
 И общей не уйдет судьбы.*

Здесь есть акrostих, сложенный первыми буквами каждой строки, если их читать по вертикали сверху вниз: РУИНА ЧТИ. Форма настолько изысканная, что ее трудно, хотя и приходится принять всерьез. Вообще же Державин был умелым мастером этой формы (см. его стихотворение «Князь Кутузов-Смоленской»). Но как понять слово ЧТИ в акrostихе? Что касается слова РУИНА, то все ясно: это галлицизм, заимствование из французского, по-русски «развалина». Но не сразу поймешь, кому, кого и как надо читать. Может быть, никого и никак, если ЧТИ не глагольный императив, а родительный падеж единственного числа имени существительного и тогда смысл акrostиха – «руина чести», т.е. честь порушена. Пример из «Слова о полку Игореве»: русские воины богатырствуют, «ищучи себе чти» (ища себе чести). Интересен случай автореминисценции в прощальном творении поэта: своего рода оглядка на времена почти сорокалетней давности, когда Державин сочинил стихи «На смерть князя Мещерского», начинающиеся знаменитой строкой «Глагол времен! Металла звон!» Миновали декады, и вот, пожалуйста, – снова: «Река времен», и опять-таки (там и здесь) в начале текста. Оценим также по достоинству троекратный неударный слоговой повтор «ре» в первом стихе – сделано с блеском. И еще – ловкая игра с понятиями «времен» и «вечности», жертвами которых поочередно становятся «все» и «вся». И что «особенно важно, никакой искусственности, от которой непросто уберечься сочиняя акrostихи или вообще увлекаясь правилами версификационной эквилибристики и фокусами стиховых форм.

Попробуем теперь выявить ряд восьмистиший (но не октав!), в которых прослеживаются мотивы смерти. Такого рода линеарность предпочтена множеству других вариантов. Традиция складывалась усилиями Радищева (стихотворение «Молитва») и Державина («Река времен»). Дальше – больше. Пример старших оказался действенным для последующих русских поэтов. Несколько прискорбных названий: «Последние стихи» Веневитинова; «На смерть сына» (Рылеев); «Милый друг, я умираю» (Добролюбов);

«Зимние выюги завыли» (Михайлов); «Я примирялся с судьбой неизбежною» (Некрасов); «Над свежей могилой» (Надсон); «До свиданья, друг мой, до свиданья» (Есенин); «Любит? не любит? я руки ломаю» Маяковского; «Вскрыла жилы. Невосстановимо...» Цветаевой; «Старцу надо привыкать ко многому» Сельвинского...

Смерть поглощает младенца и старца, жениха и невесту, странника и поэта, самоубийцу и жизнелюба; «народы, царства и царей» (по Державину). В каждом из перечисленных здесь восьмистиший имеется свое «*memento mori*», и сам Державин, несмотря на веселый нрав свой и редкостное умение радоваться жизни, предрек всеобщность закона о неминуемой гибели человеческого бытия.

**А.С. Курилов**

**ДЕРЖАВИНСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ  
КРИТЕРИЯ НАРОДНОСТИ  
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В АКСИОЛОГИИ  
МОЛОДОГО В.Г. БЕЛИНСКОГО**

***Аннотация***

В статье анализируются высказывания о Г.Р. Державине В.Г. Белинского в связи с его концепцией национального своеобразия русской литературы.

*Ключевые слова:* Г.Р. Державин, В.Г. Белинский, аксиология, именной критерий.

*Kurilov A.S. The role of Derzavin's legacy in the concept of national spirit of Russian literature in the axiology of young Belinsky*

*Summary.* The article deals with the reception of Derzavin's legacy in the axiology of young V.G. Belinsky in the connection with his concept of the national spirit of Russian literature.

Понятие «народность литературы» начинает формироваться в XVIII в., когда происходит смена источников вдохновения и творчество «по образцам», признанными классическими (классицизм), уступает место творчеству «в народном духе» (романтизму)<sup>1</sup>. Когда, как заметил А.С. Пушкин, «наскучила правильность и совершенство классической древности и бледные, однообразные списки ее подражателей», а «утомленный вкус» требовал «иных, сильнейших ощущений» и находил их «в мутных, но кипящих источниках новой, народной поэзии»<sup>2</sup>. Когда перестали считать достоинством литературу то, что они похожи на античные и в каждой из них есть свои Гомеры, Пиндары, Софоклы, Еврипииды, Вергилии, Горации и т.д., осознав непреходящую самобытную худо-

жественную ценность национальных «старинных песен», в которых получили отражение жизнь народов и события их истории, и что выраженные там чувства «чрезвычайно естественны и поэтичны, и полны той величественной простоты, какой мы восхищаемся у величайших поэтов древности»<sup>3</sup>.

Представление о Древней Греции и Риме как родине художественной литературы (поэзии) уже не кажется безусловным и убедительным. «Искусство, – пишет в начале 60-х годов XVIII в. И.И. Винкельман, – по-видимому, возникло совершенно одинаковым образом у всех народов, знаяших его, и нет достаточных оснований приписывать ему особое отечество, ибо каждый народ находил в себе семена необходимого»<sup>4</sup>.

Но если это так, то почему искусство одних народов не похоже на искусство других? Чем обусловлено их различие? – задается он вопросами и сам же на них отвечает: различное географическое положение стран, условия жизни, климат и питание влияют «на наружность жителей, а также на их образ мыслей», определяют «нравы народов, их вид и окраску... На образ мыслей народа... непосредственно воздействуют также и внешние обстоятельства, особенно воспитание, государственное устройство и образ правления». И заключает: «Образ мышления как восточных и южных народов, так и греков проявляется в произведениях искусства»<sup>5</sup>. И прежде всего в произведениях литературы (поэзии), как самой универсальной формы выражения и отражения «мыслей народа» и образа его мышления, которую представляло человеку слово.

Так, вызревает представление о национальном своеобразии литературы, ее источниках и движущих силах, открывая пути для возникновения понятия о *народности литературы* как ступени познания и инструмента познания национального своеобразия литератур. К нам это понятие приходит в 20-е годы XIX в. уже с готовым содержанием, выработанным к тому времени европейской теоретико-литературной мыслью.

«Словесность народа, – пишет О.М. Сомов, – есть говорящая картина его нравов, обычаяев и образа жизни»<sup>6</sup>. «Климат, образ правления, вера, – вторит ему А.С. Пушкин, – дают каждому народу своеобразную особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаяев, поверий и привычек, принадлежащих

исключительно какому-нибудь народу»<sup>7</sup>. Всё это и придает «зеркалу поэзии» народный характер. «Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные – лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности», – отмечает В.К. Кюхельбекер, указывая на то, что должно определять национальное своеобразие «истинно русской поэзии»<sup>8</sup>.

Пытаясь найти в нашей литературе XVIII – начала XIX в. «черты народности», А.А. Бестужев-Марлинский считает, что они встречаются только у Д.И. Фонвизина, И.А. Крылова и А.С. Пушкина, правда не уточняя какие, и приходит к выводу: «...у нас нет... литературы», «образцовые дарования» которой «носят на себе отпечаток не только народа, но века и места, где жили они...»<sup>9</sup> Пройдет немного времени и о том же будет говорить И.В. Киреевский: «...у нас еще нет литературы», потому что в произведениях наших писателей нет «полного отражения умственной жизни народа»<sup>10</sup>. Спустя четыре года, в 1834 г., то же скажет и Кс.А. Полевой: «У нас нет литературы, потому что книги русские не выражают вполне России», а «писавших и пишущих у нас так мало, так ограниченно, что их нельзя назвать представителями русского ума...»<sup>11</sup> В сентябре того же года с аналогичным заявлением выступит В.Г. Белинский, отметив, в отличие от Кс. Полевого, четырех писателей, которых уже вполне можно считать народными, представителями нашей национальной, уже собственно русской литературы, – Державина, Пушкина, Крылова и Грибоедова<sup>12</sup>.

Все эти годы наши критики, провозглашая вслед за Сомовым: «...народу русскому... необходимо иметь свою народную поэзию...»<sup>13</sup>, пользуясь общими критериями «народности литературы», никак не могли определить критерии народности уже собственно русской литературы<sup>14</sup>. Характерной ее чертой, получившей отражение в памятниках древнерусской словесности, Бестужев-Марлинский будет считать «непреклонный, славолюбивый дух народа, а в народных песнях – «сердечную теплоту» и «уныние»<sup>15</sup>. П.А. Вяземский обнаружит в баснях и пословицах «насмешливость лукавую», полагая ее «яркой чертой ума русского»<sup>16</sup>. «Веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться» как «отличительную черту в наших нравах» отметит Пушкин<sup>17</sup>. Первым, кто попытается все это как-то суммировать и дать ответ на вопрос, что может служить важнейшим, главным,

если не сказать единственным, показателем национального своеобразия русской литературы, был Н.А. Полевой, откликаясь на выход в 1831 г. четырехтомных «Сочинений Державина».

Представление о сущности русской народности он выводит, с одной стороны, из содержания произведений поэта: «Восторг самодовольный, жар души, сила и живопись слова – вот, – замечает Полевой, – отличительные свойства созданий Державина». С другой – из характера Державина, воплотившего в себе, с точки зрения критика, черты русского человека: «Гений Державина, – пишет Полевой, – носит все отпечатки русского характера... В душу его не проникают ни испытывающая отвлеченность германца, ни отчаянная безнадежность британца. Также недоступна ему веселая беззаботность француза: в самом веселье это разгульность русская, которая не веселится, но хочет забываться»<sup>18</sup>.

Последнее наблюдение очень точное. Действительно, русский человек впадает в «разгульность», переходящую частенько в «загул», не от радости, беззаботности или стремления просто повеселиться, а, как правило, от отчаяния, от овладевшей им грусти, тоски, чувства несправедливости по отношению к нему, желая хоть как-то на какое-то время «забыться» и забыть обо всех свалившихся на него неприятностях, отключиться от печальных реалий своей жизни. И другого способа примирения со своей действительностью у него тогда не было. Да, пожалуй, нет и сейчас...

Затем Полевой еще раз вернется к разговору об «отличительных свойствах созданий Державина», на которых самым непосредственным образом оказались «родные отпечатки русского характера». «Заметьте, – пишет он, – особенно повсюду унылость души, это веселье забывчивости, это разгулье русское, прорывающиеся сквозь восторг и радость, сквозь громы и бури гения: это из русского сердца выхвачено! В торжественной песне, в эротической пьесе Державина найдете вы родные сердцу черты. Найдете и добродушие насмешки, и русский *гумор*, и родную шутку в образах». Во всем этом Полевой видит «руссизм... национальность Державина», что до того упускалось из вида. «Говоря о лирике Державина, – пишет он, – все забывали в нем *русскоего певаца*. И итожит: «Сочинения Державина исполнены русского духа,

которого видом не видать, слыхом не слыхать у других мнимо русских поэтов наших»<sup>19</sup>.

Слова «русский дух» при характеристике сочинений Державина проявляются у Полевого не случайно. Само понятие «дух» возникло как ступень познания того, что человек своим телом, плотью принадлежит к миру материальному, физическому, осязаемому, а сознанием – к миру нематериальному, бесплотному, неосознаемому. В отличие от «телесного» его называли «духовным», а содержание этого мира – «духом».

На «наружность» представителей разных стран, «их вид и окраску» – т.е. на их плоть, влияли климат, географическое положение стран, пища, быт и т.д., в свою очередь условия социальной, общественной жизни, воспитание, образ правления и т.п., воздействовали на нравы людей, их мышление, сознание и т.д. – т.е. на их «дух». В процессе исторического развития человечества духовная жизнь каждого народа приобретала национальные черты, способствуя возникновению и формированию, соответственно, «духа» английского, немецкого, французского, русского и т.д. со своим особым содержанием.

Этот «дух», как уже подметили в конце XVIII в., «проявлялся в произведениях искусства», придавая им качество национального своеобразия, ступенью познания которого и возникает понятие «народность искусства (литературы)»<sup>20</sup>, становясь затем инструментом познания художественных произведений. Национальное своеобразие определяли две составляющие: «дух народа» и картины (изображение) «народной жизни», выступая, в свою очередь, и составляющими (критериями) понятия о народности литературы и искусства. При этом под «народом», как писал Белинский, понимали тогда не «простой народ», «чернь», «простонародье», а «среднее и высшее сословие», что «составляют народ по преимуществу», потому что «высшая жизнь народа преимущественно выражается в его высших слоях или, вернее всего, в целой идее народа» (I, 92). То есть в понятие «народ» вкладывали содержание, какое сегодня мы вкладываем в понятие «нация».

Таким образом, «народность» осознается как главный, если не единственный, показатель национального своеобразия произведений литературы и искусства.

Картины «народной жизни» можно было увидеть либо непосредственно, в полотнах живописцев, либо опосредованно, на основе сказанного писателями, нарисовав эти картины мысленно, внутренним зрением, в своем воображении. «Дух народа» можно было только почувствовать. Следовательно, «народность русской литературы» определяли собственно «русский дух» и изображение картин «русской жизни».

Первым, кто у нас это ощущает и осознает, был Бестужев-Марлинский, читая «Слово о полку Игореве» и слушая народные песни. Он, на что выше мы уже обратили внимание, отметил «непреклонный славолюбивый дух народа» в «Слове», «сердечную теплоту» в песнях и «уныние», вызванное «бедами отечества и туманным его небом». Н.А. Полевой считал, что до Державина в нашей литературе «русского духа» вообще не было. Лишь произведения этого поэта не просто начинают его выражать, а «исполнены русского духа».

Какие же «отпечатки русского характера», «родные сердцу черты» стали для Полевого показателем «русизма» и «национальности» Державина – т.е. его «народности»?

Это – «повсюдная унылость души» (здесь он идет вовслед Бестужеву-Марлинскому, впервые почувствовавшему и объяснившему причины появления у наших людей такого настроения), затем «веселье», которое помогало русскому человеку на какое-то время «забывать» о своих и отечества бедах, «туманном его небе»; «разгулье», что позволяло снять с души накопившуюся усталость, «разрядиться», не давая «унынию» перерастать в печаль и беспросветную тоску. А также «добродушие» (незлобивость) насмешки, «русского гумора» и шутки.

В меньшей степени Полевого интересует другая составляющая «народности» – изображение картин «русской жизни». Здесь он отметит лишь «живые портреты вельмож и современников» в «Оде к Фелице», описания «русской пляски, русских девушек, цыганские пляски», а также «утра в доме вельможи» (послание «К первому соседу») и выделит «две копейки, которые кладут русские на глаза покойников»<sup>21</sup>.

Постоянно подчеркивая, что Державин «русский певец», «русский поэт», Полевой ни разу не называет его «народным». Это сделает В.Г. Белинский в «Литературных мечтаниях».

Выходя на свое поприще, Белинский не сомневается, что национальное своеобразие литературы определяется «народным духом», так как, подчеркивает он, «художественно-словесные произведения» представляют собой «плод свободного вдохновения... людей, созданных для искусства... выражают и воспроизводят в своих изящных созданиях дух того народа, среди которого они рождены и воспитаны, жизни которого живут и духом которого дышат, выражают в своих творческих произведениях его внутреннюю жизнь до сокровеннейших глубин и биений» (I, 24).

Приложив такое представление о сущности литературы к произведениям отечественных писателей, критик приходит к выводу, что до XVIII в. у нас подобной литературы вообще не было, а были лишь «поэтические предания и вымыслы» нашего народа, в одних – «заунывных песнях» – которого «изливалась его душа в горе и в радости», а другие – «прекрасные», были «полны глубокой грусти, сладкой тоски и разгулья молодецкого» (I, 40), разделяя, таким образом, во многом мнение Н. Полевого относительно «отпечатков русского характера» и «родных сердцу чертах», получивших отражение в созданиях нашего народа.

Белинский безоговорочно соглашается с Полевым, что собственно русская по своему «духу» литература начинается у нас с Державина. Первые «труженики пера», появившиеся у нас в XVIII в., – Антиох Кантемир и В. Тредиаковский, просто не имели, считает Белинский, «поэтического призыва». Кантемир к тому же «был иностранец, следовательно не мог сочувствовать народу и разделять его надежды и опасения», тем более выражать его «дух». Тредиаковский вообще «был рожден для плуга или для топора», а не для искусства (I, 41). «Рожденный» же и «воспитанный» среди народа М.В. Ломоносов, с которого фактически «начинается наша литература», жизнью русского народа не жил и его духом не дышал. «Прельщеный блеском иноземного просвещения, – отметит критик, – он закрыл глаза для родного... оставил без внимания народные песни и сказки, а потому и не стал «народным поэтом»: его «погубила слепая подражательность» (I, 42, 43–44).

Что же сделало «народным» Державина? С одной стороны, «невежество», которое, считает Белинский, «спасло его от подражательности» (I, 50), с другой – время. «Знаете ли вы, – спрашивает читателей критик, – в чем состоял отличительный характер века

Екатерины II, этой великой эпохи, этого светлого момента жизни русского народа?» – и отвечает: «Мне кажется в *народности*». И тут же утверждает: «Да – в *народности*, ибо тогда Русь, стараясь по-прежнему (начиная с Петровской эпохи. – *A. K.*) подделываться под чужой лад, как будто на зло самой себе, оставалась Русью. Вспомните, – продолжает он, – этих важных радушных бояр... этих величавых и гордых вельмож, которые любили жить *нараспашку*... которые умели попирать и повеселиться по старинному дедовскому обычаю, от всей души русской», широко, до самозабвения и т.д. и т.п. (I, 46–47).

В этих условиях поэт по призванию просто не мог не быть народным. И Державин – «бедный дворянин, почти безграмотный, дитя по своим понятиям», получив неизвестно откуда, удивляется Белинский, «вещий пророческий глагол, потрясающий сердца и восторгающий души», – неизбежно, можно сказать, автоматически становится «народным». Он – «полное выражение, живая летопись, торжественный гимн, пламенный дифирамб века Екатерины... поэтическая весть о том, как велика была несравненная, богоподобная *Фелица киргиз-кайсацкия орды*... как жили и были вельможи русские с своим неистощимым *хлебом-солью*, с своим русским *сибаритством* и русским умом; как русские девы своими пламенными взорами и соболиными бровями разят души и сердца орлов, как блестят их белые чела златыми лентами, как дышат их нежные груди под драгими жемчугами, как сквозь их голубые жилки переливается розовая кровь, а на ланитах любовь врезала огневые ямки!» (I, 48,49).

Таким образом, первой, в глазах Белинского, *державинской составляющей* народности русской литературы было изображение картин русской жизни сверху донизу, от императрицы и вельмож до простых «дев», картин, что уже, по словам Кс. Полевого, «выражают вполне Россию».

Вторая составляющая, определившая «высочайшую степень» народности и самого Державина, проявилась «не в подборе мужицких слов или насильтственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи» (I, 50).

Именно поэтому, заключает Белинский, «мы имеем в Державине великого, гениального русского поэта, который был

верным эхом жизни русского народа, верным отголоском века Екатерины II» (I, 50).

Единственным у нас после Державина поэтом, чье творчество отвечало державинским составляющим критерия «народности русской литературы», был для молодого Белинского только Пушкин. Он один, пишет критик в своих «Литературных мечтаниях», «был выражением современного ему мира, представителем современного ему человечества; но мира русского, но человечества русского» (I, 72).

- 
- <sup>1</sup> См.: Курилов А.С. Классицизм, романтизм, сентиментализм. (К вопросу о концепциях и хронологии литературно-художественного развития) // Филологические науки. – М., 2001, – № 5. – С. 41–47; *Он же. История литературы Нового времени: Логика художественного развития от итальянского Возрождения до русского сентиментализма* // Филология и школа. – М., 2003. – Вып. 1. – С. 181–186.
- <sup>2</sup> Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Л., 1978. – Т. 7. – С. 51.
- <sup>3</sup> Из истории английской эстетической мысли: Поп. Аддисон. Джерард. Рид. – М., 1982. – С. 129.
- <sup>4</sup> Винкельман И.И. История искусства древности. – М., 1933. – С. 18.
- <sup>5</sup> Там же. – С. 27, 31.
- <sup>6</sup> Соловьев О.М. О романтической поэзии // Соревнователь просвещения и благотворения. – СПб., 1823. – Ч. ХХIII, кн. 2. – С. 125; Литературно-критические работы декабристов. – М., 1978. – С. 264.
- <sup>7</sup> Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – Т. 7. – С. 28–29.
- <sup>8</sup> Кюхельбекер В.К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Мнемозина. – СПб., 1824. – Ч. II. – С. 42; Литературно-критические работы декабристов. – С. 195.
- <sup>9</sup> Бестужев-Марлинский А.А. Соч.: В 2 т. – Т. 2. – М., 1958. – С. 526, 530, 547, 551.
- <sup>10</sup> Киреевский И.В. Обозрение русской словесности 1829 года // Денница, альманах на 1830 год. – М., 1830. – С. ХХIV; Киреевский И.В. Избранные статьи. – М., 1984. – С. 60.
- <sup>11</sup> Полевой Н.А., Полевой Кс.А. Литературная критика. – Л., 1990. – С. 494.
- <sup>12</sup> Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – Т. I. – М., 1953. – С. 101. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы.
- <sup>13</sup> Литературно-критические работы декабристов. – С. 272.
- <sup>14</sup> См.: Курилов А.С. Понятие «народность русской литературы» в критике 20–30-х годов XIX в. (Пути исканий, критерии) // Филологические науки. – М., 1993. – № 3. – С. 11–18.

- <sup>15</sup> *Бестужев-Марлинский*. Соч. – Т. 2. – С. 522.
- <sup>16</sup> *Вяземский П.А.* Соч.: В 2 т. – Т. 2. – М., 1982. – С. 69.
- <sup>17</sup> *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. – Т. 7. – С. 23.
- <sup>18</sup> *Полевой Н.А., Полевой Кс.А.* Литературная критика. – С. 179.
- <sup>19</sup> Там же. – С. 182.
- <sup>20</sup> См.: *Курилов А.С.* Понятие народности и принцип историзма // Методология современного литературоведения: Проблемы историзма. – М., 1978. – С. 131–133.
- <sup>21</sup> См.: *Н.А. Полевой, Кс.А. Полевой*. Литературная критика. – С. 170, 182, 183.

## «ИЗ СТАИ СЛАВНОЙ...»

*Они встают из-под земли – славные, великие  
литературоведы, ученые, оставившие учеников и  
книги. Vita mortuorum in memoria vivorum est posita*<sup>\*</sup>

### ***Аннотация***

В статьях рассматривается научное наследие двух крупнейших русских литературоведов, представителей петербургской и московской школы истории и теории литературы: академика А.М. Панченко и Н.И. Либана.

**Ключевые слова:** А.М. Панченко, Н.И. Либан, феноменология культуры, древнерусская литература, Московский государственный университет, Пушкинский Дом.

***Kibalnik S.A. Aleksander Michailovich Panchenko and the school of «the phenomenology of culture» of St.-Petersburg***

***Millionshchikova T.M. Nikolai Ivanovich Liban and the Moscow State University***

***Summary.*** The articles deal with the scientific legacy of the two eminent Russian scholars – A.M. Panchenko (St.-Petersburg) and V.I. Liban (Moscow).

### **С.А. Кибальник**

## **АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАНЧЕНКО И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА «ФЕНОМЕНОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ»**

Об Александре Михайловиче Панченко написано пока не так много, но зато писали о нем большей частью люди яркие, неординарные: например, А.Ю. Арьев, Н.С. Демкова, Е.А. Костюхин, Д.С. Лихачёв, М.Б. Плюханова, Г.М. Прохоров, Е.К. Ромодановская, И.З. Серман, О.В. Творогов... Писали о нем и иностранные слависты (Х. Трендафилов, И. Феринц), и наши питерские,

---

<sup>\*</sup>Жизнь умерших продолжается в памяти живых (лат. Цицерон).

да и не только питерские, журналисты: прежде всего З. Курбатова, Л. Лурье, Н. Кавин, Вас. Пригодыч и др. Рачением С.И. Николаева, который и сам не раз писал и говорил о А.М. Панченко, все это, как и написанное самим исследователем, отмечено в вышедшем недавно справочнике, изданном Российской академией наук.

Большая часть этих работ представляет собой рецензии, юбилейные приветствия, написанные еще при жизни А.М. Панченко, или отклики на его смерть. Разумеется, вряд ли стоило бы искать в них сколько-нибудь развернутую характеристику и точное определение того места, которое А.М. Панченко занимает в истории науки и культуры. Впрочем, попытки дать их все же предпринимались. Уже через год после смерти ученого, в мае 2003 г., Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома посвятил очередные Малышевские чтения памяти А.М. Панченко. Постоянно пишут и вспоминают о нем на страницах журнала «Звезда» (А.Ю. Арьев, В.П. Бударагин, А.М. Кавин, А.А. Панченко), при этом стараниями В.С. Копыловой-Панченко и А.Ю. Арьева появляются публикации неизданных работ исследователя. Выходят новые издания его трудов.

Определенным этапом в решении обозначенной задачи стало и заседание Ученого совета Пушкинского Дома, состоявшееся 26 февраля 2007 г., на котором содержательные доклады прочли Ю.М. Прозоров и В.А. Ромодановская, а также говорили о наследии и личности А.М. Панченко, В.П. Бударагин, А.А. Горелов, С.И. Николаев, Г.В. Маркелов. Можно сказать, что подлинное осмысление научного творчества А.М. Панченко только еще начинается. Так, 70-летний юбилей А.М. Панченко, пришедшийся на 25 февраля 2007 г., начался с публикации концептуальной заметки А.А. Панченко «От “топики культуры” к “истории обывателя”», в которой была сделана попытка очертить творческий путь ученого и оценить значение сделанного им.

# 1

Современная ситуация в мире и науке отнюдь не снимает постановку вопросов, которыми занимался А.М. Панченко, а просто требует некоторой их коррекции. Понятие «нации» действительно считается некоторыми современными исследовате-

лями достаточно искусственным конструктом, изобретенным в эпоху становления и укрепления государств, который в век культурной глобализации (слухи о которой, впрочем, сильно преувеличены) теряет свое значение, а понятие «ментальности» так и не стало вполне научной категорией. Однако этого нельзя сказать, например, о категории «культурной идентичности». И если культурная идентичность современного человека часто бывает размыта вследствие процессов транскультуратации, так что нередким явлением становится бикультурализм и даже апатридство (которые, впрочем, встречались и раньше, в том числе и в Древней Руси, но лишь гораздо реже), то все же при всем при этом она никуда не исчезает.

Действительное противоречие в позиции А.М. Панченко, которое, впрочем, было в большей степени свойственно исследователю лишь в последнее десятилетие его жизни и проявлялось в его не столько научной, сколько телевизионной публицистической деятельности, заключалось, на наш взгляд, в том, что он не мог принять окончательного перехода русской цивилизации от традиционного к модернизированному обществу и идеализировал первое из них. Между тем новый век привносил изменения в систему ценностей и «изобретал» новые традиции, а новые поколения русских решительно не могли согласиться с однозначной апологией Обломова и полным отрицанием Штольца и не желали «собирать клюкву», какой бы метафорой в устах ученого это ни было. Однако общественная и научная позиция А.М. Панченко в этом плане и сейчас, в период очередного отказа русских от самих себя в культуре и сплошного «перевода с английского» в гуманитарной науке, выглядит как важное напоминание о необходимости «самостоянья народа», так же как и «самостоянья человека».

## 2

Мне кажется некоторым упущением то, что, говоря об истории отечественной гуманитарной науки этого времени, никто так ни разу и не сказал о существовании в Петербурге особой научной школы – причем не «школы медиевистики», а филологической и культурологической школы, связанной в первую очередь с именами Д.С. Лихачёва, А.М. Панченко, с определенными оговорками –

Г.М. Фридлендера, В.Э. Вацуро, Б.Ф. Егорова, Ю.М. Лотмана, А.Х. Горфункеля, в какой-то степени – В.В. Колесова и многих других ученых. Полагаю, что многие из ныне действующих «пушкинодомцев» – в частности В.Е. Багно, В.Е. Ветловская, Г.Я. Галаган, А.А. Горелов, А.М. Грачева, А.Г. Гродецкая, Н.Ю. Грекалова, П.Р. Зaborов, В.А. Котельников, Н.Д. Кочеткова, А.В. Лавров, С.И. Николаев, Н.В. Понырко, Ю.М. Прозоров, Г.М. Прохоров, В.Д. Рақ, С.А. Фомичёв – также полностью или хотя бы частично принадлежат к этой школе. Это упущение приводит к тому, что когда речь заходит о недавнем прошлом отечественной филологии, то, как правило, говорят о «таргуско-московской семиотической школе», а заодно в лучшем случае называют кого-то одного из питерских ученых. Между тем у петербургской и в первую очередь «пушкинодомской» школы истории и теории культуры по крайней мере не меньше, если не больше оснований, чем у таргуско-московской семиотической школы, для того, чтобы из нынешней исторической перспективы рассматриваться как определенное единое целое.

Для обозначения этой школы в настоящей статье, поскольку речь в ней в первую очередь идет о А.М. Панченко, я пользуюсь следующим термином самого исследователя: «феноменология культуры». В принципе для ее обозначения можно было бы использовать и другие термины, например «конкретное литературоведение», который использовал Д.С. Лихачёв, однако он представляется менее удачным. Понятие «феноменология явлений культуры», или «феноменология культуры», А.М. Панченко, в частности, употребил в своей работе о древнерусском юродстве, вошедшей в написанную им совместно с Д.С. Лихачёвым и Н.В. Понырко книгу «Смех в Древней Руси». «Хочу предупредить, – оговаривался здесь А.М. Панченко, – что тому, кто интересуется историей юродства, эта работа вряд ли понадобится. Это разделы из феноменологии юродства, попытка объяснить некоторые черты этого явления, которые мне кажутся существенными: зрелищность юродства и элементы протеста в нем». Очевидно, что речь идет здесь о таком сущностном описании отдельных как формальных, так и содержательных сторон культурных явлений, которое носило бы одновременно и характер их объяснения. Противопоставление истории определенно указывает на то, что «феноменология куль-

туры» здесь занимает место, традиционно отводимое теории, по поводу отсутствия которой у А.М. Панченко одновременно сетуют и И.П. Смирнов, и А.А. Панченко.

«Феноменология культуры» – это и есть особым образом понятая теория, если вкладывать в это слово тот смысл, который обычно предполагает национальная культурная традиция: не абстрактное знание, а знание, основанное на глубоком погружении, вживании в исторический материал и интуитивном постижении, описание существенных сторон явления и объяснение через него его природы, специфики. В этом смысле сама научная платформа А.М. Панченко обнаруживает глубинную связь с национальной культурной традицией, для которой характерно недоверие к абстрактной теории, упускающей из своего поля зрения само явление.

Истоки такой гносеологической позиции можно не без основания видеть в традиционном иррационализме русской культуры, в идеале «живого знания» (Ф.М. Достоевский), в присущем русской философии культе интуиции, в философии «всеединства» и наиболее непосредственным образом в идее «предметного мышления», которую, в частности, развивал С.Л. Франк. В понимании Франка мышление определяется как «самооткровение некоей целостной реальности», как «мышление, которое никогда не удаляется от конкретной полноты реальности».

Для того чтобы проиллюстрировать, насколько такое отношение к теории литературы характерно для Пушкинского Дома, позволю себе процитировать свою собственную книгу «Художественная философия Пушкина»: «Одной из методологических основ данной работы является убеждение автора в необходимости построения новой, эмпирической теории литературы, т.е. такой теории, которая не парит над ее предметом на высоте птичьего полета, с которой он видится искаженно, а имеет этот предмет в поле полноценного зрения. Такая теория свободна от формализованной абстрактности традиционной теории литературы и базируется на осмыслиении и переживании разнообразных явлений культуры в их взаимных отношениях. Применительно к такой теории цитируемое далее высказывание Гёте оказалось бы уже неверным: “Теории – это обычно результаты чрезмерной поспешности нетерпеливого рассудка, который охотно хотел бы избавиться от явлений и по-

этому подсовывает на их место образы, понятия, часто даже одни слова”». По существу об этом же напоминает В.Е. Ветловская: «…любые обобщения должны исходить из правильного анализа единичных явлений», и этот принцип повторяется как заклинание во многих работах исследователей Пушкинского Дома и других ученых, разделяющих принципы петербургской школы «феноменологии культуры», независимо от того, где они живут и работают.

### 3

Однако у А.М. Панченко имело место отрицание не всякой теории, а лишь отрицание теории литературы. Зато теоретические представления, почерпнутые им из смежных гуманитарных дисциплин: культурной антропологии, этнографии, философии истории, – использовались им широко и плодотворно. По существу А.М. Панченко, как и другие представители «петербургской школы», был скрытым интердисциплинарием: литературный этикет, стихотворная культура, топика культуры и другие понятия, выводящие нас за пределы собственно литературного текста, были для него, как и для Д.С. Лихачёва, Ю.М. Лотмана, Б.Ф. Егорова и В.Э. Вацуро, вполне обиходными.

Важное отличие интердисциплинарного подхода «петербургской школы» от интердисциплинарности современной гуманитарной науки заключается, однако, в том, что применение методов и понятий, почерпнутых из смежных гуманитарных дисциплин, осуществлялось ее представителями все же на строгой филологической основе и тем самым обогащало наш взгляд прежде всего на литературу и культуру в целом. Между тем современная междисциплинарность, идущая об руку с изменением коммуникационной среды и снижением роли литературы в культурах – даже в таких, как русская, – зачастую предполагает отказ от базовых принципов филологии, например таких, как специфика художественного текста, а следовательно, и переориентацию с изучения собственно литературы на социологию повседневности. Таким образом, междисциплинарность петербургской школы феноменологии культуры, в отличие от интердисциплинарного подхода современной культурологии, сохраняет четкую привязку к своему основному

предмету изучения – литературе и к своей базисной дисциплине – филологии.

Помимо особого понимания соотношения между историей и теорией, которое, в частности, требовало теоретического осмысливания желательно не чужого, а собранного самим исследователем историко-культурного материала, восприятия литературы как существенной и сущностной части русской культуры вообще и связанной с этим особой интердисциплинарности на базе филологии, для «петербургской школы феноменологии культуры» характерны также следующие черты. Во-первых, это особое внимание не только к текстам, но и к стоящей за ними, согласно представлениям этой школы, живой жизни, реальности. Недаром не только А.М. Панченко, но и Ю.М. Лотман и В.Э. Вацуро так часто говорили о живых деятелях прошлых эпох (причем необязательно писателях), так много опирались в своих исследованиях на мемуаристику (вспомним цикл телевизионных передач Ю.М. Лотмана), так были внимательны не только к самой классике, но и к стоящему бок о бок с ней интерпретатору (в этом плане наиболее ярким примером является Б.Ф. Егоров).

Другая черта школы – это установка на поучительность занятий историей культуры, «просветительские иллюзии», о которых писал А.А. Панченко. Между прочим, это связано с тем, что ведущие представители этой школы занимались именно классикой: древнерусской литературой, Пушкиным, Достоевским (и, между прочим, не писали о массовой литературе: например, ни Лотман, ни Вацуро не писали о Ф.В. Булгарине и Н.И. Грече, что вошло в обиход позднее). А классика – от митрополита Илариона до Пушкина и Достоевского – предполагает душеполезное действие, установку на пробуждение «добрых чувств», хотя именно средствами самого искусства, «красотой», а не тенденцией. Так что представители этой школы не вносили «просветительские иллюзии» в классику от себя, а скорее проектировали эти заложенные в русской классике установки на современность. Об этом, кстати, А.М. Панченко не раз писал и говорил достаточно прямо.

Еще одна объединяющая черта школы – это петербургская выучка с ее серьезной начальной базой эмпирического историко-культурного исследования, особое внимание к петербургской теме в русской культуре или, точнее сказать, собственно к Петербургу

как действующему лицу русской литературы, к петербургскому периоду русской истории. Когда к этой же теме обращаются, например, московские исследователи, как, например, В.Н. Топоров, то их внимание привлекает прежде всего так называемый «петербургский текст русской литературы», который, собственно, создан преимущественно писателями-непетербуржцами (главным образом москвичами) и является в значительной своей части скорее антипетербургским текстом. Сюда же следует отнести и такую черту школы, как убеждение в европеизме русской культуры.

## 4

Многие из принципов научного направления А.М. Панченко характерны также и для других названных выше представителей «петербургской школы». Впрочем, в литературе, посвященной, например, Ю.М. Лотману и В.Э. Вацуро, хорошо показано, насколько погружение в эпоху, интерес к литературному быту и этикету, петербургской традиции в истории русской литературы и гуманитарной науки характерны для этих исследователей. А «своеобразие работ Г.М. Фридлендера как теоретика и историка литературы» его коллеги, включая самого А.М. Панченко, усматривали «в том, что он неизменно рассматривал в них историю русской литературы в широком культурно-историческом контексте»: «В то же время – в противовес догматизму тогдашней марксистской науки – он в каждой из них стремился утвердить взгляд на литературу как на самостоятельную, внутренне свободную духовную деятельность, идею преемственности литературного развития, а также исторической изменчивости самого объема понятия “литература”, сочетания в художественном творчестве личностно-индивидуального, эпохально-исторического и вечного, общечеловеческого начал».

Некоторые принципы «петербургской школы» легко выявляются, если обратиться, например, к тому, что писал о А.М. Панченко Д.С. Лихачёв и что в свою очередь А.М. Панченко писал о Д.С. Лихачёве или о В.П. Адриановой-Перетц. Например, в Д.С. Лихачёве А.М. Панченко выделял: 1) связь научных интересов с жизненными обстоятельствами, которые «сделали Петербург – Петроград – Ленинград постоянным персонажем творче-

ства Д.С. Лихачёва», и в первую очередь «его кровную и непреходящую связь с Ленинградом», а также связь его с петербургской научной традицией (прежде всего с текстологической школой петербургской медиевистики: В.П. Адриановой-Перетц, А.С. Орловым и др.); 2) естественный выход за пределы литературного текста (поскольку «искусство Древней Руси – синтетическое искусство, объединяющее слово и музыку, движение, живопись и архитектуру»), обращение к культуре в целом и, как следствие, особого рода междисциплинарность на базе филологии: «Д.С. Лихачёв стремится расшифровать “язык культуры”, а язык, даже если он не пользуется фонемами и литерами, всегда остается в ведении филологии» (с. 222); 3) установку на создание «гуманистических, необходимых современному человеку ценностей» за счет «воскрешения ценностей, накопленных нашими предками, – тех святынь, которыми творилась и поддерживалась Россия как духовная сила» (с. 222). Нетрудно уловить сходство даже и на уровне некоторых сквозных идей. Так, то «единство русской культурной традиции», о котором так много писал сам А.М. Панченко и которое его исследователи выделяют как одну из основных его идей, сам А.М. Панченко не раз подчеркивал в работах Д.С. Лихачёва. Последний же, в отличие от славянофилов, не усматривал «разрыва с национальной традицией» (с. 219) даже в переходе от русского Средневековья к Новому времени.

## 5

Вообще в противоположность московской филологической традиции «петербургская школа» базируется не на лингвистике, а на текстологии и сравнительно-исторических исследованиях, восходящих к А.Х. Востокову. Напомню в связи с этим высказывание Б.А. Успенского: «Различная ориентация петербургской и московской научных школ имеет давнюю традицию: Фортунатов в Москве – Веселовский в Петербурге. Дурново, Трубецкой, Якобсон, Шахматов связаны с Москвой и московской научной традицией. Одновременно традиционен был низкий уровень московского литературоведения, выражавшимся в том, что были Стороженко и Алексей Веселовский».

К этому следует добавить некоторые другие различия между петербургской и московской филологическими традициями, сформулированные В.В. Колесовым: «Петербургские ученые в своих исследованиях идут от семантики к форме, московские предпочитают обратный путь; даже влиятельное в первой половине нашего века учение “формалистов” неоднородно в этом смысле: московские формалисты “феноменологичны”, ленинградские – “семиотичны”. Петербургские филологи полагают, что культурные ценности функционально оправданы (стиль есть функция), тогда как для московских коллег именно формально-стилистический уровень определяет меру ценности того или иного явления». Даже именования дисциплин, которые включены в изучение этих проблем сегодня, определенно различаются: с одной стороны, это «герменевтика» (в том числе лингвистическая герменевтика), а с другой – непонятная наука «культурология».

Оговорюсь, что, как и у В.В. Колесова, речь в настоящей статье идет не столько о географических различиях, сколько о различиях в научных традициях, которые в настоящее время могут проявляться в полном противоречии с географической «пропиской». Так, тартуско-московская семиотическая школа развивала традиции ленинградского ОПОЯЗа, а петербургская школа «феноменологии культуры», прежде всего в лице А.М. Панченко, – московского ГАХНа. Кроме того, последняя опиралась на культурологию петербуржца М.М. Бахтина и феноменологию москвича Г.Г. Шпета, а также антропологию москвича Н.С. Трубецкого и историософию петербуржца Г.П. Федотова.

Что касается второй половины вводимого нами понятия, то в том виде, как оно было представлено у А.М. Панченко: «феноменология культуры», – оно кажется совсем не случайным и, в общем, довольно удачным. Помимо сказанного на этот счет выше замечу, что и историко-философские основания этого понятия просматриваются достаточно легко. Может быть, здесь стоит говорить о традиции, идущей не от Э. Гуссерля, а от М. Шелера, для которого возвращение к «дающим себя самих вещам» было самым действенным методом истинного метафизического метода: «Оно не предается беспредметным спекуляциям или конструированию систем, но благодаря исследованию данного и действитель-

ного полностью превращает метафизику в “науку” о самом бытии, к которой стремятся философы начиная с Аристотеля».

Современный исследователь отмечает, что в самом общем виде феноменологический подход предусматривает «полное духовное переживание, которое присутствует уже в актах интенции, в разнообразных видах “сознания о чем-то”»; в основе его лежит «живейший, интенсивнейший и непосредственнейший, происходящий в переживании “контакт с самим миром”». Поэтому-то открывающийся в ходе феноменологического созерцания смысл предстает не как абстрактная форма, а как «то, что *внутренне присуще самому предмету, его интимное*». Следование феноменологическим процедурам выступает, таким образом, как непременное условие восприятия художественного произведения, позволяющее осуществить диалектический переход от чтения к анализу.

Неудивительно, что тот же процитированный выше исследователь феноменологических принципов литературоведческого исследования констатирует: «В современной ситуации в России (на Западе чуть раньше, уже с начала 70-х годов) четко просматривается смена научных парадигм – переход, условно говоря, от структурализма к феноменализму, от деконструктивизма к онтологии художественного творчества». Добавим к этому, что, говоря о петербургской школе «феноменологии культуры», следует иметь в виду даже не столько феноменологию М. Шелера, сколько феноменологию С.Л. Франка и Г.Г. Шпета, на которого, кстати, не раз прямо ссылался Д.С. Лихачёв. Возможна здесь косвенная связь с феноменологией и через М.М. Бахтина, между построениями которого и основными идеями феноменологии продемонстрировано достаточно много параллелей.

Разумеется, эстетика Бахтина, на которую А.М. Панченко и Д.С. Лихачёв прямо ориентировались в своей книге «Смех в Древней Руси» и которую не случайно «оценивают как вариант феноменологической герменевтики, а саму эволюцию мыслителя (если о ней вообще можно говорить) – как движение от феноменологических посылок познания к задачам герменевтической науки», тоже могла предопределить то обстоятельство, что свой метод работы в этой книге А.М. Панченко обозначил термином «феноменология».

## 6

Говоря об истоках школы «феноменологии культуры» применительно к А.М. Панченко, следует заметить, что, справедливо указывая на его разногласия с Л.Н. Гумилёвым и чуждость «евразийству», исследователи нередко забывают о том, что русские евразийцы 1920–1930-х годов – в частности П.Н. Савицкий, с которым А.М. Панченко познакомился во время своей учебы в Праге, или Н.С. Трубецкой, которого он переводил, – были замечательными для своего времени культурными антропологами. И некоторые свои темы – например, интерес к «общеславянскому элементу в русской культуре» или проходящее красной нитью через его работы представление о культурно-историческом своеобразии и равноправии культур (*«Культура – это единый процесс, все отрезки которого равноправны»* – *«О топике культуры»*) – А.М. Панченко явно воспринял от них. Да и само широкое понимание филологии с выходом на историософию и культурную антропологию, о котором речь шла выше, безусловно, идет от них, а также от петербуржца Г.П. Федотова, которого А.М. Панченко высоко ценил.

Разумеется, и личность, и исследовательская манера А.М. Панченко глубоко своеобразны и уникальны. Однако для всех, кто знал или хотя бы слушал его, это настолько очевидно, что в доказательствах не нуждается. Вот почему в настоящей статье речь преимущественно шла о его принадлежности к школе, одним из самых ярких представителей которой он был и в развитие которой он внес необычайно ценный вклад. Заключая эту предварительную постановку темы, хочу сказать, что, разумеется, время выявило в петербургской школе феноменологии культуры не только достоинства, но и недостатки. Однако они заключаются, с моей точки зрения, вовсе не в стремлении описать национальную топику, как полагает А.А. Панченко, а в недостаточном ощущении ее культурной изменчивости.

Я полагаю, что, отстаивая единство русской культуры, А.М. Панченко все же переносил «консерватизм средневековой культуры», о котором сам он писал в рецензии на книгу А.Я. Гуревича *«Категории средневековой культуры»*, на Новое время, в том числе и на искусство модернизма, в котором многое только кажется

ся похожим на классику, а на самом деле существует в рамках уже совсем других парадигм. Общие мотивы между средневековой культурой и искусством Нового времени есть в некоторых случаях лишь aberrация исследователя реликтовых форм культуры, который нацелен на усматривание старого в новом, но не может, в силу выше охарактеризованных процедур «погружения» в древность, в полной мере ощутить новаторский, ни на что не похожий характер явлений новой культуры.

Возможно, в таких случаях можно было бы с большим основанием говорить о культурных архетипах, чем о национальных исторических константах. Однако это критическое замечание в адрес методологии А.М. Панченко может служить отнюдь не лишним свидетельством живучести и способности к развитию петербургской школы феноменологии культуры, на достижениях которой и основан в значительной степени научный авторитет Пушкинского Дома.

**Т.М. Миллионщикова**

## **НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЛИБАН И МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Научно-педагогическое наследие Николая Ивановича Либана (1910–2007), историка русской литературы, заслуженного преподавателя МГУ им. М.В. Ломоносова, представлено в основном курсом его лекций, читанных на филологическом факультете Московского университета.

После окончания Московского государственного педагогического института и аспирантуры Московского института философии, истории и литературы (МИФЛИ) Н.И. Либан в 1943 г. был принят в число преподавателей МГУ в качестве ассистента кафедры русской и славянской литературы филологического факультета. Начало его преподавательской деятельности пришлось на годы Великой Отечественной войны. С 1943 г. он был назначен заместителем декана заочного отделения филфака МГУ и, находясь в этой должности, до конца войны много раз выезжал на фронт и выступал перед ранеными бойцами в госпиталях. В первые послевоенные годы Н.И. Либан провел огромное количество занятий и консультаций у тяжелобольных студентов и инвалидов у них дома.

На протяжении своей долгой педагогической деятельности в Московском университете Н.И. Либан руководил стажерами, слушателями факультета повышения квалификации; постоянно консультировал учителей, музеиных работников и всех, кто обращался к нему за помощью. «Диапазон, размах, масштаб его деятельности как лектора, еще более – как руководителя студенческих семинаров и дипломных сочинений, а также как неизменного участника всяческих обсуждений и дискуссий, поистине беспреце-

дентен»<sup>1</sup>, – отмечает профессор МГУ Валентин Хализев. Под научным руководством Н.И. Либана защищено более 200 дипломных работ.

Профессор МГУ Валентин Хализев подчеркивает, что Николай Иванович был «всесильно сосредоточен на факультетской жизни». Ему был свойствен интерес не только к его собственным ученикам (участникам семинаров и слушателям лекций), но и к факультетской студенческой жизни в целом. Перед руководством факультета он неоднократно и весьма настойчиво выступал в роли защитника тех, кого считал настоящими филологами. О его поддержке помнят многие из давних выпускников.

В то же время Николай Иванович называл себя лишь педагогом, но «не ученым» совершенно безосновательно, утверждает В. Хализев. Ему был присущ широкий круг филологических интересов, оригинальность высказываемых мыслей, четкость занимаемой позиции. В центре его внимания всегда находилась древнерусская литература; на втором месте (а, быть может, даже и на первом) – творчество Н.С. Лескова, которого Николай Иванович считал самым русским из всех наших писателей. Большое внимание он уделял также творчеству Н.Г. Помяловского.

На отделении русского языка и литературы филологического факультета Н.И. Либан прочитал двадцать три авторских спецкурса и общий курс по истории древнерусской литературы. Хронологически его лекции охватывают огромный период истории русской словесности, начиная от ее истоков – древнерусской литературы, возникшей с началом христианизации Руси, и заканчивая кризисом христианства, отразившимся в творчестве русских религиозных писателей и мыслителей рубежа XIX–XX столетий. Энциклопедические знания ученого и педагога определили широту его научных интересов, охватывающих историю и теорию литературы. Предметом лекций и спецсеминаров в разные годы оказывались фольклор и литература Древней Руси; литература и культура XVIII в.; эстетика классицизма; масонство; русский романтизм; поэзия «золотого века»; проза русских писателей второй половины XIX в.

Главным в научно-преподавательской деятельности Николая Ивановича стал курс лекций, обязательный для всех студентов отделения русского языка и литературы, читанный им в 1956–

2000 гг. – «Древняя русская литература (XI–XVII)», который и принес ему прижизненную славу. Синкретизм, присущий русской литературе Древней Руси, требовал от автора лекций методологии, которая гармонично сочетала бы историко-культурный, этнографический, лингвистический, философско-религиозный принципы анализа. Именно таким научно-исследовательским подходом в совершенстве владел Н.И. Либан, обладавший «огромной обще-гуманитарной эрудицией»<sup>2</sup>, – подчеркивает ученик Николая Ивановича, доктор филологических наук, профессор МГУ Сергей Кормилов.

Применительно к древнерусской литературе ученый выделил периодизацию, совпадающую с вехами отечественной истории XI–XVII вв., выделив в ней четыре периода. С XI в. по конец XIII в. – первый, киевский период, когда произошло становление литературной жизни ранней Руси; второй период, связанный со становлением так называемых областных литератур, совпадает с эпохой феодальной раздробленности (конец XIII в., XIV и XV вв., вплоть до начала XVI в.); третий, самый яркий, «московский» период охватывает XVI в.; последний – период общерусской литературы (конец XVI и весь XVII в.). Н.И. Либан делает оговорку, что некоторые специалисты по древнерусской литературе сдвигают эти границы или предлагают дробное членение внутри этих периодов.

Н.И. Либан подчеркивал, что решающую роль в возникновении литературы Древней Руси сыграло принятие христианства (988 г.). Русская народность, получившая исключительно благодаря христианизации письменность, «еще живущая преданиями, былинами и сказками, осознает себя как историческую индивидуальность, как историческую единицу... По мысли ученого, нельзя говорить о летописях, не сказав о том, как мы научились писать. Уметь писать – означает умение думать. Когда человек пишет, он общается не с бумагой, а с вечностью. Он излагает свое понимание вещей и приобщается к общему мировому движению мысли. Вот что стало нам доступно в XI в. Для современников она была тайной, предназначавшейся для будущего»<sup>3</sup>. Николай Иванович и видел свою задачу в том, чтобы его студенты приблизились к разгадке этой тайны.

Подобно византийским хроникам Георгия Амартола и Иоанна Малалы, русская летопись начинается с древних библейских времен. Постепенно летописцы стали включать в нее и современную им историю: «чем ближе по времени событие к летописцу, тем реалистичнее его описание и картины». В «Повести временных лет» – «первоначальной древней нашей летописи» – содержатся этнографические сведения о древних славянах, легенды о первых князьях Древней Руси, основы русской юриспруденции (в повесть вошла вся «Правда» Ярослава Мудрого), впервые обозначены географические границы страны.

Н.И. Либан усматривал главное отличие русской летописи от западных хроник, где все логично и кратко и сжато, в том, что «там по тексту не выстроишь исторически сложившейся физиономии народа. А по нашим лекциям – пожалуйста. Мы так наивны в своих рассуждениях, мы рассказываем о таких вещах, которым вряд ли кто-либо поверит, но рассказываем с увлечением и с полной верой, с таким воодушевлением, что сами раскрываемся в собственной полноте»<sup>4</sup>.

Обращаясь к «Слову о полку Игореве», ученый освещает историю открытия и изучения этого памятника. «Слово» дошло до нас в единственном экземпляре, объяснения этому исследователи находят в том, что текст принадлежит мирской, а не церковной литературе. Главная причина, по мнению Н.И. Либана, заключается в том, что в «Слове» изображено второстепенное событие: Это был отдельный эпизод из жизни Киевской Руси, когда Великий князь Святослав уже потерял свое могущество. Многие исследователи древнерусской литературы рассматривают «Слово» как ее вершину, однако, с точки зрения Н.И. Либана, необходимо учитывать то обстоятельство, что в свое время это произведение «окружали другие памятники, созданные... на пике Киевского периода древнерусской литературы – в конце XII в. Существенной чертой поэтики «Слова» является и то, что оно никогда не звучало в песенном исполнении, о чем свидетельствует само название «слово», т.е. то, что говорится.

Сергей Кормилов отмечает, что некоторые из этих курсов благодарными учениками Н.И. Либана «были не только тщательно записаны, но и изданы при его жизни, так что он имел возможность подержать в руках книги своих лекций. Такого признания не

удостоились ни легендарный историк Грановский, ни гениальный философ и филолог Бахтин: их записанные слушателями лекции были напечатаны спустя много лет после смерти этих ученых»<sup>5</sup>. Отдельным изданием курс древнерусской литературы, читанный Н.И. Либаном, был частично опубликован в его книгах: «Литература Древней Руси: Лекции-очерки» и «Лекции по истории русской литературы: От Древней Руси до первой трети XIX в.»<sup>6</sup> Полностью лекции Н.И. Либана по древнерусской литературе опубликованы в первой части книги.

К 100-летию выдающегося русского ученого и педагога вышел сборник его избранных трудов, составленный вдовой Николая Ивановича, Верой Харламовой-Либан. По ее словам, она стремилась воссоздать для читателя авторскую концепцию в ее стройности и богатстве смыслов, передающих незабвенные черты ученого-просветителя, сохранить конкретность деталей лекторского рассказа-анализа и выразительность едва ли кем превзойденного полнокровного, живого слова. Издание это увидело свет во многом благодаря поддержке давних учеников Николая Ивановича и явилось данью «памяти бескорыстному хранителю русской культуры», как охарактеризовал эту книгу доктор филологических наук, профессор МГУ А.А. Пауткин.

В сборнике избранных трудов впервые представлен курс древнерусской литературы в почти полном объеме. Составителем подготовлены тексты лекций: «Поучение Владимира Мономаха», «Произведения Куликовского цикла», «Еретические движения XVI–XVII вв.», «Светская повесть XVII в.», «Житие Юлиании Лазаревской», «Зарождение русского театра», «Деятельность Симеона Полоцкого», «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Литература периода монголо-татарского ига», «Период Смуты и литература этого времени», «Житие протопопа Аввакума». Для более объективного воссоздания лекционного курса взяты конспекты разных лет разных слушателей, а также аудиозаписи. Лекции по древнерусской литературе «теперь можно читать. Вот только те, кто не слышал самого, никогда не поймут, какое великое счастье осталось им недоступно»<sup>7</sup>, – сожалеет С. Кормилов.

Н.И. Либан «отнюдь не считал высокий художественный талант того или иного автора обязательным для того, чтобы исследо-

дователь или даже студент относились к нему с интересом. Историю творят далеко не только художественные гении, но и публицисты, правители, полководцы и т.д. А Россия в XVIII в. продела-ла огромный исторический путь, превратившись из отсталой средневековой страны, прозябавшей на периферии Европы, в одно из первостепенных государств мира, и особенно как раз в отношении литературы: за полтораста лет от Пушкина до Ахматовой она породила столько же писателей и поэтов классического уровня, сколько Англия и Франция за семь-восемь столетий. Но это было бы невозможно без ее стремительного развития в XVIII в. Эту мысль и внушал студентам Н.И. Либан. При этом искусство, литература, культура XVIII в. были для него важны и сами по себе. Ни в каком другом курсе лекций он так часто не повторял: “Это очень интересно” – и действительно многих заинтересовывал<sup>8</sup>.

Специфика, феномен человеческой личности лежит в основе двух спецкурсов, состоявших из 14 лекций по истории русской литературы XVIII в. и пяти лекций о творчестве Н.М. Карамзина (во второй части Собрания сочинений Н.И. Либана они объединены названием «Становление личности в русской литературе XVIII в.»).

Приступая к написанию «Истории государства Российского» Карамзин ставил перед собой совершенно определенную задачу, в первую очередь гражданскую: «он должен был соотносить явления русской действительности с явлениями мирового движения, прошлое с современностью»<sup>9</sup>. Гражданский пафос, которым проникнута «История» Карамзина, постепенно угасает. И все ближе к Смутному времени становится очевидным, как возрастает субъективное разочарование автора в фактах родной истории. Но самое главное он сделал: Карамзин показал, что исторические факты могут и должны быть предметом словесного искусства.

Во вступительном слове к лекциям по русской литературе первой трети XIX в. Н.И. Либан предупреждал своих слушателей, что циклы его лекций не следует рассматривать в качестве учебников. «Учебник – это особый жанр, требующий определенной композиции. В нем большое место занимает справочно-педагогическая литература, история вопроса и самое подробное указание на те пособия и литературные источники, которыми пользуется автор учебника. И часто бывает, что студент, “отягощенный”

многочисленными знаниями, сведениями и указаниями, забывает о том фактическом материале, о тех основных идеях, которыми он должен заниматься. Моя задача совсем другая. Лекции-очерки по литературе XIX в. призваны создать тот общественно-литературный фон, показать эстетические доктрины, которыми пользовались люди изучаемого периода. Попросту говоря – ввести читателя в изучаемую эпоху, чтобы он знал, когда возьмет в руки учебник, с какими людьми, течениями, произведениями ему придется иметь дело»<sup>10</sup>. С точки зрения Н.И. Либана, такая пропедевтика очень целесообразна. Каждая лекция совершенно самостоятельна, но в то же время все они связаны между собой идеально-тематическим единством материала и задачей.

В двух лекциях о В.А. Жуковском Н.И. Либан стремился обратить внимание студентов, что поэзия «русского Петрарки» – «сособая, не похожая на то, что писали его современники». Жуковский «первый понял огромную разницу между правдой жизни и правдой искусства, понял, что не все можно выразить словом, но что само слово многомерно, беспредельно в своем звучании, он понял, что значит музыка слова»<sup>11</sup>. Н.И. Либан подчеркивал, что поэзия Жуковского предвосхитила лирику XX в. «Все течения, школы, которые потом возникли: символизм, акмеизм и другие “измы” – есть не что иное, как заимствование или подражание лирике Жуковского. С той очень существенной разницей, что в этих поэтических школах мы довольно хорошо просматриваем именно мастерство школы, чего мы не видим у нашего поэта».

Творчество А.С. Пушкина освещается в четырех лекциях Н.И. Либана. Уже в начале творческого пути Пушкин вошел в орбиту литературного движения того времени: он отказался от классицизма и обратился к сентиментализму и господствующему направлению того времени – романтизму. Если возникновение западноевропейского романтизма связывают с событиями Французской революции, то первые романтические поэмы и вольнолюбивая лирика Пушкина восходят к идеям декабристов: «герой становится глашатаем времени»<sup>12</sup>. Н.И. Либан подчеркивает, что, «создав образ Алеко, Пушкин выразил сомнение в прогрессивности и жизненности современного искусства. Приговор романтическому искусству найден: искусство – правда, а если нет правды, то нет совершенства в таком искусстве. Духовные и душевные пере-

живания нации сливаются с переживаниями автора. В этом смысле период южной ссылки необыкновенно плодотворен и интересен. Он заставил поэта отойти от мишурной жизни Петербурга, от увеселений дворцовых празднеств, но именно это отторжение дало ему иной взгляд на вещи, сделало поэта “истинным романтиком”<sup>13</sup>.

На протяжении всего творческого пути Пушкина наблюдается его стремление к реалистическому изображению мира: «Пушкин насытил русскую литературу, русскую жизнь лирическими стихами, или, вернее, лирическим ощущением бытия. Он открыл в природе человека такие стороны внутреннего мира, которые до него никто не пытался изобразить...» (с. 475).

Пушкин реалистически изобразил близость, существующую между людьми, – не повседневную, а особых, трагических моментов жизни. «Реалистическое искусство Пушкина раскрыло человечность в человеческих отношениях. Это умение увидеть в другом человека – один из важнейших моментов человеческого бытия – с особой наглядностью выражено в “Капитанской дочке”. В “Медном всаднике”... побеждает социальное, и с этим ничего не поделаешь. Художник может это показать, раскрыть не может! Но ведь искусство призвано изменять собою мир?» – завершил свою лекцию риторическими фигурами Н.И. Либан<sup>14</sup>.

В лекции о романе «Евгений Онегин» ученый полемизирует с пушкинистами, утверждающими, что героя таким создала среда. По его мнению, «это и верно, и неверно. Ведь и среда создается людьми, а не только люди формируются средой. Онегин – тот же русский человек, что и Татьяна, но его русское начало вытравлено европейской беллетристикой, где по преимуществу проходит мысль о привлекательности зла (вспомним круг чтения Онегина). А для Татьяны... книгой сердца была “Новая Элоиза” Руссо, где мир души человека сливается с миром души природы... И нельзя все объяснить средой, как это делают некоторые авторы»<sup>15</sup>.

Две лекции посвящены своеобразию романтизма М.Ю. Лермонтова, объединившего реализм, натурализм и сентиментализм. «Для Лермонтова романтизм никогда не был переходным этапом от одного стиля к другому. И в начале своего творческого пути, и позже он оставался последовательным романтиком»<sup>16</sup>. Н.И. Либан видит заслугу Лермонтова в том, что поэт «блестяще

показал в своих произведениях, что всякий стиль в своем полном завершении объективно изображает действительность»<sup>17</sup>.

В 1950-е годы Н.И. Либан подготовил монографию о творчестве Н.Г. Помяловского. Ученый характеризует его отнюдь не как рядового представителя демократической прозы 1860-х годов, но как «безвременно ушедшего художника слова», – отмечает профессор МГУ Людмила Матюшенко. Написанные Н.И. Либаном подготовительные материалы к монографии, задуманной как кандидатская диссертация, ждали своего выхода с 1957 г. За это время были опубликованы произведения писателя с комментариями и монографии о его творчестве, однако «никому не удалось превзойти Н.И. Либана в воссоздании колорита эпохи, в которую жил и творил Помяловский. Порою создается впечатление, что материалы об “Очерках бурсы” написаны их современником»<sup>18</sup>.

По убеждению Н.И. Либана, Помяловский «поражает своей исключительной целостностью. Изображая “Мертвый дом” – бурсу, он сумел рассказать о том, как при мертвящей речи строгих понятий и категорий вытравлялось все живое из живого человека. Это любопытный пример двуязычия: языка мертвого, который должен изучать бурсак, и языка живого, на котором он думает и посредством которого выражает свои мысли и чувства»<sup>19</sup>. Отсюда та двуплановость, которая наблюдается у писателя в художественно-стилистических средствах: с одной стороны, непосредственное повествование, предельно простая выразительная русская речь, которую Помяловский выработал в результате отрицания витийственного проповеднического тона; с другой – «блестящая манера писателя прятать в “складках” своей речи троп, чуть шаржированное выдвижение художественного приема на первое место»<sup>20</sup>.

В течение нескольких десятилетий, 1950-е годы – 2004 г., Н.И. Либан читал спецкурс «Творчество Н.С. Лескова (60–80-х годов XIX в.)» и вел семинар «Лесков и русские писатели второй половины XIX в.». В 1996–2007 гг. Н.И. Либан выступил инициатором издания Полного собрания сочинений Н.С. Лескова в 30 томах. Николай Иванович был главным редактором первых 10 томов, вышедших в издательстве «Терра».

В лекциях Н.И. Либана на историко-литературном фоне России 1860–1880-х годов рассматриваются романы «Обойденные» и «Островитяне»; сатирическая хроника «В селе Пладомасове»;

роман-хроника «Соборяне»; повести «Очарованный странник» и «Запечатленный ангел»; рассказ «Левша». Лесков в трактовке Н.И. Либана – сугубо национальный писатель, по произведениям которого можно изучать русский быт, национальный характер. Тогда как у других писателей герои, в сущности, являются «вариациями одного психологического типа»: у Л. Толстого во всех романах встречается Нехлюдов; у Достоевского – «человек из подполья»; у Гончарова – везде Обломов (Райский); у Тургенева – «несчастный и нерешительный русский интеллигент»<sup>21</sup>.

У Лескова – *своя* вера, та, которая дана всем, но она не принадлежит самому человеку. Н.И. Либан соглашается с точкой зрения П. Флоренского, который считал, что «этот писатель лучше всех передал чувство “веры за пазухой”»<sup>22</sup>. Одна из граней национального характера, показанная Лесковым, – праведничество. Но, «в отличие от героев Достоевского, которые занимаются теоретизированием по вопросам веры и безверия, герои Лескова – практические праведники, люди долга, предпочитающие деятельное добро»<sup>23</sup>, – утверждает Н.И. Либан. Писатель «подошел к русской жизни с такой стороны, с какой до него никто не подходил. Он нарисовал человеческие характеры различных сословий и социальных групп: “от боярской знати до низшей братии”, и все они “говорят своим языком, шероховатым, грубым, неряшливым”. Лескова не столько интересовали “сюжет, образ, герой, сколько звучание слова”»<sup>24</sup>.

Историко-культурную атмосферу 70–90-х годов XIX в. Н.И. Либан охарактеризовал как «период необыкновенно повышенного интереса к христианству», в сущности оказавшимся его разрушением. В речи «Кризис христианства в русской литературе и русской жизни», произнесенной на Всероссийской конференции «Христианство и литература» (Москва, 1997) и опубликованной в издательстве МГУ, среди «писателей-разрушителей» Н.И. Либан называет Достоевского, Л. Толстого и Лескова, выступивших в роли комментаторов, «дополнителей» христианства или создателей собственного религиозного учения, «якобы христианского».

Л. Толстой, с точки зрения Н.И. Либана, совершенно не понявший идею триединства и отвергавший все формы церковного служения, выступил создателем своего Евангелия – учения, которое он изложил в трактатах: «В чем моя вера?», «Соединение

и перевод четырех евангелий», «Краткое изложение евангелия». Писателю казалось, что наступил период освобождения от церкви, исказившей учение Христа, а чтобы познать истинного Бога, необходимо, по его мнению, освободить это учение от искажений. По мнению Н.И. Либана, Л. Толстой очень интересен как реформатор, преобразующий учение, которое существует уже почти два тысячелетия.

Достоевский – писатель, с наибольшей силой отразивший период религиозных исканий, неудовлетворенности, отрицания, выраженных в словах апостола: «Господи, верю, помоги моему неверию». Все его романы наполнены изображением борьбы веры и неверия.

Лескова относили к писателям христианского направления, которые отстаивали веру, но любое его произведение, по убеждению Н.И. Либана, свидетельствует о том, что его вера все время колеблется. Излюбленный лесковский мотив – описание чудесного, однако объяснение чуда писатель находит в реальных житейских обстоятельствах и, лишенное мистики, оно обращается «в ничто».

В период особенно напряженных религиозных исканий, на рубеже двух столетий и в начале XX в., С. Булгаков, Н. Бердяев, В. Розанов, С. Франк отринули «детскую непосредственность веры: “Аще не обратитесь и не будете яко дети, не внидете в Царство Небесное”» (Мф. 18, 3). «Могучая кучка» религиозных философов, по мнению Н.И. Либана, все свои идеи свела к национальному русскому началу, пренебрегая тем, что сила христианского учения состоит именно в том, что оно всеобъемлющее и не имеет ни географических, ни национальных границ. «Христианство по сути своей есть величайший революционный переворот в истории человечества, и, видимо, чтобы обрести истину, ему необходимо испытать и пережить кризис, пройти через горнила страдания, неверия, отчаяния»<sup>25</sup>.

Последней лекцией Николая Ивановича, произнесенной в стенах Московского университета, стало его выступление «История филологического факультета за 60 лет», которое состоялось в 2002 г. в Пушкинской гостиной филфака.

Филологию Николай Иванович Либан отождествлял с высшим знанием, и в своих лекциях и выступлениях стремился довести эту мысль до студентов.

Первое сентября 1968 г., выпавшее на период начала застоя в общественно-политической и культурной жизни советской эпохи, первокурсники отделения русского языка и литературы встречали без особого воодушевления. Перед Коммунистической аудиторией на Моховой, где должна была начаться первая лекция, в молчаливом ожидании выстроились студенты, засомневавшиеся в правильности выбора будущей профессии. Но вот всех пригласили в аудиторию, и декан филфака, профессор Алексей Георгиевич Соколов сообщил, что в сегодняшнем расписании произошли изменения и перед студентами выступит Николай Иванович Либан, который познакомит первокурсников с историей факультета. И после этого выступления атмосфера совершенно изменилась, потому что основным пафосом речи Николая Ивановича явилась мысль о непреходящей ценности слова. Мысль эта содержалась в его знаменитой лекции из курса по литературе Древней Руси о «Повести временных лет»:

«Ну а как же быть нам, филологам, любителям слова? Мы всегда на последнем месте? Нет, это неправда. Мы всегда на первом месте! Филолог – любитель слова. Мы и есть мозг всего мира. Я это говорю совершенно серьезно. Без филологии никуда. Высшая специальность – это филология, потому что это слово, потому что Слово в начале было» – «и Слово было Бог»<sup>26</sup>.

<sup>1</sup> Хализев В. / Либан Н.И. Избранное. Слово о русской литературе. – М., Прогресс-Плеяда, 2010. – С. 612.

<sup>2</sup> Кормилов С. Он учил ученых: К 100-летию со дня рождения Николая Ивановича Либана / Литературная газета, 15–21 сентября 2010 г. – № 36 (6290). – С. 15.

<sup>3</sup> Либан Н.И. Русская литература: Лекции-очерки / Сост. Харламова-Либан В.Л.; вступит. ст., comment. Кормилов С.И. – М.: Прогресс-Плеяда, 2014. – С. 14.

<sup>4</sup> Там же. – С. 57.

<sup>5</sup> Кормилов С. Он учил ученых: К 100-летию со дня рождения Николая Ивановича Либана / Литературная газета, 15–21 сентября 2010 г. – № 36 (6290). – С. 15.

- 
- <sup>6</sup> Либан Н.И. Литература Древней Руси: Лекции-очерки. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – С. 57.
- <sup>7</sup> Кормилов С. Там же.
- <sup>8</sup> Кормилов С. Там же.
- <sup>9</sup> Либан Н.И. Русская литература: Лекции-очерки / Сост. Харламова-Либан В.Л.; вступит. ст., comment. Кормилов С.И. – М.: Прогресс-Плеяда, 2014. – С. 402.
- <sup>10</sup> Там же. – С. 411.
- <sup>11</sup> Там же. – С. 417.
- <sup>12</sup> Там же. – С. 433.
- <sup>13</sup> Там же. – С. 435.
- <sup>14</sup> Там же. – С. 477.
- <sup>15</sup> Там же. – С. 453.
- <sup>16</sup> Там же. – С. 502.
- <sup>17</sup> Там же.
- <sup>18</sup> Либан Н.И. Русская литература: Лекции о русской литературе. Работы разных лет. Из архива. – М.: Водолей, 2015. – С. 95.
- <sup>19</sup> Там же. – С. 338.
- <sup>20</sup> Там же. – С. 341.
- <sup>21</sup> Там же. – С. 423.
- <sup>22</sup> Там же. – С. 373.
- <sup>23</sup> Там же. – С. 425.
- <sup>24</sup> Там же. – С. 425–426.
- <sup>25</sup> Там же. – С. 434.
- <sup>26</sup> Либан Н.И. Русская литература: Лекции-очерки / Сост. Харламова-Либан В.Л.; вступит. ст., comment. Кормилов С.И. – М.: Прогресс-Плеяда, 2014. – С. 56–57.

## ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

**А.С. Курилов**

### КОГДА И О ЧЕМ ЗВЕНЕЛИ КОЛОКОЛЬЧИКИ? К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ А.К. ТОЛСТОГО

#### *Аннотация*

Статья посвящена уточнению датировки стихотворения А.К. Толстого «Колокольчики мои...»

*Ключевые слова:* А.К. Толстой, «Колокольчики мои...», В.М. Жемчужников, А.О. Смирнова, «украинский цикл».

*Kurilov A.S. «The bell-flowers»: To the problem of dating of the lyrics by A.K. Tolstoy*  
*Summary.* The article deals with the clarification of the date of A.K. Tolstoy's poem «The bell-flowers».

У А.К. Толстого есть два стихотворения, никак им не озаглавленные, но которые начинаются одинаково:

*Колокольчики мои  
Цветики степные...*

Затем следуют строки. В одном:

*...что звените вы в траве,  
Темно-голубые?*

В другом:

*Темно-голубые...  
И о чем звените вы...*

Никаких других текстуальных или смысловых совпадений в этих стихотворениях нет. Каждое – самостоятельное произведение, и написаны они по разному поводу и с разной целью. Тем не менее именно эти начальные строки, а также тот факт, что Толстой поместил лишь одно из них в единственном прижизненном собрании своих стихотворений, увидевшем свет в 1867 г., – становятся и продолжают оставаться для исследователей творчества поэта единственным аргументом существования двух редакций «Колокольчиков».

У М.Ю. Лермонтова, например, в стихотворении «Бородино» встречаются не только отдельные строки, но и целая строфа из его же стихотворения «Поле Бородина». Да и рассказ о ходе сражения и там и там ведет участник битвы: в одном – молодой солдат, в другом – ветеран. Однако никому и в голову не приходило и не приходит считать одно ранней редакцией другого. При всех текстуальных и образных совпадениях – это разные произведения. Так к ним и относятся лермонтоведы. Почему же отношение к двум «Колокольчикам» Толстого иное? Это тоже разные произведения. Более того, если стихотворения Лермонтова посвящены одному событию, то Толстого – разным.

## 1

И те и другие «Колокольчики» начинаются с вопросов, адресованных поэтом «цветикам степным», но цели и назначение этих вопросов не совпадают. В одних «Колокольчиках»:

*Что глядите на меня,  
Темно-голубые?  
И о чем звените вы  
В день веселый мая,  
Средь некошенной травы  
Головой качая? –*

вопросы никак не связаны с дальнейшим разговором и повисают в воздухе, являясь как бы своего рода зачином, который не имеет никакого отношения к содержанию произведения, и потому не нуждаются в ответах.

В других «Колокольчиках», наоборот, вопросы не только рассчитаны на вполне конкретные ответы, но являются основой, стержнем содержания:

*Что звените вы в траве,  
Темно-голубые?*

*Старину ль зовете вы?  
Будущие ль годы?*

*Новагорода ль вам жаль?  
Дикой ли свободы?*

*Иль морских богатырей  
И царевен пленных?  
Иль увенчанных царей  
В бармах драгоценных?*

*Иль соборов на Москве  
Во святом синклите?*

При этом поэт не только одобряет и поощряет «цветики» к рассказам о старине или будущем:

*Колокольчики мои,  
Звените, звените! –*

но и дополнительно обозначает то, что хотел бы от них услышать:

*Вы звените о былом  
Времени далеком,*

*Обо всем, что отцвело,  
Чего нет уж боле,  
О боярах на Руси,  
О козацкой воле!*

*...О гетманщине лихой  
Звените, звените!*

*Как лежит козак убит  
В стороне немилой  
И ракита говорит  
Над его могилой!*

И тут же говорит о целях и назначении задаваемых им вопросов и пожеланий:

*Я прислушаюся<sup>1</sup> к вам,  
Цветики степные,  
Русским людям передам  
Я дела былые!*

В целом стихотворение, как нетрудно заметить, носит ярко выраженный программный характер. Это не ранняя редакция «Колокольчиков», а своеобразная заявка на будущее, где поэт определяет главное направление своего творчества – рассказывать людям о «делах былых», что и обещает сделать. И затем, на протяжении своей жизни свято, последовательно, целенаправленно его выполняет, передавая «русским людям» и то, что «назвенели» ему «цветики степные», и то, что нашелестили ему страницы отечественной, и не только отечественной, истории. «Дела былые» получили отражение в его балладах «Курган», «Князь Ростислав», «Василий Шибанов», «Князь Михаил Репнин» и др., в романе «Князь Серебряный», в поэмах «Грешница» и «Иоанн Дамаскин», в трагедиях «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис», в драме «Посадник», а также в стихотворениях с украинской тематикой. Изображению одного из таких «дел» – «светлому посланию» – посвящены и широко известные «Колокольчики».

## 2

Как же возникло мнение о двух редакциях «Колокольчиков»?

Мнение это появилось в начале XX в., когда была обнаружена тетрадка с записями стихотворений Толстого. Это были копии, и кто их сделал, установить тогда не удалось. Какое-то время эту тетрадь держал в руках А.А. Кондратьев, поместивший затем в своей книге «Граф А.К. Толстой» (1912) известие о ней, а в приложении – выписки из находившихся там стихотворений – одни полностью, другие – в отрывках<sup>2</sup>. Вскоре тетрадь пропала.

В ней находились оба стихотворения, причем первыми стояли неизвестные до того «Колокольчики», а известные находились на девятом месте. Тетрадь открывалась неизвестными «Колоколь-

чиками» закономерно: они являлись программными для поэта, определявшими, как уже отмечалось выше, главное направление его творчества, что и подтверждалось находившимися там произведениями, более половины которых, включая и уже известные «Колокольчики», были навеяны как раз «делами былыми».

К этой тетради был приложен листок с автографом Толстого. В верхней его части стояло: «Колокольчики. Александре Осиповне Смирновой от сочинителя», – ниже была приписка:

*Ой не видно того села – тыльки видны хресты,  
Туди любо, туди мило вигенъками увиты!*

Основываясь на автографе в верхней части странички и факте неоднократных встреч поэта с А.О. Смирновой во время пребывания его в 1850 г. в Калуге, известный этнограф и историк русской литературы Е.А. Ляцкий делает заключение, что эта тетрадка была подарена Толстым А.О. Смирновой в том же году<sup>3</sup>. Однако содержание приписки, на что не обратил внимания Ляцкий, относилось к событиям, которые произошли уже после 1852 г. (об этом разговор ниже).

Датировка тетради, предложенная Ляцким, без какого-либо текстологического анализа достоверности этой даты, была безоговорочно принята литературоведами, а сама тетрадь в дальнейшем получила наименование «Тетрадь А.О. Смирновой». Исходя из предположения как о подарке ее Толстым Смирновой в 1850 г., стали считать, что все записанные в тетрадь стихотворения были созданы поэтом ранее – т.е. в 1840-е годы. Со временем это принимается издателями и комментаторами произведений Толстого без всяких на то сомнений. Самое последнее по времени – «Полное собрание стихотворений и поэм» поэта, увидевшее свет в 2006 г.<sup>4</sup>

При этом исследователей почему-то не насторожило то обстоятельство, что в «Тетради В.М. Жемчужникова» (ЦНИОР РГБ), создание которой безоговорочно относили к середине 1850-х годов, расположение первых 23 стихотворений, их последовательность, за исключением двух позиций, полностью совпадало с находившимися в «Тетради А.О. Смирновой», выписки из которой,

сделанные Кондратьевым, были идентичны текстам стихотворений, имевшихся в «Тетради В.М. Жемчужникова».

**«Тетрадь А.О. Смирновой»  
(по книге А.А. Кондратьева)**

- I. Колокольчики
- II. «Ты знаешь край, где все обильем дышит...»
- III. Цыганские песни
- IV. Василий Шибанов (баллада)
- V. «Ты помнишь ли, Мария...»
- VI. Благовест
- VII. «Шумит на дворе непогода...»
- VIII. «Бор сосновый в стране одинокой стоит...»
- IX. Колокольчики
- X. «Дождя отшумевшего капли...»
- XI. С моравского («Ой, стоги, стоги...»)
- XII. «По гребле, неровной и тряской...»
- XIII. Князь Михаил Репнин (баллада)
- XIV. «Милый друг, тебе не спится...»
- XV. Ночь перед приступом
- XVI. Курган
- XVII. Волки
- XVIII. «Где гнутся над озером лозы...»
- XIX. Князь Ростислав
- XX. Пустой дом
- XXI. Богатырь
- XXII. Поэт

**«Тетрадь В.М. Жемчужникова»**

- 1. Колокольчики
- 2. «И у меня был край родной когда-то...»
- 3. «Коль любить, так без рассудку...»
- 4. Цыганские песни
- 5. Василий Шибанов (баллада)
- 6. «Ты помнишь ли, Мария...»
- 7. Благовест

8. «Шумит на дворе непогода...»
9. «Бор сосновый в стране одинокой стоит...»
10. Колокольчики
11. «Дождя отшумевшего капли...»
12. С моравского («Ой стоги, стоги...»)
13. «По гребле, неровной и тряской...»
14. Князь Михаил Репнин (баллада)
15. «Милый друг, тебе не спится...»
16. Ночь перед приступом
17. Курган
18. Волки
19. «Где гнутся над озером лозы...»
20. Князь Ростислав
21. Пустой дом
22. Богатырь
23. Поэт

Если исходить из того, что так называемая «Тетрадь А.О. Смирновой» была подарена адресату в 1850 г., а «Тетрадь В.М. Жемчужникова» создана в середине 1850-х годов, то надо предположить следующее: Жемчужников на какое-то время должен был получить в свои руки «Тетрадь А.О. Смирновой», сделать с нее писарскую копию: в «Тетрадь А.О. Смирновой» стихи были записаны неизвестно кем, а «Тетрадь В.М. Жемчужникова» – писарская копия стихотворений Толстого. Но не просто сделать копию, а исключить при этом и явно с ведома самого поэта одно стихотворение – «Ты знаешь край, где все обильем дышит...» и добавить два – «И у меня был край родной когда-то...» и «Коль любить, так без рассудку...». Такое могло произойти лишь в том случае, если Толстой где-то в середине 1850-х годов вдруг вспомнил о «подаренной» Смирновой «Тетради», попросил ее на какое-то время «назад» и передал ее Жемчужникову, чтобы тот снял с нее копию под его, Толстого, непосредственным наблюдением, внеся при этом отмеченные выше изменения (сам Жемчужников самовольно пойти на замену стихотворений никогда бы не решился), а затем вернуть «Тетрадь» обратно адресату «подарка» – Смирновой.

Но такое было не только не реально, но просто невозможно. Унизить себя подобной просьбой и решиться на такой шаг граф, с обостренным чувством собственного достоинства, ну никак не мог. Да и сама мысль о подобном шаге у него даже не могла возникнуть. У него, что, это был единственный список «забытых» им стихотворений, сделанный к тому же не его собственной, а чьей-то рукой? Следовательно, так называемая «Тетрадь А.О. Смирновой» со стихами Толстого, записанными в нее «неустановленной рукой», появилась, так же, как и «Тетрадь В.М. Жемчужникова», не ранее середины 1850-х годов. И по-видимому, у них был общий источник – «Тетрадь», написанная Толстым собственноручно, что и найдет подтверждение в наше время.

То, что «Тетради» как А.О. Смирновой, так и В.М. Жемчужникова не могли появиться ранее середины 1850-х годов, подтверждается наличием там стихотворений, содержание которых показывает, что они были созданы поэтом именно в 50-е годы. Например, «Благовест».

Прежде чем говорить о его содержании, напомним, что в лирике, как справедливо в свое время уже подметил Г.В.Ф. Гегель, человек «удовлетворяет потребность... высказать *себя*», что она есть «самовыражение его души»<sup>5</sup>. Вспомним Есенинское: «Стихи мои, спокойно расскажите про жизнь мою». И его же из заметки «О себе»: «...автобиографические сведения... в моих стихах». Лирика Толстого не исключение.

В «Благовесте» есть такие слова:

*И отрекаюсь я  
От дела злого...*

Из того, что нам известно о жизни Толстого, только одно задуманное им «дело» подходит под определение «злое» и от которого он действительно «отрекся». Это – «под предлогом прогулки на яхте» вести в Балтийских «шхерах» капрскую войну против кораблей английского флота в условиях начавшейся тогда Крымской войны<sup>6</sup>.

Капер (с голландского) – морской разбойник, корсар; капрская война, капрство – разбойные нападения на морские суда. Однако уже с конца XVIII в. отдельные страны начинают договариваться о взаимном отказе от капрства. Среди них была

и Россия. Полностью каперство было запрещено Парижской декларацией от 4(16) апреля 1856 г.<sup>7</sup>

Толстой знает, что задуманное им и графом А.П. Бобринским «дело» добрым никак не назовешь. Оно, пишет Толстой, «требует большой предосторожности», так как «найдет препятствие и противодействие со стороны властей». С июня по сентябрь 1854 г. он активно занимается организацией задуманного предприятия: заказывает ружья, «ищет пароход» и людей, что «будут именоваться матросами яхт-клуба» (IV, 72). Тщетность всех усилий, связанных с организацией этого мероприятия, постепенное осознание бесперспективности задуманного заставляют Толстого отказалось от самой идеи такого «дела» – т.е. «отречься» от него.

В этот момент его осеняет другая мысль – создать для защиты Отечества «дружины из царских крестьян», и в начале октября 1854 г. он обращается с соответствующим проектом к своему дяде – Л.А. Перовскому, бывшему тогда министром уделов. Выслушав племянника, дядя сказал, что он опоздал, что император уже издал рескрипт об образовании Стрелкового полка Царского семейства из удельных крестьян<sup>8</sup>.

Таким образом, «Благовест», где поэт заявляет о своем «отречении от дела злого» – т.е. попытки вести каперскую войну, был создан не ранее сентября 1854 г., но никак не в 1840-е годы.

А вот когда точно и в каком месте, под звон колокола какого пятиглавого храма Толстой почувствовал необходимость заявить о таком шаге, снять с души тяжесть сознания греховности задуманного им «дела злого», можно будет установить лишь по летописи жизни поэта, расписанной если не по дням, то хотя бы по месяцам, как только такая летопись будет составлена. Вероятно, таким местом окажется село Медведь Новгородской губернии, где поэт находился в мае-июне 1855 г., внимая колоколам находившегося там пятиглавого храма...

По своему характеру (жанру) «Благовест» – это раскаяние за грех, хотя и не совершенный. Ведь греховными бывают не только дела, но и помыслы, каким и был замысел каперства против кораблей английского флота. Опубликовав стихотворение весною 1856 г. («Русский вестник». Апрель. Кн. 1. Стихотворение было передано редакции журнала вместе с другими, опубликованными в том же номере, во время пребывания поэта в Москве в сентябре-

октябре 1855 г.), тем самым раскаявшись публично, Толстой не включает его в свой сборник 1867 г. Раскаяние по горячим, как говорится, следам было естественно и понятно, но совсем неуместно повторно, десять лет спустя, провоцируя к тому же неудобный для поэта вопрос: а от какого «дела злого» ему пришлось отрекаться? – на который Толстому явно не хотелось отвечать, вспоминать неудавшееся предприятие.

### 3

В 1850-е, а не в 1840-е годы создаются и «Колокольчики». Тогда же начинается публикация тех, где говорится о «светлом посланье», однако без посвященных этому «посланию» строк. 1–5 и 12-я строфы стихотворения увидели свет в четвертой книжке «Современника» за 1854 г., а вместе с 6–11 строфами в 1867 г. в собрании стихотворений Толстого.

Более чем десятилетний перерыв в публикации частей этих «Колокольчиков» и соответствующее увеличение объема опубликованного в 2 раза невольно наводит на мысль: а не создавалось ли стихотворение, что называется, «в два присеста» – сначала было написано то, что появилось в «Современнике», а потом, спустя некоторое время, «дописано» остальное? Тем более что такой precedent в творчестве Толстого имел место. Так, опубликовав в 1854 г. семь строф стихотворения, озаглавив его «Умеренность» («Поразмыслив аккуратно...»), он добавляет еще одну строфиу после ультиматума России в конце декабря 1855 г. австрийского правительства от имени коалиции (хотя сама Австрия непосредственного участия в боевых действиях не принимала, оставаясь на словах нашим нейтральным «союзником») и помещает стихотворение в собрании 1867 г., изменив, уже с учетом двурушнического поведения австрийцев, его заглавие на «Благоразумие», имевшее явно иронический, если не сказать – ехидный – подтекст.

На несостоятельность предположения о «дописывании» «Колокольчиков» указывает сам Толстой в письме к С.А. Миллер от 25 октября 1856 г. В нем он сообщает о вечере, проведенном в царской семье, на котором он «нарочно» прочел императрице «“Колокольчики” в цельности», и «в одном месте, именно в том, где заключается вся суть стихотворения, – она сказала: “Как

хорошо!”» (IV, 88). Значит, эти «Колокольчики» были написаны «в цельности» сразу.

Отсюда следует, что на вечере у императрицы «Колокольчики» были прочитаны в цельности «нарочно» – т.е. впервые, что именно в прочитанных впервые строчках находится место, «где заключается вся суть стихотворения», и что в «Современнике» стихотворение увидело свет без своей «сущи», т.е. без того, ради чего оно было написано.

Почему же Толстой решился прочитать, т.е. обнародовать «Колокольчики» со «светлым посланьем» в цельности, лишь в октябре 1856 г.? Не потому ли, что на то имелись достаточно серьезные причины, удерживая его от чтения их кому-либо «в цельности», не говоря уже о печати? А почему нельзя было этого делать раньше? О чем же опущенные при первой публикации этих «Колокольчиков» строфы?

Упаду ль на солончак  
Умирать от зною?  
Или злой киргиз-кайсак,  
С бритой головою,  
Молча свой натянет лук,  
Лежа под травою,  
И меня догонит вдруг  
Медною стрелою?

Иль влетим мы в светлый град  
Со кремлем престольным?  
Чудно улицы гудят  
Гулом колокольным,  
И на площади народ,  
В шумном ожиданье,  
Видит: с запада идет  
Светлое посланье.

В кунтушах и в чекменях,  
С чубами, с усами,  
Гости едут на конях,  
Машут булавами,  
Подбочась, за строем строй  
Чинно выступает,  
Рукава их за спиной  
Ветер раздувает.

*И хозяин на крыльце  
Вышел величавый;  
Его светлое лицо  
Блещет новой славой;  
Всех его исполнил вид  
И любви и страха,  
На челе его горит  
Шапка Мономаха.*

*«Хлеб да соль! И в добрый час! –  
Говорит державный, –  
Долго, дети, ждал я вас  
В город православный!»  
И они ему в ответ:  
«Наша кровь едина,  
И в тебе мы с давних лет  
Чаем господина!»*

*Громче звон колоколов,  
Гусли раздаются,  
Гости сели вокруг столов,  
Мед и брага льются,  
Шум летит на дальний юг  
К турке и к венгерцу –  
И ковшей славянских звук  
Немцам не по сердцу!*

Эти строфы развивают тему, намеченную в 5-й строфе: «Чем окончится наш бег? Радостью ль? Кручиной?» Так, в 6-й строфе говорится о «кручине» – «Упаду ль на солончак умирать от зною?...» и т.д. О «радости» говорится в остальных строфах. И что примечательно, поэт говорит не столько о радости собственно самого седока, сколько о радости всего народа («Чудно улицы гудят звоном колокольным, И на площади народ в шумном ожиданье...»), к которой приобщается и сам седок. И причина этой радости – «светлое посланье». И если о посланцах судить по одежде, то она выдает в них запорожцев, представителей Войска казацкого.

Так, известно, что богатые казаки – а посланцы, несомненно, должны быть одеты во все «богатое» – носили кафтаны или жупаны и суконные кунтуши с откидными рукавами<sup>9</sup>. Именно об этих

рукавах говорит поэт, что их «ветер раздувает». Едет запорожец по степи и кажется, что «как будто на спине его приделаны крылья; по тем-то крыльям и узнают издалека запорожца»<sup>10</sup>.

Что касается чекменя, этой одежды народов Кавказа, то тут тоже нет ничего удивительного. Ведь армяне уже в XI в. имели свои поселения на Украине<sup>11</sup>. В «Истории запорожских козаков» Д.И. Эварницкого мы также находим упоминание о чекмене как одежде запорожцев<sup>12</sup>.

«С чубами, с усами...» Известно также, что все казаки без исключения – и богатые, и бедные – брили голову, оставляя лишь длинные усы и чуприну (оселедец, чуб)<sup>13</sup>. Что же касается булавы, то она, как знак гетманской власти, сама за себя говорит.

Но если перед нами представители Войска казацкого, то «светлое посланье», которое пришло с запада и последовавшее затем торжество, не что иное, как образная картина воссоединения Украины с Россией.

Послушайте речь «державного»: «Долго, дети, ждал я вас в город православный!» Это же выражение естественного стремления, что на протяжении долгого времени вынашивалось двумя братскими народами.

В 1620 г., когда посланцы гетмана П. Сагайдачного впервые заговорили о желании стать под «высокую руку» русского царя, это желание было сочувственно встречено русским правительством: «То они делают добро, то что они царские милости к себе ищут и служить ему государю хотят»<sup>14</sup>. В «Истории Русов» Георгия Конисского, наиболее популярном источнике исторических сведений об Украине, который хорошо знал Толстой (IV, 66), приводится письмо царя Алексея Михайловича к Богдану Хмельницкому. В нем говорится, что царь желал бы, чтобы «он, Хмельницкий, с народом Малороссии, соединился навсегда с царством его Московским...», что он примет их «яко своих кровных»<sup>15</sup>. 6 февраля 1649 г. посланцы Алексея Михайловича опять склоняли Хмельницкого, «чтобы с народом Русским и войском соединился он в Царство Московское на таких условиях, какие им благорассудятся...»<sup>16</sup>

Мы видим, что слова «державного» опираются на историю братских народов, на факты, известные Толстому.

Возьмем ответ посланцев: «Наша кровь едина...» Правомерность такого утверждения в устах посланцев Украины в обращении к «державному» не может подвергаться ни малейшему сомнению. Это действительно так – наша кровь едина. Показательно, что и вся «История Русов» пронизана идеей «единокровности» двух братских народов. Буквально с первых страниц варьируется там тема общности их происхождения: «единоплеменный корень словенский», «единоверцы и однородцы», «единоверные и единоплеменные», «единоверные и единокровные» и т.д.<sup>17</sup>

Дальше: «И в тебе мы с давних лет чаем господина...» Выше говорилось о посланцах гетмана П. Сагайдачного. Так вот, в записи Посольского приказа об этой встрече 26 февраля 1620 г. есть такие слова: Посланцы «царскому величеству... все бьют челом, чтобы их государь пожаловал, як своих холопий»<sup>18</sup>. Это первое, что подтверждает правоту заявления «с давних лет». Второе. «...Мы уже шесть лет беспрестанными моленьями нашими себе просим» самодержца восточного, – сказал Богдан Хмельницкий в речи перед Переяславской Радой<sup>19</sup>. И действительно, за шесть лет до этого, 8 июня 1648 г., он отправляет свое первое послание царю Алексею Михайловичу, в котором пишет, что они желают себе «самодержца господаря такого в свои земли, как ваша царская вельможность православный христианский царь»<sup>20</sup>.

В «Истории Русов» тоже приводится письмо Хмельницкого, где говорится, что «он всегда царю и народу его верный помощник и готов к тому со всеми войсками своими козацкими»<sup>21</sup>.

Таким образом, в созданной поэтом картине «светлого посланья» нет ничего, что бы выходило за рамки исторической достоверности. И даже тот факт, что именно народ выражает радость по поводу этого «послания», а «державный» только вторит этой радости, ничуть не нарушает правды истории, отражая естественное проявление чувств русского народа к народу Украины.

Все это и дает основания считать, что 7–11 строфы «Колокольчиков», приведенные выше, посвящены конкретному событию, и увиденное седоком торжество по случаю «светлого посланья» действительно является образной картиной исторического акта Воссоединения Украины с Россией.

Несомненно, нарисованная Толстым в «Колокольчиках» поэтическая картина радости, с какой большинство украинцев

в середине XVII в. воспринимали акт Воссоединения Украины с Россией, отвечала действительности тех лет. Однако к середине XIX в. у украинцев радости от жизни в составе Российского государства почти не осталось, особенно ее поубавилось, когда Екатерина II «прикрепила украинцев к земле» (I, 334).

И вот, в конце 1845 – начале 1846 г. в Киеве возникает «Кирилло-Мефодиевское общество», в программном документе которого – «Книге бытия украинского народа» («Законе Божьем») – прямо говорилось, что «пристав к Московщине... скоро увидела Украина, что она попала в неволю», что «немка царица Катерина... кончила казачество и свободу», и что «теперь в России хотя и есть деспот-царь, однако он не славянин, а немец, и чиновники у него немцы...» В качестве главной своей цели Общество провозглашало отмену крепостного права, введенного Екатериной II, образование независимой Украины и создание «единого» федеративного Славянского союза, состоящего из славянских республик<sup>22</sup>. В 1847 г. члены Общества были арестованы и осуждены, самые активные, революционно настроенные из них, среди которых был Т.Г. Шевченко, отправлены в ссылку.

Публикация той части стихотворения, в которой говорилось о радости Воссоединения Украины с Россией, и особенно картина торжественного застолья по случаю прибытия в Москву посланцев украинского народа, могла и наверняка вызвала бы нежелательные ассоциации, связанные с поведением двух «державных» – того и нынешнего: один привечал лучших сынов украинского народа, другой – их наказывал. Толстой прекрасно знал реакцию Николая I на сепаратистские, говоря современным языком, настроения украинской элиты. В этих условиях даже малейшее напоминание о радости Воссоединения, о чем уже в «верхах» успели забыть и не хотели вспоминать, было бы не только нежелательным, но прозвучало бы как явный упрек той политике, какую до того проводили и продолжали проводить правители России на Украине. А потому все «крамольные» в этом отношении строфы при первой публикации «Колокольчиков» были опущены.

Ситуация изменилась, когда в феврале 1855 г. царский престол занял Александр II, с которым Толстого связывали узы детской и юношеской дружбы. И тогда, спустя некоторое время (почти два года), он рискнул прочитать «Колокольчики» в царской

семье «в цельности» (IV, 88), а затем и включить их без одной строфы (почему – речь впереди) в сборник, созданный по инициативе императрицы, который она просила посвятить ей (там же). К тому времени о существовании Кирилло-Мефодиевского общества успели позабыть, Шевченко находился на хорошем счету как художник, и говорить о радости Воссоединения Украины с Россией можно было, не опасаясь никакой негативной на то реакции.

#### 4

Почему «Колокольчики» были напечатаны в усеченном виде – это вполне понятно. Но почему они были опубликованы лишь в апреле 1854 г., а не раньше, если исходить из того, что написаны они до 1850 г.? И вообще, почему А.К. Толстой заявил о себе как поэт только в тот год, да еще подборкой стихотворений, которую открывали усеченные «Колокольчики», а два из шести опубликованных вместе с ними стихотворений: «Ой стоги, стоги...» и «Ты знаешь край, где все обильем дышит...» – напрямую касались событий, связанных с историей Украины, чьему были посвящены и опущенные при публикации «Колокольчиков» строфы? Ответить на эти вопросы – значит понять не только как появился у Толстого этот, можно сказать, «украинский цикл», но и выяснить, когда были написаны «Колокольчики» со «светлым посланьем» и «Колокольчики» с обещанием передавать русским людям «дела бывшие», услышанные от «цветиков степных».

Начнем с того, что вспомним – 1854 г. был годом 200-летия Воссоединения Украины с Россией, и что именно о событиях двухсотлетней давности говорилось в опущенных при публикации строфах «Колокольчиков». Понимая, что прямой отклик на это событие был тогда невозможен и приходится снимать посвященные тому строфы, Толстой тем не менее нашел возможность сделать это косвенно, рассчитывая на сообразительность просвещенных читателей, которые имели хотя бы самое отдаленное, малейшее представление как о самом событии, так и о том, что ему предшествовало, чем оно было вызвано, следствием чего стало.

Но прежде коснемся той переклички, что окольцовывает усеченные «Колокольчики», связывая их первую и последнюю строфы.

И там и там поэт спрашивает «цветиков степных».  
В первой строфе:

...о чём звените вы  
В день веселый мая?..

В последней:

...о чём грустите вы  
В день веселый мая?..

И в том и в другом случае время действия, казалось бы, одно – «день веселый мая». Однако ведут себя в этот день «цветики степные» по-разному: сначала «звенят», затем «грустят». И такое обрамление стихотворения не случайно. Это были разные по своему содержанию (наполнению) дни, имевшие судьбоносное значение в жизни украинского народа. Один был радостным – вспоминая о нем, колокольчики «звенели». Другой – печальным, памятуя, о чем они «грустили».

Дело в том, что в один из майских дней – 6 мая 1686 г. – был заключен «Вечный мир» с Речью Посполитой, по которому Левобережная Украина и Киев признавались неотъемлемыми частями России и окончательно, безоговорочно и бесповоротно включались в ее состав, обозначив таким образом начало процесса Воссоединения двух народов, положенный решениями Переяславской Рады и Земского собора, чему и была посвящена картина «светлого посланья».

В другой же майский день – 3 мая 1783 г. – на Украине указом Екатерины II вводится крепостничество: свободный до того народ становится подневольным, попадая под неограниченную власть помещиков, местного панства. Было от чего грустить, и Толстой этого никогда не забывал, особо подчеркнув такую перемену в жизни украинцев в своей «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (I, 334).

Очевидно, что и то и другое событие произошли «в день веселый мая» не случайно и не без воли Провидения, которое сочло нужным разделить эти «дни» на целое столетие, чтобы, вспоминая об одном из них, ставшим закономерным итогом «светлого посланья», колокольчики «звенели», вспоминая о другом –

«грустили». По-иному при этом звучали и слова: «...в день веселый мая». В одном случае – чисто хронологически, обозначая радостный момент в жизни Украины: дату Воссоединения значительной ее части с Россией. В другом – саркастически: только по злой иронии судьбы в майский день, когда природа радовалась пробуждению, оживала к новой жизни, мог появиться, мягко сказать, «невеселый», а по сути страшный по своему содержанию указ, обрекающий украинцев на суровые испытания, которые несло им крепостничество.

Вне контекста изображенного «светлого посланья», которое было опущено при публикации стихотворения в «Современнике», эта ирония была незаметна, никак не ощущалась, оставаясь известной только самому поэту. И тем не менее Толстой включает 12-ю строфиу в число там опубликованных, несмотря на то что ни она, ни 1-я не имели никакого отношения к сказанному во 2–5-й строфах, которые представляли собою вполне законченное, самостоятельное стихотворение.

Задав в 1-й строфе два вопроса колокольчикам:

*Что глядите на меня  
Темно-голубые?  
И о чем звените вы?.. –*

поэт, не дожидаясь ответа, сразу переходит к разговору о себе и неукротимом беге своего коня, после чего задает вопросы уже самому себе:

*Чем окончится наш бег?  
Радостью ль? Кручиной? –*

и сам же на них отвечает:

*Знать не может человек –  
Знает Бог единый!*

Ссылкой на Бога сюжет с бегом коня был, таким образом, завершен и не требовал никакого дополнения к сказанному или каких-то заключительных слов: Бог все знает и все в его руках. Тем не менее поэт помещает затем строфиу, не только содержа-

тельно никак не связанную с этим сюжетом, но и с новым вопросом «цветикам степным»:

...о чём грустите вы  
В день веселый мая,  
Средь некошенной травы  
Головой качая?

Строфа с таким вопросом была крайне нужна ему, чтобы никому не показалась странной публикация стихотворения, которое шло сразу за «Колокольчиками», – «Ой стоги, стоги...», с их очень невеселым содержанием, исполненным грусти, но в продолжение разговора, начатого поэтом с «цветиками степными», что уже не могли «головой качать», скошенные вместе с травою и собранные в стоги. И уже им задает свой вопрос:

Ой стоги, стоги,  
В зеленом болоте,  
Стоя на часах,  
Что вы стережете?

Они ничего не «стерегли», а только жаловались на свою судьбу:

Добрый человек,  
Были мы цветами, –  
Покосили нас  
Острыми косами!

Раскидали нас  
Посредине луга,  
Раскидали вресь,  
Дале друг от друга!

От лихих гостей  
Нет нам обороны,  
На главах у нас  
Черные вороны!

На главах у нас,  
Затмевая звезды,  
Галок стая вьет  
Поганые гнезда!

И умоляли:

*Ой орел, орел,  
Наш отец далекий,  
Опустися к нам,  
Грозный, светлоокий!*

*Ой орел, орел,  
Внемли нашим стонам,  
Доле нас срамить  
Не давай воронам!*

*Накажи скорей  
Их высокомерье,  
С неба в них ударь,  
Чтоб летели перья...*

Это была достаточно прозрачная аллегория сложившейся на Украине и предшествовавшей процессу ее Воссоединения с Россией ситуации с бесчинствами «высокомерных ворон» – ляхов и «поганых галок» – турок и постоянными просьбами украинцев, обращенных к орлу – русскому царю, взять их под свою «державную» руку. Такой аллегорией Толстой хотел вызвать в памяти читателей представление о том, каким образом разрешилась эта ситуация и чем завершилась просьба «стогов», обращенная к «отцу далекому» – орлу.

Полагают, что стихотворение «проникнуто мыслью об объединении славянства при помощи и под руководством России», а «стоги» – это «славянские народы» (I, 736), что оно «отражает идею объединения славян вокруг России», где «“стоги” – славянские народы»<sup>23</sup>. Однако под «стогами» Толстой имел в виду не славянские народы вообще, а лишь украинцев, по которым прошлась «острая коса» истории и «раскидала врозь» по разным частям «широкого луга» – Украины. Составляющими этого «луга» были Левобережная и Правобережная Украина, Запорожье (Запорожская Сечь), Буковина, Подолье, Закарпатье, Галиция. На одних его частях-землях «лихими гостями» – «черными воронами» и «погаными» галками – были ляхи, на других – турки. Создавая это стихотворение, Толстой думал не о славянских народах как

таковых, а только об украинцах времен Петра Сагайдачного и Богдана Хмельницкого, украинцах разорванной тогда на части Украины, страдавших от выпавшей на их долю судьбы, которая их «раскидала врозь» и отделила «друг от друга».

Тем не менее, чего нельзя не отметить, мысль об объединении славянских народов вокруг России и под ее руководством все-таки посещает Толстого. Но только один раз и именно тогда, когда он пишет «Колокольчики» со «светлым посланьем». И в продолжение ответа гостей «державному» появляется строфа:

*На одних цвели полях  
Древле наши деды,  
Рус и чех, хорват и лях  
Знали те ж победы!  
Будь же солнцем наших стран  
И княжи над нами!  
Кто на Бога и славян  
С русскими орлами!*

Возможно, в глубине души он тогда и разделял эту идею, но вкладывать в уста гостей, что искали спасения и защиты как раз от ляхов, слова о единстве всех славян вместе с ляхами под «солнцем» одного «державного» было, мягко говоря, некорректно и неуместно. Толстой это почувствовал, строфа в печати не появилась и сохранилась лишь в нескольких списках, как мимолетное проявление желания поэта видеть все славянские народы в семье единой.

Именно мимолетное, потому что спустя некоторое время он пишет стихотворение «И у меня был край родной когда-то...», где Россию назовет «чужбиной», в которой ему приходится «праздно доживать». Понимая историческую необходимость Воссоединения Украины с Россией, Толстой видит, что единой семьи при этом не получилось, что отношения между ними напоминают отношения мачехи и падчерицы: взяв украинцев под защиту, Россия не стала для них матерью. И в дальнейшем даже малейшего намека на желательность «объединения славян вокруг России» ни в письмах, ни в произведениях поэта нет. Призывать к увеличению числа «падчериц», зная о судьбе Украины в составе России, ему, очевидно, ну никак не хотелось. Потому-то это стихотворение, как и строфа из «Колокольчиков», при жизни Толстого в печати не появилось,

но сохранилось в рукописи с невольной оговоркой «по Фрейду» о «чужбине»...

Но возвратимся к произведениям, опубликованным в «Современнике».

Если в стихотворении «Ой стоги, стоги...» Толстой предшествовавшую Воссоединению Украины с Россией ситуацию изобразил аллегорически, то в помещенном там же стихотворении «Ты знаешь край, где все обильем дышит...» он уже непосредственно касается процесса Воссоединения, прямо называя имена тех, кто его инициировал и кто содействовал его завершению:

*И мнилось нам: через туман прозрачный  
Несутся вновь Палей и Сагайдачный...  
Ты знаешь край, где с Русью бились ляхи,  
Где столько тел лежало средь полей?*

Петр Сагайдачный, как уже отмечалось выше, стоял у истоков Воссоединения с Россией Левобережной Украины, Семен Палей в конце XVIII в. возглавил движение на Правобережной Украине за ее Воссоединение с Россией, что и свершилось в 1793 г., в ходе 2-го раздела Польши. На связь со стихотворением «Ой стоги, стоги...» указывают, с одной стороны, упоминания о «болоте» – там «зеленое», здесь в тумане, с другой – о ляхах, что на полях Украины «бились с Русью», которая в лице Орла откликнулась на мольбу «цветиков степных» («стогов») – «наказать высокомерье» ворон и галок.

## 5

Когда же Толстой создает эти произведения, составившие, как уже отмечалось, своеобразный «украинский цикл», содержание которого было непосредственно связано, на что обращалось выше внимание, с событиями, имевшими место в предыстории и истории Воссоединения Украины с Россией?

Спрашивается, если стихотворения этого «цикла» были написаны в 1840-е годы, как утверждается до сих пор, почему же тогда они не появились в печати? Что им мешало? Почему, относительно регулярно публикуя в те годы свои прозаические вещи, Толстой, кроме стихотворения «Серебрянка» («Бор сосновый

в стране одинокий стоит...»), увидевшего свет в 1843 г., вплоть до начала 1854 г. вообще не выступает в печати как поэт? Почему «украинский цикл» был опубликован лишь в 4-й книжке «Современника» за 1854 г., хотя сотрудничество Толстого в этом журнале началось еще в конце 1853 г. с участия в «Литературном Ералаше», одним из инициаторов которого он был? Так, во 2-й и 3-й книжках журнала за 1854 г. и, соответственно, в 1-й и 2-й «Ералашных» тетрадях помещаются его произведения, запечатлевшие отдельные «Досуги Кузьмы Пруткова в стихах и прозе»? Именно, да простится эта тавтология, с именем Кузьмы начались выступления этого «даровитого поэта», как он сам себя охарактеризовал в помещенном там же Предисловии, предварявшем его «Досуги» и помеченном 11 апреля 1853 г.<sup>24</sup> Наконец, почему стихотворения «украинского цикла» появились не в декабрьской книжке «Современника» за 1853 г., накануне 200-летия Воссоединения Украины с Россией, что было бы естественно и логично, и даже не в январской, первой в 1854 г. (ведь как раз в январе 1654 г. Переяславская Рада принимает историческое решение о Воссоединении), и не во 2-й и не в 3-й, в которых Толстой, хотя и анонимно, но уже обозначился своим участием в журнале, а лишь в 4-й, чьими стихотворениями она и открывалась? Почему?

А не потому ли, что они были написаны не в 1840-е годы, а создавались как раз в то время, когда шло формирование последней в 1853 г. и первых на 1854 г. книжек журнала?

Вспомним, что Толстой говорил о своем характере, который «чувствителен к малейшему прикосновению» (IV, 57), а также его признание: «...я пишу, только когда придет охота, но уже тогда вкладываю всю свою душу» (IV, 288).

Центральными в «украинском цикле», бесспорно, являются «Колокольчики» со «светлым посланьем». «Это, – как писал сам Толстой, – одна из моих самых удачных вещей» (IV, 89). Следовательно, они, несомненно, принадлежат к произведениям, в создание которых поэт «вкладывал всю свою душу». А значит, они появились тогда, когда к нему «пришла охота» написать именно такое стихотворение.

Что же могло вызвать такую «охоту» и когда она к нему пришла?

Учитывая характер Толстого, «чувствительного к малейшему прикосновению», можно предположить, что тому предшествовало какое-то очень «чувствительное» для него «прикосновение». Для создания стихотворений, посвященных Украине, таким, по-видимому, могло стать и стало его «прикосновение» к истории Украины во время очередной встречи с Л.М. Жемчужниковым. «Мой двоюродный брат, — пишет Толстой 3 ноября 1853 г. С.А. Миллер, — приехал из Малороссии и привез с собой такие великолепные национальные мотивы! Они мне перевернули сердце...» (IV, 65).

Начиная с лета 1852 г. Л. Жемчужников неоднократно бывал на Украине и после каждой такой поездки обычно делился с братом, «полюбившим Малороссию с детства»<sup>25</sup>, своими впечатлениями от увиденного и услышанного там. Его восторженные рассказы о Малороссии, рисунки, которые он привозил с собой или присыпал оттуда Толстому<sup>26</sup>, не оставляли поэта равнодушным, получая отражение в ряде его стихотворений (что предмет особого разговора). Но ни на одной из этих встреч с Жемчужниковым — ни раньше, ни после — Толстой не испытывает такого потрясения, как на этой, слушая песни, которые брат «пел без всякого аккомпанемента» (IV, 66).

«Ниакая, — писал Толстой Миллер, — национальная музыка не выразила свою народность с таким величием и силой, как малороссийская музыка, даже лучше великороссийской, которая так выразительна.

Слушая ее, ты бы постепенно видела открывавшуюся перед тобой всю историю Малороссии, ты бы лучше поняла характер народностей, чем читая Гоголя или Конисского».

И далее: «Это — резкие и неожиданные ощущения, которые иногда испытываешь и которые открывают перед нами горизонт, о котором мы не подозревали или который мы совсем забыли...» (IV, 66).

Письмо Толстого Миллер от 3 ноября 1853 г. как нельзя лучше объясняет и сам факт появления стихотворений «украинского цикла», и их содержание.

Прямой иллюстрацией слов: «...ты бы постепенно видела открывавшуюся перед тобой всю историю Малороссии» было стихотворение «Ты знаешь край, где все обильем дышит...» Здесь

«ты» – явное обращение к Миллер, которая не слышала песен в исполнении Жемчужникова, а потому не могла «открыть» для себя «всю историю Малороссии» и лучше понять характер украинцев, в том числе, если не прежде всего, его, Толстого, характер как представителя этого народа (он был правнуком последнего гетмана Украины). Чтобы дать ей понять и почувствовать откуда он родом, куда «стремится всей душою», и что определило его характер, Толстой и создает поэтическую картину истории Украины – своей родины – Малороссии. А о том, что именно ее, а не Россию, он считает подлинною своею родиной, поэт, как отмечалось выше, проговорился позднее в стихотворении «И у меня был край родной когда-то...»

Иллюстрацией слов относительно «горизонта, о котором мы не подозревали или который мы совсем забыли», были «Колокольчики» со «светлым посланьем» – естественный, непосредственный отклик на неожиданно открывшийся перед поэтом «горизонт» – начало Воссоединения Украины с Россией, о приближении 200-летия которого «мы» – т.е. россияне и малороссияне, – «не подозревали», потому что об этом событии «совсем забыли».

«Ой стоги, стоги...» – это тоже о «горизонте... который... совсем забыли», когда страдающая и раздробленная Украина взывала к «отцу далекому» – орлу и молила его наказать «черных ворон» и «поганых галок», что «высокомерно» унижали и «срамили» украинцев.

Когда же могли быть созданы эти стихотворения? Только в период после отмеченной выше встречи Толстого с Л. Жемчужниковым, но не ранее 3 ноября 1853 г., и до середины марта 1854 г., времени поступления в цензуру 4-й книжки «Современника», разрешение на издание которой – «печатать позволяет» – помечено 31 марта.

В какой последовательности они создавались? По-видимому в той, в какой мы их рассматривали, исходя из содержания письма Толстого Миллер от 3 ноября 1853 г. Сначала «Ты знаешь край, где все обильем дышит...», которое было написано непосредственно под впечатлением от малороссийских песен, исполненных Жемчужниковым, и в дальнейшем дорабатывалось. Затем «Колокольчики» со «светлым посланьем» и «Ой стоги, стоги...»

Тогда же, вслед за ними, были написаны и другие «Колокольчики», те, что носили программный характер, обозначив главное направление творческих интересов Толстого: передавать «русским людям... дела былые». Направление, которое во многом было определено стихотворениями «украинского цикла», посвященными как раз таким «делам», «былому времени далекому». Потому-то совсем не случайно в содержании этих «Колокольчиков» заметное место занимала украинская тематика – упоминание о «козацкой воле», «гетманщине лихой» и «убитом в стороне немилой» козаке.

## 6

До сих пор по сути единственным источником датировки этих и целого ряда других стихотворений поэта служила так называемая «Тетрадь А.О. Смирновой», создание которой относили, о чем уже говорилось выше, к 1850 г., а потому все находившиеся там произведения Толстого датировали 1840-ми годами. Однако в те годы он стихотворений не писал.

Необходимым условием поэтического творчества является *лирическое настроение*, которого у Толстого тогда не было. Стихи, как правило, начинают писать влюбленные, а до встречи с Миллер Толстым, если судить по опубликованным им тогда произведениям, владело *эпическое настроение*. Кроме единственного стихотворения «Серебрянка» («Бор сосновый в стране одинокий стоит...»), отразившего его впечатления от прогулок «с ружьем» по окрестностям Блиставы – имении матери, и увидевшего свет в 1843 г., Толстой выступает тогда в печати исключительно как прозаик. В 1841 г. появляется «Упырь», затем «Два дня в Киргизской степи» (1842), «Волчий приемыш» (1843), «Артемий Семенович Бервенковский» (1845), «Амена» (1846), начинается работа над «Князем Серебряным». Эпической по своему характеру и настрою была и стихотворная баллада о «рыцаре Амвросии», ставшая основой сюжета «Упыря».

Внезапно возникшее у него увлечение Миллер, переросшее затем в любовь, настраивает его Музу на лирический лад, делает его поэтом, рождение которого было обозначено стихотворением «Средь шумного бала, случайно...» Он прерывает работу над

«Князем Серебряным», всецело и надолго отдает себя во власть лирической стихии. Эпическое настроение – «душевное, – как он пишет, – спокойствие» (IV, 109) – вернется к нему лишь в конце 1850-х годов, он снова обратится к работе над романом, завершив его в 1862 г. Написанное вслед за «Средь шумного бала, случайно...» 15 января 1851 г. стихотворение «Пусто в покое моем. Один я сижу у камина...» носило еще следы прежнего настроения, будучи экспериментом в духе античной эпической поэзии, на который Толстой идет, как пишет о том Миллер, «только затем, чтобы напомнить Вам греческий стиль, к которому Вы питаете привязанность» (IV, 50). К такому «стилю» поэт еще не раз обратится в стихотворениях: «Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя радость...», «В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба...» и «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!..»

Когда же возникла так называемая «Тетрадь А.О. Смирновой», с какими событиями в жизни Толстого это было связано?

Из содержания стихотворений «украинского цикла» следует, что она не могла появиться ранее апреля 1854 г. – времени выхода из печати четвертой книжки «Современника» за тот год, где этот «цикль» увидел свет.

Содержание «Благовеста» показывает, что данная «Тетрадь» могла появиться не ранее конца 1854 – начала 1855 г., времени создания этого стихотворения.

Выше уже обращалось внимание на то, что «Тетрадь А.О. Смирновой» не могла появиться ранее «Тетради В.М. Жемчужникова».

Таким образом, Толстой никак не мог подарить тетрадь со списком своих стихотворений, сделанных неустановленной, как отметил Кондратьев, рукой, А.О. Смирновой в 1850 г.

О том, что это произошло значительно позже, говорит и уже процитированная выше ностальгическая приписка-автограф:

*Ой не видно того села – тыльки видны хрестьы,  
Туди любо, туди мило вигеньками увиты!*

В этих двух строчках поэт, вспомнив о времени, проведенном им вместе с другими писателями в калужской усадьбе Смирновой, замечает, что это было давно («не видно того села»), и что из посещавших тогда усадьбу некоторых уже нет в живых («тыльки видны хрестьи», увитые «вигеньками» – выонками). Среди почивших посетителей усадьбы самым известным и видным был Н.В. Гоголь, скончавшийся в 1852 г.

О более позднем происхождении «Тетради А.О. Смирновой», не ранее конца 1856 г., свидетельствуют не только «Тетрадь В.М. Жемчужникова», но и две другие – одна представляет собой стихотворения, записанные самим Толстым – т.е. является автографической («Тетрадь А.С. Уварова»), другая – список с этого автографа. Какая из этих тетрадей явилась источником для «Тетради А.О. Смирновой», в которую стихотворения Толстого были вписаны «неустановленной рукой», еще предстоит установить.

Несомненно одно, что все эти «Тетради» могли появиться только после того, как императрице понравились стихотворения Толстого, которые она «заставила, – по словам поэта, – …ей прощесь» вечером в Царском Селе 25 октября 1856 г. И потом сказала, чтобы Толстой «ей посвятил весь сборник», прибавив: «Я не хочу, чтобы цензура его кромсала» (IV, 88). Уже на другой день появились желающие получить от поэта список «Колокольчиков», получивших высочайшую оценку императрицы: «Как хорошо!» С соответствующей просьбой обратилась к нему и Миллер. «Впрочем, ты не одна», – сообщает он ей 27 октября 1856 г. (IV, 89). Другого повода-стимула-импульса для записи стихотворений в отдельную «Тетрадь», а затем создания и распространения с нее списков-копий, в том числе и писарской, у Толстого ни до, ни после не было…

<sup>1</sup> В «Полном собрании стихотворений в двух томах» А.К. Толстого (Т. 1. Л., 1984. – С. 503) эта строка дана в такой редакции: «Я прислушиваюсь к вам…» Почему и на каком основании появилось настоящее время – «прислушиваюсь» – непонятно. Во всех известных на сегодняшний день списках стихотворения стоит будущее время – «прислушаюсь». Оно сохраняется и при первой публикации стихотворения в книге А.А. Кондратьева «Граф А.К. Толстой» (СПб., 1912. – С. 92) – «прислушаюсь». Появление «ь» вместо

- «я» в окончании слова его смысл не меняло. Это так называемая глазная опечатка: Кондратьев мог допустить ее, списывая слово с рукописной «Тетради», либо это результат невнимательности наборщика.
- <sup>2</sup> См.: Кондратьев А.А. Граф А.К. Толстой. – Преамбула. – н/н. – С. 91–109.
- <sup>3</sup> Там же. Преамбула.
- <sup>4</sup> См.: Толстой А.К. Полное собрание стихотворений и поэм (Новая библиотека поэта). – СПб., 2006. – С. 595, 597–599.
- <sup>5</sup> Гегель Г.В.Ф. Эстетика. – Т. 3. – М., 1971. – С. 494.
- <sup>6</sup> Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. – Т. IV. – М., 1964. – С. 70, 71. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома (римскими цифрами) и страниц.
- <sup>7</sup> См.: Энциклопед. словарь. Изд. Бр. А.Н. и И.Н. Гранат. – Т. 23. – М., б.г. – Стлб. 367–368; Энциклопед. словарь. Изд. АО Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. – Т. 27 (XIV). – СПб., 1895. – С. 361.
- <sup>8</sup> См.: Кондратьев А.А. Граф А.К. Толстой. – С. 34; Захарова В.Д. А.К. Толстой. Летопись жизни и творчества. – Брянск, 2013. – С. 56.
- <sup>9</sup> Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. – Киев, 1957. – С. 111.
- <sup>10</sup> Эварницкий Д.И. История запорожских козаков. – Т. I. – СПб., 1892. – С. 260.
- <sup>11</sup> Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. – Ереван, 1961. – С. 49.
- <sup>12</sup> Эварницкий Д.И. История запорожских козаков. – С. 252.
- <sup>13</sup> Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. – С. 112.
- <sup>14</sup> Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: В 3 т. – Т. I. – М., 1953. – С. 5.
- <sup>15</sup> Георгий (Конисский). История Русов или Малой России. – М., 1846. – С. 85.
- <sup>16</sup> Там же. – С. 87.
- <sup>17</sup> Там же. – С. 36, 116, 85, 87, 98, 117.
- <sup>18</sup> Воссоединение Украины с Россией. – Т. I. – С. 5.
- <sup>19</sup> Крим'якевич І.П. Богдан Хмельницкий. – Київ, 1954. – С. 458.
- <sup>20</sup> Воссоединение Украины с Россией. – Т. III. – С. 33.
- <sup>21</sup> Георгий (Конисский). История Русов или Малой России. – С. 87.
- <sup>22</sup> Зайончковский П.А. Кирилло-Мефодиевское общество. – М., 1959. – С. 158–159, 85.
- <sup>23</sup> Толстой А.К. Полное собр. стихотворений в двух томах. – Т. 1. – С. 530.
- <sup>24</sup> См.: Современник. – 1854. – № 2. – «Литературный Ералаш». – Тетрадь 1. – С. 2.
- <sup>25</sup> Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. – М., 2009. – С. 131.
- <sup>26</sup> Там же. – С. 151.

**О.А. Богданова**

**ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ  
И СТАНОВЛЕНИЕ НАУКИ О ДОСТОЕВСКОМ  
НА РУБЕЖЕ 1910–1920-х ГОДОВ  
(М.М. БАХТИН, Б.М. ЭНГЕЛЬГАРДТ,  
В.Л. КОМАРОВИЧ)\***

***Аннотация***

В статье показано одновременное влияние на начинающих достоевско-ведов рубежа 1910–1920-х годов (М.М. Бахтина, Б.М. Энгельгардта, В.Л. Комаровича) идей неокантианской философско-эстетической школы, с одной стороны, и русской религиозно-философской, в том числе символистской, мысли – с другой. На этом фоне раскрыта особая роль В.И. Иванова, чьи работы о Ф.М. Достоевском сыграли решающую роль в самоопределении достоевсковедения как науки, став связующим звеном между сугубо религиозно-философской интерпретацией писателя и последующей методологией, обусловленной неокантианской «прививкой».

*Ключевые слова:* Ф.М. Достоевский, В.И. Иванов, неокантианство, религиозная философия, достоевсковедение, М.М. Бахтин, Б.М. Энгельгардт, В.Л. Комарович.

*Bogdanova O.A. Vyacheslav Ivanov and formation of science about Dostoyevsky at the boundary of the 1910–1920 th. (M. Bakhtin, B. Engelgardt, V. Komarovich)*

*Summary.* The simultaneous influence of neo-kantian philosophical and esthetic school on the beginning scholars engaged in Dostoyevsky research, such as M. Bakhtin, B. Engelgardt and V. Komarovich, at the boundary of the 1910–1920 th, on the one hand, and Russian religious and philosophical thought, including the influence

\* Работа выполнена в рамках проекта «Исследования В.Л. Комаровича о Ф.М. Достоевском. Текстология. Переводы. Комментарий», поддержанного РГНФ (грант № 12-04-00153 а).

of symbolism, on the other, is shown in the paper. In this connection the special role of V. Ivanov's works on Dostoyevsky is disclosed as playing a crucial role in the transformation of knowledge on Dostoyevsky into science, and a link between entirely religious and philosophical interpretation of the writer and the subsequent methodology caused by neo-kantian «inoculation».

Примерно с середины 1910-х годов в России началось общее методологическое самоопределение науки о литературе как части «наук о культуре». Этот процесс, помимо освоения трудов А.А. Потебни и Ал-дра Н. Веселовского, впервые поставивших вопрос о литературоведении как особой области знания, стимулировался четко обозначенной в 1910 г. немецким философом-неокантианцем Г. Риккертом целью – «развитием понятия, определяющего общие интересы, задачи и методы неестественно-научных дисциплин, и в разграничении их от методов естествознания». «Наукам о культуре», по мнению Риккерта, «приходится защищать свою самостоятельность от натурализма, провозглашающего естественно-научный метод единственным правомерным» и вырабатывать другой, «принципиально отличный от него способ образования понятий», основанный на «понятии культуры» как «совокупности фактически общепринятых ценностей»<sup>1</sup>. В своей классификации наук Риккерт настаивал на фундаментальном различии традиционно выделяемых «наук о духе» и вновь выдвигаемых им «наук о культуре»: если первые отличаются от «наук о природе» предметом, объектом рассмотрения, то вторые – методом. Этот метод определен Риккертом как «индивидуализирующий», т.е. ориентированный на познание неповторимых, единичных, уникальных, особенных явлений, имеющих ценностный характер.

Один из центров движения по самоопределению науки о литературе с середины 1910-х годов находился в стенах Петроградского университета: как свидетельствовал В.М. Жирмунский в своей статье-манифесте 1919 г. «Задачи поэтики», под «разнообразными влияниями» (в том числе А.Н. Веселовского, А.А. Потебни, Андрея Белого, Вяч. И. Иванова и др.) в годы Первой мировой войны «вопросы методологии истории литературы сделались предметом общего интереса в университетских кружках Петрограда и Москвы (например, в собраниях Пушкинского кружка при Петроградском университете); вопрос о пересмотре методов изу-

чения литературы чаще всего приводил к решению, что поэзия должна изучаться как искусство и что обычные построения проблем истории культуры на материале художественной словесности должны уступить место поэтике исторической и теоретической»<sup>2</sup>.

На обозначенном фоне гуманитарной университетской среды Петрограда 1910-х годов происходило и становление науки о Достоевском как одной из «частных» наук историко-литературного цикла. Ядром новых поисков стали петроградские университетские семинарии профессоров С.А. Венгерова и А.К. Бородина, откуда вышли многие будущие известные литературоведы разных направлений: Ю.Н. Тынянов и Б.М. Эйхенбаум, с одной стороны, В.Л. Комарович, Б.М. Энгельгардт – с другой. Известно, что в 1916–1918 гг. лекции и семинарии в Петроградском университете посещал М.М. Бахтин. Неокантианские идеи интенсивно циркулировали в стенах университета, пропагандировались на лекциях А.И. Введенского и в семинарии В.Э. Сеземана и т.д. В то же время студенческая молодежь второй половины 1910-х годов прекрасно знала религиозно-философскую литературу о Достоевском, водила личное знакомство с С.Н. Булгаковым, М.О. Гершензоном, Волжским <А.С. Глинкой> и др.<sup>3</sup> Следы знакомства с работами Иванова обнаруживаются в статьях и книгах большинства молодых ученых.

При этом симптоматично наблюдение, сделанное современным исследователем о характере упоминаний Достоевского на заседаниях петербургского Религиозно-философского общества 1907–1917 гг., где в разное время выступали писавшие о Достоевском Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, Г.И. Чулков, Н.А. Бердяев, В.Ф. Эрн, С.А. Аскольдов, А.А. Мейер и др.: «в ходе дискуссий... имя Достоевского методично употребляется не для того, чтобы сказать новое и важное о писателе, а как элемент языка самоописания русской религиозно-философской культуры начала XX в.»; «упоминания Достоевского, культуртрегеры РФО свидетельствовали прежде всего о себе, о своих прозрениях, фобиях и болезнях»; «характерно при этом, что ивановская работа<sup>4</sup> <...> в генеральной логике дискуссий стоит особняком, лишь по касательной сходясь со сквозными сюжетами прений»<sup>5</sup>. Таким образом, на общем фоне религиозно-философских высказываний о Достоевском Иванов

выделялся как человек, все-таки стремившийся «сказать новое и важное о писателе», а не только самовыразиться с его помощью.

Приходится констатировать одновременное воздействие на начинающих достоевсковедов рубежа 1910–1920-х годов как идей неокантианской школы, с одной стороны, так и русской религиозно-философской, в том числе символистской, мысли – с другой. Очевидно, что Иванов в этом процессе самоопределения науки о Достоевском сыграл особую роль, раскрыть которую – цель настоящей статьи.

В 1910-е годы общий методологический поворот в изучении Достоевского происходил по направлениям от психологизма – к исследованию «мира сущностей», от «принципа миросозерцания» – к «принципу формы», от дискретного анализа персонажных идей и идеологий – к рассмотрению художественного произведения как целого, как «телеологического единства»<sup>6</sup>.

Обратимся ко второму из указанных моментов обозначенного поворота, очевидно связанному с именем Иванова. В кавычках даны заглавия разделов его известной работы «Достоевский и роман-трагедия», впервые напечатанной в журнале «Русская мысль» в 1911 г. (№№ 5, 6). Иванов и Андрей Белый – символисты, этот поворот подготовившие, во многом благодаря своему вниманию как к проблематике, так и к философскому языку неокантианства, большему у второго, меньшему у первого. Давно замечена полигенетичность философии и эстетики русского символизма, и «Кант, прочитанный глазами Когена, Риккерт или Христиансена, является одной из важнейших составляющих символистских идей»<sup>7</sup>. Думается, не случайно Иванов входил в круг авторов международного философского ежегодника «Логос»: в первой книжке журнала (1910) напечатана сочувственная рецензия на его книгу «По звездам. Статьи и афоризмы» (1909), в первой книжке за 1911 г. опубликована его статья «Л. Толстой и культура», несущая на себе следы знакомства с идеями Риккерта: связанность понятий «культура» и «ценность», стремление к освобождению от «психологии» как части «наук о природе» и т.д. (Известно, что Риккерт в 1910–1914 гг. принимал деятельное участие не только в немецкой, но и в русской версии «Логоса»; журнал следовал главным образом неокантианской традиции.) Однако, как символист, Иванов вместе с Андреем Белым и А.А. Блоком входил в московском

издательстве «Мусагет», под эгидой которого издавался «Логос», в автономную группу, все же не совпадавшую по своим «заданиям» с «фрейбургской философской школой»<sup>8</sup>.

Неудивительно, что по отношению к неокантианству в целом Иванов неоднократно выражал свою полемическую позицию. Так, важным явлением культурной жизни России 1910-х годов было противостояние неославянофильского издательства «Путь» с его идеей самобытного русского мировоззрения и «Логоса» с его программой сверхнационального философского единства. «Путешцы» развивали религиозную философию, берущую начало в творчестве Вл.С. Соловьёва; неозападники «Логоса» были по преимуществу приверженцами фрейбургского неокантианства (В. Виндельбанда, Риккerta, Б. Христиансена). Резкую полемику с «Логосом» с 1910 г. вел Эрн. Иванов явно склонялся к платформе «Пути», в большинстве пунктов разделяя точку зрения своего близкого друга и единомышленника.

Тем не менее позиция Иванова не была однозначной. Так, в статье «Заветы символизма», убежденно развивая оригинальное мировоззрение религиозного символизма, он писал, подразумевая Риккerta и его школу: «Учение новейших гносеологов о скрытом присутствии в каждом логическом суждении, кроме подлежащего и сказуемого, еще третьего, нормативного элемента, некоего “да” или “так да будет”, которым воля утверждает истину как ценность, помогает нам, – стоящим на почве всецело чуждых этим философам общих воззрений, – уразуметь религиозно-психологический момент в истории языка...»<sup>9</sup>

И даже у непримиримого оппонента неокантианского «меонического рационализма» Эрна можно найти строки, парадоксальным образом свидетельствующие об усвоении и освоении неославянофильским крылом, в том числе Ивановым, идей Риккerta и его школы: «Безусловное, всестороннее, историческое, *внутреннее* (здесь и далее курсив автора. – О.Б.) изучение новой европейской философии вытекает из моей мысли с абсолютной *категоричностью*. Усвоение это – *исторический долг* русских философов, ибо решительность и плодотворность борьбы с *ratio* *прямо пропорциональна силе* его усвоения», – писал Эрн, подчеркивая «серьезность и категоричность <своего> требования – знать мысль Запада...»<sup>10</sup> Более того, по мысли Эрна, «возврат к логиче-

скому миропониманию может быть совершен лишь *творческим путем*, в поиске метафизической глубины *нашего самосознания* – творческого раскрытия основных прозрений в утонченных терминах современного мышления; основы логизма должны быть “*проделаны сквозь строй*” всего рационалистического воинства<sup>11</sup>. И будто в ответ на прозападническую критику Андрея Белого<sup>12</sup> Эрн утверждал: «...область и задачи философии для меня резко *отмежевываются* как от религии, так и от искусства. Жизнь искусства – в непрерывном творческом созидании того, что весь мир открыло бы в единстве эстетического переживания; жизнь религии – в непрерывном творческом подвиге того просветления воли, которое открывает в мире хаоса и зла абсолютное морально-религиозное единство Добра; жизнь философии – в непрерывных творческих попытках охватить целое мира в *единстве теоретической мысли*»<sup>13</sup>. В последнем утверждении, по сути дела, снималось эрновское противопоставление антично-христианского Логоса и новоевропейского *ratio*; *ratio* становилось этапом на пути к Логосу. А также, в противовес теургической концепции искусства Иванова, утверждалась автономность эстетического начала. Очевидно, что подобная противоречивость не могла не сыграть своей роли в неокантианской трансформации религиозно-философских идей «путейцев» молодыми достоевсковедами рубежа 1910–1920-х годов.

Об отсутствии антагонизма между Ивановым как «представителем религиозно-философской мысли русского символизма» и редакцией «Логоса» в 1910-е годы косвенно свидетельствуют исполненные симпатии воспоминания Ф.А. Степуна, одного из «столпов» неокантианствующего ежегодника: с сочувствием изложив ивановскую «концепцию религиозно-реалистического символизма», мемуарист пришел к выводу о том, что Иванов по сути чужд славянофильству и является скорее «человеком Запада»<sup>14</sup>.

Для уяснения роли Иванова в развитии достоевсковедческой мысли первой трети XX в. сделаем краткий обзор написанного им о Достоевском в 1900–1910-е годы. Поэт-философ полностью или частично посвятил любимому писателю ряд текстов, давно отмеченных исследователями<sup>15</sup>: «Идея неприятия мира» (1906), «О русской идее» (1909), «Достоевский и роман-трагедия» (1911), «Религиозное дело Владимира Соловьёва» (1911), «Экскурс:

основной миф в романе “Бесы”» (1914), «Живое предание» (1915), «Два лада русской души» (1916), «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского» (1917). При этом надо иметь в виду, что ряд положений Иванова уже были высказаны до него И.Ф. Анненским, А.Л. Волынским, Мережковским и др., на что он нередко ссылался сам. Иванов развил и видоизменил их мысли в соответствии со своим видением Достоевского. Итак, основные черты ивановского подхода в названных статьях следующие<sup>16</sup>.

Во-первых, творчество Достоевского рассматривалось Ивановым в широчайшем историко-культурном контексте, охватывавшим античность, Средневековье и новоевропейскую эпоху, литературу Запада. Во-вторых, утверждалось национально-русское своеобразие писателя, связанное с православными, восточно-христианскими традициями русской культуры. В-третьих, была отмечена всеобъемлющая роль человеческой личности в романном мире Достоевского, обусловившая такие черты его произведений, как подлинный диалогизм (реализация принципа «Ты еси») и «соборность» (как «полифонический хор» онтологически равноправных героев-личностей). О полифонии (многоголосии) как об аналоге хоровой соборности в противовес «индивидуальному монологу» Иванов писал еще в 1908 г. в работе «Две стихии в современном символизме»: «В полифоническом хоре каждый участник индивидуален и как бы субъективен. Но гармоническое восстановление строя созвучий в полной мере утверждает объективную целесообразность кажущегося разногласия. Все хоровое и полифоническое, оркестр и церковный орган служат формально ограждением музыкального объективизма и реализма против вторжения сил субъективного лирического произвола <...> соборным авторитетом созвучно поддержанного голосами или орудиями общего одушевления»<sup>17</sup>. В-четвертых, Иванов много внимания уделил выявлению творческого метода Достоевского, которому дал определение «мистический реализм» (или «реалистический символизм»), восходящее к самоопределению Достоевского «реализм в высшем смысле». В-пятых, несколько страниц своей работы «Достоевский и роман-трагедия» поэт-философ посвятил исследованию жанрового своеобразия созданного Достоевским типа романа: понимая эволюцию жанровых форм как путь от эпоса к драме, Иванов увидел в частях «великого пятикнижия» преодо-

ление свойственного роману «индивидуализма» и последний шаг навстречу «соборному» единству «народного духа» в «царице-Трагедии», высшей, по его мнению, форме человеческого творчества. Так появилась, применительно к произведениям Достоевского, знаменитая дефиниция «романа-трагедии». Многие ивановские находки, щедро рассыпанные по его статьям, не получили у него дальнейшего развития: например, мысль о единстве творчества Достоевского (внутренней взаимосвязи всех его послекаторжных произведений), о конституирующей роли идеи в композиции его романов (породившей вскользь брошенное определение «романатеоремы»), о «великолепно выразительном и адекватном предмету языке»<sup>18</sup> великого романиста, о его уникальном даре «живописать сверхличную радость и сверхличный восторг»<sup>19</sup>, о его авторской стратегии мистического «проникновения» в суть явлений в противовес их рассудочному «познанию», о катастрофизме и преступлении, о «новом русском типе» в лице Алеша Карамазова и т.д. Не менее плодотворными оказались восходящие к Ф. Ницше рассуждения Иванова о музыкальном субстрате творчества Достоевского. Помимо этого, «герои Достоевского, рассматриваемые Ивановым в неомифологическом ракурсе, получ[или] значение универсальных, общечеловеческих типов сознания – своеобразных культурных лейтмотивов любой эпохи»<sup>20</sup>. Неудивительно, что Иванов назвал их «лицами-символами». Встречаем у него и глубокое обоснование мистики «земли» как обетованной «святой Руси» в ее отличие от оккупированного бесами «мира сего». Наконец, поэту-философиу принадлежит определение духовного типа личности самого Достоевского – как экстатического художника, верного «духу Диониса», чье внешнее развитие обусловлено внезапными откровениями «катастрофического внутреннего опыта»<sup>21</sup>. В связи с этим становится понятной многократно повторенная Ивановым мысль о «неразгаданности»<sup>22</sup>, непонятости Достоевского, «целостное узрение» которого «отметит новый возраст нашей духовной жизни»<sup>23</sup>. Причем до сих пор непонятное, «а порой и смрадно поносимое»<sup>24</sup> в Достоевском – это не «скитальцы»-западники, но именно неизвестные Западу русские типы, в первую очередь Алеша Карамазов – «символический собирательный тип, который напрасно считают невыясенным и о котором стоит в другой раз повести беседу, – тип людей нового русского сознания, напророченный

Достоевским и им порожденный. И потому если определять представителей того умонастроения, которое продиктовало эти строки, то назвать бы – “алешинцами”!»<sup>25</sup> Приведенные из статей «Достоевский и роман-трагедия», «Религиозное дело Владимира Соловьёва» и «Живое предание» слова Иванова звучали как призыв к дальнейшим действиям, особенно потому, что сам поэт-философ так и не вернулся ко многим заявленным темам. Однако выдвинутый им на первое место при анализе Достоевского-романиста «принцип формы» по отношению к «принципу миро-созерцания» стал маяком для новых исследователей творчества писателя.

Зарождавшиеся в университетской гуманитарной среде конца 1910-х годов научные подходы к творчеству Достоевского отличались от сугубо религиозно-философских исследований (как, впрочем, и от предшествующей академической науки), в первую очередь, обращением к поэтике, к художественным особенностям его произведений как главному объекту рассмотрения. Именно поэтика становилась ключом к своеобразию Достоевского-мыслителя. Другими словами, если религиозно философствующие символисты основное внимание уделяли мировоззрению Достоевского, содержанию его произведений, то новое поколение исследователей – его художественно-эстетическим принципам, форме его произведений. Это объединяло всю литературоведческую молодежь рубежа 1910–1920-х годов: Бахтина, Комаровича, Энгельгардта, Тынянова, Эйхенбаума, Л.П. Гроссмана, М.П. Алексеева и др. Недаром, несмотря на критику ряда положений исследователей-ровесников – Комаровича и Энгельгардта, – Бахтин в 1929 г. все же признавал свою общность с ними в попытке «воспринять художественные особенности... новой романной структуры»<sup>26</sup> Достоевского.

Специальное рассмотрение так называемых формалистов, многие из которых в обозначенный период писали в том числе и о Достоевском (Тынянов, Эйхенбаум, В.В. Виноградов, В.Б. Шкловский, Б.В. Томашевский), совсем не случайно отсутствует в настоящей статье: ведь для них, по определению, форма («прием») – конституирующий момент литературного произведения, содержание же в их концепциях элиминируется к «материалу». Герои же нашего исследования – молодые ученые рубежа

1910–1920-х, сознательно противопоставлявшие себя «формальной школе»; это исследователи Достоевского, по преимуществу ставшие основателями и классиками науки о писателе. Все они внимательно и заинтересованно относились к религиозно-философской традиции. Тем показательнее приоритет формального момента и в их построениях, по сравнению с миросозерцательной в своей основе критикой начала XX в. Конечно, в работах И.Ф. Анненского, А.Л. Волынского, Д.С. Мережковского, Волжского <А.С. Глинки> уже в 1900-е годы появились довольно многочисленные и глубокие наблюдения над художественными особенностями произведений Достоевского (структурой его романов, приемами символизации художественных образов, особенностями речевого стиля), однако в них отсутствовала системность, они оставались все же побочным продуктом философско-мировоззренческих размышлений названных авторов над страницами создателя «великого пятикнижия»<sup>27</sup>. Один Иванов в 1911 г. особо выделил «принцип формы», поместив его по важности *перед* «принципом миросозерцания», и сделал попытку системного рассмотрения жанрового своеобразия романа Достоевского.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что в процессе освоения наследия Достоевского переход от, условно говоря, Волынского, Мережковского и Волжского <А.С. Глинки> к Бахтину, Энгельгардту и Комаровичу происходил посредством некоего связующего звена между сугубо религиозно-философской интерпретацией писателя и последующей методологией, обусловленной неокантианской «прививкой». Таким «мостом», таким связующим звеном и стали, на наш взгляд, исследования Иванова.

Рассмотрим особенности восприятия текстов Иванова о Достоевском каждым из названных молодых ученых в отдельности.

Начнем с М.М. Бахтина, который, в отличие от не избалованных научным вниманием Энгельгардта и Комаровича, стал, начиная с последней четверти XX в., объектом исследования целой науки под названием «бахтиноведение». Не удивительно, что его творческие взаимоотношения с Ивановым изучены несравненно лучше, чем аналогичные взаимоотношения его ровесников-достоевковедов.

Так, преемство Бахтина от Иванова в аспекте открытия «полифонического романа» давно замечено исследователями. См., например: *Кристева Ю.* Разрушение поэтики (1967) // Михаил Бахтин: *pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры.* В 2 т. СПб.: РХГИ, 2001–2002. Т. 2. С. 18; *Садаёси И.* Иванов – Пумпянский – Бахтин // Comparative and contrastive studies in Slavic languages and literatures. Japanese contributions to the Tenth International Congress of Slavists. Tokyo, 1988; *Фридлендер Г.М.* Достоевский и Вячеслав Иванов // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 11. СПб.: Наука, 1994; *Есаулов И.А.* Полифония и соборность (М.М. Бахтин и Вяч. Иванов) // Бахтинский тезаурус. Материалы и исследования. М., 1997; *Тамарченко Н.Д.* «Эстетика словесного творчества» Бахтина и русская религиозная философия: пособие по спецкурсу. М.: РГГУ, 2001; *Махлин В.Л.* Невельская школа. Круг Бахтина // Михаил Бахтин: *pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры.* В 2 т. СПб.: РХГИ, 2001–2002. Т. 1. С. 128; *Магомедова Д.М.* Полифония // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / Под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной. – Intrada, 2008; и др.

Впрочем, и сам автор «Проблем творчества Достоевского» (1929) в обзоре написанной к тому времени «критической литературы» о писателе-классике выделил Иванова как человека, впервые «нащупавшего» «основную структурную особенность художественного мира Достоевского». Бахтин противопоставил Иванова остальным «критикам» Серебряного века: Розанову, Волынскому, Мережковскому, Льву Шестову, – пошедшем в деле исследования Достоевского по «пути философской монологизации», в том, что тот в качестве основного «принципа миросозерцания» Достоевского выдвинул стремление утвердить чужое «я» не как объект, но как «полноправного субъекта». Однако, по мнению Бахтина, этот замеченный Ивановым «этико-религиозный постулат» писателя не стал у критика-символиста основанием для постижения новаторской – «полифонической» – формы романов Достоевского<sup>28</sup>.

Н.К. Бонецкая причисляет Бахтина, высоко ценившего в 1910-е годы журнал «Логос», к «кантианской линии» русской философии Серебряного века, подчеркивая его чуждость религиоз-

ной философии названного периода<sup>29</sup>; С.Г. Бочаров называет «Проблемы творчества Достоевского» (замысел которых относится к 1919 г.) «постсимволистским прочтением Достоевского на фоне его символистского прочтения»: унаследовав проблематику Иванова и других писавших о Достоевском символистов, Бахтин «сменил язык философствования» в соответствии с пройденной им неокантианской школой «самоограничения в последних <т.е. религиозно-метафизических. – О.Б.> вопросах». Работы раннего Бахтина – «эстетика... решаемая в теологических терминах; эстетика на границе религиозной философии», но все же «не религиозная философия»<sup>30</sup>. Новизна бахтинского истолкования Достоевского по сравнению с Ивановым – в приоритетном обращении к художественно-эстетическим особенностям произведений писателя («Достоевский-художник и есть мировоззренческий ключ как к “героям-идеологам” Достоевского, да и к нему самому как мыслителю и идеологу»), в переакцентуации с отвлеченных «теоретических» на конкретные «поэтические» задачи Достоевского<sup>31</sup>.

Очевидно, что «переакцентуация» произошла в русле уже отмеченного выше общеметодологического поворота в изучении Достоевского, начавшегося в середине 1910-х годов.

Среди более конкретных влияний Иванова на Бахтина, помимо концепции полифонии, можно назвать следующие. Во-первых, мысль о субъект-субъектных отношениях между личностями в романах Достоевского, ставшую основой бахтинского диалогизма<sup>32</sup>. (Интересно, что Ф.А. Степун подметил в Иванове естественную для него диалогическую стихию, очевидно связанную с сократовско-платоновским античным наследием и впоследствии закономерно воплотившуюся в «Переписке из двух углов»: «Более симпозионального человека, чем Вячеслав Иванов довоенной эпохи, мне никогда уже больше не приходилось встречать», он был выдающимся собеседником, который «любил и умел слушать чужие мысли»<sup>33</sup>.) Затем – тезис о наличии в романах писателя не «вещей мира», но исключительно «людей – человеческих личностей», что предваряет бахтинское утверждение о доминирующей роли самосознания в построении образа героя – «всепоглощающего <само>сознания», вбирающего в себя так называемый объективный вещный мир<sup>34</sup>. В статье Иванова «Достоевский и роман-трагедия» многие страницы посвящены истории романного жанра

и выдающейся роли романа в движении европейской культуры, роман Достоевского отмечен как высшая ступень жанровой эволюции – все это, безусловно, дало импульс бахтинской апологии романа, далеко превзошедшей ивановскую (у Иванова все же высшей литературной формой признается трагедия). И наконец, творчество Достоевского Бахтин, вслед за Ивановым, рассматривал в широчайшем культурном контексте, уходящем в глубь веков и тысячелетий, вплоть до античности.

Безусловно, во многих аспектах Бахтин с Ивановым полемизировал, многое углублял, развивал и видоизменял. Но так как это уже подробно освещено в литературе<sup>35</sup>, ограничимся констатацией факта и перейдем к отражению идей Иванова в достоевсковедческих работах других героев нашего исследования.

Б.М. Энгельгардт был убежденным неокантианцем фрейбургского «розлива», открыто стремившимся «приложить к анализу историко-литературных методов общих исторических взглядов Г. Риккера...»<sup>36</sup> Основной упрек Энгельгардта религиозно-философскому символизму вообще и Иванову в частности – «в подстановке поэтических творческих целей, взятых из других духовных деятельности»<sup>37</sup>, другими словами, – в неразличении целей и задач религии и философии, с одной стороны, и искусства – с другой, в лишении эстетической деятельности самодовлеющего значения, автономии. «Символизм, – писал Энгельгардт в неопубликованной при жизни работе <“Об отношении форм теоретического сознания к формам творчества (Символизм в поэзии)”. – О. Б.>, анализируя теорию и поэтическую практику Иванова и Андрея Белого, – и в этом его главный минус – стесняет художника в самом процессе творчества, декретируя формы этого последнего. Художник уже не может отаться беспрепятственно развитию образа, но должен пользоваться им как средством для познания высшего, как “символом”, в итоге «превращая художественное произведение в религиозно-философский трактат, в формулу мистического откровения, в религиозный гимн или молитву»<sup>38</sup>.

Невысоко оценивая символистскую поэзию Иванова и Андрея Белого как «холодную риторику аллегории»<sup>39</sup>, Энгельгардт, тем не менее, считал их «достойными вождями новых идейных течений русского общества»<sup>40</sup>, противостоявших позитивизму.

Отсюда – высокое мнение об Иванове, восхищение «исключительным блеском и силой» его попыток «построения идеалистической теории музыки» и других искусств<sup>41</sup>.

Однако «символистская теория творчества», выраженная в том числе и в статьях Иванова о Достоевском, принципиально не устраивала Энгельгардта как, по сути дела, «теория религиозного миропонимания, ибо искусство символисты рассматривают не как создание красоты, а как особую форму мистического познания, приносящую людям благую весть об Абсолютном»<sup>42</sup>. «Анализируя теорию символа у Иванова, Энгельгардт резюмирует, что искусство делает то же самое, что и религия, и категория прекрасного сливаются с понятием религиозного, в котором художник – теург. В итоге во имя универсальных религиозных ценностей разрушается автономия художественного творчества, и методологически символисты невольно идут “по следам Чернышевского, в... диссертации которого мы найдем такую же аргументацию от универсальных понятий жизни... И в том и в другом случае мы имеем дело с релятивизмом в оценке художественного произведения и с нарушением свободы художественного творчества”»<sup>43</sup>.

Для Энгельгардта же «абсолютной ценностью» являлось единичное художественное произведение, обладающее «эстетической самозначимостью» как «внутренне-единая вещно-определенная структура»<sup>44</sup>. Новое литературоведение, по мысли молодого ученого, должно заняться анализом процессов личного, индивидуального творчества в его неповторимых особенностях (вспомним «индивидуализирующий» метод «наук о культуре» в классификации Риккера), «индивидуальным генезисом художественного произведения»<sup>45</sup>. Последняя из названных задач очевидно корреспондировала со становящимся в российском литературоведении 1920-х годов телеогенетическим методом (изучением «творческой истории» произведений по рукописям и печатным публикациям), связанным с именами Н.К. Пиксанова и – в достоевковедении – Комаровича и др. Напротив, Иванов, как известно, высшей формой считал творчество «соборное», всенародное, проявляющееся в мифе и трагедии. Его идеал – художник-теург, растворяющий свою индивидуальность в «божественном всеединстве» и «соборном единомыслии и единодушии» религиозного обряда<sup>46</sup>. Новевропейский романный жанр Иванов ценил прежде всего за то, что

он «наиболее приближа<sup>ется</sup>... творчество одиноких и своеобразных художников к типу всенародного искусства»<sup>47</sup>.

Несмотря на существенные методологические расхождения, ряд ивановских идей стали основополагающими в энгельгардтовской концепции творчества Достоевского, представленной в известной статье «Идеологический роман Достоевского» (1922). В первую очередь, надо отметить общность взгляда на то, что форма романа – производное от мировоззрения художника. По Иванову, именно «внутренний опыт» Достоевского обусловил «катастрофический» характер его романов. По Энгельгардту, возникновение жанра «идеологического романа» – прямое следствие свойственной Достоевскому «тоски по текущему» и его решения стать летописцем «случайного племени» русской городской интеллигенции.

В статье «Достоевский и роман-трагедия» о роли «идей-сил, чье взаимодействие и борьбу являл нам этот поэт вечной эпопеи о войне Бога и дьявола в человеческих сердцах», сказана буквально одна фраза; чуть ниже замечено, что Достоевский учился у Жорж Санд «“идейности” в композиции романов, их философической и общественной обостренности, всему, что сближает их, в самом задании, с типом романа-теоремы»<sup>48</sup>. Последнее замечание выглядит как констатация конституирующей роли персонажной идеи в построении романа Достоевского. А во втором разделе работы «Лик и личины России», названном «Идея Алеши», Иванов указал на ее противостояние идеям «люциферических» персонажей (Ивана Карамазова и др.), из чего вытекала мысль об обусловленности той или иной идеи типом личности ее носителя. Если же обратиться к статье Энгельгардта о Достоевском, то увидим, что ивановские короткие обмолвки развернуты здесь в целую концепцию: «Изобразить... ход идей в фантастическом русском обществе, показать, какие характеры они формируют на разных ступенях своего становления и какие тенденции и формы общественного движения ими предопределялись, – было основной задачей Достоевского, и для этого ему было нужно... художественное творчество... Достоевский писал... романы об идее. Достоевский культивировал и вознес на необычайную высоту особый вид романа, который... может быть назван идеологическим. Достоевскийставил и решал чисто художественные проблемы; только материал

у него был очень своеобразный: его героиней была *идея* как «живая сила в живом сознании»<sup>49</sup>.

В «Живом предании» и «Лике и личинах России» Иванов, исходя из разделявшейся им в 1910-е годы неославянофильской позиции, остановился на значении национально-русских типов Достоевского и выражаемой ими «самостоятельной русской идеи» – «преобразования всего нашего общественного и государственного союза в церковь», «святой Руси» как грядущей «агиократии»<sup>50</sup>. В полемике с Бердяевым, считавшим главной заслугой Достоевского создание трагических, обостренно-индивидуалистических, двойственных, богоборческих характеров (Раскольникова, Ставрогина, Ивана Карамазова), Иванов отстаивал достоинство цельных, народно-православных, церковно-христианских типов писателя (Хромоножка, Зосима, Алеша Карамазов). Энгельгардт в этом отношении вторил ему: у Достоевского, утверждал автор «Идеологического романа...», нет изображения «хаотической русской души», как думают западноевропейские критики, – на самом деле писатель изобразил русских интеллигентов, договаривающих до конца западные же идеи; при этом Достоевский «сознательно противопоставил своих *положительных героев* (Алешу, Зосиму) как русский национальный тип (...на Западе именно эти герои остаются до сих пор непонятыми...) своим *отрицательным героям*, представителям оторванной от народа, отправленной ядом западной цивилизации интеллигенции – тем героям, которые по преимуществу и поразили воображение западного читателя»<sup>51</sup>.

В работах «Достоевский и роман-трагедия» и «Два лада русской души» Иванов отчетливо проводил мысль об обусловленности типа бытия типом сознания: «Так, для Достоевского путь веры и путь неверия – два различных бытия, подчиненных каждое своемуциальному внутреннему закону, два бытия гетерономных, или разно-закономерных. И эта двойственная закономерность обуславливает два параллельных ряда соотносительных последствий как в жизни личности, так и в истории»<sup>52</sup>; «противоположность эпического и трагического строя душевной жизни» определяет «типическое различие в отношении людей к совместно переживаемому», в результате чего «эпический человек видит мир в одном разрезе, трагический – в другом»<sup>53</sup>. Подмеченное Ивановым влияние разности «основных установок сознания» на возмож-

ность восприятия одной и той же действительности в различных ее модусах было подробно развернуто Энгельгардтом и легло в основу его типологии характеров у Достоевского. По мысли молодого исследователя, внутреннее состояние героя определяет состояние мира, в котором он существует: для одних мир «среда», для других «почва», для третьих «земля». Причем в качественной иерархии этих модусов «земля» занимает первенствующее место: это «высшая реальность и одновременно тот мир, где протекает земная жизнь духа, достигшего состояния истинной свободы. Это третье царство – царство любви, а потому и полной свободы, царство вечной радости и веселья», ее «целовал и клялся любить Алеша Карамазова». Именно в названных трех планах, по Энгельгардту, мыслился Достоевским внешний мир. «Характерно, что отношение главных героев Достоевского к внешнему миру определяется не бытовой традицией, не принадлежностью к той или иной социальной группе... но переживанием этого мира в одном из вышеуказанных планов... Принципом чисто художественной ориентировки героя в окружающем является та или иная форма его идеологического отношения к миру»<sup>54</sup>. Слово «идеология» в приведенном контексте, очевидно, понималось Энгельгардтом расширительно, по Иванову в «Лике и личинах России», т.е. как духовно-метафизический выбор личности.

Нельзя также не заметить, что энгельгардтовское смысловое наполнение модуса «земли» в «многопланной действительности»<sup>55</sup> романа Достоевского восходило к ивановской концепции «искупленной земли» как «живого подножия» Бога в ее противопоставленности плененному дьяволом «миру сему». Эта антитеза развернута в докладе «Евангельский смысл слова “земля”»<sup>56</sup>, прочитанном на заседании Религиозно-философского общества в Петербурге в 1909 г., но кратко присутствует и в статье «Основной миф в романе “Бесы”».

Из всех трех молодых достоевковедов рубежа 1910–1920-х годов, попавших в сферу нашего внимания, один В.Л. Комарович открыто признавал себя непосредственным продолжателем Иванова, который ценен для него прежде всего тем, что впервые осуществил синтез различных приемов историко-литературного исследования: религиозно-философского, биогра-

фического и формально-эстетического – в работе «Достоевский и роман-трагедия». В брошюре «Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения» (Л., 1925), дав очерк истории достоевсковедения в России, наиболее перспективным Комарович признал универсальный подход Иванова, соединивший «принцип миросозерцания» с «принципом формы», что стимулировало изучение поэтики писателя в 1920-е годы.

Симптоматично, что Комарович выделил Иванова на общем фоне религиозно-философской литературы о Достоевском первых двух десятилетий XX в.: в его работах «впервые после больших монографий Д.С. Мережковского, А.Л. Волынского, В. Розанова, Л. Шестова – обнаружилось нечто существенно новое в формулировке и разрешении историко-литературных задач применительно к Достоевскому»<sup>57</sup>. Хотя «по своей основной задаче» статья Иванова «Достоевский и роман-трагедия» «должна быть поставлена в один ряд с вышеуказанными исследованиями», «подход к разрешению задачи здесь иной, и в этом – главное достоинство очерка. Мировоззрение Достоевского, как задача исследователя, предстоит ему здесь не в качестве беглого отчета о впечатлениях от отдельных страниц прочитанного романа, но как стройная и строгая дедукция идей и понятий миросозерцания из основного начала, из “принципа миросозерцания”. Идеология Достоевского ищется не в капризных и не всегда соподчиненных друг другу впечатлениях критика, но в диалектике ее собственных положений; и чтобы найти верховное начало миросозерцания, этот его “принцип”, из которого развернется потом сама собой вся полнота верований Достоевского, В. Иванов вступает на совершенно новый, до него никем не испытанный еще путь: не от собственных догм отвлекает он “принцип миросозерцания” Достоевского, но ищет и как бы нащупывает его в предварительном анализе структурных признаков романа: “Принципу миросозерцания” (вторая глава исследования) предписан “принцип формы” (первая глава), анализу идеологии предшествует анализ композиции»<sup>58</sup>.

Вслед за Ивановым Комарович писал о «символизме» Достоевского и выделял у него ключевые символы («живая жизнь», «мечтательство», «подполье» и др.), «трагическая коллизия» которых и порождала, по его мнению, «роман-трагедию» в понимании Иванова. В неопубликованных лекциях о Достоевском Комарович

говорил о том, что эта жанровая форма, впитав, помимо «психологической и фабулярной», «идеологическую» мотивировку «катастрофы», эволюционировала, начиная с «Преступления и наказания», в «роман-теорему», в котором философские проблемы «актуально решаются», однако не в рациональной, а в религиозноволевой сфере<sup>59</sup>. Так, единожды употребленная Ивановым в работе «Достоевский и роман-трагедия» дефиниция «роман-теорема» была подхвачена Комаровичем и наполнена новым смысловым содержанием.

Под воздействием идей датского эстетика-неокантианца Христиансена, с одной стороны, и прозрений религиозно философствующего символиста Иванова – с другой, Комарович существенно раньше Бахтина выдвинул концепцию романной формы Достоевского как «полифонической»: «Телеологическое соподчинение прагматически разъединенных элементов (сюжетов) является... началом художественного единства романа Достоевского. И в этом смысле он может быть уподоблен художественному целому в полифонической музыке: пять голосов фуги, последовательно вступающих и развивающихся в контрапунктическом созвучии, напоминают “голосоведение” романа Достоевского»<sup>60</sup>. Однако, в отличие от Бахтина, полифония у него не диалог «живых образов идей» персонажей и рассказчиков, а взаимоотношение их индивидуальных воль, разными путями вливающихся (или не вливающихся) в «сверхэмпирическое» единство. «Сверхэмпирической» целью для него, как и для Иванова, являлась не автономная «метафизическая глубина» самого человека, а воссоединение личности с Богом.

Еще в 1923 г., заканчивая изучение рукописей и переписки Достоевского в Пушкинском Доме, Комарович наметил для себя план «историко-литературных обобщений»: проследить развитие и выявить сущность религиозно-философских взглядов писателя, исследовать большие романы Достоевского в свете русских литературных направлений XIX в. и обозначить в них западные литературные влияния. «Этими различными задачами, – некоторые из них уже осуществлены, – предусматривается одно исследование о Достоевском, которое было бы одновременно и очерком биографическим, и очерком по истории религиозно-философских воззрений, и очерком художественной формы Достоевского»<sup>61</sup>.

Таким образом, отчетливо видно, что молодой ученый поставил перед собой задачу синтеза неокантианской методологии Христиансена и религиозно-философских прозрений Иванова. При этом «очерк В. Иванова кажется <ему> смелым наброском плана какой-то грандиозной постройки, где предусмотрены не только пропорции частей, но и гармония целого. Здесь собраны и как бы связаны в один узел все проблемы дальнейших работ о Достоевском, причем три основных метода, применяемых при изучении Достоевского, – философский, биографический и, скажем, “формальный”, – друг другу внутренне соподчинены...»<sup>62</sup>

В мировоззренческом плане Комарович унаследовал, с одной стороны, славянофильские симпатии Иванова, с другой – его европейский универсализм. О первом свидетельствуют как устные воспоминания Д.С. Лихачёва, так и факт увлеченности Комаровича русским фольклором и историей древнерусской литературы; о втором – его многочисленные исследования о связях творчества Достоевского с Г. Гейне, Ж. Санд, О. де Бальзаком, Э. Сю, Ж. Жаненом, В. Скоттом, В. Гюго, Ж.-Ж. Руссо, французскими утопическими социалистами (Э. Кабе, П. Леру, Ф.Р. Ламенне) и др.

Неокантианская тенденция, как и у Энгельгардта, проявилась у Комаровича также в стремлении исследовать уникальные особенности единичных в своем роде шедевров – с помощью про-возглашенного в 1923 г. Пиксановым «нового пути литературной науки», телеогенетического метода, суть которого – в изучении эволюции замысла конкретного произведения по рукописным и печатным редакциям исходя из «целесообразности» всех художественных элементов для передачи определенного идейно-эстетического задания. На его основе Комарович разработал метод изучения конкретного шедевра «с точки зрения его индивидуального генезиса»<sup>63</sup>, в последовательной смене рукописных и печатных вариантов.

По его мнению, «тот синтез историко-литературных методов, который предуказан исследованиями Вяч. Иванова... может как будто осуществляться при помощи текстологических разысканий»<sup>64</sup>. Этим Комарович руководствовался «в своем исследовании литературной судьбы одного из наиболее сложных замыслов Достоевского (“поэма” “Житие великого грешника”). Отдельные главы напечатаны в виде самостоятельных статей: “Ненаписанная

поэма Достоевского”<sup>65</sup>… “Генезис романа «Подросток»”<sup>66</sup>… “Роман «Подросток»” как художественное единство”<sup>67</sup>… Рукописный конспект “Житие великого грешника”, затем черновые рукописи романа “Подросток”, и, наконец, законченный текст этого романа при сопоставлении оказываются тремя фазисами единого генетического процесса: замысел “Жития” и первоначальный замысел “Подростка” совпадают. Идеологические постулаты исходного замысла обнаруживаются в конспекте 1869–70-х годов (“Жития”). Усматривая за идеологией Достоевского соответствующий духовный опыт, привлекая поэтому к исследованию биографический материал, приходим к известным выводам о типических признаках его личности; тем самым исходный замысел исследован в качестве события духовной жизни художника. Дальнейшие моменты генезиса… обнаруживают последовательную формацию нескольких сюжетных групп и перемещение основного идеологического задания с одной на другую; соответственно этому меняется и основное формальное задание (“поэма”, “житие” разрывается на “анекдоты”»<sup>68</sup>. Таким образом, молодой исследователь продолжил «синтетическую» тенденцию Иванова, дополнив ее новым – текстологическим – компонентом. Более того, найденный текстологический – телегенетический – метод стал необходимым условием *осуществления* только лишь заявленного Ивановым синтеза. Осуществления, которое реализовал в своих работах Комарович.

Однако едва ли не в большей степени определяют творческое лицо молодого ученого идущие от Иванова мировоззренческие токи. Так, под явным влиянием ивановских статей «Достоевский и роман-трагедия» и «Два лада русской души» Комарович, в статье «Ненаписанная поэма Достоевского» (1922), построил свою «схему» внутренней жизни писателя: выявив несколько «духовных перерождений» на протяжении жизни Достоевского, он посчитал их бессознательными «волевыми актами», независимыми от интеллектуальной работы; духовная жизнь Достоевского лишена поступательной непрерывности – «экстатический» художник, подверженный мгновенным мистическим озарениям, спустя время осмысляет и приспосабливает их к условиям земной реальности. Здесь – исток «пневматологического» метода Комаровича: поэтика, психология и идеология писателя определяются типом его «духовной организации», ритмом его духовной жизни. Однако,

в отличие от Иванова, отметившего однократность внутреннего перерождения Достоевского (на эшафоте)<sup>69</sup>, Комарович насчитал несколько таких мгновенных «озарений»: видение на Неве в 1840-х годах, на эшафоте, в Дрездене в 1867 г. и т.д. Как видим, снова брошенная вскользь мысль Иванова усложнилась и видоизменилась в его писаниях.

В статьях Комаровича «Ненаписанная поэма Достоевского», «“Мировая гармония” Достоевского» (1924), «Роман Достоевского “Подросток” как художественное единство» (1924), «Юность Достоевского» (1924) и других заметны следы эстетических идей Ницше, в ряде случаев восходящих к Шопенгауэру: «аполлоническое» (созерцательно-разумное) и «дионисийское» (связанное с катастрофической мистикой «мировой воли») искусство, возможность «оправдания мира» лишь в «аполлоновской» эстетической созерцательности. Осмыслия Достоевского в названных категориях, Комарович говорил о духовном «дионисизме» писателя вслед за Ивановым, испытавшим те же влияния.

К Шопенгауэру и Ницше, а за ними к Иванову, восходит и мнение Комаровича о музыке как высшем из искусств, непосредственно выраждающем «мировую волю», или, по Иванову и Комаровичу, волю к «сверхличному»: «Только музыка (иногда лирика) знает полное господство беспредметной активности. Поэтому только это искусство обладает чародейной силой реально приобщать нас тому миру свободы, который, вне музыкального обаяния, лишь смутно угадывается нами»<sup>70</sup>.

Пока не осмыслен значимый, на наш взгляд, факт соседства немецкоязычных книг обоих русских исследователей Достоевского в составленной Х.-Ю. Геригком хронологии важнейших литературоведческих работ о писателе в межвоенной Германии 1920–1930-х годов<sup>71</sup>. Это, во-первых, один из томов знаменитой серии «Наследие Достоевского», выходившей в мюнхенском издательстве Р. Пипера с 1925 по 1931 г., а именно – «Ф.М. Достоевский. Первый образ “Братьев Карамазовых”: источники, планы и фрагменты Достоевского. Комментарий В. Комаровича» (1928)<sup>72</sup>, где рукописям последнего романа писателя предпослано объемное историко-литературное исследование этого произведения<sup>73</sup>. А во-вторых, – не менее известная книга Иванова «Достоевский. Трагедия – миф – мистика» (1932)<sup>74</sup>. По мнению Геригка, именно Иванов и Комаро-

вич, наряду с Ю. Мейер-Грефе<sup>75</sup>, стоят у истоков немецкого достоевсковедения. Интересно, что русских оригиналов названных книг обоих авторов не сохранилось, тем не менее это их *главные* книги о Достоевском.

Последний момент преемства Комаровича Иванову касается «текста жизни», творчества судьбы, экзистенциальных ценностей. Современники отмечали сходство внешнего облика Комаровича с Алешей Карамазовым<sup>76</sup>; эту ассоциацию подтверждает и фотография ученого 1930-х годов: мягкие правильные черты лица, открытый ласковый и в то же время твердый взгляд, в котором – глубина и сила, волевой, но не упрямый подбородок, четкая линия губ, способных произносить слова истины и любви. Это как будто тот «твёрдый на всю жизнь боец» за дело Христово, каким встал Алеша Карамазов с земли в ночь после смерти старца Зосимы<sup>77</sup>. О духовной красоте и бескомпромиссности Комаровича, о его нежелании скрывать свою веру и воцерковленность даже в самые жестокие годы советского атеистического разгула свидетельствовал Лихачёв. Расплачивался за это ученый жизненной и бытовой неустроенностью: отсутствием постоянного места работы, материальной необеспеченностью, трудностью с публикациями (ему так и не удалось издать задуманной книги о Достоевском), семейными неурядицами и в конце концов смертью от блокадного голода в 1942 г., во многом из-за отсутствия трудовых продовольственных карточек. Активнейший участник религиозно-философского общества «Братство преп. Серафима Саровского», научно-просветительных кружков «Хельфернак» и «Космическая академия наук», в 1928 г. Комарович подвергся аресту и ссылке.

Вспомним, что впервые на Алешу Карамазова как на «тип людей нового русского сознания, напророченный Достоевским и им порожденный», людей, хранивших «иночество в миру» и стремившихся, несмотря ни на что, к установлению «истинной религиозной общественности»<sup>78</sup> (т.е. христианской соборности) в России, указал в статьях «Живое предание» (1915) и «Лик и личины России» (1917) Иванов, назвав «алешинцем» и самого себя. По-видимому, из «алешинцев» был и, несомненно знаяший эти слова Иванов, Комарович.

- <sup>1</sup> Риккерт, Генрих. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – С. 45, 47, 73, 125. Первая публикация этой работы на русском языке была в 1911 г. (под редакцией С.И. Гессена).
- <sup>2</sup> Жирмунский В.М. Задачи поэтики // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – М., 1972. – С. 15.
- <sup>3</sup> См. об этом: Богданова О.А. Из истории достоевсковедения первой половины XX века: В.Л. Комарович и Ю.А. Никольский // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 32. – СПб. Готовится к печати.
- <sup>4</sup> Доклад «Основы мировоззрения Ф.М. Достоевского», прочитанный В.И. Ивановым 18 апреля 1911 г., – единственный за все время работы петербургского РГО целиком посвященный этому писателю и при публикации получивший название «Достоевский и роман-трагедия».
- <sup>5</sup> Полонский В.В. Ф.М. Достоевский как сквозной герой дискуссий в Петербургском Религиозно-философском обществе 1907–1917 годов // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: Традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф.М. Достоевского. – М.: Водолей, 2013. – С. 378, 386.
- <sup>6</sup> См., напр.: Скафтымов А.П. Тематическая композиция романа «Идиот» // Творческий путь Достоевского: Сб. статей / Под ред. Н.Л. Бродского. – Л.: Сеятель, 1924. – С. 131–186.
- <sup>7</sup> Асмус В.Ф. Философия и эстетика русского символизма // Литературное наследство. Т. 27–28. – М., 1937. – С. 28–29.
- <sup>8</sup> См.: Андрей Белый. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – С. 451.
- <sup>9</sup> Иванов В.И. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С. 183.
- <sup>10</sup> Эрн В.Ф. Борьба за Логос: Опыты философские и критические. – М.: Путь, 1911. – С. 134.
- <sup>11</sup> Там же. – С. 356.
- <sup>12</sup> См.: Андрей Белый. Неославянофильство и западничество в современной русской мысли // В.Ф. Эрн: pro et contra / Сост., вступит. статья, comment. А.А. Ермичева. – СПб.: РХГА, 2006. – С. 292–297.
- <sup>13</sup> Эрн В.Ф. Борьба за Логос: Опыты философские и критические. – М.: Путь, 1911. – С. 136–137.
- <sup>14</sup> Степун Ф.А. Встречи. – Мюнхен, 1962. – С. 144, 145, 152. О том же, только в тоне инвективы, писал Лев Шестов в статье «Вячеслав Великолепный» (1916).
- <sup>15</sup> См.: Фридлендер Г.М. Достоевский и Вячеслав Иванов // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 11. – СПб.: Наука, 1994. – С. 133; Келдыш В.А. Вячеслав Иванов и Ф. Достоевский (1996) // Келдыш В.А. О Серебряном веке русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – С. 480–481; Дудек, Анджей. Герои Достоевского в интерпретации Вяч. Иванова и Д.С. Мережковского // Ф.М. Достоевский и культура

- Серебряного века: Традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф.М. Достоевского. – М.: Водолей, 2013. – С. 132; *Титаренко С.Д.* Мифокритика Вяч. Иванова как метаязык описания творчества Ф.М. Достоевского // Там же. – С. 194–195; и др.
- <sup>16</sup> Многие из нижеперечисленных подходов отмечены названными выше исследователями.
- <sup>17</sup> *Иванов В.И.* Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С. 149.
- <sup>18</sup> *Иванов В.И.* Достоевский и роман-трагедия // *Иванов В.И. Родное и вселенское*. – М.: Республика, 1994. – С. 292.
- <sup>19</sup> Там же. – С. 304.
- <sup>20</sup> *Дудек, Анджей.* Герои Достоевского в интерпретации Вяч. Иванова и Д.С. Мережковского // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: Традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф.М. Достоевского. – М.: Водолей, 2013. – С. 133.
- <sup>21</sup> *Иванов В.И.* Достоевский и роман-трагедия // *Иванов В.И. Родное и вселенское*. – М.: Республика, 1994. – С. 297.
- <sup>22</sup> Там же. – С. 282.
- <sup>23</sup> *Иванов В.И.* Религиозное дело Владимира Соловьёва // *Иванов В.И. Родное и вселенское*. – М.: Республика, 1994. – С. 339.
- <sup>24</sup> *Иванов В.И.* Живое предание // *Иванов В.И. Родное и вселенское*. – М.: Республика, 1994. – С. 350.
- <sup>25</sup> Там же. – С. 352.
- <sup>26</sup> *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. – Л.: Прибой, 1929. – С. 12.
- <sup>27</sup> Стоит, например, напомнить, что конструктивные замечания об уникальных особенностях поэтики Достоевского, во многом предварившие идеи как В.И. Иванова, так и Энгельгардта, Бахтина и Комаровича, были высказаны Д.С. Мережковским еще в статье «Достоевский» (1890) и книге «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1901): так, отмечалось изображение в творчестве писателя «доводимой до своих последних пределов» человеческой личности, романы Достоевского назывались «трагедиями», их повествовательная часть признавалась второстепенной, а на первое место выдвигался диалог персонажей-«голосов», подчеркивалась не визуальная, а слуховая доминанта восприятия произведений Достоевского, говорилось о стремительности, сгущенности и катастрофизме романного действия, о «страстях ума», обуревающих героев писателя, и т.д. (см.: *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М.: Республика, 1995. – С. 107–112).
- <sup>28</sup> См.: *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. – Л.: Прибой, 1929. – С. 14–16.
- <sup>29</sup> *Бонецкая Н.К.* М. Бахтин в двадцатые годы // Михаил Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры: В 2 т. – СПб.: РХГИ, 2001–2002. – Т. 2. – С. 141–143.
- <sup>30</sup> *Бочаров С.Г.* Событие бытия. О М.М. Бахтине // Михаил Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры: В 2 т. – СПб.: РХГИ, 2001–2002. – Т. 2. – С. 281, 293.

- <sup>31</sup> См.: *Махлин В.Л.* Невельская школа. Круг Бахтина // Михаил Бахтин: *pro et contra*. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры: В 2 т. – СПб.: РХГИ, 2001–2002. – Т. 1. – С. 129–130.
- <sup>32</sup> См. об этом подробнее: *Дудек, Анджей.* Ф.М. Герои Достоевского в интерпретации Вяч. Иванова и Д.С. Мережковского // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: Традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф.М. Достоевского. – М.: Водолей, 2013. – С. 135.
- <sup>33</sup> См.: *Михаил Бахтин: pro et contra*. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры: В 2 т. – СПб.: РХГИ, 2001–2002. – Т. 1. – С. 144.
- <sup>34</sup> См.: *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. – Л.: Прибой, 1929. – С. 54, 57, 64.
- <sup>35</sup> См.: *Фридлендер Г.М.* Достоевский и Вячеслав Иванов // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 11. – СПб.: Наука, 1994; *Тамарченко Н.Д.* «Эстетика словесного творчества» Бахтина и русская религиозная философия: Пособие по спецкурсу. – М.: РГГУ, 2001 (Глава 4. Раздел 1. Бахтин и проблема «роман и трагедия» у Вяч. Иванова и Ницше); *Котрелев Н.В.* К проблеме диалогического персонажа (М.М. Бахтин и Вяч. Иванов) // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. – М., 1999; *Есаулов И.А.* Что не сказано М. Бахтиным о Ф.М. Достоевском, но сказано Серебряным веком // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: Традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф.М. Достоевского. – М.: Водолей, 2013; и др.
- <sup>36</sup> Цит. по: *Муратов А.Б.* Борис Михайлович Энгельгардт // Энгельгардт Б.М. Избранные труды / Под ред. А.Б. Муратова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – С. 5.
- <sup>37</sup> Энгельгардт Б.М. Феноменология и теория словесности / Сост., послесл. и comment. А.Б. Муратова. – М.: НЛО, 2005. – С. 148.
- <sup>38</sup> Там же. – С. 181, 189.
- <sup>39</sup> Там же. – С. 208.
- <sup>40</sup> Там же. – С. 237.
- <sup>41</sup> Там же. – С. 10. Видимо, имеется в виду статья В.И. Иванова 1908 г. «Две стихии в современном символизме», в особенности ее IV раздел «Идеализм и реализм в музыке и драме».
- <sup>42</sup> Там же. – С. 394.
- <sup>43</sup> *Муратов А.Б.* Методологические идеи Б.М. Энгельгардта // Энгельгардт Б.М. Феноменология и теория словесности. – М.: НЛО, 2005. – С. 394.
- <sup>44</sup> Энгельгардт Б.М. Формальный метод в литературоведении. – Л., 1927. – С. 111.
- <sup>45</sup> Энгельгардт Б.М. Александр Николаевич Веселовский. – Пг.: Колос, 1924. – С. 203.

- <sup>46</sup> См.: *Иванов В.И.* Мысли о поэзии; Две стихии в современном символизме (IX. Миф, хор и теургия) // Иванов В.И. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С. 218–235, 160.
- <sup>47</sup> *Иванов В.И.* Достоевский и роман-трагедия // Иванов В.И. Родное и вселенское. – М.: Республика. 1994. – С. 284.
- <sup>48</sup> Там же. – С. 284, 286.
- <sup>49</sup> Энгельгардт Б.М. Идеологический роман Достоевского // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Сб. 2. – Л.; М.: Мысль, 1924. – С. 90–91.
- <sup>50</sup> *Иванов В.И.* Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С. 325, 336.
- <sup>51</sup> Энгельгардт Б.М. Идеологический роман Достоевского // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Сб. 2. – Л.; М.: Мысль, 1924. – С. 71–72.
- <sup>52</sup> *Иванов В.И.* Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С. 301.
- <sup>53</sup> Там же. – С. 373.
- <sup>54</sup> Энгельгардт Б.М. Идеологический роман Достоевского // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Сб. 2. – Л.; М.: Мысль, 1924. – С. 93.
- <sup>55</sup> Там же. – С. 94.
- <sup>56</sup> См.: *Иванов В.И.* Доклад «Евангельский смысл слова “Земля”» / Публ., вступит. статья и comment. Г.В. Обатнина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. – СПб., 1994. – С. 142–153.
- <sup>57</sup> Комарович В.Л. Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения. – Л.: Образование, 1925. – С. 4.
- <sup>58</sup> Там же. – С. 7.
- <sup>59</sup> Лекции прочитаны в Ленинградском университете в 1926–1927 гг. См.: РО ИРЛИ РАН. Р I. Оп. 12. № 833. Лл. 20–23.
- <sup>60</sup> Комарович В.Л. Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Сб. 2. – Л.; М.: Мысль, 1924. – С. 67.
- <sup>61</sup> РО РНБ. Ф. 4. № 97.
- <sup>62</sup> Комарович В.Л. Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения... – С. 10.
- <sup>63</sup> Там же. – С. 52.
- <sup>64</sup> Там же. – С. 58.
- <sup>65</sup> Комарович В.Л. Ненаписанная поэма Достоевского // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. [Сб. 1]. – Пб., 1922. – С. 177–207.
- <sup>66</sup> Комарович В.Л. Генезис романа «Подросток» // Литературная мысль: Альманах. Вып. 3. – Л., 1925. – С. 366–386.
- <sup>67</sup> Комарович В.Л. Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Сб. 2. – Л.; М.: Мысль, 1924. – С. 31–68.

- <sup>68</sup> Комарович В.Л. Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения... – С. 58–59.
- <sup>69</sup> См.: Иванов В.И. Достоевский и роман-трагедия // Иванов В.И. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С. 296–297.
- <sup>70</sup> Комарович В.Л. Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Сб. 2. – Л.; М.: Мысль, 1924. – С. 50.
- <sup>71</sup> См.: *Gerigk H.-J. Dostojewskijs Wirkung im deutschen Sprachraum (Fragmente eines Überblicks vom Fin de siècle bis heute)* // Deutschland und Russland: Aspekte kultureller und wissenschaftlicher Beziehungen im 19. und frühen 20. Jahrhundert / Hrsg. D. Dahlmann, W. Potthoff. – Wiesbaden. 2004. – S. 95–126.
- <sup>72</sup> F.M. Dostojewski. Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente. Erläutert von W. Komarowitsch. – München, 1928.
- <sup>73</sup> Подробнее см.: Богданова О.А. «Братья Карамазовы» в Германии: В.Л. Комарович и З. Фрейд о последнем романе Ф.М. Достоевского // Русский язык за рубежом. – 2012. – № 4. – С. 72–77.
- <sup>74</sup> Iwanow, Wjatscheslaw. Dostoevskij: Tragödie – Mythos – Mystik. Übers. von Aleksandr Kresling. – Tübingen. 1932.
- <sup>75</sup> См.: Meier-Graefe Julius. Dostojewskij, der Dichter [Достоевский, поэт (нем.)]. – Berlin: Rowohlt-Verlag, 1926.
- <sup>76</sup> Устное свидетельство К.В. Чистова, в 1930-е годы часто встречавшего Комаровича в ЛГУ и Пушкинском Доме.
- <sup>77</sup> См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 14. – С. 328.
- <sup>78</sup> Иванов В.И. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С. 320–324, 352.

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ  
К РОМАНУ Ф. РАБЛЕ  
«ГАРГАНЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ».  
КНИГА ТРЕТЬЯ: «ДЕЯНИЯ И РЕЧЕНИЯ  
ПАНТАГРЮЭЛЯ»\***

**Заголовок книги**

...Третья книга героических деяний и речений доброго Пантагрюэля... – Если первая книга называлась *La vie* («жизнь») и являлась по сути биографией, а вторая – *Les faictz et les prouesses* («действия и подвиги»), т.е. была чем-то наподобие хроники, то в названии третьей книги присутствуют *faicts et dictis* («действия и речения») – и она представляет собой диалог, апофегму (ср. «Апофегмы» Эразма Роттердамского или «Моральные изречения» (*Dits moraux des philosophes*) Гийома Тиньонвильского (Guillaume de Tignonville, XV век).

**Франсуа Рабле духу королевы Наваррской**

...*О дух высокий, чистый и благой! / Паря в родной тебе лазури рая...* – речь идет о Маргарите Наваррской (1492–1549), сестре Франциска I, которая была склонна к мистицизму. К моменту выхода книги Рабле (1549) она была еще в живых. Об экстазе писал Агрипп в *De occulta philosophia*, III, L («Об оккультной философии»).

---

\* Продолжение публикации. Начало см.: Литературоведческий журнал. 2015. – № 36. – С. 188–224; № 37. – С. 190–222.

## Предисловие

...Вы когда-нибудь видели Диогена, философа-циника?.. – М. Юшон полагает, что для предисловия важны три книги Лукиана: «Как следует писать историю» (касательно Диогена), «Человеку, назвавшему меня «Прометеем красноречия»» (касательно анекдота о Птолемее) и «Зевксис, или Антиох» (касательно фразы ниже «сокровища мои превратятся в угли»), так как они, как и третья книга Рабле, представляют собой размышления о написании текста.

...Это же такое счастье – видеть, (...) как сияет само солнце!.. – Эккл 11. 7 «Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце».

...Сошлюсь в том на слепорожденного, о котором так много говорится в Священном писании (...) пожелал только одного: видеть. – Евангельская притча о слепорожденном, который хотел прозреть, кричал об этом и был исцелен Христом (Мф 20. 30–34, Мк 10. 46–52, Лк 18. 35–43).

...у всех у вас течет в жилах, если не ошибаюсь, фригийская кровь... – аллюзия на шутливую теорию о троянском происхождении французов, упомянутую в Прологе к четвертой книге Рабле, «я вам расскажу один из апологов мудрого Эзопа Французского, сиречь Фригийского и Троянского, как утверждает Максим Плантунд, от какового народа, согласно летописцам, наибольшего доверия заслуживающим, и произошли доблестные французы».

...и хотя у вас нет столько экю, сколько их было у Мидаса... – Мидас, фригийский царь, которого Дионис (Вакх) наделил способностью обращать в золото всё, к чему он прикасался. О нем: Овидий, «Метаморфозы», XI, 85–193; Эразм, «Адагии», I, vi, 24 («Богатство Мидаса») и I, iii, 67 («Ослиные уши Мидаса»).

...нечто такое, за что еще в давно прошедшие времена персы особенно ценили своих отакустов... – Ὀτακοῦσται, букв. «слушатели ушами». Эразм, «Адагии», I, iii, 67 («Ослиные уши Мидаса»). О них упоминают также Плутарх и Апулей: так звали шпионов и информаторов персидского царя Дария. Ср. также Геродиан, IV, 12, 3; Дион Кассий, LXXVII, 17, 1.

...о чем так мечтал император Антонин... – римский император Марк Аврелий Антонин (Каракалла, 186–217), согласно сообщению Диона Кассия (LXXVII, 17, 1) имел большой штат тайной полиции.

...чем впоследствии обладала та самая Роганова змея, которую звали Красивые Уши... – змей, или дракон (vasilisk) – для дома Роган как ветви дома графов де Леон, Бретань, значимый персонаж истории. Злой племянник бретонского правителя Арастагна, будучи язычником, пытался уничтожить христианство и убил нескольких священнослужителей, за что Бог наслал на его земли дракона из моря. Павел Аврелиан (иногда Павлин, Saint Pol)? первый епископ Леона, укротил дракона и обратил правителя. Ср. статью «Иовин» в Православной энциклопедии, т. 25, с. 352–353 (<http://www.pravenc.ru/text/578226.html> – обращение к ресурсу 13.02.2016).

...Сам Александр Великий, несмотря на то что домашним наставником его был Аристотель, необыкновенно высоко ставил синопского философа... – Плутарх, «Александр», 14; Диоген Лаэртский, VI, 38; Ювенал, XIV, 311; Эразм, «Апофтегмы», III, «Диоген», 26.

...Когда Филипп, царь Македонский, задумал осадить и разорить Коринф... – анекдот из Лукиана, «Как следует писать историю», 3, был переведен Гийомом Бюде в предисловии к «Замечаниям на 24 книги Пандект» (1508).

...как известно, древние коринфяне отличались беззаветной храбростью в битвах... – ср. Эразм, «Адагии», I, iv, 1 «Non est cuiuslibet Corinthium appellere» и IV, iii, 68 «Corinthiari».

...навошенные дощечки... – в оригинале opist(h)oغرapes, от ὀπιστόγραφος, «исписанные с задней стороны», т.е. античные дощечки для письма.

...по направлению к Краиню (так называется холм близ Коринфа)... – ср. «случилось так, что он жил в Краине, гимнасии близ Коринфа», Диоген Лаэртский, VI, 2, 77.

...точь-в-точь как Сизиф орудовал со своим камнем... – известная история Сизифа, наказанного тем, что он вынужден вечно вкатывать на гору камень, который вечно катится обратно. Ср. Гомер, «Одиссея», XI, 593–599 (цитировано у Цицерона в «Тускуланских беседах», I, 5, 10).

...война – не враг, но источник всех благ... – Плутарх, «Исида и Осирис», XLVIII; Эразм, «Адагии», III, v, 36 («Bellum omnium pater»); ср. также у Лукиана, «Как следует писать историю»: «так что, по-видимому, верно было сказано, что “война – мать всего”,

если одним движением произвела столько историков» (и далее о Диогене).

...*по-латыни войну называют красивой не иронически...* – в оригинале *que guerre soit en Latin dicte belle, non par Antiphrase*. Игра слов *bellum*, и. п. «война» и *bellus*, а, им «красивый». Ср. также Присциан, *Partitiones, Versus principiis Aeneidos*; viii «Каково происхождение (слова) *bellum*? От того, что называется *bonum* (хорошее), *bellum* – уменьшительная форма; а в виде антифразы, т.е. противоречия, (когда речь) о зле, называется *bellum* (война)».

...*царь Соломон (...)* *почел за нужное сравнивать ее с боевым порядком ратного стана...* – Видимо, под «ею» в тексте должна подразумеваться не война (которая соответствует местоимению грамматически), а красота. Ср. Песнь 6. 4: (влюбленная и ее красота) «грозна, как полки со знаменами» и 6. 10: «грозная, как полки со знаменами».

...*чешут голову одним пальцем...* – ср. *Qui digito scalpunt uno caput* («Кто одним пальцем чешет голову»), Ювенал, IX, 133, об изнеженных мужчинах, боящихся повредить почесыванием прически (изначально у Кальва в эпиграмме на Помпейя Великого, фр. 18). У Сенеки это уже практически пословица. Ср. также Эразм, «Адагии», I, viii, 34 (*Unico digitulo sclopit caput*).

...*ставят уши торчком, точно аркадские ослы при звуках песни...* – Лукиан, «Неучу, который покупал много книг»: «Из прочитанного ничего не понимаешь и оказываешься тем ослом, который слушает игру на лире, хлопая ушами». Ср. также Эразм, «Адагии», I, iv, 35 (*Asinus ad lytam*): «Ослу свойственно двигать ушами, словно говоря, что он уже понял».

...*Клянусь девой, задирающей подол...* – возможно, отсылка к св. Марии Египетской.

...*мой подлинный и единственный Геликон, моя Гиппокрена, незаменимый источник вдохновения...* – Геликон – гора Муз в Беотии, Гиппокрена (у Персия *fons caballinus*, у Рабле *fontaine caballine*) – источник, высеченный копытом Пегаса, источник вдохновения.

...*Энний выпивая творил, творя выпивал. Эсхил (если верить Плутарховым Symposiac) выпивал сочиняя, выпивая сочинял. Гомер никогда не писал напоцкак. Катон писал только после возлияния...* – Гораций, «Послания», I, 19, 5–8: «Стали с утра уж вином попахивать нежные Музы. / Славя вино, сам Гомер себя в дружбе с вином

уличает; / Даже и Энний-отец бросался оружие славить, / Выпив всегда»; «Оды», III, 21, 11–12: «И доблесь древнего Катона / Часто, по слухам, вином калилась». Об Эсхиле, действительно, у Плутарха, «Застольные беседы», VII, 10 («Правильно ли поступали, проводя совещания за вином»): «Так, Эсхил, по преданию, писал свои трагедии, вдохновляясь вином». О том же сообщает Афиней (Ath. I 22 A, X 428). Все персонажи, кроме Катона, перечислены у Эразма, «Адагии», IV, iii, 58 (Non est dithyrambus, si bibit aquam).

...вино (...) довольно холодное: как говорится, в начале второй степени свежести... – согласно античной физиологии, степеней от холода до жара было восемь.

...ибо не каждому дано достигнуть Коринфа и там поселиться... – Гораций, «Послания», I, xvii, 36: «Людям, однако, не всем удается достигнуть Коринфа». Это известная пословица, цитируемая у Авла Геллия, I, viii, 4 («не всякому мужу удастся доплыть до Коринфа»), смысл ее в том, что «дорогое не всем доступно» (Коринф был очень богатым и дорогим городом). Ср. также Эразм, «Адагии», I, iv, 1 (Non est cuiuslibet Corinthum appellere).

...при Лаомедонте занимались в Трои Нептун и Аполлон... – за пообещанную крупную денежную сумму Аполлон и Нептун помогли царю Лаомедонту возвести стены Трои (Овидий, «Метаморфозы», XI, 201–204).

...чем занимался в старости Рено де Монтобан... – в эпосе «Четыре сына Эмона» один из сыновей, Рено де Монтобан, служил каменщиков в качестве наказания.

...Амфион, бряцая на лире, заложил, построил и воздвиг великий и славный город Фивы... – Амфион, сын Юпитера и Антиопы, заставивший звуками своей лиры камни сами складываться в стены Фив, см. Гораций, «Оды», III, xi, 1–2 («Амфион искусный, / Обучен тобой, воздвигал ведь стены / Песней!») и «Поэтика», 394–396 («Фивские стены воздвиг Амфион: оттого нам преданье / Повествует о нем, что он лирными звуками камни / Двигал с их места, куда ни хотел, сладкогласием лиры»).

...развеселая четвертая книга сентенций пантагрюэлических... – обыгрывание названия известного труда по теологии Петра Ломбардского (XII в.), *Sententiarum libri quattuor*.

...Птолемей, сын Лага, (...) показал египтянам (...) черного двугорбого верблюда... – Лукиан, «Человеку, назвавшему меня

«Прометеем красноречия», 4. М. Юшон полагает, что Рабле здесь, приводя примеры черного верблюда и пестрого раба, наполовину черного, наполовину белого, задумывается о том, как воспримут читатели новый для них жанр диалога в лукиановом стиле, соединяющего диалог с комедией (до Рабле этот жанр был скорее философским).

*...разделительная черта проходила не по диафрагме, как у посвященной Венере индийской женщины, которую тианский философ встретил между рекою Гидаспом и Кавказским хребтом... – Филострат, «Жизнь Аполлония Тианского», III, iii.*

*...сокровища мои превратятся в угли... – Лукиан, «Зевксис, или Антиох». Также см. Эразм, «Адагии», I, ix, 30 (Thesaurus carbones erant).*

*...вместо туга я вытяну двойку... – в оригинале «роur Venus advieigne Barbet le chien» (вместо Венеры выйдет пес Барбе). В игре в кости наиболее удачным броском был бросок Венеры, а наименее – пса. Проперций, «Элегии», IV, 8, 45–46: «Бросая кости, я ждал, что мне повезет и выпадет Венера; / но всё время получались проклятые собачьи броски».*

*...у Эвклионова петуха, воспетого Плавтом в «Горише» и Авзонием в «Грифоне» и других сочинениях: этот самый петух открыл клад, за что его башке дали по шапке... – Плавт, «Горшок», III, 4, 10 (466–469: петуху отрезали голову за то, что он поскреб землю в том месте, где был зарыт клад). Авзоний же притворяется, что нашел свою поэму «Грифон» в библиотечной пыли (как плавтов петух клад) (Gryphus, 11, 26–27).*

*...И не бойтесь, что вина не хватит, как это случилось на браке в Кане Галилейской... – Ин 2, 3*

*...Таков был напиток в чаше Тантала, изображение которого почиталось мудрыми брахманами... – Филострат, «Жизнь Аполлония Тианского», III, 25 (а также 32). У индийских мудрецов чаша в руке статуи Тантала всегда наполнялась, так как Тантал хотел всех напоить нектаром бессмертия (за что был наказан вечным голодом и жаждой).*

*...такова была в Иберии соляная гора, прославленная Катоном... – Авл Геллий, II, 22, о соляной горе, количество соли в которой восполнялось по мере разработки.*

*…такова была золотая ветвь, посвященная богине подземного царства и воспетая Вергилием…* – Вергилий, «Энеида», VI, 143–144: «Вместо сорванной вмиг вырастает другая, / Золотом тем же на ней горят звенящие листья».

*…На дне ее, как в бутылке Пандоры…* – Гесиод, «Труды и дни», 70–100. В большинстве источников, в отличие от Гесиода, упоминается не бутылка, а ящик Пандоры: Пандора выпустила из ящиков все бедствия и несчастья, а спохватившись и захлопнув ящик, оставила на дне Надежду.

*…На дне ее (...) живет надежда, а не безнадежность, как в бочке Danaid…* – Danaиды за убийство мужей были осуждены на вечное наполнение бездонной бочки. Ср. Гораций, «Оды», III, 11, 23–52: «Вечно вон вода из бездонной бочки / Льется, хоть поздно» (26–28).

*…По примеру Луцилия, который прямо объявил, что пишет только для тарентцев и консентинцев…* – согласно Цицерону, «О пределах добра и зла», I, iii, 7: «И я не стану противиться, подобно нашему Луцилию, тому, чтобы меня читали все. Если бы жил теперь тот самый Персий! Или, еще лучше, Сципион и Рутилий, из страха перед которыми, как он сам говорил, он писал для тарентинцев, консентинцев и сицилийцев!» Сатирический поэт Луцилий написал историю по-гречески, опасаясь критики таких знатоков, как Сципион, и оттого утверждал, что пишет исключительно для «тарентинцев, консентинцев и сицилийцев», т.е. людей-билингвов, говоривших на латыни, смешанной с греческим или, скорее, с оскским, которые не могли критиковать недостаточно хороший (по его мнению) луцилиев греческий.

*…злые, и грешат как раз тем, от чего мы с вами неустанно молим Бога нас избавить…* – аллюзия на «Отче наш», «И избави нас от лукаваго»?

*…А знаете ли вы, что Диоген завещал после его смерти положить его палку подле него, чтобы он мог отгонять и лупить выходцев с того света, цербероподобных псов…* – Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 43, 104, а также Эразм, «Апофтегмы», «Диоген», cvii.

Составление А.В. Журбиной

**Е.О. Мосиенко**

## **СОВЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ**

### *Аннотация*

В статье рассмотрены образы сов в русской поэзии XVIII–XX вв.

*Ключевые слова:* совы, филин, сыч, русская поэзия XVIII–XX вв.

*Mosienko E.O. Owls in the Russian poetry*

*Summary.* The article examines images of owl in Russian poetry of XVIII–XX centuries.

Образ совы берет свое начало в мифологии. Чаще всего он связан с позитивным значением. В древнегреческой мифологии сова являлась атрибутом богини мудрости Афины, прозванной за это «Совоокая». А в Древней Руси птицу величали «совушкой-вдовушкой, разумной головушкой, лесной барыней Ульяной Степановной». В русской народной песне есть такие слова: «Совушка-вдовушка на суку сидела, совушка-вдовушка за реку глядела». Совушка-вдовушка упоминается в народной песне «За морем синичка не пышно жила», о которой мы знаем из строчки А.С. Пушкина: «Спой мне песню, как синица / Тихо за морем жила» («Зимний вечер»):

*Созовем к себе гостей – мелких пташечек.*

*Совушка-вдовушка незваная пришла.*

*Снигирюшка по сеничкам похаживает,*

*Совушке головушку поглаживает.*

*(Русская народная песня «За морем синичка не пышно жила...»)*

В то же время большинство народов древности считали сову вестницей смерти. Отсюда негативный образ совы в европейской романтической поэзии, оказавшей влияние также на русскую романтическую поэтическую традицию. У кельтов, индейцев майя, индусов и иудеев сова – символ мертвых и вечного мрака. Связано это в первую очередь с ночным образом жизни совы, ее бесшумным стремительным полетом и страшным уханьем.

В христианстве сова – неизменная спутница ведьм, но в то же время и символ философской мудрости: «...я стал как филин на развалинах» (Псалом 101:7).

Однако, несмотря на все трудности, совы заслужили право называться учеными птицами: в Средневековье сову в очках и с факелом в лапах стали рисовать в качестве эмблемы в алхимических трактатах.

В русской поэзии образ совы впервые появляется в XVIII в., в басне Антиоха Кантемира «Ястреб, павлин и сова». Три птицы выдвигают царю-орлу свои кандидатуры на пост птичьего воеводы. Ястреб олицетворяет храбрость, павлин – гордость, а сова – скромность и чуткость. Орел выбирает воеводой сову как самую спокойную и бдительную птицу.

*А сова нравом тиха, скор она напрасно  
Не ищет, знает себя защищать согласно  
Своим силам, когда кто вредить ей желает;  
Недремно та бодрствует, пока унывает  
Прочее племя во сне. Таков воевода  
Годен к безопасности целого народа.*

В баснях и стихотворении А.П. Сумарокова дан совершенно иной образ совы. Она предстает перед читателями то смотрящейся в зеркало, которое выявляет все ее недостатки, то расхваливающей своих соят соколу, который позже ими поужинает (басня «Сокол и Сова»), то вместе с неудачником-поэтом сетующей на неблагосклонность слушателей. Здесь сову нельзя назвать мудрой, но она еще и не символ мрака.

*Сова увидела во зеркале себя,  
И образ свой любя,  
Она негодовала,*

*И говорит она: и с роду не бывала  
Толико я дурна,  
Или твоя краса в сей только час погибла?  
Озлилася сова, и зеркало расшибла.*

Сова в баснях – еще один сатирически-карикатурный персонаж из мира животных, каким предстает и филин у И.А. Крылова в его басне «Филин и осел». Филин помогает слепому ослику выбраться ночью из чаши, но с наступлением дня поводырь сам видит не лучше слепого, и оба падают в яму.

*Все знают, Филины как ночью зорки:  
Стремнины, рвы, бугры, пригорки,  
Всё это различал мой Филин будто днем  
И к утру выбрался на ровный путь с Ослом.  
<...>  
Лишь солнце на небе поутру заиграло,  
У Филина в глазах темнее ночи стало.  
Однако ж Филин мой упрям;  
Ослу советует и вкось и впрям –  
«Остерегись!» кричит: «направо будем в луже».  
Но лужи не было, а влево вышло хуже.  
«Еще левей возьми, еще левее шаг!»  
И – бух Осел, и с Филином в овраг.*

В басне В.Л. Пушкина «Мудрец и Филин» птицы ожесточаются на филина, потому что он видит то, чего не замечают другие. Здесь филин сравнивается с другим героем – изгнанным мудрецом Доримоном.

*Чем так против себя ты их ожесточил?  
Он филина потом спросил.  
Повеся голову и тяжко вздохая,  
Не знаю, отвечал, что мне тебе сказать;  
К согласью и любви хотел их обращать,  
И правду говорил, но говорил напрасно:  
Моя вина вся в том, что ночью вижу ясно!*

Следующее произведение, в котором появляются совы, это ода Г.Р. Державина «Водопад», написанная в 1794 г. на смерть

князя Г. Потемкина, о котором скорбит другой выдающийся полководец П.А. Румянцев. На создание оды автора вдохновило путешествие по Карелии и увиденный там водопад Кивач на р. Суне. Г.Р. Державин видит в водопаде неумолимое течение времени: подняв победителя на гребне славы, оно увлекает его в могильный мрак. Но смерть не страшна Румянцеву, спокойно спящему в тени водопада; в своих сновиденьях он видит былые сражения и победы. Здесь совы и филины выступают как образы потустороннего мира, мира мертвых:

*Он спит – и в сих мечтах веселых  
Внимает завыванье псов,  
Рев ветров, скрыл дерев дебелых,  
Стенанье филинов и сов,  
И веящий глас вдали животных,  
И тихий шорох вокруг бесплотных.*

Образ совы встречается в поэзии А.С. Пушкина. У него сова близка к народному образу совушки-вдовушки. В поэме «Полтава» упоминается плач совы как недоброе предзнаменование (*То был ли сон воображенья, / Иль плач совы, иль зверя вой...*), а также в песне «Видение короля» из «Песен западных славян» (король слышит вой ночной птицы, которая «чует беду неминучу»). Но самый интересный, самый поэтичный образ совы в русской поэзии XIX в. А.С. Пушкин создал в поэме «Руслан и Людмила» в 3-й песне, где Руслан встречает спящую голову. Стая сов – метафора, указывающая на древность богатырской головы:

*С бровей слетела стая сов...*

В стихотворении К.Н. Батюшкова «На руинах замка в Швеции» рассказывается о том, как старый скандинавский воин снаряжает юного сына в бой, завещая ему хранить меч предков и быть грозой врагов. Юноша прощается с отцом, с невестой и отправляется в путь; о героях, подобных ему и его предкам, сложат песни скальды. Их время уже давно минуло, но автор, гуляя по руинам старинного замка, проникается духом ушедшей эпохи героев. Здесь образ совы также символизирует мир мертвых:

*И там, где камней ряд, седым одетый мхом,  
Помост обрушенный являет,  
Повременно сова в безмолвии ночном  
Пустыню криком оглашает, –*

*Там чаши радости стучали по столам,  
Там храбрые кругом с друзьями ликовали,  
Там скальды пели брань, и персты их летали  
По пламенным струнам.*

Образ совы встречается у многих русских романтиков, переводивших английские баллады. Например, баллада Вальтера Скотта «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» в переводе В.А. Жуковского. Старый рыцарь барон Смальгольм, когда-то убивший из ревности возлюбленного своей молодой жены, узнает от мальчикапажа, что баронесса по ночам встречается с призраком погибшего рыцаря. Образ зловещей совы преследует героя:

*И на первую ночь непогода была,  
И без умолку филин кричал;  
И она в непогоду ночную пошла  
На вершину пустынную скал.*

Совы не могли миновать поэзии М.Ю. Лермонтова:

*Поднялся ветер той порою,  
Качал во мраке дерева,  
И свист его подобен вою –  
Как воет полночью сова.*

(Кавказский пленник. XXIV.)

Сова в типичном для романтизма зловещем облике присутствует и в стихотворении Н. Гнедича:

*В ночи над ним сова завоет,  
Воссев на преклоненный крест;  
И сердце путника заноет,  
От скорбных убежит он мест.  
(Скоротечность юности.)*

А.К. Толстой включил в свою готическую повесть «Упырь» балладу, в которой говорится о родовом проклятии, наложенном на семью героини из-за страшного предательства, совершенного много лет назад. Здесь тоже встречается образ филина в значении зловещего предзнаменования:

*Как филин поймал летучую мышь,  
Когтями сжал ее кости,  
Как рыцарь Амвросий с толпой удальцов  
К соседу сбирается в гости...*

А.А. Фет и Н.А. Некрасов видят в сове символ уединенности и ночного мрака:

*Ты спишь один, забыт на месте диком,  
Старинный монастырь!  
Твой свод упал; кругом летают с криком  
Сова и нетопырь.*

(А.А. Фет. *Notturno.*)

*Низко летали, вились колесом  
Совы, шарахаясь озень крылом.*

(Н.А. Некрасов, поэма «Саша».)

У Ф.И. Тютчева в переводе из Шекспира сова изображена как ночная птица, предвестница чьей-то гибели:

*Угли гаснут на костре,  
Дико филин прокричал  
И больному на одре  
Скорый саван провещал.*

(Ф.И. Тютчев. *Песня.*)

Сова как ночная, пугающая птица присутствует также в поэзии Я.П. Полонского.

*Пусть чирикают вольные птицы вокруг,  
Сонный лес пусть проснется-нарядится,  
И сова – пусть она не тревожит мой слух  
И, слепая, подальше усядется.*

(Я.П. Полонский. «Чтобы песня моя разлилась  
как поток...»)

К.Д. Бальмонт – первый русский поэт-символист, обратившийся к образу совы, – посвящает ей целое стихотворение, в котором мастерски сочетает все ее символические значения: мудрость, таинственность, пророчество... и превращает сову в символ творчества.

*Сова, кто смотрел в твое круглое желтое око,  
Тот знает великую тайну чудес.  
Не царила ли ты в Небесах?  
В их провалах немых, там, высоко,  
В бездонностях синих доныне твой знак не исчез.  
Кто в полночь читал под ущербной Луну  
Пожелтевшую летопись дней,  
Тот меня понимает без слов, и сейчас он со мною,  
Над одной мы строкою,  
В песне моей,  
В струне мы одной, что во славу Вселенной бряцает.  
О, мудрая птица, чей взор темноту проницает,  
В ночи, где дневные не видят ни зги,  
Ты сидела на страшной избушке Яги,  
Ты глядела в глаза благородной Афины,  
Ты была за плечами у всех колдунов,  
Ты крылом прорезаешь ночные долины,  
Навевая виденья вещательных снов  
На ведовские стебли полночных цветов,  
От которых приняв дуновение, мрак  
Нашим снам сообщает твой знак, –  
Я знаю, когда-нибудь в безднах, далеко  
Погаснет Светило кружящихся дней,  
Но в новых ночах первозданных,  
в смещении тьмы и огней,  
Пред творчеством новым зажжется, сквозь Хаос,  
безмерное желтое око.*

(К.Д. Бальмонт. Сова.)

В стихотворении «Колизей» Д.С. Мережковского сова вместе с автором оплакивает павшую Римскую империю, от было-го величия которой остались лишь полуразрушенные призраки зданий.

*В дворце Калигулы заплакала сова...  
 На камне шелестит могильная трава.  
 <...>  
 И стонет в тишине полночная сова,  
 На камне шелестит могильная трава...*

У Вл. Соловьёва в стихотворении «На небесах горят паника-дила...» встречается образ совы как мудрой птицы:

*И не зови сову благоразумья  
 Ты в эту ночь!  
 Ослы терпенья и слоны раздумья  
 Бежали прочь.*

В стихотворении Шарля Бодлера «Сова», переведенном на русский язык И.Ф. Анненским, сова-домоседка противопоставляется суетности и «погоне за миражами». Здесь сова – символ спокойствия:

*Зеницей нацелясь багровой,  
 Рядами на черных березах,  
 Как идолы, старые совы  
 Застыли в мечтательных позах.*

Образ совы встречается также в поэзии А.А. Блока. Сова в его стихах – зловещая птица.

*В темных провалах, где дышит гроза,  
 Вижу зеленые злые глаза.  
 Ты ли глядишь, иль старуха – сова?  
 Чьи раздаются во мраке слова?  
 (А.А. Блок «Сольвейг! О Сольвейг!..»)*

В стихотворении Н.С. Гумилёва «Попугай» в комнату старого волшебника, вызванные заклятьем из таинственного прошлого, влетают призрачные совы. Возможно, стражи времени?

*И в блеске глаз, мерцающих, как ишага,  
 Ерошат крылья ужас и отвага,  
 И я сражаюсь с призраками сов...*

В.В. Маяковский упоминает сову в связи с поэзией французских символистов. Верлен у него предстает как старая, почти ископаемая, сова.

*Да.  
Это он,  
вот эта сова –  
не тронул  
великого  
тлен.  
Приподнял шляпу:  
«Comment ça va,  
cher camarade Verlaine?»*

(В.В. Маяковский. Верлен и Сезанн.)

У С.А. Есенина сова – символ осени, старости, степной дороги.

*По-осеннему кычет сова  
Над раздольем дорожной рани.  
Облетает моя голова,  
Куст волос золотистый вянет.*  
(С.А. Есенин «По-осеннему кычет сова...»)

Героиня стихотворения «Nox» А.А. Ахматовой под крик совы хоронит дочь.

*Ноченька!  
В звездном покрывале,  
В траурных маках, с бессонной совой.  
Доченька!  
Как мы тебя укрывали  
Свежей садовой землей.*

М.И. Цветаева и Б.А. Ахмадулина снова вспоминают о сове как о вещей предсказательнице:

*Кладбище... Вещий крик совы....  
(Мне страшно!) Вот летит через кочки  
Приемыш чопорной вдовы,  
Как Диоген, живущий в бочке.  
(М.И. Цветаева. Книги в красном переплете.)*

*В дверь ваших гор и облаков  
кулак оранжевый стучится,  
и знает, что беда случится,  
семейство прозорливых сов.*

(Б.А. Ахмадулина. Орлы уснули.)

У И.А. Бродского сова упоминается как быстрая и бесшумная птица:

*Упадая в траву, сова настигает мышь,  
беспринчно поскрипывают стропила.  
В деревянном городе крепче спиши,  
потому что снится уже только то, что было.  
(«Около океана, при свете свечи...»)*

Таким образом, сова, «пролетев» через всю русскую поэзию, затронула крылом почти все поэтические жанры. В заключение процитируем детское стихотворение Юнны Мориц «Песенка совы по имени Дуся»:

*Я мудрая-премудрая,  
Ах, я ужасно мудрая,  
Я самая премудрая полярная сова.  
И мама моя мудрая,  
Ох, мудрая-премудрая,  
Она ужасно мудрая полярная сова.*

Совы – удивительные птицы, мудрые и таинственные. Символом царства мертвых, недобрьими и мрачными вестниками смерти они становятся под влиянием романтической эстетики. В реалистической же поэзии, в том числе в детской, они остаются, как в целом в русском фольклоре, символом мудрости.

*Работа представлена преподавателем колледжа  
Московского института музыки им. А.Г. Шнитке  
кандидатом филологических наук И.В. Логвиновой*

## ИЗ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭТИКИ XIX в. (Материалы к энциклопедии)

В.Л. Махлин

### ИРОНИЯ

Ирония (греч. *eigoneia* – «насмешка» или «притворство») – форма осмеяния; «смеховое» отрицание того, что на словах утверждается как будто всерьез.

Целесообразно различать И. как (1) эстетический феномен, как (2) способ речи и как (3) тип мировоззрения или мировоззренческий принцип (в том числе – в искусстве). Как *эстетический феномен* И. объективна особым образом, и не только в сфере искусства. Когда говорят (вольно или невольно цитируя Гегеля) об «иронии истории», или когда классик революционного марксизма Ф. Энгельс замечает: «Люди, хвалившиеся тем, что с *делали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, – что с *деланной* революции совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать»<sup>1</sup>, – то в том и в другом случае речь идет о некотором объективном положении дел, превышающем человеческие возможности разумения и контроля, т.е. о таком ходе самих вещей, в свете которого люди, воображавшие себя деятелями и творцами, на поверку оказываются, по выражению Шекспира, «дураками времени» (*fools of time*); при этом само слово «И.» может вообще отсутствовать (как во втором примере). Как объективное эстетическое видение И. может перерастать в откровенный сатанизм, в своего рода трансцендентальную издевку, как в знаменитом «видении на Неве» в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» Ф.М. Достоевского (1861), где разоблачающее осмеяние столицы российской империи исходит от некоего анонима: «*Кто-то* гримасничал передо мною, спрятавшись за всю эту фан-

тастическую толпу, и передергивал какие-то нитки, пружинки, и куколки эти двигались, а он всё хохотал и всё хохотал»<sup>2</sup>. Напротив, И. как *способ речи* предполагает вполне определенного автора высказывания (включая несловесные формы выражения – мимику, жестикуляцию и т.п.). То, что сказано или выражено «иронически» (в жизни, в искусстве, даже в науке), как бы переигрывается и опровергается не所说的, но подразумеваемым; отсюда «притворство» и «насмешка». Например, в «Бесах» Достоевского рассказчик вспоминает о кружке Степана Трофимовича: «Ходил еще один любознательный старичок, но помер»; И. здесь, опосредованная как бы нейтральным хроникером событий, преломляет сложное отношение «жестокого таланта» к русскому «просвеществу», в котором дворянские идеи, попав в другие социальные миры жизни, в другие сознания («на улицу»), порождают комически-жуткие «идейные» карикатуры так называемого русского нигилизма. В качестве способа и формы речи («логоса») И. на протяжении тысячелетий относили к области *риторики*, что справедливо постольку, поскольку И. выпадает из так называемой «пропозициональной» логики, т.е. не является обычным теоретическим или философским суждением: И. – это осмысленное высказывание, но «смысл» И. не только познавательно-предметный, логика не узкорациональная, а импульс (эмоционально-волевой тон) не однозначно «серъезен». И., таким образом, находится за пределами тех форм высказывания, которые Аристотель в своей классификации типов речи отнес к так называемому «апофантическому логосу» – «высказывающей речи», т.е. к познавательно-теоретическим формам раскрытия сущности, или истины, вещей<sup>3</sup>. Как *тип мировоззрения* И. претендует на универсальную и даже абсолютную значимость, и эти притязания могут быть радикальны, постольку поскольку теоретическая идеализация И. легко переходит в цинизм и нигилизм. В качестве мировоззренческой позиции И. представляет собой симптоматичную тенденцию новейшего времени как в искусстве, так и в общественном сознании – от «модерна» в XIX в. до «постмодерна» в XX в.

В *истории понятия* И. отчетливо выделяются два хронологически не пропорциональных этапа – *до* романтизма и *после* романтизма, – хотя эта история не является только линейным становлением во времени. Так называемая романтическая И.,

концептуализированная в 1790-е годы и ставшая уже в XIX в. предметом критической рефлексии и историко-литературных исследований, была, в значительной степени, *переокрытием* самого феномена И. в античности (диалоги Платона) и в Новое время (роман). С другой стороны, разновидности постромантической И. в XIX и особенно в XX в. тоже не вполне новы: как правило, это реакции на исчерпание или провал традиционных представлений и концепций исторического развития, попытки как бы отыграть И. для (пост)современности, «переиграв» ту критику романтической И., которую дал Гегель в 1810–1820-е годы и доказать, что не «разум» царит в бытии и истории (как настаивал Гегель), а напротив, – «безумие», «хаос» или «игра мира». При этом, однако, фоном и традицией понимания И. остается XIX век или, точнее, рубеж XVIII–XIX вв., переломный для исторического опыта западноевропейской научно-гуманитарной культуры в целом<sup>4</sup>.

Если философская теория И. – явление относительно позднее, то сам феномен И., напротив, существовал издавна, как и соответствующее понятие. «Ироник» (*eiron*) в моральной философии (у софистов) и в аттической комедии (у Аристофана) – это тот, кто – в отличие от самозванца, который выдает себя за нечто большее, чем он есть на самом деле, – наоборот, притворяется, что он ниже, меньше, того, что он есть на самом деле; «ироник» не вполне честен и прям, зато он и не заносчив, не амбициозен. Начиная с Псевдо-Аристотеля, И. занимает прочное место в риторике в качестве фигуры речи, с помощью которой нечто утверждается через подразумеваемый намек на противоположное, что подкрепляется выразительным акцентом или поведением.

Впервые мировоззренческий, или философский, потенциал И. проявился у Сократа: в глазах его слушателей, а потом и читателей диалогов Платона (в отличие от Ксенофонта) персональная черта, которую задолго до того связывали с понятиями «И.» и «ироник», в лице Сократа совершенно необычно соединились со способом философствования – «диалектикой», искусством «вести беседу», (*dialogestai*), путем критико-диалектической аргументации и вопрошания какого-либо предмета обсуждения двумя и более участниками беседы – «диалога». И. Сократа – в том, что, в качестве не знающего истину, он противостоит интеллектуальной элите своего времени – софистам (Евтифрон, Протагор,

Горгий и др.), считавшимся (и считавших себя) как бы обладателями истины: притворяясь ничего из себя не представляющим, Сократ ставит вопрос за вопросом, вынуждая в конечном счете собеседников признать свое неведение, но тем самым и создавая предпосылки для совместного обретения более надежного, чем прежде, знания. В диалогах Платона (особенно раннего периода) истина поистине открывается в актуальном чуде мышления, но одновременно и скрывается, т.е. не схватывается как окончательное знание, оказываясь, в лучшем случае, «ученым незнанием», – что и создает здесь эффект И. Сам Сократ называл свой метод «майевтикой» (повивальным искусством); однако в Новое время этот метод ассоциируется с понятием И. Единственное в своем роде соединение *habitus'a* личности со способом философствования даст в XIX в. основание Кьеркегору в его диссертации «О понятии иронии с постоянным обращением к Сократу» (1841) утверждать (тезис X), что именно Сократ «первым ввел И.» в философию<sup>5</sup>. За почти полвека до Кьеркегора идейный вождь раннего немецкого романтизма Ф. Шлегель высказался гораздо радикальнее, определив И. как «родину философии», а современные романы – как «сократические диалоги нашего времени»<sup>6</sup>. В жанровом отношении платоновский, или сократический, диалог «ироничен» постольку, поскольку он относится одновременно и к философии, и к литературе, не будучи ни только «философией», ни только «литературой»; отсюда исключительное влияние И. на европейскую словесность в качестве разновидности жанров «серезно-смехового»<sup>7</sup>.

Тем не менее вплоть до романтического переворота (т.е. до начала XVIII в.) понятие «И.» связано не столько с философией или литературой, сколько с риторикой. Уже Аристотель в «Никомаховой этике» (1108 a23, 1127 a20–32) рассматривает И. как одно из отклонений от истинной речи, т.е. от *logos apophantikos*, но при этом считает (не вполне последовательно) И. утонченным родом притворства и проявлением скромности. Цицерон (в «Тускуланских беседах»), следуя за Аристотелем, называет себя «ироником», употребляя слово «И.» то по-гречески, то переводя его как «*simulatio*» или «*dissimulation*». Квинтилиан (в «Воспитании оратора») рассматривает «И.» как фигуру речи, но при этом добавляет, ссылаясь на Сократа, что «вся жизнь» имеет свою И. Последующая

история понятия И., вплоть до XVIII в., связана в основном с античным риторическим идеалом, в соответствии с которым И. – это особый случай школьной риторики в духе античного понимания добродетели. Влияние риторики на представления об И. в литературоведении достаточно сильно не только в XIX, но и в XX в.; например, в книге В. Кайзера «Словесно-художественное произведение» (1956) определение И. таково: «Под И. подразумевается противоположность тому, что говорится словами»<sup>8</sup>; это почти дословное воспроизведение формулы Квинтилиана, перенесенное в область стилистики. Между тем ограниченность риторических подходов к И. стала ощущаться почти с самого начала Нового времени, в первую очередь – в самой литературе, позднее – в литературной критике, и только на исходе Нового времени И. стала проблемой литературоведения и теоретической эстетики<sup>9</sup>.

В литературе Нового времени, особенно в романе (Ариосто, Сервантес, Стерн, Дидро, Виланд, Гёте), И. выступает не как риторическая фигура речи, но как способ изображения и повествования. Роман в основном и стал тем содержательным материалом, на котором ранний немецкий романтизм (опираясь на философию Канта и Фихте) создал теорию искусства, известную в качестве «романтической И.». Образцовым примером для романтиков служил «Дон Кихот» Сервантеса (переведенный на немецкий язык А.В. Шлегелем): в этом романе И. не только и не просто «прием», но принцип обобщенного, но при этом очень конкретного поэтического взгляда на жизнь, в основе которого – дихотомия идеала и действительности, «поэзии» (души) и «прозы» (мира). Раскол или разлад между «внутренним человеком» (как выражался русский современник С. Кьеркегора – Н.В. Гоголь) и внешним социальным миром, в общем, чужд античности, но именно этот мотив дисгармонии становится в Новое время источником поэзии особого рода («прозаической художественности», по М.М. Бахтину), притом именно – эпической поэзии в духе древних. В этом смысле известное высказывание Л.Н. Толстого о «Войне и мире»: «Без ложной скромности: это *как* “Илиада”», с одной стороны, никого сегодня не удивит, но, с другой стороны, в этом «как» по сей день заключена глобальная историко-методологическая проблема: вероятно, величайший роман Нового времени, созданный русским писателем в 1860-е годы, действительно подобен гомеровскому

эпосу, хотя это, конечно, не «эпос», но «роман», который в духе реализма XIX в. по-новому воспроизводит модель трезво-объективного, «романного» подхода и к «внутреннему» миру отдельной личности, и к «внешнему» миру социальной и национальной истории. Не случайно уже в XX в. проблема И. оказалась краеугольным камнем в аспекте философии и даже метафизики романа, причем материалом литературно-критических анализов и теоретических выводов служил теперь (помимо романа Сервантеса) в основном уже «классический» роман XIX в. Тогда, в первой половине XX в., на кону стоял вопрос о смысле и ценности Нового времени вообще (по сравнению с античным эстетическим идеалом и в перспективе «нового средневековья»), так что эстетико-философский и экзистенциальный выбор «за» или «против» И. в некоторых принципиальных случаях оказывался почти тождественным литературно-теоретической и даже политico-метафизической оценке романа в прошлом и в настоящем. Обе наиболее значительные в XX в. философии романа – Г. Лукача (1885–1971) и М.М. Бахтина (1895–1975) – заключают в себе диаметрально противоположные, но исходящие из некоторых общих предпосылок и импульсов концепции И., что неизбежно отражалось и на оценках романа: если для Лукача (который повторяет и радикализует Гегеля как в определении романа, так и особенно в оценке романтической И.), роман – это «эпопея оставленного Богом мира», а И. – «негативная мистика безбожных времен»<sup>10</sup>, то для Бахтина (совершенно в духе понимания Т. Манном формообразующей роли И. в романе<sup>11</sup>), наоборот, И. и роман освобождают сознание и восприятие от мистики, идеализма и магизма, но также и от «социологического» переворачивания романтической метафизики<sup>12</sup>. Судьбы обеих этих концепций (и их авторов) тоже не лишены И.: Лукача отрицание «оставленного Богом мира» и «бездожной И.» привело (в 1918 г.) к обращению в марксизм и так называемый «религиозный атеизм», тогда как консервативно настроенный Бахтин как раз из религиозных соображений задумал «совершенно светский» проект «философии поступка», преобразованный в 1930-е годы в философию «высказывания» и историческую поэтику романа и «романизации»<sup>13</sup>. Во всяком случае, пробным камнем отношения и к И., и к роману в литературоведении и философской эстетике XX в. была (и во многом остается) реалистич-

ческая классика XIX в., тогда как романтическая *теория* И. воспринимается как предвосхищение, с одной стороны, – «реализма», с другой – «модернизма» и «постмодернизма».

В истории литературы XIX в. «ироническими» писателями считаются романтики Л. Тик, Э.Т.А. Гофман, К. Брентано и особенно Г. Гейне, который сознательно старался изобразить «всемирную И.» (Welt-Ironie), «божественную И.» (Gottes-Ironie) и т.п.<sup>14</sup> Главным теоретиком романтической И. стал Ф. Шлегель, особенно в своих «Критических фрагментах» (1797) и «Фрагментах» (1898), опубликованных в издававшихся братьями Шлегелями журналах «Лицей» и «Атеней». По Шлегелю, И. не столько риторическая фигура, сколько «философская» способность – философская постольку, поскольку ею владеют как искусством удерживаться на границе того, что может быть сказано, и того, что превышает всякую возможность человеческого высказывания, т.е. на границе между «конечным» и «бесконечным» в человеке, в его самопознании. В этом смысле (едва ли не противоположном позднейшим представлениям о «романтизме») И. – это «родина философии» (фрагмент 42 из «Лицея»), постольку поскольку из любви к истине – и здесь Шлегель дистанцируется от «абсолютного» идеализма Фихте, из которого поначалу сам же и исходит<sup>15</sup>, – философия должна отказаться от притязаний постичь и высказать истину во всей ее полноте. И. судьбы всякого притязающего на истину слова (в жизни и в теоретическом познании) не столько повод для жесткого интеллектуального аскетизма (ср. знаменитую концовку «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна <1921>: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать»), сколько повод для возвышенной радости, для признания божественной творящей силы, превышающей, но также и стимулирующей человеческое сотворчество. С другой стороны, однако, этот ход мысли сочетается в концепции И. Шлегеля с прямо противоположной тенденцией, которая как раз и была сразу замечена и подхвачена современниками – и друзьями, и противниками романтизма. По Шлегелю, И. превосходит сама себя в искусстве, в творческом сознании «гения», и если философски И. смиряется перед невозможностью познать абсолют, то художественная, поэтическая И., наоборот, превосходит все и всяческие границы и сама становится философией по ту сторону рационального, дис-

курсивного, прозаически-обыденного языка и мышления. Такова в принципе «прогрессивная универсальная поэзия» (progressive Universalpoesie): современный, нервный дух романтического поэта – и здесь Шлегель вслед за Шиллером на свой лад возобновляет старый «спор древних и новых», радикализуя шиллеровскую оппозицию «наивной» и «сентиментальной» поэзии, но отдавая предпочтение (в отличие Шиллера и от своих первоначальных воззрений) «новым»<sup>16</sup>, – не может довольствоваться своим наличным состоянием и ждать успокоения от «плоской гармонии» (platte Harmonie), от «гармонических пошляков». Тем самым И. становится философией искусства, а эстетика – вселенской эстетической метафизикой, выходящей за пределы всех мыслимых границ, но тем самым и за пределы христиански-гуманистической «человечности» (Humanität), не говоря уже о «здравом смысле».

Романтическая И. соединила в своем понятии общественно-политический принцип и идеал «культуры / образования» (Bildung) с метаимперативом творческой гениальности, не соотнесенной и, в сущности, безразличной к «пошлой действительности». И. судьбы самого романтизма состояла в том, что XIX век в целом отвернулся и от романтизма, и от романтической И., но так, что, начиная с «религиозного отречения» от раннего, или «йенского», романтизма в романтизме позднем, или «гейдельбергском»<sup>17</sup>, «иронический» принцип творческой гениальности чем дальше, тем больше становился некоторым общим, общественным основанием сознания и познания, противополагающим, в понятиях Достоевского, «личность» и «среду», индивидуальное я, которое «право имеет» и «всемство». В результате «религия искусства», о которой Гегель писал в XIX в., радикализовалась в качестве того, что Г.-Г. Гадамер уже в XX в. назовет «позицией искусства» (der Standpunkt der Kunst)<sup>18</sup>, вышедшего за пределы самого искусства и ставшей мерой «субъективизации» как индивидуального, так и общественного и даже национального сознания, одержимого своей «миссией» (ср. гротескно-ироническое сближение Т. Манном, с одной стороны, – «брата» Гитлера, с другой стороны, – Ницше, с идущим от романтизма представлением о «гении» в искусстве как о безумце, наделенном магической способностью выражать и воплощать собой как бы всеобщую духовную реальность<sup>19</sup>). Следует, однако, иметь в виду, что постромантические трансфор-

мации И. далеко не исчерпывают и даже искажают теорию Ф. Шлегеля, который в своем позднем творчестве пытался скорректировать свой юношеский «энтузиазм», говоря об «И. любви» (*Ironie der Liebe*).

Теорию И. Ф. Шлегеля развивали сами романтики – Л. Тик, А.В. Шлегель, Новалис, Шлейермахер, А. Мюллер и в особенностях Зольгер (1780–1819) в своих посмертно изданных «Лекциях по эстетике» (1826) и в сочинении «Эрвин» (1815), написанном на манер платоновских диалогов<sup>20</sup>. Зольгер решительно отделяет «художественную» (*künstlerische*), возвышенно-трагическую И. у Софокла и Шекспира, которую он отождествляет с искусством как таковым и с истиной как таковой, от «опасной» (*gefährliche*) И. – последнюю он находит у таких «шутников» (*Spötter*), как Лукиан и Виланд. У Зольгера негативность И. отделяется от позитивности, и эта поляризация «серьезного» и «смехового» определила направление не только «религиозного отречения» романтизма от его первоначальных интуиций, но и общую тенденцию философской эстетики XIX в.

Гегель, с опорой на Зольгера, дал самую резкую и самую влиятельную критику И. как «бесконечной абсолютной негативности», имея в виду в особенности романтическую И. (и лично «наглого» Ф. Шлегеля). В «Лекциях по эстетике» и в рецензии на посмертные сочинения Зольгера<sup>21</sup>, а также в «Философии права» (1821)<sup>22</sup> Гегель вообще отказывает И. в художественности: по его мнению, характерный для И. «стыд перед действительностью» противоположен и противопоказан искусству, а И. романтиков только субъективна и противоположна жизненности разума в его, разума, субстанциальном интересе к реальной предметности мира. Гегелевская оценка (в сущности, отрицание) И. (и романтизма) оказала решающее влияние на популярные в XIX в. (и позднее) трактовки этого понятия и на отношение в целом к «романтической школе»<sup>23</sup>.

С. Кьеркегор в вышеупомянутой диссертации, следя в основном за Гегелем, выступил против романтиков, но, в отличие от Гегеля, противопоставил романтической И. истину сократической И. По Кьеркегору, в И. действительно преобладает «негативное», отсюда слишком легкая, безответственная игра с «ничто»; но, с другой стороны, И. также источник и импульс поэзии, «эсте-

тического» как такового. Эту дилемму датский мыслитель разрешает в духе сугубой «серьезности»: И., как принцип «эстетического» отношения к миру, несовместима с «этическим» и «религиозным»; она полезна лишь как рационально нормированный христианский катарсис, как «купель очищения» души. Для Кьеркегора – и это характерное в целом для XIX в. следствие романтико-идеалистической «эстетики содержания» – понятие «эстетического» (а отсюда и понятие И.) уже совсем лишено своего собственного, специфического содержания в системе мировоззрения<sup>24</sup>; И., на взгляд Кьеркегора, оказывается прямой противоположностью «серьезности» вообще и требует от христианина «экзистенциального» выбора между двумя крайностями: «или – или».

Ф. Ницше пытается на свой лад разрешить противоречия, заключенные в романтическом понятии И. – постольку предвосхищает «современность», или «постсовременность» прошлого столетия. В духе XIX в. Ницше не приемлет риторического понимания И., не без удивления обнаруживая в ней (вслед за Ф. Шлегелем) возможность продуктивного «смирения» (Demütigung) человеческой мысли и духа перед реальностью «жизни»; вместе с тем он хочет соединить оба выделенных им первоначала бытия – «аполлоновское» и «дионисовское». Однако на деле Ницше только противопоставляет И. всякой действительности, но уже не в пользу «серьезности», как у Кьеркегора, а наоборот, в порядке разоблачения, тотальной критики общества, включая якобы противостоящего обществу «художника» и «гения» (не только Р. Вагнера). Идущее от романтизма резкое противопоставление неподлинного «внешнего» и подлинного «внутреннего» Ницше выворачивает наизнанку: «наш век», т.е. XIX столетие, Ницше иронически объявляет временем открытия всемирной истории с ее «маской» и «костюмами» эпох, а своих современников вызывающие (и внутренне полемически) призывает встать на точку зрения, единственно возможную в будущем, на позицию «пародистов всемирной истории и шутов Божьих», внутренне почти готовых «к карнавалу большого стиля, к духовному масленичному смеху и веселью, к трансцендентальной высоте высшего тупоумия и аристофановского осмияния мира»<sup>25</sup>. Своей современности, не имеющей, по его мнению, «будущности», Ницше противопостав-

ляет «смех» как единственную альтернативу; но это противопоставление выглядит скорее отчаянным, чем по-настоящему веселым и в целом воспроизводит знакомую романтическую оппозицию. Здесь, как еще в романтическом гротеске, смех, по словам М.М. Бахтина, «сбросил свою веселую маску и стал глядеть на мир как злобная сатира»<sup>26</sup>.

Под знаком «не смеющегося» или даже «сатанинского» (как у Бодлера) смеха будут развиваться в XX в. влиятельные формы И. в искусстве, в философии и в литературной критике, вплоть до «постмодернизма» и «литературной теории» последних десятилетий. Историческая логика развития понятия И., однако, в целом уже исчерпала себя постольку, поскольку «ироническая» коммуникация в современном демократическом мире становится, с одной стороны, все более естественной и «серьезно-смеховой» реакцией на конкретные проявления жизни и на стили в искусстве, но, с другой стороны, после конца Нового времени И. едва ли возможна как мировоззренческая или эстетическая позиция, основанная на исконной «карнавальной» привилегии искусства, которая в XIX и XX вв. переросла в утопическое противопоставление «артиста» «публике» и в настоящее время, похожее, почти утратило прежнюю почву. С другой стороны, однако, XX век, можно сказать, заново открыл самый феномен И., в значительной степени по-новому оценив и осмыслив романтическую И. в ее позитивном противостоянии рационалистической философии, идеологическим диктатам (на нее опиравшимся) и всякой односторонней «серьезности». Этот поворот в советский век не мог совершиться вследствие подавляющего влияния гегелевской критики И. и романтизма вообще, и лишь в самое последнее время положение начинает меняться, хотя в постсоветской России, естественно, более известными все еще остаются «постмодернистские» трактовки И., воспроизводящие в основном западноевропейские модели 1960–1970-х годов.

<sup>1</sup> Цит. по: Лосев А.Ф., Шестаков В.П. История эстетических учений. – М., 1965. – С. 355 (статья «Ирония»).

<sup>2</sup> Достоевский Ф.М. Полное собр. соч.: В 30 т. Т. 19. – Л.: «Наука», 1979. – С. 71.

- <sup>3</sup> Аристотель. Об истолковании // *Он же*. Собр. соч.: В4 т. Т. 2. – М., 1978. – С. 95.
- <sup>4</sup> Михайлов А.В. Идеал античности и изменчивость культуры. Рубеж XVIII–XIX веков // *Он же*. Языки культуры. – М., 1997. – С. 522–563.
- <sup>5</sup> Kierkegaard S. The Concept of Irony... Princeton. – New Jersey, 1989. – Р. 6.
- <sup>6</sup> Шлегель Ф. Критические фрагменты (1797) // *Он же*. Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. Т. 1. – М., 1983. – С. 282, 281.
- <sup>7</sup> Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // *Он же*. Собр. соч. Т. 5. – М., 2002. – С. 123–127.
- <sup>8</sup> Kayser W. Das sprachliche Kunstwerk. – Bern, 1964. – S. 111–112.
- <sup>9</sup> См.: Allemand B. Ironie und Dichtung. Tübingen 1956; Франк М. Аллегория, остроумие, фрагмент, ирония // Немецкое философское литературоведение наших дней: Антология. – СПб., 2001. – С. 291–313.
- <sup>10</sup> Лукач Г. Теория романа: Опыт историко-философского исследования форм большой эпопеи (1914–1920) // Новое литературное обозрение. – № 9. – С. 47–48.
- <sup>11</sup> Манн Т. Искусство романа (1939) // *Он же*. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. – М., 1960. – С. 276; Манн Т. Путешествие по морю с Дон Кихотом (1934) // *Он же*. Цит. изд. Т. 10.
- <sup>12</sup> Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 3: Теория романа (1930–1961). – М., 2012.
- <sup>13</sup> См. об этом: Страда В. Между романом и реальностью: История критической рефлексии (1986) // М.М. Бахтин: Критическая антология / Под ред. В.Л. Махлина. – М., 2010. – С. 102–125.
- <sup>14</sup> См.: Ironie und Dichtung / hg. A Schaefer. – München, 1970. – S. 85–112.
- <sup>15</sup> Bauer G. Der absolute Idealismus als Voraussetzung einer Historischen Philosophie: Ein Versuch über Philosophie des jungen Friedrich Schlegel. – München 1966; Кузьмин Р.Ю. Философия иронии Фридриха Шлегеля 1790-х годов в контексте кантовской «революции в способе мышления» / Автореферат дис. На соиск... кандидата философских наук. – М.: МПГУ, 2006.
- <sup>16</sup> Jauss H.R. Schlegels und Schillers Replik auf die «Querelle des Anciens et des Modernes» // Ders. Literaturgeschichte als Provokation. – Frankfurt a. M., 1970. – S. 67–101.
- <sup>17</sup> Жирмунский В.М. Религиозное отречение в истории немецкого романтизма. – Пт., 1919.
- <sup>18</sup> Гадамер Х.-Г. Истина и метод (1960). – М., 1988. – С. 100.
- <sup>19</sup> Манн Т. Братец Гитлер (1939) // *Он же*. Аристократия духа. – М., 2009. – С. 289–294; *Он же*. Доктор Фаустус (1947).
- <sup>20</sup> Зольгер К.-В.-Ф. Эрвин: Четыре диалога о прекрасном и об искусстве. – М., 1978.
- <sup>21</sup> Гегель Г.В.Ф. О «посмертных сочинениях и переписке Зольгера (1828) // *Он же*. Эстетика: В 4 т. Т. 4. – М., 1973. – С. 452–501.
- <sup>22</sup> Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990. – С. 193–198 (параграф 140).

- <sup>23</sup> См., в частности: *Гайм Р.* Романтическая школа (1870). – СПб., 2006; *Брандис Г.* Романтическая школа в Германии (1873) // *Он же.* Главные течения в литературе XIX века. – СПб., 1903.
- <sup>24</sup> *Allemann B.* Ironie und Dichtung. – Tübingen, 1956. – S. 96.
- <sup>25</sup> *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла (1886) // *Он же.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. – М., 1990. – С. 343–344 (фрагмент 223).
- <sup>26</sup> *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса (1965) // *Он же.* Собрание сочинений. Т. 4 (2). – М., 2012. – С. 49.

**Н.Т. Пахсарьян**

## **НАТУРАЛИЗМ**

Натурализм – зародившееся во Франции и ставшее международным литературное движение последних десятилетий XIX в., считавшее своей художественной задачей описывать реальность, исходя из принципов объективности и научности. В области теории Н. выделяют три поколения писателей:

1. Основатели – братья Эдмон (1822–1896) и Жюль (1830–1870) де Гонкур; Эмиль Золя; Альфонс Доде.
2. Поколение «Меданских вечеров» – Поль Алексис (1847–1901), Жорис-Карл Гюисман (1848–1907), Леон Энник (1850–1935), Ги де Мопассан (1850–1893), Анри Сеар (1851–1924), Октав Мирбо (1848–1917).
3. Авторы «Манифеста Пяти» – Жозеф Анри Рони (Рони-старший, 1856–1940), Поль Боннетэн (1858–1899), Гюстав Гиш (1860–1935), Поль Маргерит (1860–1918), Люсьен Декав (1861–1949).

Слово Н. появилось во французском языке в XVI в. и употреблялось преимущественно в естественных науках, философии (Монтень). В XVIII в. этот термин использовался для обозначения такой философской системы, фундаментальным принципом которой является природа. Так, Дидро считал слово Н. синонимом выражения «естественная религия». Во второй половине XIX в. термин Н. стали применять к живописи: Ш. Бодлер («Салон 1846») разделил художников на «колористов Севера» и «натуралистов Юга», пояснив, что прекрасная южная природа позволяет тамошним художникам не изобретать, а попросту воспроизводить ее красоту на холстах. Позднее художественный критик Ж.-А. Кастаньяри (ему принадлежит также инициатива введения термина

«импрессионизм») придал слову Н. более близкое современному значение, определив Н. как «правду, уравновешенную наукой» («Салон 1863»). С 1865 по 1880 г. это слово мелькает в статьях различных критиков искусства и литературы, причем настолько часто, что Г. де Мопассан в письме П. Алексису (начало 1877 г.) признавался: «Я не верю больше в натурализм и реализм, как и в романтизм. Эти слова, по-моему, ничего не значат...», а Г. Флобер в письме к Г. де Мопассану от 21 октября 1879 г. воскликнул: «Не говорите мне о реализме, о натурализме или об экспериментальном! Я сыт этим по горло. Какие пустые нелепицы!»

Таким образом, первый теоретик и практик литературы Н.Э. Золя, о чём пишет и он сам в заметке 1881 г. в газете «Фигаро», подхватил уже использовавшийся термин, обратившись к разработке поэтических основ Н. в работе «Экспериментальный роман» (1880). Примечательно, что вошедшая в эту работу статья «Деньги и литература» появилась первоначально на русском языке (1879, журнал «Вестник Европы»), затем – на немецком (1880, «Нойе фрайе прессе»). Фраза «деньги освободили писателя, писатель создал современную литературу» ясно демонстрировала приятие Э. Золя законов рынка, которые стали распространяться и на «символические ценности» – интеллектуальные. Очевидно и различие между концепцией творчества в натурализме и символизме: если символизм рассматривал писателя как волшебника языка и философа, то для натурализма пишущий человек – это труженик, владеющий профессией и зарабатывающий этим на жизнь. Такое положение требовало от писателя способности к конкуренции на книжном рынке. Потому Золя подчеркивал в той же статье: «Нужно заявить со всей ясностью: слабые в литературе не заслуживают никакого интереса», а немецкий филолог В. Шерер, многое почерпнувший у Золя, публикуя в 1888 г. свои заметки под названием «Поэтика», утверждал: «Поэзия, или лучше сказать, поэтическая продукция сегодня такой же товар, как другой». Знаменательно, что Международная конвенция авторских прав была подписана в Берне в 1886 г. – в момент расцвета теории и практики натурализма.

Стоит, однако, заметить, что до Э. Золя о новых натуралистических тенденциях заговорили и братья Э. и Ж. Гонкуры. В предисловии к роману «Братья Земгано» (1879) Э. де Гонкур

упоминал о «великом сражении, которое предопределит торжество реализма, натурализма, “этюда с натуры” в литературе». Примечательно, что автор предисловия поставил рядом слова «реализм» и «натурализм». В этом сказалась специфика употребления термина Н. во Франции: тогда как в Германии *Naturalismus* противопоставлялся реализму – как «поэтическому», так и «бюргерскому», французские писатели и критики рассматривали Н. как своего рода синоним реализма, его продолжение и развитие. Сам Э. Золя еще в сборнике «Что я ненавижу» (1866) говорил о близкой ему тематически и поэтически литературе как о реалистической: «То, что и ныне еще любят называть реализмом, а именно – внимательное изучение действительности, построение целого из наблюденных в жизни деталей, есть метода, породившая за последнее время... замечательные произведения». А объединив в 1881 г. свои статьи, публиковавшиеся в 1870-е годы в русском «Вестнике Европы» и в различных парижских журналах, в книгу под названием «Романисты-натуралисты», писатель включил туда свои статьи не только о Гонкурах и А. Доде, но и о Бальзаке, Стендалье, Флобере, называя при этом Бальзака «отцом натурализма», а Флобера – «совершенным художником» этого направления. Сходно высказывается несколько позднее и Луи Депре: в своей книге «Натуралистическая эволюция» (1884), целью которой критик называет желание «изучить во всех ее трансформациях натуральную школу»<sup>1</sup>, он именует «одним из отцов натурализма» Стендalia, а во флоберовской «Мадам Бовари» видит конденсированное выражение «правил натуралистического романа». Впрочем, Э. Золя ощущает и различие между типами бальзаковских героев и персонажами натуралистических произведений: «Что почти всегда производит досадное впечатление – это преувеличенностъ его героев... Согласно своим принципам натуралистическая школа резко осуждает это излишество, эту прихоть художника, заставляющей великанов прогуливаться среди карликов». Более того, в статье «Натурализм в театре» Э. Золя делает выбор в пользу термина Н.: «Меня спрашивают, почему я не пользуюсь словом реализм, которое было в ходу 30 лет тому назад? Я поступил так единственno потому, что тогдашний реализм суживал художественно-

<sup>1</sup> Desprez L. *L'évolution naturaliste*. – P.: Tresse éd., 1884. – P. 11.

литературный кругозор; мне казалось, что слово натурализм расширяет область наблюдения».

Первоначально Н. видел свою специфику в обновлении тематики произведений, не ощущая себя литературной революцией. Однако со времени создания главного теоретического сочинения натуралистов первого поколения – книги Золя «Экспериментальный роман» на первый план вышла идея не просто правдивого описания реальности, а ее научного экспериментального воссоздания. Прежде всего, в «Экспериментальном романе» Золя констатирует, что в его эпоху «возвращение к природе, развитие натурализма... постепенно направляет все виды умственной деятельности человека на один и тот же научный путь». Этот путь, по его мнению, нагляднее всего проложен медиком Клодом Бернаром в труде «Введение в изучение экспериментальной медицины», а потому он считает возможным взять на вооружение его метод: «Я... постараюсь доказать, что если экспериментальный метод ведет к познанию физической жизни, он должен привести и к познанию страстей и интеллекта. Это лишь вопрос ступеней на одном и том же пути: от химии – к физиологии, от физиологии – к антропологии и к социологии. В конце стоит экспериментальный роман».

Хотя Золя и утверждает, что ему «зачастую достаточно будет слово «врач» заменить словом «романист», он, однако, отдает себе отчет в том, что «еще не открыты реактивы, которые разлагают человеческие страсти на составные элементы и позволяют их анализировать», т.е. понимает специфику литературного материала и отсутствие (по его мнению – временное, преодолимое) столь же четких критериев точного анализа в литературе, сколь и в естественных науках.

Поэтому он пока не решается «формулировать законы» натуралистического письма, хотя и говорит о детерминизме как «физическом и материальном условиях существования или возникновения явлений» и наследственности как факторе «большого влияния на интеллект и страсти человека». Писатель полагает, что романист «является и наблюдателем, и экспериментатором» одновременно, наблюдение позволяет отказаться от предвзятых идей, а «идея эксперимента влечет за собой идею модификации». Тем самым Золя подчеркивает различие между писателем-натурали-

стом и фотографом, просто фиксирующим увиденное: натуралист меняет увиденное, «не выходя из рамок естественного».

Развивая теорию Н. в работе «Натурализм в театре» (1881), Э. Золя вновь подчеркивает научную основу своего метода: «Кажется совершенно невозможным, чтобы тенденция к анализу и исследованию, захватившая XIX столетие, совершила переворот во всех науках и во всех искусствах, оставив в стороне и как бы в изоляции искусство театра. [...] ]...ученые стремились к документам, к эксперименту... так возникло великое натуралистическое движение». Объясняя свое понимание Н., писатель уточняет: «Натурализм означает возвращение к натуре, природе, именно это и совершили в один прекрасный день ученые, когда решили отталкиваться от изучения фактов и явлений, опираться на опыт, применять метод анализа. Натурализм в литературе – это также возвращение к природе и человеку, непосредственное наблюдение, тщательное анатомирование, приятие и правдивое описание того, что есть».

Причем, если в области романной прозы он отмечал уже существующие достижения Н., что неудивительно, поскольку к 1880-м годам вышли не только его ранние произведения, но и несколько томов его цикла «Ругон-Маккарьи», охарактеризованные автором в предисловии к первому произведению цикла, «Карьера Ругонов» (1871) как «естественная и социальная история одной семьи в эпоху Второй империи», на примере которой он хотел показать, что «наследственность, подобно силе тяготения, имеет свои законы», то в области театра писатель лишь предрекает необходимость «сражения между романтической драмой и драмой натуралистической», поскольку «завтрашний день – за натурализмом». Выводя на первый план в области театра борьбу с романтической драмой, Э. Золя парадоксальным образом связывает происхождение будущей великой натуралистической драмы с национальной традицией французского театра – классицистической: «...В наши дни каждому очевидно, что романтизм был лишь необходимым звеном, связавшим литературу классицизма с натуралистической литературой. Натурализм вытекает из классического искусства». Необходимым условием расцвета драмы Н. писатель считает, помимо обращения «к принципам классицизма», «научный метод».

Несмотря на то что Н. часто именовался литературной школой (в том числе и самими натуралистами – ср., напр. отзыв А. Доде о Гонкурах: «Стремясь... в литературе к жизненной правде, к документальной точности, они стали – ведь теперь в моде всякие школы – во главе школы молодого поколения романистов»), он, скорее, представлял собою содружество писателей, на какой-то период времени объединившихся вокруг Э. Золя, но достаточно быстро проявивших свою эстетико-художественную самостоятельность. Так, участник сборника «Меданские вечера» (1880) Ж.-К. Гюисман (новелла «С мешком за плечами») в качестве художественного критика был сторонником импрессионизма, и уже в 1884 г. опубликовал роман «Наоборот», признанный манифестом декаданса. Другой член «меданской группы», Г. де Мопассан, в предисловии к роману «Пьер и Жан» (1887) отстаивал позицию, совпадающую с Э. Золя лишь в одном пункте – он также возражал против понимания романа как «банальной фотографии жизни». В то же время, помимо того что он, используя слова реализм и Н. как синонимы («вслед за литературными школами, стремившимися дать нам искаженное, сверхчеловеческое, поэтическое, трогательное, очаровательное или величественное представление о жизни, пришла школа реалистическая или натуралистическая, которая взялась показать нам правду, только правду, всю правду до конца»), предпочитал говорить о реализме («реалист, если он художник, будет стремиться... к тому, чтобы дать нам ...воспроизведение [жизни], более полное, более захватывающее, более убедительное, чем сама действительность»), размышлял не о научности художественного произведения, а о необходимости отбора фактов и о психологических характеристиках персонажей.

Появившийся в газете «Фигаро» в августе 1887 г. «Манифест пятерых» также свидетельствовал о том, что новое поколение писателей критически настроено по отношению к мэтру Н. Непосредственным поводом к публикации манифеста послужил выход из печати романа Э. Золя «Земля», который не приняли молодые писатели. Но, как признавались они сами в манифесте, «мечта о восстании» родилась у них сразу после выхода романа «Западня» (1877). В творчестве Золя авторы манифеста (Н.Ж.-А. Рони, Л. Декав и др.) увидели «предательство писателем» своих собст-

венных принципов научности литературы: «Необычайно ленивый по части собственного экспериментаторства, вооруженный липовыми документами, собранными третьими лицами, исполненный гюгообразной напыщенности, тем более раздражающей, что он упорно проповедовал простоту, опускаясь до бесконечных добавлений и клише, он разочаровывал самых больших энтузиастов и учеников». Авторы возражали против отождествления Э. Золя с Н. Кроме того, они были убеждены, что создатель «Ругон-Маккаров» озабочен исключительно продажами своих произведений. При этом ожидание появления шедевра, которое связывали с романом «Земля», оказалось тщетным, читатели лишний раз убедились, что Э. Золя компрометирует доктрину Н. Его принцип изображения «природы посредством темперамента», по мнению авторов манифеста, заменена им самим на изображение «природы посредством патологических чувств». Свое выступление писатели рассматривали как защиту достоинства литературы, как выражение «высочайшего уважения к искусству».

По-видимому, не лишены основания слова Малларме, сказанные им в 1891 г. при ответе на вопросы «Анкеты о литературной эволюции» Ж. Юрэ:

«Возвращаясь к натурализму: мне кажется, что под этим надо подразумевать литературу Эмиля Золя, и когда Золя прекратил писать, воистину умерло и это слово».

Е.А. Цурганова

## ДЕКАДАНС В АНГЛИИ

Слово «декаданс» берет начало от позднелатинского *decadentia* и французского *décadence* – вырождение, упадок. Но лишь с XIX в. оно начинает «обрастать» соответствующими временем предикатами и структурными слоями. Становление термина «Д.» связано с эволюцией романтизма и трагическим переживанием конфликта между культурой и кризисом цивилизации, затронувшим все страны Западной Европы и Россию. Во Франции этот процесс связан с осмыслением завершения столетия (конец 1860-х – 1890-е годы), в Великобритании соотносится с 1890–1920-ми годами. Общее состояние культуры этого времени отражает «дух времени», связанный с опровержением традиционных буржуазных ценностей и утверждением через отрицание поступательного движения в будущее, отказом от опробованных дилемм и антиномий.

Выход парижского журнала «Декадент» (1886–1889, основатель А. Байю) обозначил переход Д. из области философско-мировоззренческой в «литературный факт». В 1888 г. итальянский критик В. Пика предложил для обозначения этого явления термин «декадентизм» («il decadentismo»). Основу его определяет ряд характерных мировоззренческих и эстетических принципов: полная свобода художественного творчества, разрыв с традиционными представлениями классического искусства, ощущение утраты целостности мира, культивирование утонченного эстетизма, повышенное внимание к пограничным состояниям человеческой психики, обращенное на себя творческое сознание. Д. – сложный комплекс умонастроений, олицетворяющий собой эпоху «конца века» (*fin de siècle*), когда смыкается субъективное и объективное представление о времени.

Д. в Англии связан с общей тенденцией развития XIX в., отразившей особое восприятие действительности, отмеченное иррационализмом, метафизичностью и пессимизмом. Социокультурные потрясения 1880–1890-х годов, поколебавшие, казалось бы, незыблемое здание викторианства, стали источником психологического дискомфорта, что не могло не повлиять на творческую деятельность литераторов и, соответственно, – на искусство слова. В этот период сформировалось новое понимание целей искусства, появились новые эстетические теории, пришедшие на смену традиционному классическому идеалу.

Антитезой вкусам викторианцев стал эстетизм – одно из центральных явлений «нового искусства» *fin de siècle*. Эстетско-декадентские настроения, несогласие с идеалами буржуа английские художники выражали на протяжении всего XIX в., но существо эстетического бунта конца столетия было качественно иным в толковании целей и сути творчества. Литературная ситуация тех лет – промежуточный итог эволюции романтического типа художественного сознания в XIX–XX вв. Основные этапы развития английского Д. при всей их разнородности складываются в нечто единое, протянувшееся через все столетие и имеющее романтическую природу. Фундамент будущих эстетско-декадентских составляющих складывался в творчестве разных поколений. Это романтики (*Томас Де Квинси*), прерафаэлиты (*Д.Г. Россетти*), *У. Пейтер*, *О. Сунберн*, «Клуб рифмачей» (Э. Даусон, Р. Ле Гальенн, Дж. Грей), *О. Уайльд*, *А. Саймонс*. Большую роль в этом процессе сыграли не только литераторы, но и художники-иллюстраторы (О. Бердслей, Ч. Рикеттс), издатели и книготорговцы (Дж. Лейн, Ч. Мэтьюс, Л. Смизерс, Г. Харленд), критики (М. Биербом).

Основные теоретические положения Д. были сформулированы в Англии в 90-е годы. Как мировоззренческая и эстетическая категория Д. формировался в среде нереалистических тенденций «конца века», но наиболее полное воплощение получил в исканиях прерафаэлитов, художественной практике представителей журналов «Желтая книга» («The Yellow Book», 1894–1897) и «Савой» («The Savoy», 1895–1896), эстетике *Оскара Уайльда*.

Основой англ. Д. стала теория «искусства для искусства», а эстетизм – одним из основных направлений в его осмыслении.

Общая картина Д. в Англии представлена несколькими fazami развития.

**Преддекадентский этап** – «декаденты вне декаданса» (К.Н. Савельев), творчество *Т. Де Квинси* («Исповедь англичанина, любителя опиума», «Confessions of an English Opium-Eater», 1822) и трактат «*Suspiria de Profundis*», 1845, служащий ее психоделическим комментарием. «Исповедь» поднимает тему декадентского художника, находящего в болезни основания для преодоления себя, переживающего конфликт «жизни» и «творчества». Читающая публика, пресытившись готическими романами, испытывала потребность в новых ощущениях и их осмыслении. Текст Де Квинси предоставил им эту возможность, пугающую не кладбищенскими или замковыми призраками, а внутренними глубинами сознания человека. Главным действующим лицом у писателя становится «вещество» (опиум), под влиянием которого воображаемые картины, извлеченные из мира сновидений и облеченные в слова, становятся специфическим внутрикантовым образованием со своей структурой и образно-символической логикой. Творчество Де Квинси актуализирует проблему наследия романтических традиций в декадентской литературе.

Идеи «искусства для искусства» нашли своих защитников в среде «Прерафаэлитского Братства». Основой прерафаэлитского течения стали журналы «Росток» («The Germ», 1850) и «The Oxford and Cambridge Magazin» (1856). Ярким выразителем его стало творчество Данте Габриэля Россетти: «Небесная подруга» («The Blessed Damozel», 1859); «Дом жизни» («The House of life», 1881). Преддекадентские парадигмы в поэтическом наследии Россетти подчеркивают преемственность антивикторианской традиции в английской литературе. Формируются эстетско-декадентские представления о жизни и искусстве. Присутствие декадентских настроений ощущается прежде всего в стихах поэта, посвященных памяти его жены Элизабет Сиддел. Это предельная обнаженность чувств, мистика, болезненная тяга к смерти, ощущение красоты в самом процессе умирания, эстетизация необычных ощущений.

Связующим звеном между прерафаэлитами и эстетами «конца века» стало творчество Уолтера Пейтера. В отличие от Дж. Рёскина и прерафаэлитов, идеализирующих Средние века,

Пейтеру импонирует античность («Очерки по истории Ренессанса», «Studies in the History of the Renaissance», 1873). У. Пейтера можно считать идеяным вдохновителем английских декадентов. Если Джон Рёскин делает ставку на этику искусства, то Пейтер противопоставляет этическому эстетическое. Он определил задачу критика искусства как нахождение формулы, которая лучше всего выражает то или иное откровение Красоты. Красота, по его мнению, должна не спасать мир или воспитывать людей, а дарить им наслаждение. В заключении к «Ренессансу» Пейтер проповедует гедонистическую теорию жизни. Искусство он считает высшим бытием. В произведении искусства главное – не сумма выраженных им эстетических идей, а формальное совершенство исполнения. Задача художника – доставить чувственную радость, наслаждение. Значительное место в эстетической концепции Пейтера занимает обоснование принципа субъективизма в художественной критике. Прекрасное субъективно. Задача критика состоит в выражении личных впечатлений от произведения искусства.

Художественная деятельность прерафаэлитов и учение Пейтера, воплощающие эстетство и крайний субъективизм, стали благодатной почвой для усиления декадентских тенденций в англ. литературе конца XIX в. Приверженцы англ. Д. активно использовали постулаты Пейтера: «искусство ради искусства», «прекрасное ради прекрасного», модифицируя их в «переживание ради переживания».

**Второй этап** развития Д. приходится на вторую половину 80-х годов XIX в., когда в Англии преобладала мода на все французское и прежде всего на декадентские проявления в искусстве. Канонические тексты, заложившие основы Д. во Франции, популярны в Англии: «Цветы зла» Бодлера; поэзия Т. Готье, его роман «Мадемузель де Мопен»; роман «Саламбо» и повесть «Изисжение святого Антония» Г. Флобера.

Важная роль в пропаганде новой французской поэзии в Англии в последней трети XIX в. принадлежала Джорджу Муру (автору первых критических статей о Верлене, Рембо, Лафоре) и А.С. Суинберну («Поэмы и баллады», «Poems and Ballads», 1866). Суинберна критики называют «английским Бодлером». Он заработал себе репутацию поэта-декадента эксцентричностью манеры поведения, экстравагантностью поэтической речи, сексуальной

откровенностью, что решительно выходило за рамки традиционного викторианского понимания.

Идеал истинного героя-декадента английские эстеты находили в романе французского писателя Гюисмана «Наоборот» («*A Rebours*», 1884).

**Третий этап** Д. в Англии начался с журнальной публикации романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» («*The Picture of Dorian Grey*». – Липпинсорт, июль 1890 г.). О. Уайльд в силу своих привычек, позиции денди, эстета, противопоставившего себя всем прочим мыслителям и художникам, занимал обособленное место среди английских декадентов. Первыми проявлениями декадентских тенденций в творчестве Уайльда, сформировавшихся на почве эстетического движения второй половины XIX в., стали «Дом куртизанки» («*The Harlot's House*», 1885) и «Сфинкс» («*The Sphinx*», 1893).

Основные положения эстетической программы Уайльд впервые сформулировал в лекциях «Возрождение английского искусства» (1882), вошедших позднее в трактат «Замыслы» («*The Intentions*», 1891) – книгу, которая по-новому определила задачи художника, его место в мире, была воспринята эстетами 90-х годов как манифест. Предисловие к роману «Портрет Дориана Грея» выполнило для теории «чистого искусства» ту же миссию, что и предисловие Гюго к пьесе «Кромвель» для романтического движения.

Своеобразным центром антивикторианского искусства в Англии стал издательский дом «The Bodley Head» и сообщество писателей «Клуб рифмачей» (The Phymer's Club). Клуб был основан в 1891 г. и положил начало истории развития Д. 90-х годов, став активным поборником теории «искусства для искусства». Писатели клуба: Э. Даусон, Р. Ле Гальенн, А. Саймонс, Л. Джонсон – опубликовали две антологии поэзии: «I Book of Phymer's Club» и «II Book of Phymer's Club» (1892), в которых они стремились «уйти от поэтических норм и предрассудков великих викторианцев». В поисках новых ощущений, эмоций, «новой эстетики» они ориентировались на французских символистов Ш. Бодлера, П. Верлена, А. Рембо, С. Малларме, покорившись причудливостью их поэтического стиля. Стихи поэтов-рифмачей проникнуты декадентским духом в поисках души, которая не может найти себя в окружающем ее греховном мире. Стихотворение Э. Даусона

«Синара» (Non Sum Qualis Eram Bonaе Sub Regno Cynarae) стало символом этой атмосферы и выражением общего отчаяния поэтов и художников «конца века».

Теоретическое обоснование литература «конца века» впервые получила в работе Артура Саймонса «Декадентское движение в литературе» («The Decadent Movement in Literature», 1893). Саймонс дал определение терминам, которые использовались для характеристики литературы конца XIX в. Д. он характеризует как «новую, интересную и прекрасную болезнь времени», а двумя ее главными ответвлениями называет символизм и импрессионизм. В художественном творчестве Саймонса декадентские мотивы звучат в его поэтическом сборнике «Silhouettes».

Идеи Д. наиболее полно отражены в деятельности двух художественных журналов этого периода – «Желтая книга» («The Yellow Book», 1894–1897) и «Савой» («The Savoy», 1895–1896). «Желтая книга» была новаторским изданием, действительно представлявшим собой книгу, объединившую писателей, художников и критиков декадентской формации. В первом номере были опубликованы эссе Макса Биербома «В защиту косметики», стихотворение А. Саймонса «Stella Maris», проникнутые духом эскапизма.

Основными темами рассказов «Желтой книги» становятся вопросы секса, проблемы искусства, существования богемы и деклассированных элементов: Р. Ле Гальенн («The Woman's Half Profits»), А. Саймонс («Esther Kahn»), Эр. Даусон («The Dying of Francis Donne»). Прежде «запретные темы»: соблазн, продажность, алкоголизм – стали привычными в «Желтой книге». Это было первое поколение английских писателей, осмелившееся нарушить табу молчания, которого придерживались писатели-викторианцы.

Традицию, начатую «Желтой книгой», продолжил журнал «Савой», редактором которого был Артур Саймонс, автор труда «Декадентское движение в литературе» («The Decadent Movement in Literature», 1983), где он развивал идею переходного характера новой поэзии. Отдел искусств, по приглашению Саймонса, возглавлял Обри Бердслей, ставший, по сути, художественным руководителем «Савоя». Ранее Бердслей публиковал свои эссе, стихи и афоризмы в «Желтой книге», а его рисунки, где «присутствие греха всегда сознательно», сделали журнал «The Yellow Book»

главным скандалом десятилетия. В «Савое» он опубликовал свою повесть «У холма» («Under the Hill», Savoy № 1, 2, 1896), ставшую культовым произведением Д.

Деятельность этих журнальных изданий говорит о том, что декадентское мировосприятие проникло в различные области культурной жизни Англии.

В 1894 г. была переведена пьеса О. Уайльда «Саломея» («Salomè»), написанная первоначально на французском языке. Иллюстрируя «Саломею», О. Бердслей воссоздал дух «желтых девяностых», смог передать смутные предчувствия новой красоты, прелесть «цветов зла», пробивающихся сквозь толщу викторианства.

**Последний этап** английского Д. – вторая половина 90-х годов XIX в., спад декадентского движения, массированная атака на него. Вся литературная часть последнего номера «Савоя» (декабрь, 1896) полностью представлена произведениями А. Саймонса. Рисунки и иллюстрации по-прежнему были выполнены О. Бердслеем. Поэтический сборник «Лондонские вечера» («London Nights», 1898) и работа «Символическое движение в литературе» («The Symbolic Movement in Literature», 1899) Саймонса – последние произведения декадентской направленности. Эпилогом всему движению «fin de siècle» звучит статья А. Саймонса «By way of Epilogue».

Дальнейшее развитие декадентские тенденции получили в художественной культуре 20-х годов XX в., в сложный период формирования новых нереалистических течений, когда на смену символизму пришли дадализм и сюрреализм, а импрессионизм уступил место футуризму.

К началу XX в. Д. в Англии перестает существовать как самостоятельное явление и растворяется в искусстве модернизма.

## ПУБЛИКАЦИИ

**Б.Ф. Егоров**

### **МОЙ СПОР С Ю.М. ЛОТМАНОМ О ПУШКИНЕ И УЧАСТИЕ Г.М. ФРИДЛЕНДЕРА**

Моя статья «О Ю.М. Лотмане-пушкинисте» имеет не-простую историю. Когда завершилась серия книг ученого о Пушкине (начиналась она с изданного в Тарту спецкурса об «Евгении Онегине» 1975 г. и потом в 1980–1983 гг. закончилась ленинградскими, в «Просвещении», «Биографией писателя» и Комментарием к «Евгению Онегину», обе книги вышли двумя изданиями), мне захотелось отметить это событие серьезной рецензией, тем более что впереди, в 1987 г., предвиделся юбилей (65 лет) автора. К середине 1986 г. я статью закончил и прежде всего послал Юрию Михайловичу для оценки. Он ответил в октябре 1986 г. интереснейшим письмом, одобряющим рецензию, несмотря на наш существенный спор.

Я послал свой текст с приложением лотмановского письма в журнал «Русская литература», где, как обычно, послали его на отзыв – в данном случае Г.М. Фридлендеру. В целом он одобрил мой текст, но сделал так много, как он считал, необходимых исправлений и дополнений, что предложил соавторство. Я уважал талант и эрудицию Георгия Михайловича, но все же без колебаний отказался и забрал рецензию. В его дополнениях не было какой-то корректировки структурно-семиотического фона Лотмана (тем более что рецензируемые пушкинские книги не давали пищи для антиструктуралистских размышлений), однако содержание вставок все равно было довольно далеко от моего метода и стиля, а иногда поправки казались мне просто синонимическими вариантами. Г.М. Фридлендеру хотелось подчеркнуть учебный характер

книг, я же был уверен, что Лотман ориентировался на широкие массы читателей. Мне очень не хотелось такого соавторства.

Время шло, в 1993 г. скончался Ю.М. Лотман. Н.Н. Скатов, тогда директор Пушкинского Дома и руководитель «Русской литературы», решил как-то отметить в журнале уход выдающегося литературоведа и обратился ко мне: не могу ли я дать в «Русскую литературу» что-нибудь лотмановское. Я сразу вспомнил про свою рецензию, предложил ее, редколлегия приняла, и вот она появилась в журнале под общим заглавием «О Ю.М. Лотмане-пушкинисте» и в трех разделах: кратком предисловии, основном тексте «Книги Ю.М. Лотмана о Пушкине» и письме Ю.М. Лотмана ко мне от октября 1986 г. («Русская литература», 1994, № 1. С. 227–235).

Из деликатности я не стал раскрывать историю рецензии, ограничившись туманной фразой. Кажется, Г.М. Фридлендер не возразил в 1994 г. против публикации рецензии в первозданном, без его поправок, виде.

Ниже представлена статья-публикация со включением в нее основной части поправок и добавок Г.М. Фридлендера (обильные мелкие исправления не приводятся). Мой текст дается обычным шрифтом (курсив лишь в сносках), современные мои пояснения – жирным шрифтом, текст Георгия Михайловича – курсивом, а зачеркнутое им заключено в квадратные скобки.

## ПАМЯТИ Ю.М. ЛОТМАНА

**Б.Ф. Егоров**

**О М.Ю. Лотмане-пушкинисте**

Время бежит быстро. Совсем недавно, летом 1986 г., я хотел к 65-летию Ю.М. Лотмана опубликовать статью-рецензию на две известные его книги о Пушкине, а уже прошло с тех пор почти десятилетие и уже ушел из жизни автор книг. Статью я готовил для «Русской литературы», но по некоторым причинам она не была тогда напечатана. Считаю нeliшним ознакомить с ней читателя и сейчас, тем более что она послужила поводом к замечательному письму Ю.М. Лотмана: я, как только написал рецензию,

тотчас послал ему ее на «апробацию», и он вскоре ответил этим письмом, где подробно разъяснил свое понимание так называемого «жизнестроительства» Пушкина.

Откровенно скажу, ответ не поколебал моего мнения, но это и не столь важно, письмо ценно подробной трактовкой благоговейного отношения Ю.М. Лотмана к пушкинскому противостоянию неблагоприятным обстоятельствам, к мужественной борьбе с ними. Наверное, здесь таится объяснение той постоянной, почти со студенческих лет, тяги ученого к жизни и творчеству Пушкина. Ю.М. Лотман опубликовал около десяти фундаментальных работ о Пушкине, не считая многих более мелких статей и заметок: он изучал поэзию, прозу, драматургию, публистику, письма Пушкина, реконструировал незавершенные замыслы поэта, прослеживал его связи с западноевропейской культурой и с русским православием, вживался в биографию любимого писателя.

Смею предположить, что такое многолетнее повышенное внимание к Пушкину, не сравнимое ни с какими другими объектами научных работ, коренится в глубоко личном отношении исследователя к писателю, в глубоко личной привязанности. Дело не только в преклонении перед гением Пушкина как художника и человека, но и в собственном жизнестроительстве: Ю.М. Лотман всегда в своем пути по жизни и науке, при постоянных нравственных коллизиях, вызванных сложностями нашего общества, при постоянной проблеме выбора оглядывался на Пушкина, делая его ориентиром и идеалом. А тут возникла и некая обратная связь: свое сугоревое жизнестроительство Ю.М. Лотман невольно отражал на понимании, на истолковании Пушкина, несколько преувеличивая интенцию, сознательную направленность разнообразных усилий Пушкина на его пути.

В гуманитарных науках невозможно создать чисто объективные тексты: личность ученого в большей или меньшей мере всегда отразится на интерпретации объекта. В этом заключается не только недостаток, но и глубинная прелест гуманитарных трудов: конечно, если ученый сам крупная и оригинальная личность.

Прилагаю мою статью-рецензию и ответ Ю.М. Лотмана. Думаю, он не возражал бы против такой публикации, хотя в письме и подчеркивал, что пишет только для меня.

## КНИГИ Ю.М. ЛОТМАНА О ПУШКИНЕ\*

**(Вместо двух первых абзацев)** Учащиеся и учителя советской средней школы остро нуждаются в пособиях, которые были бы написаны на уровне требований современной науки. Без создания таких пособий невозможна подлинная, глубокая перестройка сложившейся практики преподавания литературы в школе, соответствующая духу совершающихся в нашей стране величественных революционных преобразований. Вот почему нельзя не приветствовать каждого случая, когда крупный ученый находит время и способности для того, чтобы обратиться к созданию книг о русской классике, адресованных непосредственно к учащимся и учителям средней школы и являющимся в то же время образцом строгого, точного и в то же время выразительного научного изложения. К таким книгам нельзя не отнести успевших уже завоевать широкую популярность и по достоинству высоко оцененных нашей научной общественностью двух работ Ю.М. Лотмана: «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя» и комментарий к роману Пушкина «Евгений Онегин». Написанные крупным, самобытно мыслящим ученым, книги эти созданы на основе длительных углубленных занятий автора биографией и творчеством поэта, отраженных в его многочисленных ценных пушкиноведческих исследований, и имеют ярко выраженный концептуальный характер. Поэтому, предназначенные прежде всего школе, они содержат немало новых, ценных и оригинальных мыслей и наблюдений, обогащающих наше пушкиноведение в целом.

[Наверное, данная рецензия является самой запоздалой из всех появившихся (рецензенту известны 16 печатных отзывов на первую книгу и шесть – на вторую), но так как материалы книг постоянно включаются в современную литературоведческую жизнь, до сих пор в журналы поступают письменные отклики читателей, книги переводятся на другие языки (биография Пушкина выходит на эстонском, польском, немецком, чешском языках; в чешское издание включены также первая часть «Комментария» и еще брошюра об «Евгении Онегине», выпущенная Ю.М. Лотманом ранее)<sup>1</sup>, отзыв на труды известного пушкиниста не будет несвоевременным, к тому же в нем можно, хотя бы частично, подвести итоги длительному обсуждению книг в печати.

Успех книг поистине небывалый: биография Пушкина в двух изданиях вышла миллионным (!) тиражом (600 тыс. + 400 тыс. экз.), а комментарий к «Евгению Онегину» – более чем полумиллионным (150 тыс. + 400 тыс. экз.). Но хотел бы я встретить человека, который видел эти книги спокойно лежащими на прилавках магазинов: они немедленно раскупались при появлении. Это лишний пример к опровержению появляющихся иногда унылоскептических вздохов: «Литературоведов теперь не читают!» (аналогично репликам: «Поэзия ныне не пользуется успехом» и т.п.). Хорошие книги всегда читают. Попробуйте достать в магазине книги Д.С. Лихачёва или А.Ф. Лосева! То же можно сказать и о работах Ю.М. Лотмана: они раскупаются «на корню». Здесь магнит имени широко известного литературоведа, притягивающий к себе внимание читателей, скрестился с растущим ежегодно интересом к истории культуры. А когда человечество в текущем десятилетии впервые ощутило на краю разверзающейся пропасти, что за ней, в случае военной катастрофы, последует лишь вечная черная ночь, оно еще более напряженно и с еще большей надеждой обернулось назад, не только разбираясь в причинно-следственной путанице исторических дорог, приведших к нашим дням, но и ища в прошлом общественно-нравственные опоры, ища примеры, помогающие выстоять в неимоверно трудном пути к тому живому, солнечному будущему, которого так всем хочется. Пушкин – одно из самых светлых, благородных явлений, внушающих доверие к жизни и к ее поступательному ходу, поэтому интерес и к его творчеству, и к его житейской биографии растет и углубляется. Рецензируемые книги Ю.М. Лотмана лишь частично утоляют читательский голод.]

В первой книге – *биографии Пушкина* – [автор] на весьма тесной, предоставленной ему издательством «Просвещение» площади (12 печатных листов, около 250 страниц небольшого формата) [смог показать очень много]. В книгу введено (без злоупотребления, без перебора) немалое количество фактов из жизни гения и из жизни его эпохи, попутно же, по ходу повествования даются краткие] автор умело воспользовался ею для того, чтобы до предела насытить книгу фактическим материалом и в то же время подчинить развертывание своего повествования острой и углубленной исследовательской мысли. На первых ее страницах даются

*краткие, но всегда четкие и содержательные характеристики лиц[ам] из окружения Пушкина (родители, организаторы Лицея, старшие товарищи: Н.И. Тургенев, П.Я. Чаадаев и т.д. [– десятки имен!]), Искусно и тонко описываются города и здания, литературные и житейские моды, характерные для эпохи хозяйственные операции и психологические извины. [...] Все это было бы интересно и само по себе, ибо свидетельствует о великолепной эрудиции автора, – одновременно крупного историка и филолога, – знающего значительно больше, чем он это излагает на бумаге (а это всегда заметно!). Но одной эрудицией в наш век трудно удивить. Главная ценность лотмановской биографии Пушкина (как [, впрочем,] и [более специфического] комментария к «Евгению Онегину») – осмысление фактов, приведение их в целостную систему.*

[Прежде всего,] *Обе книг[а]и пронизан[а]ы историзмом. (...)* Любопытно, что Введение к [книге] «Биографии писателя» посвящено не изложению метода, [с] которым исследователь [приступает к] руководствовался в работе (замечания методологического свойства растворены [по] в разны[м]х глава[м]х), не спору с предшественникам и даже не рассказу о предках Пушкина [, а]. *Оно содержит более важный для учителя и для всякого, кто хочет глубоко войти в мир поэта (,) материал – исторический очерк[у] России и Европы первой четверти XIX века, сжат[ому]ый [изложению] рассказ об основных чертах общественной жизни эпохи, особенно же – об Отечественной войн[ы]е 1812 года и декабризм[а]е. Историзмом пропитан и весь текст книги: он чувствуется в описаниях лиц, событий, в характеристике романтического метода, реалистических новшеств... А историч[н]еское понимание художественного метода и литературной позиции писателя дает возможность объяснить особенности пушкинского поведения, как и особенности [некоторых загадочных] тех сфер из его жизни и творчества, которые до сих пор вызывают часто горячие споры как неразгаданные до конца. [Например,] Так, Ю.М. Лотман [весьма] остроумно разрешает старый спор литературоведов о предмете «тайной» и «неразделенной» любви поэта, упоминаемом в стихах и письмах периода южной ссылки: в книге [убедительно доказана] высказана гипотеза, что здесь присутствует немалый элемент жизнен[ая]ой и литературн[ая]ой*

мистификации[я]и, [проводившаяся Пушкиным согласно] условно-  
сти, соответствующей романтическим канонам...

Но когда в Историю включается выдающаяся личность, то далеко не всегда между ними возникает гармония; вспомним поразительную строку Пушкина: «Что в мой жестокий век восславил я свободу». Одна из прекрасно разработанных в книге тем – Дом в жизни и творчестве Пушкина (отсутствие настоящего чувства дома в раннем детстве, замена его в лицейском братстве, мощные усилия зрелого человека создать свой собственный Дом и т.д.). Так как собственный Дом Пушкин организовал уже в реалистическую пору своей жизни, то, как хорошо показано в книге, он сознательно допускал его связь с Историей: «Это святилище человеческого достоинства и звено в цепи исторической жизни. Это крепость и опора в борьбе с булгариными, это то, что недоступно (как думает Пушкин) ни царю, ни Бенкендорфу, – место, где человек встречается с любовью, трудом и историей» (с. 177). Однако «жестокий век» не остановился на той роли, которую ему в своих идеалах уготовил Пушкин, он нагло вломился в Дом, разрушил его и взял жизнь Поэта, пытавшегося в одиночку защитить свой Дом (несколько лет назад, защищая – тоже в одиночку – личное и государственное достоинство, героически погиб в схватке с фанатической толпой Грибоедов).

Здесь сознание рецензента невольно переключается на вторую главенствующую, системную идею Ю.М. Лотмана, проведенную сквозь всю книгу: мысль о сознательном «жизнестроительстве» Пушкина. Эта тема уже была предметом обсуждений на конференциях и диспутах, она присутствует в письмах-откликах читателей книги, посыпаемых в издательство и в литературоведческие журналы; не остались в стороне и рецензенты-профессионалы. Вообще, книга Ю.М. Лотмана, наряду с единогласно уважительными и даже восторженными отзывами в целом, вызвала много споров, много замечаний. Рецензенты уточняли, дополняли конкретные положения автора, иногда обнаруживали ошибки<sup>2</sup> но, пожалуй, больше всего полемики было вокруг «жизнестроительства» Пушкина. Автор задался целью доказать, что поэт в течение всей своей жизни сознательно творил свою биографию, свой характер, свое поведение: «Жить в постоянном напряжении страстей было для Пушкина не уступкой темпераменту, а сознательной и

программной жизненной установкой» (с. 43); Пушкин создал «не только совершенно неповторимое искусство слова, но и совершенно неповторимое искусство жизни» (с. 55); «Пушкин всегда строил свою личную жизнь...» (с. 117).

Эта совсем не тривиальная идея Ю.М. Лотмана нашла сочувственный отклик у ряда рецензентов<sup>3</sup> в то время как другие более или менее решительно ее оспорили<sup>4</sup> некоторые рецензенты, принимая идею автора в целом, тем не менее отмечают в качестве недостатка «искусственное приписывание Пушкину четко определенных, конкретных мыслей и мотивов поведения»<sup>5</sup> или склонность «недооценивать тот, чисто индивидуальный, стихийный, если угодно, случайный момент, который органически присущ самой жизни»<sup>6</sup> Сразу же оговорюсь, что я согласен с решительными противниками идеи. Если бы Ю.М. Лотман ограничился романтическим периодом жизни и творчества Пушкина, то тогда бы не было споров: смена различных масок поведения, романтизация жизни, наивно-жестокие нравственные «уроки», которые преподносит Пушкин в письме к брату Льву в 1822 г. (см.: с. 87–88), – все это вполне укладывается в «сознательное» творчество, хотя и здесь, конечно, возможны выпадения, поэтому согласимся с Я. Гординым: «Маловероятно, чтобы Пушкин избрал романтическую позицию для всех аспектов своего существования»<sup>7</sup>.

Что же касается других периодов, да и вообще сути пушкинского характера и поведения, то здесь Ю.М. Лотман чрезмерно категоричен. Правда, он, видимо чувствуя эту категоричность, делает соответствующие оговорки: «Неправильно представлять себе “строительство личности” как сухо рациональный процесс: как и в искусстве, здесь задуманный план соседствует с интуитивными находками и мгновенными озарениями, подсказывающими решение. Вместе это образует ту смесь сознательного и бессознательного, которая характерна для всякого творчества» (с. 86). Но все же автор не отвергает и здесь «задуманного плана», «строительства», «творчества» жизни. Между тем биография каждого человека, в том числе и гения, складывается из такой тьмы случайностей, что они далеко не всегда оставляют место для «творчества» жизни, тут очень часто вступает в силу социально-природная натура личности как решающий регулятор поведения, вне сознательного или бессознательного замысла. Тем более не стоило бы отвергать пуш-

кинский темперамент и отдавать его различные страсти и стихийность в услужение жизненной программе.

Особенно трудно согласиться с концепцией «жизнестроительства» в описании последних месяцев жизни Пушкина; недаром большинство рецензентов, за редким исключением<sup>8</sup>, здесь единодушны в сомнениях или отрицаниях. Прежде всего вызывает возражение итоговая оценка. После прекрасных страниц, где показаны вторжение Истории в Дом Поэта, трагическая борьба его и смерть, вдруг утверждается, что в этих страшных днях «нельзя не обнаружить обдуманную стратегию пушкинского поведения и твердую волю в исполнении задуманного»; более того, подчеркивается, что «Пушкин умирал не побежденным, а победителем» (с. 245). Совершенно невозможно воспринимать трагическую судьбу затравленного человека, Дом которого разрушили, запятнали грязью, от которого отвернулись даже близкие друзья, как «обдуманную стратегию» и как победу. История всегда сильнее отдельного человека, тем более история периода «железного века». В этих условиях (словно в бандитском мире) более уживчивыми, т.е. выживающими, оказываются люди, полностью устраивающиеся от общества или, по крайней мере, не обрастающие бытом, семьей, тем более – Домом. Пушкин «наперекор стихиям» решил нарушить это правило и сделал себя крайне уязвимым, ибо Дом больше всего делает человека беспомощным перед Историей. Это страшная трагедия, и лишь исторический катализис, в котором участвуют и гениальная личность поэта, и его гениальные творения, и замечательные труды о нем, очищает и возвышает наши души и дает возможность согласиться с гением ХХ в., что, несмотря на трагедию, Пушкин – «веселое имя».

Книга Ю.М. Лотмана обращена к учащимся, к молодежи. И создавая в ней образ Пушкина-«жизнестроителя», автор, можно полагать, в известной мере руководствовался педагогическим пафосом книги. На примере Пушкина Ю.М. Лотман стремился – не без основания – показать, какое значение для всякого – и особенно молодого – человека имеет задача «жизнестроительства», задача формирования своей нравственной личности, развития в себе как высоких гражданско-патриотических, так и высоких этических начал, способности свободно отдаватьсь всем веяньям жизни и в то же время сохранять свою внутрен-

*нюю чистоту и свободу, стойко противостоять злу, пошлости, общественной рутине и социальной несправедливости в любых их проявлениях. Но эта руководящая воспитательная идея книги, одухотворяющая ее и придающая ей внутреннюю цельность, проведена автором порою, думается, с некоторой излишней рационалистической заданностью и прямолинейностью, вступающими в противоречие с собственными же его намерениями.*

Обидно: книга Лотмана отнюдь не облегчает Историю, она даже, может быть, до предела насыщена изображением трудностей, драм, контрастов (не могу удержаться, чтобы не процитировать один из многочисленных вставных сюжетов: К. Собаньская, «из образованной и знатной семьи, получившая блестящее воспитание, воспитая Мицкевичем, безумно в нее влюбленным, и Пушкиным... состояла любовницей и политическим агентом начальника Южных военных поселений генерала О.И. Витта. Витт, личность, грязная во всех отношениях, лелеял далеко идущие честолюбивые замыслы. Зная о существовании тайного общества... он взвешивал, кого будет выгоднее продать: декабристов правительству или, в случае их победы (что он не исключал), правительство декабристам. Он по собственной инициативе шпионил за А.Н. и Н.Н. Раевскими, М. Орловым, В.Л. Давыдовым и в решительную минуту всех их продал» – с. 103–104), но все противоречия и драмы как бы вынесены за пределы пушкинской души, особенно касательно периода 1830-х годов. Как справедливо заметил Н. Эйдельман, «проблемы внутренней трагедии нет совсем»<sup>9</sup>. Между тем драма ведь не только в жизненных конфликтах Пушкина, но и в трудностях его творческого пути. Поэт в конце жизни находился в сложных поисках новых идей и форм, о чем говорят и стихотворения 1836 г., и во многом загадочная повесть «Дубровский», и черновики задуманных произведений. Ю.М. Лотман оструумно заметил по поводу 1830 г.: «Пушкин ушел настолько далеко вперед от своего времени, что современникам стало казаться, что он от них отстал» (с. 172). Еще с большим основанием это можно было бы применить к последующим годам: современники не понимали «нового» Пушкина! Да что современники: великий Белинский десятилетие спустя все еще прохладно относился к позднему Пушкину, и нужно было новаторство Ап. Григорьева,

чтобы в 1850-х годах по достоинству оценить «Капитанскую дочку».

И что еще противостоит в книге концепции «жизнестроительства» – это прекрасно прослеженная, на многих страницах охарактеризованная тяга Пушкина к риску, к мужественным ситуациям («Есть упоение в бою...»): «...в личном поведении Пушкин “исправлял” теорию жизнью, испытывал неудержимую потребность игры с судьбой, вторжения в сферу закономерного, дерзости. Философия “примирения с действительностью”, казалось, должна в личном поведении порождать самоотречение перед лицом объективных законов, смирение и покорность. У Пушкина же она приводила к противоположному – конвульсивным взрывам мятежного непокорства. Пушкин был смелым человеком» (с. 151). Воистину так!

Значительная часть рецензии ушла на спор по поводу «жизнестроительства», поэтому, к сожалению, почти не остается места для описания выдающихся достоинств книги. Правда, об очень многих уже сказали предшествующие рецензенты. Отметим еще удивительную деликатность автора при анализе темы, труднейшей при учете главного адресата книги (учащиеся средней школы): женщины в жизни Пушкина. Особенно удались Ю.М. Лотману страницы, посвященные А.П. Керн (с. 129–131) и Н.Н. Гончаровой-Пушкиной (с. 192, 197–203).

В книге содержится буквально россыпь метких характеристик и наблюдений, тоже в значительной мере отмеченных рецензентами. Подчеркнем еще проведенную сквозь книгу мысль о трех периодах в выборе Пушкиным друзей: от Лицея до Одессы включительно господствуют старшие по возрасту, в Михайловском усиливается тяга к сверстникам, в 30-е годы появляются младшие товарищи (см.: с. 25–26). И еще интереснейшая особенность книги, указанная сразу двумя рецензентами – А. Арьевым («Самостоянья человека»...) и Ю.Н. Чумаковым (указ. соч., с. 61–62): построение книги напомнило им структуру «Евгения Онегина» (девять глав с определенной динамикой развития; Ю.Н. Чумаков отметил еще и ряд внутренних схождений, например принципы соотношения автора и героя).

Эти ценные наблюдения ведут еще и к утверждению своего рода художественности книги Ю.М. Лотмана: персонажи и очерки

событий образны, живы, язык автора чист, прозрачен, афористичен; книга просто насыщена афоризмами: «Пушкин в их кругу выделяется как ищущий среди нашедших» (с. 35); «Поступок отнимает свободу выбора» (с. 131); «История проходит через Дом человека» (с. 177); «...ему нравилось течь, как большая река, одновременно многими рукавами... Его на все хватало, и всего ему еще не хватало» (с. 199).

*Обращенная к учащемуся книга должна не только сообщать им (так!) необходимые знания, но и служить для них орудием нравственного воспитания, внутреннего подъема. Это всецело относится к биографии великого русского поэта, написанной Ю.М. Лотманом. Его книга вызывает у читателя любовь к Пушкину, законную гордость величием Пушкина – человека, поэта и гражданина. Она поможет учащемуся проникнуть во внутренний мир поэта, ощутить всю глубину его мысли и величие его творческого труда. «Самые тяжелые периоды его жизни светлы», – верно замечает Ю.М. Лотман, говоря о том, что испытанные им гонения не могли духовно сломить ни Пушкина, ни его друзей декабристов (Биография, с. 200). «Пафос культуры во всем богатстве ее исторического существования и пафос духовной значительности отдельного человека» объединяет разнообразные замыслы Пушкина (Биография, с. 227). По Пушкину, «не титулы, ордена, (пропущено “или царская”) милость, а “самостоянье человека” превращают его в историческую личность. Чувство собственного достоинства, душевное богатство, связь с исторической жизнью народа делает его Человеком, достойным войти в Историю» (Биография, с. 177).*

Перейдем, однако, ко второй книге, к комментариям к «Евгению Онегину». Здесь в самом начале труда, в заметке «От составителя», четко и сжато объяснены структура книги и принципы создания комментария. Рецензенту хотелось бы подчеркнуть чрезвычайную необходимость подобных пособий. Каждое поколение человечества живет в мире определенных временных, национальных, социальных, региональных культур, воспринимая и создавая духовные ценности, правила поведения, предметы быта, и далеко не все из них прочно закрепляются на века, тем более что меняющийся культурный контекст может совершенно по-иному их трактовать и использовать, не говоря уже о том, что люди определен-

ной эпохи склонны свою духовную и материальную культуру придавать минувшим поколениям. Отсюда так много анахронизмов в художественных произведениях о прошлом, даже о недавнем прошлом. [Я получил письмо от товарища детства, которому подростком пришлось работать на железной дороге во время фашистской оккупации Курской области в 1942 г.: он в хорошем фильме А. Германа «Проверка на дорогах» обнаружил свыше десятка грубых ошибок при изображении поезда периода оккупации. А ведь Герман явно стремился к исторической правде даже в деталях].

С другой стороны, приевшаяся, безвариантная, стандартная обыденность целого ряда предметов духовной и материальной культуры, как правило, не закрепляется современниками в их творческих текстах и может поэтому навсегда исчезнуть из исторической памяти. Историки Древней Руси, например, нигде не смогли обнаружить, ели ли наши предки соленые огурцы.

На этом фоне кажется, что реалистическое произведение по самой сути своей полно реалий духовного и материального свойства. Да, полно, но, во-первых, многие реалии оказываются забытыми или неверно понимаемыми в новом историческом контексте, а во-вторых, писатель-реалист необычайно много реалий выносит «за скобки», надеясь на прекрасную ориентировку современного ему читателя, или ограничивается намеками, опять же понятными лишь некоторым современникам. Следующие же поколения оказываются в трудном положении. Именно реалистическое произведение при переносе в другую историческую или национальную среду больше всего теряет. Так, например, отсутствие в западноевропейских культурах (и, соответственно, в административно-государственной структуре) понятия «чина» в том специфическом значении, которое оно получило в России после Петра I и особенно в Николаевскую эпоху, чрезвычайно затрудняет иностранному читателю понимание природы гоголевской фантастики. Или другой пример: читатель, никогда не бывший в Крыму или в Молдавии, адекватно воспримет «Бахчисарайский фонтан» или «Цыган», но тот, кто никогда не был в Ленинграде (Санкт-Петербурге), не поймет ни «Медного всадника», ни «Белых ночей» Достоевского, ни «Преступления и наказания».

Поэтому именно реалистические произведения требуют особыго комментария – не только словарного, но и объясняющего

черты той жизни, которая лежит за текстом. Такой комментарий не может быть прикреплен к какой-либо строчке, а предполагает создание целостных очерков. До сих пор был известен лишь один опыт в этом роде: в 1934 г. издательство «Academia» выпустило отдельным третьим томом замечательный комментарий Г. Шпета к «Посмертным запискам Пиквикского клуба». Однако в дальнейшем опыт этот был предан забвению, и построчный комментарий сделался, по сути, единственным содержанием изданий этого типа. Так, в частности, построена книга Н.Л. Бродского «“Евгений Онегин”». Роман А.С. Пушкина. Пособие для учителей средней школы, в свое время сыгравшая положительную роль и выдержанная пять изданий (1932–1964), но в настоящее время устаревшая по многим показателям.

Решение Ю.М. Лотмана предварить построчный и словарный комментарий общими картинами жизни онегинской поры опирается, таким образом, на добротный исторический прецедент, хотя между двумя книгами, с точки зрения их построения, имеются глубокие различия, вызванные как несходством «Евгения Онегина» и «Пиквикского клуба», так и разницей установок комментаторов. Комментарий Г. Шпета в основном историко-бытовой, комментарий Ю.М. Лотмана, хотя и содержит сведения о быте эпохи, главной целью имеет создание широкой историко-культурной перспективы.

Около 100 страниц книги Ю.М. Лотмана занимает «Очерк дворянского быта онегинской поры». В этом разделе на обширном и, как правило, свежем, прежде не привлекавшемся для этой цели материале, освещены вопросы дворянского хозяйства, образования, службы, воспитания девушек, интерьера и плана помещичьего дома, быта в столице и провинции, развлечений, почтового быта и т.д. Однако весь этот материал тесно связан с духовным миром, нравственными, идеяными представлениями. Так, например, в книге подробно рассматриваются нормы и правила русской дуэли. Автор убедительно показывает, что без понимания ряда специфических и довольно тонких аспектов этого вопроса весь эпизод с дуэлью остается непонятным или, что еще хуже, понимаемым превратно. Однако изложение правил дуэли включается автором в более общие рассуждения о нормах поведения человека онегинской среды, о сложности понятия чести. Без знания всего

этого читатель не поймет хода и смысла дуэли (современный читатель часто склонен рассматривать дуэль как простое убийство, в чем он неожиданно сближается с правительственной точкой зрения от Петра I до Николая Павловича). В равной мере автор знакомит нас с бытовым обликом бала и одновременно раскрывает сущность бала как особого культурного ритуала, организовывавшего жизнь той эпохи. Цель этого раздела – ввести читателя в мир пушкинских героев, раскрыть этот мир «изнутри».

Второй из двух основных разделов книги – построчный комментарий – занимает около 300 страниц. Как отмечает Ю.М. Лотман (с. 8), сама природа реалистического текста вводит в повествование большое число реалий, что показывает значительность их роли, а следовательно, невозможность без их понимания осмыслить текст. Поэтому реальный комментарий представлен здесь в значительно большем объеме, чем это делалось до сих пор. С другой стороны, «Евгений Онегин» – произведение, отличающееся сложной структурой текста: намеки, реминисценции, явные и скрытые цитаты, все оттенки смысла от лирики и пафоса до иронии и сарказма составляют самую ткань пушкинского романа в стихах. Постоянная «игра» автора с читателем, имитация непринужденной «болтовни» (выражение Пушкина), а на самом деле тончайшая и сложнейшая авторская работа ставит внимательного читателя, не желающего скользить по поверхности текста, перед необходимостью глубоко задуматься над строками романа. Сама легкость и кажущаяся «понятность» пушкинских строк, то, что мы их помним с детства, может оказаться источником заблуждения. Ю.М. Лотман значительно подробнее, чем это делалось до сих пор, вскрывает сложное переплетение ассоциаций и намеков, пронизывающих пушкинский текст, полемических цитат и реминисценций, иронических отсылок, всего того, что включает содержание и форму «Евгения Онегина» в большой контекст мировой культуры.

Книга об «Евгении Онегине» также вызвала немало сочувственных в целом откликов в печати<sup>10</sup>. В то же время некоторые рецензенты (особенно это относится к статье В. Мильчиной и А. Немзера) раскрыли еще ряд неизвестных ранее намеков и скрытых цитат в «Евгении Онегине». Естественно, продолжается исследование текста «Евгения Онегина» и вне прямого рецензирования

ния, но с учетом книги Ю.М. Лотмана. В этом отношении ценные труды В.С. Баевского, который достаточно убедительно оспаривает «год рождения» Онегина, утверждаемый Ю.М. Лотманом (1795)<sup>11</sup>, и точную прикрепленность «Онегинского уезда» к Псковской губернии<sup>12</sup>; интересны также комментарии В.С. Баевского к строфе XXIII первой главы романа<sup>13</sup>. Можно лишь порадоваться этой продолжающейся работе. Она – лишнее доказательство «открытости» содержания и метода [лотмановских] книг Ю.М. Лотмана, которые являются заметным достижением *и нашей учебной литературы, и отечественного пушкиноведения*[,]. [которые, надеемся, еще] Мы уверены, что они будут переработаны, еще не раз с пользой для учащихся и для всех ценителей Пушкина дополнены и переизданы[.]. [но не закроют всех тем и проблем. Наоборот, и биография Пушкина, и жанр комментария к роману в стихах] И вместе с тем, думается, что они окажут хорошее стимулирующее воздействие на литературоведов и культурологов в создании аналогичных по типу новых трудов [не только] о Пушкине[, но и] о других наших классиках[.], соответствующих повышенным требованиям нашей эпохи.

(Получилось: классиках, соответствующих...)  
(На этом заканчивается статья-рецензия).

## ПИСЬМО Ю.М. ЛОТМАНА К Б.Ф. ЕГОРОВУ

(Тарту, октябрь 1986 г.)

Дорогой Борфед!

Спасибо за рецензию. Рецензия интересная, темпераментная и острыя. Очень прошу в ней ничего не менять. Пишу это затем, чтобы Вы не восприняли мои дальнейшие рассуждения как желание откорректировать оценки. Я гораздо большее значение, чем мнению читателей, придаю нашей с Вами договоренности *pro domo sua*. Итак, пишу лично для Вас.

Я не могу с Вами согласиться в оценке «жизнестроительства» (я, кажется, этого слова не употреблял?) Пушкина. И поскольку Вам и мне этот аспект книги кажется важным, необходимо объяс-

ниться. Конечно, плохо, если по поводу книги следует объясняться, – значит, в ней сказано неясно. Этую вину готов взять на себя. Но и Вы, мне кажется, поняли и отвергли не мою мысль, а свое (не полностью адекватное) ее понимание. Прежде всего. Вы отождествляете представление о сознательной жизненной установке с рационалистическим планом, методически претворяемым в жизнь. А речь идет совсем о другом – о сознательно-волевом импульсе, который может быть столь же иррационален, как и любая психологическая установка.

Один из смыслов замысла моей книги в том, чтобы написать биографию не как сумму внешних фактов (что и когда случилось), а как внутреннее психологическое единство, обусловленное единством личности, в том числе ее воли, интеллекта, самосознания. Я хотел показать, что как мифологический царь Мидас к чему ни прикасался, все обращал в золото, Пушкин все, к чему ни касался, превращал в творчество, в искусство (в этом и трагедия – Мидас умер от голода, пища становилась золотом). Пушкин – я убежден и старался это показать как в этой биографии, так и в других работах – видит в жизни черты искусства (ср. у Баратынского):

*И жизни даровать, о лира,  
Твое согласье захотел...*

и тут же: «...поэтического мира огромный очерк я узрел» – представление о поэзии жизни не выдумка, а реальное мироощущение и Пушкина, и Баратынского). А любое художественное создание – борьба замысла и исполнения, логического и внелогического. Не станете же Вы отрицать, что в создании художественного произведения принимает участие замысел – от крайне осознанных формул до спонтанных импульсов? Внешние обстоятельства вторгаются и оказывают «возмущающее» (иногда стимулирующее внутренне подготовленную самим же замыслом эволюцию его) воздействие. Так, Микеланджело, получив от сеньории кусок мрамора, видит, что, вопреки его замыслу, фигуру можно будет сделать лишь сидячей. Жизнь – тот твердый, гранитный материал, который хочет остаться бесформенным куском, сопротивляется ваятелю, грозит убить его, обрушившись на него. А Пушкин – скульптор, торжествующий над материалом и подчиняющий его

себе. Посмотрите сами: ему как бы всю жизнь «везет»: ссылки, преследования, безденежье, запреты... А как приходится говорить студентам? «Пушкин был сослан на юг. Это оказалось исключительно кстати, чтобы спонтанно созревший в нем романтизм получил оформление». Пушкин сослан в Михайловское (он в отчаянии, оборваны все планы и связи, Вяземский совершенно серьезно пишет, что русская деревня зимой – та же крепость и что Пушкин сопьется). А мы говорим (и верно): «Пребывание в Михайловском было счастливым обстоятельством для оформления пушкинского историзма и народности, здесь ему открылся фольклор».

Представьте себя на его месте в Болдинскую осень: перед свадьбой он попал в мышеловку карантинов, не знает, жива ли невеста, так как в Москве эпидемия, не знает, будет ли свадьба вообще (денег нет, и ссоры с будущей тещей), сам на переднем краю холеры. А все как будто ему опять повезло.

Стремление не поддаваться обстоятельствам было одним из постоянных пушкинских импульсов. Вот он лежит с разорванными кишками и раздробленным тазом. Боль, видимо, невероятная, но на слова Даля: «Не стыдись боли своей, стоная, тебе будет легче» – отвечает поразительно: «Смешно же, чтобы этот вздор меня пересилил, не хочу...» И это, когда он почти не может говорить от боли. Аренд говорил, что он был в тридцати сражениях и никогда не видел ничего подобного.

Вы поняли дело так, словно борьба и торжество в борьбе с обстоятельствами снимает трагичность, и пишете, что биография Пушкина трагична. Кто же с этим (с трагичностью биографии) спорит? Но бывают трагедии силы и трагедии слабости.

Щеголев со товарищи много вреда наделали: следя в русле либеральных штампов начала века, они создали миф «поэт и царь» и представили Пушкина замученным интеллигентом. Эти идеи прочно въелись, и все (кроме Абрамович с ее прекрасной книгой) идут по этому легкому пути. И не случайно конец моей книги вызвал наибольшие возражения. Вы это приводите как доказательство правоты оппонентов, а на мой взгляд, лучше всех Пушкина понял не исследователь, а поэт – Булат Окуджава. В его стихотворении «Александру Сергеевичу хорошо, ему прекрасно...» больше понимания личности Пушкина, чем во многих академических трудах, и я полностью разделяю пафос его последних строк:

*Ему было за что умирать  
У Черной речки...*

У моей позиции есть и вненаучный пафос: много лет я слышу жалобы разных лиц на обстоятельства. Сколько молодых писателей давали понять, что если бы не цензурные трудности, не издательские препоны, то они показали бы себя. А убери эти трудности – и выясняется, что и сказать-то нечего. Я всегда считал ссылку на обстоятельства недостойной. Обстоятельства могут сломать и уничтожить большого человека, но они не могут стать определяющей логикой его жизни. Все равно важнейшим остается внутренняя трагедия, а не пассивный переход от одного «обстоятельства» к другому. Юный Шуберт заражается сифилисом (случайно!) и погибает. Но не сифилис, а «Неоконченная симфония» – трагический ответ души на «обстоятельства» – становится фактом его внутренней биографии. Я же хотел сделать именно опыт того, что никогда, смею думать, не делалось применительно к Пушкину, – показать внутреннюю логику его пути. А «романтическое жизнестроительство» здесь совершенно побочный термин, который лишь затемняет сущность дела.

Видимо, замысел мне не очень удался.

Но думаю, что именно это и имел в виду Блок, говоря о «легком имени Пушкин» и противопоставляя его угрюмым мучителям и мученикам. Пушкин мне видится победителем, счастливцем, а не мучеником. Ну, хватит, теперь о другом. Перечтите, что он пишет о Грибоедове: «Приехав в Грузию, женился на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна». Ведь это его программа для себя, его идеальный план. А Вы говорите, что плана не было. И царь, и все обстоятельства вынуждали его не драться, а он вышел – один, как Давид на Голиафа, – и победил!

Увлеченные Щеголевым, этого (его пушкинского торжества в момент дуэли – наперекор всему и всем!) не поняли ни Цветаева, ни Ахматова (которая, прости мне, Господи, мои прегрешения! – Пушкина вообще не понимала), а понял Пастернак, который писал, что, по мнению пушкинистов, Пушкин должен был жениться

на Щеголеве и жить до 90 лет. А он избрал жениться «на той, которую любил», и смерть «посреди смелого, неравного боя» (это уже не Пастернак, а я от себя). Это у Пастернака не о Пушкине, но очень хорошо освещает его (Пушкина) последнюю трагедию:

*Дай мне подняться над смертью позорной.*

*С ночи одень меня в тальник и лед.*

*Утром спусти с мочажины озерной.*

*Целься, все кончено! Бей меня влем!*

(«Рослый стрелок, осторожный охотник...»)

В Харькове, где была конференция по методологии науки, было мало интересного. Зато до этого я семь дней был в Норвегии. Трудно вообразить что-либо более прекрасное, чем тамошняя природа (день поездки по морю и по фиордам – одно из самых сильных впечатлений жизни). День был пасмурный с прояснениями, черные горы, закругленные ледником как большие в трещинах хлебы, стеной выходящие из свинцовой воды и стеной без берега уходящие в какую-то бездонность, падающие с этих стен водопады, многокилометровый, сужающийся <sup>\*</sup>фьорд, переходящий в ущелье. А по стенам этим то здесь, то там деревянные (в Норвегии сырьо, и с давних пор стремятся строить из дерева) домики. Сочетание мрачности величественной природы и такой уютности и чистоты крошечных пригодных для жилья мест, как и сочетание мужественности и доверчивой доброжелательности жителей, – поражает. Как они широко и по-детски улыбаются!

В научном (славистическом) отношении – типично для Запада: не очень творчески, но очень информированно (прямо противоположно нашему: очень творчески, но плохо информированно). Приятно поразило, что у всех коллег дома видел тартуские издания или ксерокопии с них, – читают.

Вот, кажется, и (все) наши новости. Приветы Соне, Тане и Кириллу.

Обнимаю Вас.  
Ваш Ю.Л.

\* Я большую часть недели был в Бергене – западная Норвегия, а там говорят не фиорд и не фьорд, а «ф» и после какой-то один диффузный гласный. Воспроизвести не берусь.

Б.А. Успенский передавал мне какие-то слухи о романе Ва-  
шем с Пушдомом. Боюсь сглазить, но не вздумайте отказываться.  
Это было бы просто преступно.

- 
- <sup>1</sup> Лотман Ю.М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Ввод-  
ные лекции в изучение текста. – Тарту: ТГУ, 1975. – 110 с.
- <sup>2</sup> См.: Эйдельман Н. Вклад в пушкиниану // Новый мир. – 1982. – № 6. – С. 256–  
260; Вацуро В. Биография как творчество // Лит. газ. – 1982. – 15 окт. – С. 5; Устюжанин Д. Жизнь поэта // Литература в школе. – 1983. – № 2. – С. 73; Гордин Я. «Малая биография» и масштаб судьбы // Вопросы литературы. – 1983. – № 5. – С. 232–238; Арьев А. Биография писателя // Нева. – 1984. – № 3. – С. 167. Не со всеми критическими замечаниями можно согласиться. Например, Я. Гордин оспаривает утверждение Ю.М. Лотмана о замене «оппозиции романтических героев-одиночек» (декабристов) силой оппозиции обществен-  
ного мнения при Николае I: Я. Гордин считает, что и «одиночки» были не такие уж слабые, имея 3000 реальных «штыков», и общественного мнения Николай не боялся, а реальная угроза была в крестьянских бунтах (Гордин Я. Указ. соч. – С. 236). Нет, совсем наоборот: именно дворянской оппозиции и боялся Николай всю жизнь; разрозненные крестьянские бунты ему легче было победить силой оружия, чем растущее умственное движение.
- <sup>3</sup> Вацуро В. Указ. соч.; Арьев А. «Самостоянье человека» // В мире книг. – 1983. – № 1. – С. 79; Золотоносов М. 1) [Рец.] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1983. – Т. 42. – № 4. – С. 392; 2) Мера глубины // Аврора. – 1984. – № 12. – С. 116–121; Чумаков Ю.Н. «Роман без конца...» // Русский язык и литература в кир-  
гизской школе. – 1983. – № 5. – С. 61; Браже Т.Г., Леонтьева Е.Г. Его жизнь –  
произведение его таланта // Вечерняя средняя школа. – 1983. – № 5. – С. 77–  
79.
- <sup>4</sup> Эйдельман Н. Указ. соч.; Устюжанин Д. Указ. соч.; Гордин Я. Указ. соч.
- <sup>5</sup> Браже Т.Г., Леонтьева Е.Г. Указ. соч. – С. 78.
- <sup>6</sup> Вацуро В. Указ. соч.
- <sup>7</sup> Гордин Я. Указ. соч. – С. 234.
- <sup>8</sup> См.: Арьев А. «Самостоянье человека»..; Гребенникова Л. Тайна гения //  
Семья и школа. – 1984. – № 1. – С. 54.
- <sup>9</sup> Эйдельман Н. Указ. соч. – С. 260.
- <sup>10</sup> Политковская Л. И учителю, и библиотекарю // Библиотекарь. – 1981. – № 2. –  
С. 57; Милованова О. Мера историзма // Литература в школе. – 1981. – № 3. –  
С. 65–67; Браже Т.Г. Комментарий к роману Пушкина // Вечерняя средняя  
школа. – 1981. – № 4. – С. 79–80; Мильчина В., Немзер А. Роман, который еще  
может удивить // Вопросы литературы. – 1981. – № 9. – С. 256–264; Ноль-  
ман М. Путеводитель по «Онегину» // В мире книг. – 1981. – № 12. – С. 61;  
Baróti Г. (Рец.) // Helikon (Budapest). – 1982. – № 2–3. – С. 436–438. Самая

«сердитая» из этих рецензий – М. Нольмана. В ней есть, можно согласиться, одно справедливое замечание: Ю.М. Лотман в комментарии к первой строке романа («Мой дядя самых честных правил») почему-то не хочет признать ее связь с известной строкой из басни Крылова «Осел и мужик»: «Осел был самых честных правил» (см.: с. 121); эта связь дает великолепные иронические ассоциации. Другие возражения М. Нольмана (якобы Ю.М. Лотман, показывая негативные стороны петровской реформы, становится на позиции славянофилов; якобы автор комментариев неправ, выявляя «перелом» в отношении Пушкина к Онегину в 8-й главе романа, неправ в отказе от поисков жизненных прототипов Татьяны, неправ в некоторых полуиронических корректировках суждений Н.Л. Бродского) сами вызывают на спор: здесь встаешь на защиту позиции Ю.М. Лотмана.

<sup>11</sup> Баевский В.С. Время в «Евгении Онегине» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XI. – Л., 1983. – С. 115–121.

<sup>12</sup> Баевский В.С. Художественное пространство в «Евгении Онегине» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1985. – Т. 44. – № 3. – С. 220–221.

<sup>13</sup> Баевский В.С. Из разысканий о Пушкине и Лермонтове. «За лес и сало возит нам...» // Там же. – 1983. – Т. 42. – № 5. – С. 464–466.

## БИБЛИОГРАФИЯ

### МАРИЯ ФЕДОРОВНА РОСТОВСКАЯ (1815–1872)

#### Крестница Г.Р. Державина – Мария Ростовская

Ныне имя этой замечательной женщины прочно забыто, между тем и ее жизнь, и ее творчество оставили заметный след в истории русской культуры. Мария Федоровна происходила из славной фамилии Львовых, ее дед, Николай Александрович Львов (1753–1803), прославленный русский архитектор, «гений вкуса», даровитый поэт, собиратель народных песен. Это был один из самых близких друзей Гавриила Романовича Державина, приходившийся ему к тому же ближайшим родственником: их жены были родными сестрами. Дарья Алексеевна Державина с супругом после кончины Н.А. Львова взяли к себе в дом его детей – заменили им родителей. В этой семье зазвучали детские голоса, и благодетели приложили много усилий, чтобы Львовы росли и развивались в самых благоприятных условиях. Изящная словесность, музыка, театральные представления и, разумеется, европейские языки – все было предоставлено для воспитания племянниц, отмеченных дарованиями, пригожеством и деятельным характером. Особенно необходимой Гавриилу Романовичу стала Елизавета Львова. Она тщательно записывала пояснения Державина к своим одам и посланиям, вела, как секретарь, объемное и непростое его делопроизводство, любила чтение книг, участвовала в разговорах с гостями, пела народные песни, а впоследствии непременно заседала в знаменитых Шишковско-Державинских «Беседах любителей русского слова», проходивших в торжественном зале дома поэта на Фонтанке.

В 1810 г. в жизни Елизаветы Николаевны произошли большие перемены: она, Львова, вышла замуж за... Львова. Звали жениха Федор Петрович, двоюродный брат ее отца, а, стало быть, двоюродный ее дядя. К этому времени Федор Петрович Львов овдовел, и на его руках осталось десять чад. Несмотря на все трудности вступления в брак такой близкородственной пары, благословение церкви все же было получено. Но чета Державиных, Гавриил Романович и Дарья Алексеевна, поначалу категорически не соглашались, чтобы их племянница, Елизавета Николаевна, 19-летняя умница и красавица, вышла замуж за 40-летнего вдовца при его десяти детях. И пара Львовых пустилась в обход запретов: они обвенчались тайно, и Елизавета Николаевна поселилась в деревянном доме мужа в Коломне. Федор Петрович, после долголетней службы в таможне и в министерстве коммерции, в это время был не у дел и только благодаря хлопотам близких к Державину сановников вскоре получил должность в Комиссии по составлению законов под началом М.М. Сперанского. Здесь он трудился над составлением таможенного устава, и служебное положение его укрепилось. Постепенно дом Державина на Фонтанке снова открылся для Львовых, и Елизавета Николаевна опять оказалась в центре «беседчиков», в центре литературного общества. Елизавета Николаевна в семье проявила себя как прекрасная, рачительная хозяйка и добрая мать для подрастающих сирот. Со временем появились и свои дети: в браке с Федором Петровичем у нее потом выросло шестеро Львовых. Этот брак продолжался четверть века.

Дочь Львовых – Мария Федоровна родилась в 1815 г., за год до смерти Г.Р. Державина, и престарелый поэт еще успел принять участие в крещении новорожденной. Так что свой семейный титул «Крестница Державина» она получила по праву. Росла будущая писательница в кругу многочисленной семьи, проникнутой взаимной любовью к друг другу, почитанием родителей и своих благодетелей. Их дом полнился творческим веселием, увлеченностью поэзией и музыкой. Здесь мастерски музицировали, все играли на различных музыкальных инструментах и хорошо пели. Старший пасынок Елизаветы Николаевны – Алексей – сочинял музыкальные произведения, несколько лет спустя именно он создаст вместе с В.А. Жуковским народный русский гимн «Боже, Царя храни» и возглавит придворную певческую капеллу. В их доме перебывали

многие талантливые композиторы, исполнители и живописцы. Юная Мария Львова увлекалась поэзией, сама пробовала писать стихи, и получалось неплохо. Некоторые ее опусы печатались в журналах, а позже она плотно сотрудничала в детском журнале «Подснежник» и в созданном ею журнале «Семейные Вечера». Собирала воспоминания своей матери, напечатанные спустя десятилетия в журнале «Русская Старина», оставила ценные странички о своем деде Н.А. Львове, а главное, создала серию мемуарных очерков, посвященных близким ее сердцу людям: Гавриилу Романовичу и Дарье Алексеевне Державиной, приходившейся ей бабушкой; особой теплотой согреты воспоминания о Карле Павловиче Брюллове в пору зенита его славы, т.е. после представления в Петербурге знаменитой картины «Последний день Помпеи». Кроме воспоминаний о Державиных и К.П. Брюллове, были еще страницы о ее встречах с прославленными композиторами и актрисами, в частности с Полиной Виардо – пела в доме Алексея Федоровича Львова, брата писательницы. Интересны и любопытны также зарисовки из семейной жизни.

Как и все Львовы, Мария Федоровна внешне была весьма привлекательной и представительной, обладала хорошими музыкальными способностями, овладела мастерской игрой на фортепиано, а в домашних концертах неизменно вызывала восхищение слушателей еще и своим голосом – пела народные песни и арии из опер. Дом Львовых в Петербурге стал самым известным центром состязания талантов, молодых дарований, местом общения с интересными людьми. Лето Мария Львова проводила в Державинском имении Званка. В середине 1830-х годов Дарья Алексеевна задумала устроить праздник для своих племянниц и многочисленных приглашенных из знакомых семейств (400 человек). На этот праздник, а точнее на костюмированный бал, позвали опытных постановщиков и музыкантов, а Владимир Федорович Львов – к тому времени уже известный композитор – сам дирижировал оркестром; костюмы для мифологических богов и богинь, а также для масок, олицетворяющих четыре стороны света, взяли из реквизитов Императорского театра. И праздник с оперным представлением удался на славу, о нем заговорила вся столица. Императрица пожелала повторить праздник во дворце, что и было ис-

полнено. Мария Федоровна затейливо представляла колоритную Америку.

Предчувствуя скорую кончину, Дарья Алексеевна (ум. в 1842 г.) составила подробное завещание, по которому на долю Марии Федоровны досталась часть средств и миниатюрный портрет Гавриила Романовича Державина кисти живописца В.Л. Боровиковского. В то время Мария Федоровна уже была фрейлиной императрицы Александры Федоровны, блистала в свете. Первое ее замужество оказалось неудачным, и с фамилией Хвостова она оставалась недолго. Второй брак состоялся поздно, когда ей уже минуло тридцать лет. Замуж вышла за штабс-капитана в отставке Андрея Александровича Ростовского. Справляла свадьбу в Царском Селе, и сам Император Николай Павлович был там посаженным отцом. Поселились новожены в имении мужа Лебяжье, что на берегу озера в Заволжской степи. Живые картины нетронутой природы, простодушие и открытость крестьян, относительное довольство – все располагало к мечтательности и литературным трудам. Только теперь Мария Федоровна все меньше пишет стихов, предпочитая им хорошо продуманную прозу, рассчитанную на детское чтение. Небольшие рассказы незамысловаты по сюжету, но каждый из них в лицах изображает, что значит сострадание и стремление делать добро. Добротель и благородство помыслов и поступков станут в дальнейшем главными чертами ее ненавязчивой нравоучительной прозы.

В 1852 г. вышла в свет отдельной книжкой с раскрашенными рисунками занимательная повесть Ростовской «Приключения Пони, эмского осла». В журналах появились одобриительные рецензии. Так, в «Москвитянине» замечали: «Автор сумел рассказать эти приключения занимательно, живо, прекрасным языком, и “Пони, эмский осел” имеет полное право сделаться любимцем всех детей, которые желают быть умными и желают читать хорошенъкие книжки». А в «Библиотеке для чтения» сказано еще определенное: «В последнее время у нас стало появляться очень много книг для детей, но едва ли “Пони” не лучше всего, что вышло за последние три года». Любопытно и мнение рецензента из «Отечественных Записок»: «Приключение Пони, написанное с тем знанием детских подробностей, которое дается очень немногим и приобретается не наукой или литературным талантом, а только любовью к детям

и глубоким сочувствием к их интересам». Детская литература становится потребностью каждой культурной семьи. Растет спрос, растут тиражи. К примеру, «Приключения Пони» выходили отдельными изданиями неоднократно, вплоть до начала XX в.

Важно: проза для детей в 50-е годы XIX столетия получает всеобщее признание. Возникают детские журналы более высокого литературного уровня по сравнению с предшествующими. В 1858 г. начинает выходить журнал «Подснежник»: издавал его Владимир Николаевич Майков, детский писатель, человек литературно одаренный, брат известного поэта Аполлона Майкова. Журнал печатал стихотворения, художественную прозу, для чего привлек известных беллетристов – И.А. Гончарова, Д.В. Григоровича, И.С. Тургенева, помещает рассказы из всеобщей и отечественной истории и зарисовки из мира живой природы, а также очерки о научных открытиях. Журнал издавался для детей и юношества, распространялся и в учебных заведениях Министерства народного просвещения. В «Подснежнике» охотно помещали рассказы М.Ф. Ростовской, все они были пропитаны духом примирения и доброравия, взаимной любви и сочувствия к бедствующим людям. Просвещенные барыни из дворянских семейств призываются встать на путь сострадания к горемыкам, чтобы облегчить судьбу их детей. К отдельным рассказам Мария Федоровна добавляла – «истинное происшествие», как бы намекая, что это было с нею самой. Свое сельцо Лебяжье писательница воспела в одноименной повести, изданной в Казани в 1856 г. В этом городе Ростовские имели собственный дом.

Настоящим подвигом жизни Марии Федоровны Ростовской стало издание детского и юношеского журнала «Семейные Вечера», который она возглавила и лелеяла с момента создания в 1864-м по 1870 г., когда из-за пошатнувшегося здоровья пришлось уйти на покой. В начале каждого месяца выходило по две книжки «Семейных Вечеров»: одна для младших, другая для старших детей. Двухколонный набор четким шрифтом со множеством рисунков и политипажей в интересных, занимательных текстах. Рассказы, очерки, воспоминания и путешествия – и это еще не все, здесь было много полезных сведений по естествознанию, философии и, конечно, по русской истории. Журнал пришелся по вкусу культурной публике и удостоился покровительства

государыни императрицы Марии Александровны. Его читали августейшие дети, воспитанницы женских учебных заведений, гимназисты, а также учащиеся духовных училищ. Помощником Марии Федоровне по издательскому делу был все тот же Владимир Майков, который с выходом «Семейных Вечеров» закрыл свой «Подснежник». Девизом ежемесячника служили слова: «То зеркало лишь хорошо, которое верно отражает». В газете «Голос» (1867) о публикациях в «Семейных Вечерах» сказано, что «все это доступно детскому пониманию и вместе серьезно, дельно, основательно; во всем издании не найдете ни одного вымыщенного рассказа, который служил бы праздным для воображения, прошел бы бесследно для детского ума и не заронил бы в него какого-нибудь полезного знания».

Сама издательница за годы своего деятельного руководства журналом поместила в нем множество написанных ею материалов, и все они в основном о любви к Родине и отечественной истории. По воспоминаниям своей родной бабушки Марии Алексеевны и других лиц, Ростовская описывает несколько случаев из жизни императрицы Екатерины II, князя А.В. Суворова, баснописца И.И. Хемницера и др. Не остались без внимания и громкие события современности. Так, по слухам покушения на Александра II (апрель 1866 г.), М.Ф. Ростовская с гневом откликнулась в свежем номере своего журнала «Семейные Вечера»; живо написала отчет о проходившей в России этнографической славянской выставке, включив в него полный текст стихотворного приветствия Федора Ивановича Тютчева.

Разумеется, радикальная педагогическая критика не жаловала ее детский журнал и от справедливых рассмотрений воздерживалась. Подход был формальным, с наездом на позиции самой издательницы: ей ставили в вину бесконфликтность в произведениях и элитарность, но литературные достоинства публикаций отмечались – владение чистым русским языком и колоритными изобразительными средствами.

К концу 1860-х годов Ростовская увлеклась писанием обширной повести для детей «Крестьянская школа», с использованием личного опыта и практики ее родной сестры, помещицы села Бектышево Надежды Федоровны Самсоновой, которая вместе со своим мужем Евгением Петровичем учредила в имении начальную

школу для детей из местных крестьянских семейств, которая и стала примером для всего Переславль-Залесского уезда. Мария Федоровна пристально интересовалась опытом бектышевцев, часто писала письма к сестре и не раз приезжала в имение, чтобы лично познакомиться с тем, как учатся крестьянские дети и каков результат. Вообще-то в это время начальные школы возникают во многих имениях: граф Лев Николаевич Толстой учит крестьянских детей в своей Яснополянской школе, профессор Сергей Александрович Рачинский – в имении Татево Бельского уезда на Смоленщине, открыв там, по существу, школу-интернат, где крестьянские дети не только учились, но и жили, и трудились, набираясь знания и опыта. Повесть М.Ф. Ростовской «Крестьянская школа», напечатанная поначалу в журнале «Семейные Вечера», затем постоянно переиздавалась вплоть до Октябрьского переворота. В живых зарисовках с натуры писательница убедительно представила образы сельских смышленых ребятишек, познающих родную природу и полезные ремесла.

Мария Федоровна в период с 1846 по 1856 г. жила постоянно в имениях мужа: то в сельце Лебяжьем, что на берегу озера того же названия, то в Казани, где была усадьба. С февраля 1856 г. Ростовские переселились в Петербург, там Андрея Александровича определили директором училищ столичной губернии и одновременно директором С.-Петербургской 5-й гимназии. Потом он менял места и вышел в отставку в чине действительного статского советника. Кстати, свою фамилию Андрей Александрович упорно писал: Раствовский. Ведь сельцо Лебяжье раньше называлось Раствокой – от старинного слова «раст» – роскошь трав, цветотравье; вспомним народное выражение: «Ему раста не топтать – не доживет до новой травы». Впрочем, Мария Федоровна настояла на своем, и фамилию поменяли – стали писать: Ростовские.

В 1869 г., испытывая разного рода невзгоды и стараясь отдать последние силы созданию своих книг для детей, Мария Федоровна Ростовская начала подыскивать себе замену по изданию «Семейных Вечеров». Шесть лет она бессменно трудилась как редактор-издатель, и «эти труды», как она сама писала в прощальном письме к подписчикам, «и самая горячность, с какою я вела это дело, сильно потрясли мое здоровье, и я чувствую совершенную невозможность продолжать журнал на прежних основаниях».

Добавляла тягот и утраты близких людей – матери и одной из сестер, а также материальные затруднения по выпуску престижного журнала, и все это на фоне все более крепнущей в требованиях казенной педагогики. Творческие соображения также были за то, что издание пора передать в другие руки. София Сергеевна Кашпирова, урожденная княжна Урусова, оказалась весьма подходящим лицом для такой замены. Мария Федоровна пишет о судьбе своего журнала: «Любила и лелеяла его я одна, а теперь любить его и лелеять будем мы вдвоем». В 1870 г. для «Семейных Вечеров» М.Ф. Ростовская подготовила третью часть «Крестьянской школы» – основного ее вклада в дело юношеского образования. «В этом была мечта и цель моей жизни, и я ее не оставлю, пока могу мыслить, работать и любить» – прощальные слова издательницы при расставании с подписчиками.

Скончалась Мария Федоровна Ростовская 10 июня 1872 г. в Петербурге и похоронена на Смоленском кладбище. Газета «Гражданин» отметила утрату сообщением со словами: «Сочинения Ростовской писаны с талантом и умением и читались детьми с особым интересом. Ее направление было всегда строго нравственное и патриотическое». Значительное число детских книжек писательницы вышло в свет посмертно. Ныне подошло время вспомнить творчество этой замечательной подвижницы отечественной культуры. В 2015 г. исполняется 200-летие со дня рождения Марии Федоровны Ростовской.

## 1836

Чувство дочери. (Стихотворение). // Библиотека для Чтения. 1836. Т. 14. Январь. Стихотворения. С. 17–19. Подпись: М-Я Л-А.

## 1852

Приключения Пони, Эмского осла. СПб: тип. Э. Веймара. 1852. 182 с.

Воспоминание о Брюллове // Москвитянин. 1852. Т. 5. № 19. С. 147–166.

**1856**

Сельцо Лебяжье. Повесть для детей. Ч. 1–2. Казань: Тип. Губ. правл. 1856. (2 т.) В конце посвящения авт.: Мария Ростовская. Ч. 1–260 с.; Ч. 2–205 с.

[Ваше императорское величество, вы поставлены судьбою...]. (Стихотворение). Е. и. выс. государю наследнику цесаревичу и великому князю Николаю Александровичу. СПб. 1856. [4] с. (в РНБ).

**1857**

Жучка. СПб.: В. Генкель. 1857. 252 с.

**1858**

Четыре времени года. СПб.: А. Смирдин (сын) и К°. 1858. 50 с.

**1860**

Кулек. Рассказ // Подснежник. СПб. 1860. № 12 (дек.). С. 1–12.

**1861**

Кривулек. Рассказ // Подснежник. СПб. 1861. № 3 (март). С. 1–9.

Больница. Рассказ // Подснежник. СПб. 1861. № 7 (июль). С. 35–45.

Болото. Рассказ // Подснежник. СПб. 1861. № 8 (авг.). С. 1–10.

**1862**

Веньямин Франклин. Рассказ для юношества. СПб.: М.О. Вольф. 1862. 116 с.

Дети. Рассказы для первого возраста. СПб.: М.О. Вольф. 1862. 143 с.

Солдатки. (Истинное происшествие) // Подснежник. СПб. 1862. №№ 5 и 6 (май и июнь). С. 1–23.

### 1863

Повести [для детей]. СПб.: М.О. Вольф. 1863. 175 с. (Содерж.: Кулек. С. 1–15; Дробинка. С. 17–31; Палага. С. 33–49; Честность. С. 51–67; Кривулек. С. 69–80; Солдатки. С. 81–108; Два живописца. С. 109–122; Больница. С. 123–136; Болото. С. 137–148; Первое впечатление. С. 149–174).

Поездка на Сергиевские серные воды. Рассказ для детей. СПб.: М.О. Вольф. 1863. 296 с.

### 1864

Очерк человека // Семейные вечера, детский журнал, издаваемый под редакциею Марии Ростовской. Отдел для старшего возраста. СПб. 1864. Январь. С. 2–9.

Неизвестные люди // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1864. Январь. С. 64–73; Февраль. С. 144–149; Апрель. С. 298 (288)–302 (292). (Ошибочная нумерация страниц); Август. С. 601–606.

Воспоминание о Гаврииле Романовиче и Дарье Алексеевне Державиных с присовокуплением четырнадцати анекдотов из жизни Державина // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1864. Март. С. 151–180.

Голенький Ох, а за голеньким Бог. Рассказ с натуры. Посвящ. Е.Е. Волковой // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1864. Май. С. 303–309.

Несколько слов о женщине. Посвящено матерям семейств // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1864. Июль. С. 526–531.

Горгона и Милор. Рассказ с натуры // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1864. Ноябрь. С. 751–768.

На дороге. С натуры в Тверской губернии // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1864. Декабрь. С. 899–905.

Росинка и Зима на Волге. Два стихотворения // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1864. Январь. С. 1–4.

Буянка Таня // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1864. Январь. С. 4–16.

Николай Александрович Львов // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1864. Январь. С. 16–19.

Крестьянская школа // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1864. Январь. С. 30–39; Февраль. С. 32–46; Март. С. 133–147; Май. С. 242–255; Июнь. С. 271–283; Июль. С. 337–345; Август. С. 397–412; Октябрь. С. 472–485.

Матрена Карповна с семейством // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1864. Февраль. С. 1–13.

Улитка и Селедка // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1864. Март. С. 118–120.

Пара голубей // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1864. Апрель. С. 159–173.

Бабушка и внучки. Рассказ с натуры // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1864. Июнь. С. 263–267.

Дети-натуралисты. (Рассказ с натуры) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1864. Июль. С. 311–319.

Девочки. (Рассказ с натуры) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1864. Август. С. 363–365.

Сравнение. (Рассказ с натуры) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1864. Октябрь. С. 465–466.

Благой пример. (Рассказ с натуры) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1864. Ноябрь. С. 518–520.

Три сестры – почтовые марки. Фантастический рассказ // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1864. Декабрь. С. 569–585.

## 1865

На пароходе (рассказ доктора) // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1865. Апрель. С. 229–236.

Счастье у порога. Комедия с куплетами, в одном действии // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1865. Июнь. С. 411–429.

По дороге в Швейцарию (рассказ) // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1865. Июль. С. 471–480; Сентябрь. С. 595–608; Октябрь. С. 665–679; Ноябрь. С. 741–764; Декабрь. С. 821–838.

Вениамин Франклайн // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1865. Октябрь. С. 701–717; Ноябрь. С. 774–791.

Ответ редакции // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1865. Октябрь. С. 740. [По поводу статьи С. «Архиепископ Московский и Калужский Амвросий Цертис-Каменский», опубликованной в мартовском номере «Семейных Вечеров» 1865 г.]

Крестьянская школа. (Продолж.) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 1. Январь. Гл. IX. С. 1–18; № 3. Март. Гл. X. С. 101–117; № 4. Апрель. Гл. XI. С. 199–216; Гл. XII. (Оконч.). С. 299–314.

Подкова // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 1. Январь. С. 43–45. Б. п.

Столяр и маляр // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 1. Январь. С. 45. Б. п.

Школьник // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 1. Январь. С. 46–47. Б. п.

Библиография. Семь новых сказок Госпожи А. Коваленской // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 1. Январь. С. 47–52. (Сказка «Фиалка» А. Коваленской приведена полностью. – С. 48–51).

Сметливый мальчик. Рассказ с натуры // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 2. Февраль. С. 68–69.

Попугай. Рассказ с натуры // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 2. Февраль. С. 73–76.

Искра. Фантастический рассказ // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 3. Март. Б. п. (?) С. 119–121.

Клад // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 3. Март. С. 142–144. Б. п.

Суворов и истопник. (Анекдот) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 4. Апрель. С. 163–164. Б. п.

Три вопроса шестилетнего Николи. (С натуры) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 4. Апрель. С. 179–180.

Честный поступок // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 5. Май. С. 222–224.

Дурная привычка // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 5. Май. С. 239–240. Б. п.

Правда // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 5. Май. С. 240–247. Б. п.

Как аукнется, так и откликнется // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 6. Июнь. С. 276. Б. п.

Дитя-пришлец. Стихотворение // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 7. Июль. С. 328–329. Б. п.

Несколько слов о Крыме // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 8. Август. С. 347–349. Б. п.

У страха глаза велики // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 8. Август. С. 360–362. Б. п.

Контрабас. (Посвящ. Маше Родзянко) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 10. Октябрь. С. 447–463.

Картины из детского быта. (I. Расспросы. – II. Швея. – III. Сочельник) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 10. Октябрь. С. 463–470. Б. п.

Картины из детского быта. (Оконч.). (IV. – Разговенье. – V. Елка) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1865. № 11. Ноябрь. С. 504–511.

## 1866

Крестьянская школа. Повесть для детей. СПб.: тип. Майкова. 1866. 146 с.

Швейцария. (Продолж.) // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1866. Январь. С. 1–19; Март. С. 133–154 (Оконч.).

Библиография // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1866. Март. С. 198–199.

4 апреля 1866 года // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1866. № 4. Апрель. С. I–II.

Библиография. «Самодеятельность», соч. Смайльса, второе издание, перевод с английского Н. Кутейникова // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1866. Август. С. 515–516.

Кошка и Мышка. Комедия в двух действиях с куплетами // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1866. Декабрь. С. 727–747.

Исаакиевский собор // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1866. № 1 (янв.). С. 1–12.

Пони // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1866. № 4 (апр.). С. 143–154; № 5 (май). С. 185–193; № 6 (июнь). С. 221–235; № 7 (июль). С. 265–276; № 8 (авг.). С. 303–312.

Исторические анекдоты: Ломоносов и стеклянные пуговицы. – Бюст и портрет Петра Великого. – Суворов и план // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1866. № 3 (март). С. 130–132. Б. п.

Несколько случаев из частной жизни Императора Николая. [Записано со слов князя П.Н. Волконского] // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1866. № 5 (май). С. 181–185. Б. п.

Встреча Христова дня // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1866. № 5 (май). С. 212–214. Б. п.

Два слова об И.И. Хемницере // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1866. № 4 (апр.). С. 181–182.

По случаю события 4 апреля 1866 года // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1866. № 5 (май). Приложение. С. 1–4.

Несколько случаев из частной жизни Императрицы Екатерины II (I–IV). [Записано со слов Н.П. Румянцева М.А. Львовой, урожденной Дьяковой] // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1866. № 7 (июль). С. 263–265.

Встреча принцессы Марии Дагмары, высоконареченной Невесты Государя Цесаревича Великого Князя Александра Александровича // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1866. № 10 (окт.). Приложение. С. 1–4; № 11 (ноябрь). Приложение. С. 1–8.

Слово – природа // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1866. № 12 (дек.). С. 509–510. Б. п.

Дети (с натуры) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1866. № 1. С. 18–20; № 2. С. 83–85; № 5. С. 219–220; № 6. С. 261–262; № 8. С. 341–342; № 9. С. 384–386; № 10. С. 419–420; № 11. С. 466; № 12. С. 504. Б. п.

Ответ старушки (с натуры) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1866. № 3 (март). С. 129–130. Б. п.

## 1867

Остров Эзель и Аренсбург // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1867. Октябрь. С. 585–598; Ноябрь. С. 649–664.

Другу Ф.Ф. Л-ву в день его рождения. Стихотворение // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1867. № 10. Октябрь. С. 647. Б. п.

Крестьянская школа. Часть вторая // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1867. № 1. С. 1–15; № 2. С. 41–54; № 3. С. 86–100; № 4. С. 125–139; № 5. С. 166–175; № 6. С. 205–220; № 8. С. 285–295; № 9. С. 325–338; № 10. С. 365–378; № 11. С. 405–417; № 12. С. 445–473.

Несколько случаев из жизни Петра Великого (почерпнуто из Сборника «Пчела», из Голикова и Штелина, Карпова и Ломоносова) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1861. № 1 (янв.). С. 15–21. Б. п.

Дети (с натуры) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1867. № 1. С. 66–67; № 7. С. 284; № 8. С. 324; № 10. С. 402–404. Б. п.

Несколько случаев из жизни Суворова // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1867. № 2 (февр.). С. 79–80.

Несколько случаев из частной жизни Императрицы Екатерины II // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1867. № 4 (апр.). С. 163–164.

Библиография. Азбука и первые уроки чтения, сост. Катря Майко // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1867. № 12. Декабрь. С. 503.

## 1868

Аренсбургские грязи и морские купания (прибавление) // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1868. Март.

Поездка за границу в 1868 г. // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1868. Октябрь. С. 569–581. (Мариенбад);

Ноябрь. С. 633–647. (Мариенбад – Кёльн); Декабрь. С. 729–754. (Остенде).

Тюлени // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1868. Январь. С. 15–32.

Бедуины // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1868. Январь. С. 38–41.

Матрос. (Басня) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1868. Февраль. С. 53–54.

Медведь. (Басня) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1868. Март. С. 123.

Счастливый случай. Рассказ в стихах // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1868. Апрель. С. 126–131.

Человеческие расы // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1868. Май. С. 174–179.

Мельница // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1868. Май. С. 190.

Храбрый зайчонок. (Басня) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1868. Июнь. С. 219–220.

Дети. (С натуры) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1868. Июль. С. 288; Декабрь. С. 496.

Злой филин // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1868. Октябрь. С. 403.

Две овечки. (Басня) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1868. Декабрь. С. 453.

## 1869

Поездка за границу в 1868 г. (Оконч.): Одиннадцать дней в Париже // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1869. Январь. С. 1–13.

Любовь к России // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1869. Февраль. С. 61–66.

Из юношеских моих воспоминаний // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1869. Май. С. 283–287.

К моим подписчикам // Семейные вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1869. Декабрь. С. 748–749.

Жучка // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1869. № 1. С. 1–24; № 2. С. 43–57; № 3. С. 87–98.

Утятка. Рассказ в стихах // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1869. № 4 (апр.). С. 142–145.

(?) Чулки // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1867. № 4 (апр.). С. 165–166. Подпись: Р.

Мартишка и Кошечки. Басня // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1869. № 7 (июль). С. 249–250.

Дети (с натуры) // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1869. № 8 (авг.). С. 323–325; № 9. С. 351–352. Подпись: М. Ростовская; № 10. С. 379.

К моим подписчикам // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1869. № 12 (дек.). С. 491–492.

## 1870

Крестьянская школа. Часть третья // Семейные вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1870. № 1. С. 11–43; № 2. С. 9–46; № 3. С. 40–80; № 5. С. 21–63; № 6. С. 32–67; № 7. С. 30–62; № 8. С. 31–76; № 9. С. 1–21; № 10. С. 29–63; № 11. С. 21–44; № 12. С. 17–41.

## 1875

Крестьянская школа. Повесть для детей. Ч. 1–2. СПб.: Колесов и Михин, ценз. 1875. Ч. 1. – 331 с.; Ч. 2. – 315 с.

Рассказ для детей. СПб.: Колесов и Михин, ценз. 1875. 167 с.

## 1876

Звездочки. Повести и рассказы [для детей]. СПб.: Колесов и Михин, ценз. 1876. 287 с. (Содерж.: Буянка Тоня. С. 1–43; Матрена Карповна с семейством. С. 44–89; Контрабас. С. 90–142; Пара голубей. С. 143–192; Три сестры – почтовые марки. (Фантастический рассказ). С. 193–248; Слово и дело. С. 249–259; Дети-натуралисты. (Рассказ с натуры). С. 260–285).

Пони: Приключения эмского осла. СПб.: Колесов и Михин, ценз. 1876. 181 с.

**1882**

Рассказы из путешествий [для детей]. С рис. Н. Каразина. СПб.: тип. С. Добродеева. 1882. 391 с.

**1884**

Четыре времени года. Рассказы из деревенского быта. СПб.: тип. А.С. Суворина, ценз. 1884. 64 с.

**1894**

Жучка. СПб.: В.И. Губинский, ценз. 1894. 215 с. (В кн. также рассказ: Горгона и Милорд).

Звездочки. Повести и рассказы [для детей]. СПб.: В.И. Губинский ценз. 1894. 239 с. (Содерж.: Буянка Тоня; Матрена Карповна с семейством; Контрабас; Пара голубей; Три сестры – почтовые марки; Слово и дело; Из моих юношеских воспоминаний).

Четыре времени года: Зима, весна, лето, осень. Рассказы из деревенского быта. СПб.: В.И. Губинский, ценз. 1894. 236 с. (Авторы: Ростовская М.Ф.; Шпак В.С.).

Пони: Приключения эмского осла. Повесть для детей [и др. рассказы]. С хромолит. рис. худож. Рейнике. СПб.: В.И. Губинский. [1894]. 224 с. (Повесть изд. также под загл.: Приключения Пони, эмского осла). (Содерж.: Пони. Приключения эмского осла; Голенький ох, а за голеньким бог; Дети-натуралисты; Сметливый мальчик; Георгиевский крест; У страха глаза велики).

**1895**

Крестьянская школа. [Повесть для детей]. [В 2 ч.]. Со 100 рис. и заставками худож. Р. Штейна, Тронина и др., резан. на дереве грав. Шлитте, Дамюллером и др. СПб.: В.И. Губинский, ценз. 1895. 424 с.

**1906**

Веньямин Франклин. Рассказ для юношества. СПб.: т-во М.О. Вольф. [1906]. 103 с.

**1907**

Рассказы из путешествий [для детей]. С рис. Н. Каразина. СПб.: В.И. Губинский. 1907. 274 с.

**1909**

Детские забавы. Сб. рассказов. СПб.: В.И. Губинский. 1909. 240 с. (Кашир-Мурлык. С. 3–6; Смех и горе. С. 7–14; Четвертак. С. 15–30; Две овечки (Стихотворение). С. 31–32; Дети. (С натуры). С. 33–35; Сравнение. С. 35–37; Болото. С. 38–48; Благой пример. С. 49–54; Рыбки (Басня). С. 54; Храбрый зайчонок (Стихотворение). С. 55–56; Дети-натуралисты. С. 57–78; В больнице. С. 79–85; Сисипатр. С. 86–89; Кулек. С. 90–102; Зеркало. С. 103–109; Матрос (Стихотворение). С. 109–111; Зайчик (Стихотворение). С. 111–112; Честность. С. 113–126; Сургучи. С. 127–131; Медведь (Стихотворение). С. 132–133; Палага. С. 134–148; Три мячика. С. 149–154; Счастливый случай. (Истинное происшествие) (Стихотворение). С. 155–168; Крутое яичко. С. 169–174; Дробинка. С. 174–186; Злой филин (Стихотворение). С. 187–188; Мартышка и кошечки (Стихотворение). С. 189–191; Канарейка. С. 192–198; Утюта (Стихотворение). С. 199–205; Кривулек. С. 206–215; Три вопроса шестилетнего Коли. С. 216–218; Шалуны. С. 219–231; Сметливый мальчик. С. 231–233; У страха глаза велики. С. 234–240).

**1914**

Крестьянская школа. [Повесть для детей]. [В 2 ч.]. Со 100 рис. и заставками худож. Р. Штейна, Тронина и др., резан. на дереве грав. Шлитте, Дамюллером и др. СПб.: В.И. Губинский. 1914. 447 с.

## 1961

Воспоминание о Брюллове. (Отрывки) // К.П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников. Сост. и автор предисловия проф. Н.Г. Машковец. Изд. 2-е, дополненное. М.: Изд. Академии художеств СССР. 1961. С. 179–181.

## Литература о ней

## 1852

[Рец.] Приключения Пони, Эмского осла // Звездочка. 1852.

[Рец. и отрывок из предисловия в стихах] Пони. Сочинение М. Ростовской. С 12 раскрашенными картинками, напечатанными в два тона. СПб. 1852. 182 с. // Библиотека для Чтения. 1852. Т. 115. № 9. Отд. VI. Литературная летопись. С. 10. Б. п.

[Рец.] Приключения Пони, Эмского осла. Соч. М. Ростовской. СПб. 1852. 182 с. // Москвитянин. 1852. Т. 4. № 16. Август. Кн. 2. Критика. С. 184. Б. п.

[Рец.] Приключения Пони, Эмского осла. Сочинение М. Ростовской. С 12 раскрашенными картинками. СПб. 1852. В тип. Эдуара Веймара. 182 с. // Отечественные Записки. 1852. Т. 82. № 6. Отд. VI. Библиографическая Хроника. С. 86. Б. п.

[Рец.] Приключения Пони, Эмского осла. Сочинение М. Ростовской. С 12 раскрашенными картинками. СПб. 1852 // Современник. 1852. Т. 34. Отдел IV. Библиография. С. 32–33. Б. п.

## 1857

[Рец. и отрывок] Сельцо Лебяжье. Сочинение М. Ростовской. Ц. за 2 тома 1 р. 50 к. // Звездочка. 1857. № 5. Май. Разд. III. Новые книги. С. 115–128. Б. п.

## 1861

Ф. Толль. Приключения пони, Эмского осла. Соч. М. Ростовской. СПб. 1852. [Рец.] // Учитель. 1861. № 17 (1 сент.). Критика и библиография. С. 671.

Ф. Толль. Подснежник. Журнал для детского и юношеского возрастов. Год четвертый. 1861. СПб. I–VIII книжки. [Рец.] // Учитель. 1861. № 22 (16 ноября). Критика и библиография. С. 901–904.

## 1862

Ф. Толль. Наша детская литература. Опыт библиографии современной отечественной детской литературы, преимущественно в воспитательном отношении. СПб.: В тип. Эдуарда Веймара. 1862. [Рец.]. С. 76–77; 95–96; 171–172; 234–235; 241–242; 279–287.

[Рец.] Дети. Рассказы для первого возраста. Сочинение М. Ростовской. СПб. 1862 // Книжный Вестник. 1862. № 2 (1 февр.). Библиография. С. 31. Б. п.

[Рец.] Веньямин Франклин. Рассказ для юношества. Составлен Марией Ростовской. 1862 // Книжный Вестник. 1862. № 2 (1 февр.). Библиография. С. 31. Б. п.

## 1864

Семейные Вечера, детский журнал, издаваемый под редакцией М. Ростовской и В. Майкова. 2 отдела: для старшего и младшего возраста. № 1. Янв. 1864 г. СПб. // Книжный Вестник. № 4 (29 февр.). С. 81–82. Б. п.

## 1865

Николай Книжник. [Князь Н.Н. Голицын]. Ростовская, Марья Феодоровна // Словарь русских писательниц. 1759–1859. М.: Тип. Грачева и К°. 1865. С. 67.

А.В. Дружинин. Письма иногородного подписчика [о русской журналистике. 1848–1854]. Письмо тридцать первое. Ноябрь 1852 // Собрание сочинений А.В. Дружинина. СПб.: Тип. Императорской Академии наук. 1865. Т. 6. С. 695.

По поводу «Списка русских писательниц» Николая Книжника, в № 9, 10 и 11 «Русского Архива» // Книжный Вестник. 1865. № 20 (31 окт.). Новости, заметки и проч. С. 378–380. Б. п.

[Рец.] Ростовская, М.Ф. Крестьянская школа. Соч. М.Ф. Ростовской. СПб.: В тип. Майкова. 1866. (Ценс. 11 окт. 1865) // Книжный Вестник. 1865. № 24 (30 дек.). С. 482. Б. п.

Объявление о продолжении издания детского журнала «Семейные Вечера» на 1865 г. // Книжный Вестник. 1865. № 3 (15 февр.). С. 64–65.

[Объявление]. Детский журнал «Семейные Вечера» на 1866 г., издаваемый под ред. Марии Федоровны Ростовской (год третий) // Книжный Вестник. 1865. № 22 (30 ноября). С. 428–429.

Сюрприз духовенству от г-жи издательницы «Семейных Вечеров». [Отзыв на две статьи: 1) о народных суевериях; 2) «Архиепископ Московский и Калужский Амвросий Цергис-Каменский»] // Дух Христианина. Спб. 1865. № 7. Июль. Журнальное обозрение. С. 259–263. Подпись: А.В.

## 1867

«Семейные Вечера», детский и юношеский журнал, издаваемый под редакциею М.Ф. Ростовской // Голос. 1867. № 261 (21 сент. (3 окт.)). Библиография и журналистика. С. 1. Б. п.

## 1869

Е. Водовозова // Учитель. 1869. № 8. Апрель. Критика. С. 264–272.

Е. Водовозова. Детский и юношеский журнал «Семейные Вечера» за 1868 г., редактор-издательница М.Ф. Ростовская // Учитель. 1869. № 13. Июль. Критика. С. 432–438.

## 1870

Семейные Вечера. Журнал для детей и юношества // Сборник сведений о повременных изданиях. (По 1 ноября 1870 г.). СПб.: Тип. Министерства внутренних дел. 1870. С. 203–204.

**1873**

Некролог. Ростовская, Марья Федоровна // Гражданин. 1873. № 3 (15 янв.). С. 79. Б. п.

**1874**

[Г.Н. Геннади]. Краткие сведения о русских писателях и ученых, умерших в 1872 г. (из справочного словаря о русских писателях, составляемого Г.Н. Геннади) // Русский Архив. 1874. № 12. Стб. 1114–1115.

**1878**

[Рец.] Пони. Приключения Эмского осла. Сочинение М.Ф. Ростовской. 179 стр. с 9 картинками в тексте. СПб. 1877 // Женское Образование. 1878. № 1 (январь). С. 60–61. Б. п.

**1889**

Князь Н.Н. Голицын. Л-а, М-я. – Ростовская, Марья Феодоровна, р. Львова // Библиографический словарь русских писательниц. СПб.: Тип. В.С. Балашева. 1889. С. 146, 207–209.

**1891**

С.И. Пономарев. Наши писательницы. Дополнения к «Библиографическому Словарю русских писательниц Н.Н. Голицына» // Сборник Отделения русского языка и словесности (ОРЯС) Императорской Академии наук. СПб. 1891. Т. 52. № 7. С. 52.

**1899**

Ростовская (Марья Федоровна, урожденная Львова) // Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб. 1899. Т. XXVII. «Розавень – Репа». С. 130. Б. п.

**1906**

Неведомская-Динар. Очерки моих воспоминаний // Русская Старина. 1906. Декабрь. С. 658.

**1910**

Растовская, Мария Федоровна, писательница, рожд. Львова // Русский биографический словарь. «Притвиц-Рейс». Под набл. А.А. Половцова. СПб.: Тип. Императорской Академии наук. 1910. С. 494. Подпись: Пр. Д-ский.

**1912**

Сайтов В.И. Петербургский Некрополь. Т. 3. (М – Р) // Изд. Вел. Кн. Николай Михайлович. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1912. С. 621.

**1915**

Семейные вечера. (Журнал в 2-х отделах: для старшего и для младшего возрастов) // Библиография русской периодической печати 1703–1900 гг. (Материалы для истории русской журналистики). Сост. и изд. Н.М. Лисовский. Пг.: Тип. Акц. Общ. Тип. Дела. 1915. С. 199.

Подснежник. Журнал для детского и юношеского возрастов, изд. В.Н. Майковым // Библиография русской периодической печати 1703–1900 гг. (Материалы для истории русской журналистики). Сост. и изд. Н.М. Лисовский. Пг.: Тип. Акц. Общ. Тип. Дела. 1915. С. 143.

**1918**

Ростовский (Растовский) Андрей Александрович, директор училищ С.-Петербургской губернии // Русский биографический словарь. (Издаваемый Русским Историческим Обществом). «Романова – Рясовский». Пг.: Тип. Акц. О-ва «Кадима». 1918. С. 211–212. Подпись: Н.М.

**1948**

А.П. Бабушкина. История русской детской литературы. М.: Гос. Уч.-пед. изд-во Мин. Нар. Просвещ. РСФСР. 1948. С. 246, 248–249, 286.

**1976**

Науч. библиотека им. А.М. Горького МГУ им. М.В. Ломоносова, ГБ СССР им. В.И. Ленина. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М.: изд. Книга. 1976. Т. 1. XV–XVIII вв. С. 229.

**1982**

Подснежник. Журнал для детского и юношеского возраста. СПб., 1858–1862. Ежемес. Ред.-изд. В.Н. Майков // Русские журналы для детей (1785–1917 гг.). Библиографический указатель и аннотации. Сост. З.И. Свиридова, М.И. Холмов. Л.: Ленинградский университет. 1982. С. 17–18.

Семейные Вечера. Отдел для младшего возраста. СПб. 1864–1898. Ежемес.; Семейные Вечера. Отдел для старшего возраста. СПб. 1864–1898. Ежемес. // Русские журналы для детей (1785–1917). Библиографический указатель и аннотации. Сост. З.И. Свиридова, М.И. Холмов. Л.: Ленинградский университет. 1982. С. 18–20.

**1997**

М.Я. Айзенштадт, В.Б. Айзенштадт. Музыкальные традиции дома Державиных // Державинские чтения. Выпуск 1. Сборник научных трудов. СПб.: «Дорн». 1997. С. 20–27.

Е.В. Карпова. О скульптурных портретах Г.Р. и Е.Я. Державиных работы Ж.-Д. Рашетта // Державинские чтения. Выпуск 1. Сборник научных трудов. СПб.: «Дорн». 1997. С. 173–180.

**2003**

Львова А.П., Бочкирёва И.А. Род Львовых. Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей. 2004. С. 65, 105.

**2005**

С.Д. Дзюбанов. Завещание Дарьи Алексеевны Державиной // Г.Р. Державин и его время. Сборник научных статей. Выпуск 2. СПб. 2005. С. 199–231.

**2007**

С.Д. Дзюбанов. «Львова вышла замуж за Львова...»: Легенды и факты // Г.Р. Державин и его время. Сборник научных статей. СПб. 2007. С. 96–116.

**2008**

А.А. Смольевский. Развитие культурных традиций двух ветвей рода Львовых XVIII–XXI вв. // Петербургский Периховский сборник: Вып. VIII: Н.А. Львов. Жизнь и творчество: Ч. 3. Родственные связи. Сборник статей... СПб.: Периховский центр СПбГУ; Вышний Волочёк: Изд. «Ирида-прос». 2008. С. 147–190.

А.Ю. Грязнова. Елизавета Николаевна Львова – племянница Державиных // Петербургский Периховский сборник: Вып. VIII: Н.А. Львов. Жизнь и творчество: Ч. 3. Родственные связи. Сборник статей... СПб.: Периховский центр СПбГУ; Вышний Волочёк: Изд. «Ирида-прос». 2008. С. 191–198.

С.Д. Дзюбанов. «Львова вышла замуж за Львова...»: Легенды и факты // Петербургский Периховский сборник: Вып. VIII: Н.А. Львов. Жизнь и творчество: Ч. 3. Родственные связи. Сборник статей... СПб.: Периховский центр СПбГУ; Вышний Волочёк: Изд. «Ирида-прос». 2008. С. 199–213.

**2009**

А.Е. Оторочкина. Детские журналы XIX – начала XX в. в коллекции ГЛММЗ Н.А. Некрасова «Карабиха» // Русская усадьба XVIII – начала XXI в. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации. Материалы научной конференции. 2–3 июля 2009 г. Ярославль. 2009. С. 25–26.

**2010**

А.Е. Оторочкина. Детские журналы как явление русской книжной культуры XIX – начала XX в. (на материалах коллекции музея-заповедника Н.А. Некрасова «Карабиха») // Книжная культура Ярославского края. Материалы научной конференции (Ярославль, 13–14 октября 2009 г.). Ярославль. 2010. С. 57–58.

Николай Марягин. Сельцо Лебяжье // Сайт Николая Марянина. [http://triozera16-56.ucoz.ru/publ/selco\\_lebjazhe/1-1-0-42](http://triozera16-56.ucoz.ru/publ/selco_lebjazhe/1-1-0-42) (Добавил: 16.12.2010). (Источник: <http://Газета «Новая жизнь», 14 декабря 2010 г.>).

**2013**

Л.С. Коробова, О.И. Мазурок. История имения Бектышево и его владельцев // Н.А. Львов. Жизнь и творчество: Ч. IV. Новые материалы (дополнение к сказанному). Сборник статей... Вышний Волочёк: Изд. «Ирида-прос». 2013. С. 519–556.

Н.Ф. Самсонова. Моя школа // Н.А. Львов. Жизнь и творчество: Ч. IV. Новые материалы (дополнение к сказанному). Сборник статей... Вышний Волочёк: Изд. «Ирида-прос». 2013. С. 557–604.

Николай Марягин. Сестра первого гимнописца России // Ульяновская правда. 2013. 27 августа. <http://ulpravda.ru/ulpravda-newspaper/news/news-129>.

## Роспись журнала «Семейные вечера»

*Детский журнал,  
издаваемый под редакциею М.Ф. Ростовской*

### *Отдел для младшего возраста*

**1864**

#### **Январь**

М.Ф. Ростовская. Росинка и Зима на Волге. Два стихотворения. С. 1.

М.Ф. Ростовская. Буянка Таня. С. 4.

[М.Ф. Ростовская]. Николай Александрович Львов. С. 16.

Подозрение. С. 19.

Мученик. (Из школьных воспоминаний). (С франц.). С. 20. Б. п.

М.Ф. Ростовская. Крестьянская школа. С. 30.

Капитан Мэйн-Рид. Поселение в пустыне. (С англ.). С. 39.

#### **Февраль**

М.Ф. Ростовская. Матрена Карповна с семейством. С. 1.

Императрица Екатерина II. С. 13. Б. п.

Живые уроки. С. 14. Б. п.

Шмит. Грушевое дерево. (С немецк.). С. 17. Б. п.

Может быть все к лучшему. С. 18. Б. п.

Незабудки. С. 28. Б. п.

Я. Г[рот]. Начало Руси. С. 28

М.Ф. Ростовская. Крестьянская школа. (Продолж.). С. 32.

Капитан Мэйн-Рид. Поселение в пустыне. (С англ.). (Продолж.). С. 46.

#### **Март**

Н. Грот. Сиротка. С. 107.

М.Ф. Ростовская. Улитка и Селедка. С. 118.

Володя. Подпись: Е.Ф. С. 120.

Каменотесец. С. 123. Б. п.

Франц Гоффман. За морем. (Пер. с немецк.). С. 124.

М.Ф. Ростовская. Крестьянская школа. (Продолж.). С. 133.

Капитан Мэйн-Рид. Поселение в пустыне. (С англ.). (Продолж.). С. 147.

### Апрель

М.Ф. Ростовская. Пара голубей. С. 159.

[М.Ф. Ростовская]. Дурак. Басня. С. 173.

Чижики. С. 174. Б. п.

История Фиалки. (Пер. с франц.). С. 175. Б. п.

Догадливая девочка. С. 178. Б. п.

Кто больше дал? С. 178. Б. п.

Резеда. С. 179. Б. п.

Слово и дело. С. 180. Б. п.

Мария Алексина. Путевые заметки Мани. С. 182.

Крестьянский мальчик. С. 196. Б. п.

Капитан Мэйн-Рид. Поселение в пустыне. (С англ.). (Продолж.). С. 196.

### Май

Священник Александр Гумилевский. Отец Лукьян. С. 211.

Кофеи и чай. Подпись: К. К-ва. С. 213.

Барометр. С. 219. Б. п.

Насмешник. (С немецк.). С. 222. Б. п.

Франц Гофман. За морем. (Пер. с немецк.). (Продолж.). С. 223.

М.Ф. Ростовская. Крестьянская школа. (Продолж.). С. 242.

Цапля. (С немецк.). С. 255. Б. п.

Капитан Мэйн-Рид. Поселение в пустыне. (С англ.). (Продолж.). С. 256.

### Июнь

М.Ф. Ростовская. Бабушка и внучки. Рассказ с натуры. С. 263.

Франц Гофман. За морем. (Пер. с немецк.). (Оконч.). С. 267.

Великодушие. С. 270. Б. п.

Записные книжки. С. 271. Б. п.

- М.Ф. Ростовская. Крестьянская школа. (Продолж.). С. 271.  
 Геройский подвиг семилетнего ребенка. С. 283. Б. п.  
 Мария Алексина. Путевые заметки Мани. (Продолж.).  
 С. 283.  
 Диккенс. Волшебное путешествие. (Пер. с англ.). С. 291.  
 Священник Феофил Паркевич. С. 294. Б. п.  
 Красное яичко. С. 295. Б. п.  
 Капитан Мэн-Рид. Поселение в пустыне. (С англ.). (Продолж.). С. 298.

### Июль

- М.Ф. Ростовская. Дети-натуралисты. (Рассказ с натуры).  
 С. 311.  
 Рождественский чулок. (Американский рассказ). – История трех яблоков. – Похождения медной копеечки. С. 319. Б. п.  
 Лилия. С. 334. Б. п.  
 Вильгельм Тель. Исторический рассказ. С. 335. Б. п.  
 М.Ф. Ростовская. Крестьянская школа. (Продолж.). С. 337.  
 Алькандр. С. 345. Б. п.  
 Венцеслава. С. 347. Б. п.  
 Странноприимный дом на горе Сан-Бернар. (Пер. с французск.). С. 348. Б. п.  
 Капитан Мэн-Рид. Поселение в пустыне. (С англ.). (Продолж.). С. 353.

### Август

- [М.Ф. Ростовская]. Девочки. (Рассказ с натуры). С. 363.  
 Мария Алексина. Путевые заметки Мани. (Продолж.).  
 С. 365.  
 Яблоки Никифора Ивановича. Комедия в одном действии.  
 Подпись: Г. (Грот?). С. 373.  
 Гагачий пух. С. 379. Б. п.  
 Котик-Бархотик. Сказка. Подпись: Н.К. С. 380.  
 Арколь. (Похождение знаменитой лошади). (С французск.).  
 С. 389. Б. п.  
 М.Ф. Ростовская. Крестьянская школа. (Продолж.). С. 397.

## Сентябрь

Н. Ярцова. Полесовщик. Сказка. С. 413.

Арколь. (Похождение знаменитой лошади). (С французск.). (Оконч.). С. 419. Б. п.

История пчелки, рассказанная ею самою. (Пер. с англ.). С. 428. Б. п.

Голос. С. 435. Б. п.

Лампада бедной старушки. С. 436. Б. п.

Сестры-близнецы. (Пер. со шведск.). С. 437. Б. п.

Аравийское сказание. С. 449. Б. п.

Костя. С. 450. Б. п.

Капитан Мэн-Рид. Поселение в пустыне. (С англ.). (Продолж.). С. 455.

## Октябрь

[М.Ф. Ростовская]. Сравнение. (Рассказ с натуры). С. 465.

Я. Г[рот]. Начало Руси. (Продолж.). С. 466.

М.Ф. Ростовская. Крестьянская школа. (Продолж.). С. 472.

История пчелки, рассказанная ею самою. (Пер. с англ.). (Продолж.). С. 485. Б. п.

Н. Грот. Прогулка за ягодами и грибами. С. 495.

Несколько слов о Моцарте. (С французск.). С. 503. Б. п.

Зеркало карликов. Сказка. (С немецк.). С. 506.

## Ноябрь

Обезьяна. С. 517. Б. п.

[М.Ф. Ростовская]. Благой пример. (Рассказ с натуры). С. 518.

У бабушкина камина. (Пер. с французск.). С. 520. Б. п.

Бочонок. Средневековая легенда. С. 533.

Векша. Сказка. Подпись: Н.К. С. 537.

Николай Коперник. (С французск.). С. 546. Б. п.

Мария Алексина. Путевые заметки Мани. (Продолж.). С. 549.

Н. Ярцова. Чего с детьми не бывает. С. 556.

Капитан Мэн-Рид. Поселение в пустыне. (С англ.). (Продолж.). С. 560.

### Декабрь

М.Ф. Ростовская. Три сестры – почтовые марки. Фантастический рассказ. С. 569.

У бабушкина камина. (Пер. с французск.). (Оконч.). С. 585. Б. п.

Розы. (Пер. с немецк.). С. 593. Б. п.

Н. Ярцова. Стекло. С. 594.

Орлиное гнездо. С. 600. Б. п.

Голуби. С. 601. Б. п.

Н. Ярцова. Мороз. (Финская народная сказка). С. 602.

Мария Алексина. Путевые заметки Мани. (Оконч.). С. 608.

Капитан Мэйн-Рид. Поселение в пустыне. (С англ.). (Продолж.). С. 616.

### 1865

### Январь

М. Ростовская. Крестьянская школа. (Продолж.). Гл. IX. С. 1–18.

Несколько слов о дедушке Крылове. Подпись: П.Л. С. 18–20.

[Е.В. Салиас]. Ломоносов. Исторический рассказ. Подпись: Е.Б. С. 21–34.

Александр Македонский. (С французского). Б. п. С. 34–43.

[М. Ростовская]. Подкова. С. 43–45. Б. п.

[М. Ростовская]. Столляр и маляр. С. 45. Б. п.

[М. Ростовская]. Школьник. С. 46–47. Б. п.

М. Ростовская. Библиография. Семь новых сказок Госпожи А. Коваленской. С. 47–52. (Сказка «Фиалка» А. Коваленской приведена полностью. – С. 48–51).

### Февраль

Капитан Мэйн-Рид. Поселение в пустыне. (Продолж.). (С английского). С. 53–65.

Из жизни Моцарта. (С французского). Б. п. С. 65–68.

[М. Ростовская]. Сметливый мальчик. Рассказ с натуры. С. 68–69.

Сцены из жизни германских императоров: Оттона I и Генриха IV. (С немецкого). Б. п. С. 69–73.

М. Ростовская. Попугай. Рассказ с натуры. С. 73–76.

Австрийский император Иосиф II. (С французского). Б. п. С. 76–87.

Путешественники. Сказка. Подпись: Н.К. С. 88–95.

Галилей. Б. п. С. 95–100.

## Март

М. Ростовская. Крестьянская школа. (Продолж.). Гл. X. С. 101–117.

Охота на страусов. Б. п. С. 117–119.

[М. Ростовская?] Искра. Фантастический рассказ. Б. п. С. 119–121.

Н. Ярцова. Бабушкин чулок. С. 121–126.

[Е.В. Салиас]. Меншиков. Подпись: Е.В. С. 126–142.

[М. Ростовская]. Клад. С. 142–144. Б. п.

Австрийский император Иосиф II. (Оконч.). (С французского). С. 145–150. Б. п.

## Апрель

Н. Ярцова. Черномазые бусурмане. Рассказ с натуры. С. 151–161.

Император и Аббат. Старинная сказка. С. 161–163. Б. п.

Суворов и истопник. (Анекдот). С. 163–164. Б. п.

История жизни дедушки, рассказанная им в кругу его внуков. (С немецкого). С. 164–179. Б. п.

М. Ростовская. Три вопроса шестилетнего Николи. (С натуры). С. 179–180.

Фридрих II Великий Король Прусский. С. 180–184. Б. п.

Капитан Мэйн-Рид. Поселение в пустыне. (С английского). С. 184–195.

Лучшая ученица. (С английского). С. 195–198. Б. п.

## Май

М. Ростовская. Крестьянская школа. (Продолж.). Гл. XI. С. 199–216.

Сострадательные индейцы. (Из нравов американских индейцев). С. 216–222. Б. п.

[М. Ростовская]. Честный поступок. С. 222–224.

Король Золотой реки, или Чёрные братья. (Стирийская легенда). С. 224–234. Б. п.

Подсолнечник. Подпись: Н.К. С. 234–238.

[М. Ростовская]. Дурная привычка. С. 239–240. Б. п.

[М. Ростовская]. Правда. С. 240–247. Б. п.

## Июнь

Н. Ярцова. Гаданье. С. 249–257.

Лёди снег у африканцев. (С немецкого). С. 257–259. Б. п.

Капитан Мэйн-Рид. Поселение в пустыне. (Оконч.). С. 259–276.

[М. Ростовская]. Как аукнется, так и откликнется. С. 276. Б. п.

Король Золотой реки, или Чёрные братья. (Стирийская легенда). (Оконч.). С. 276–283. Б. п.

Николай Рычков. Очерк Москвы. С. 283–286.

Лето в лесу. С. 286–297. Б. п.

## Июль

М. Ростовская. Крестьянская школа. (Оконч.). Гл. XII. С. 299–314.

Нужны ли деньги, чтобы делать добро? (С английского). С. 314–326. Б. п.

Нева и ее острова. С. 326–328. Б. п.

[М. Ростовская]. Дитя-пришелец. Стихотворение. С. 328–329. Б. п.

Лето в лесу. (Продолж.). С. 329–338. Б. п.

Канарейки. (С немецкого). С. 38–343. Б. п.

Легенда о трюфлях. С. 344–345. Б. п.

## Август

- Несколько слов о Крыме. С. 347–349. Б. п.  
Говор цветов. (С французского). С. 349–357. Б. п.  
А. Коваленская. Ива. Сказка. С. 357–359.  
[М. Ростовская]. У страха глаза велики. С. 360–362. Б. п.  
Лето в лесу. (Окончание). Подпись: В.Л. С. 363–378.  
Канарайки. (С немецкого). (Продолж.). С. 378–391. Б. п.  
Лисица. (С немецкого). С. 392–398. Б. п.

## Сентябрь

- Лето и зима. Сказка. Подпись: Тетя Соня. С. 399–403.  
Перемена жизни. (С французского). С. 403–426. Б. п.  
Канарайки. (С немецкого). (Продолж.). С. 426–431. Б. п.  
Ласточки. Легенда. (С английского). С. 431–433. Б. п.  
Говор цветов. (Продолж.). С. 433–441. Б. п.  
[Е.В. Салиас]. Пушкин. С. 442–446. Подпись: Е.Б.

## Октябрь

- М. Ростовская. Контрабас. (Посвящ. Маше Родзянко). С. 447–463.  
[М. Ростовская]. Картины из детского быта. (I. Расспросы. – II. Швея. – III. Сочельник). С. 463–470. Б. п.  
Канарайки. (С немецкого). (Продолж.). С. 475–480.  
Перемена жизни. (С французского). (Продолж.). С. 480–498.  
Б. п.

## Ноябрь

- Канарайки. (С немецкого). (Продолж.). С. 499–504. Б. п.  
[М. Ростовская]. Картины из детского быта. (Оконч.). (IV. – Разговенье. – V. Ёлка). С. 504–511.  
Говор цветов. (Продолж.). (С французского). С. 512–521. Б. п.  
Перемена жизни. (Продолж.). (С французского). С. 522–553.  
[Е.В. Салиас]. Пушкин. (Оконч.). Подпись: Е.Б. С. 553–556.

### Декабрь

- А. Коваленская. Счастливый человек. С. 557–566.  
 Перемена жизни. (Оконч.). (С французского). С. 566–587. Б. п.  
 Говор цветов. (Оконч.). (С французского). С. 587–603. Б. п.  
 Канарейки. (Оконч.). (С немецкого). С. 603–608. Б. п.

## 1866

### Январь

- М. Ростовская. Исакиевский собор. С. 1–12.  
 Джон глухо-немой. (С англ.). С. 12–18. Б. п.  
 [М. Ростовская]. Дети. (С натуры). С. 18–20.  
 Августин. (С французск.). С. 20–30.  
 Слово извозчика. С. 30. Б. п.  
 Птицы и природные их способности. (С французск.). С. 31–35.  
 Георг Стефенсон, один из первых строителей железных дорог. С. 35–40. Подпись: В.В. Ар-ский.  
 М. Кузнецов. Летучие мыши. С. 40–45.

### Февраль

- [М. Ростовская]. Исторические анекдоты. (Екатерина II и Сундерланд. – Наполеон I и медаль. – Фридрих Великий и паж.). С. 47–50.  
 Джон глухо-немой. (С англ.). (Оконч.). С. 51–57. Б. п.  
 Павел Яковлев. Вода. С. 58–69.  
 Августин. (С французск.). (Продолж.). С. 69–83.  
 [М. Ростовская]. Дети. (С натуры). (Продолж.). С. 83–85.  
 Коля Монти. Рассказ. (Перевод с англ.). С. 85–94.

### Март

- Н. Ярцова. Три слова. Простонародный анекдот. С. 95–98.  
 Августин. (С французск.). (Продолж.). С. 94–108.  
 Птицы и природные их способности. (С французск.). (Продолж.). С. 109–120.  
 Павел Яковлев. Вода. (Оконч.). С. 120–129.

[М. Ростовская]. Ответ старушки. (С натуры). С. 129–130.

[М. Ростовская]. Исторические анекдоты (Ломоносов и стеклянные пуговицы. – Бюст и портрет Петра Великого. – Суворов и план.). С. 130–132.

Коля Монти. Рассказ. (Перевод с англ.). (Продолж.). С. 132–142.

### Апрель

М. Ростовская. Пони. С. 143–154.

Августин. (С французск.). (Продолж.). С. 154–166.

Павел Яковлев. Лес. С. 166–177.

Храбрый барабанщик Бильбокэ. (С французск.). С. 177–181.

Б. п.

М. Ростовская. Два слова об И.И. Хемницере. С. 181–182.

Приложение: Мария Ростовская. По случаю события 4 апреля 1866 г. С. 1–4.

### Май

[М. Ростовская]. Несколько случаев из частной жизни Императора Николая. (Записано со слов князя Петра Михайловича Волконского). С. 181–185. (*ошибочно повторная нумерация с. 181–182*).

М. Ростовская. Пони. (Продолж.). С. 185–193.

Августин. (С французск.). (Продолж.). С. 193–199.

Толстокожие животные в музее С.-Петербургской Академии наук. С. 199–205.

Шесть неудач малолетнего короля. (С французск.). С. 205–212. Б. п.

[М. Ростовская]. Встреча Христова Дня. С. 212–214.

Коля Монти. Рассказ. (Перевод с англ.). (Продолж.). С. 214–219.

[М. Ростовская]. Дети. (С натуры). (Продолж.). С. 219–220.

### Июнь

М. Ростовская. Пони. (Продолж.). С. 221–235.

Августин. (С французск.). (Продолж.). С. 235–247.

Собачья проделка. (Английские сказки). С. 247–253. Б. п.

[М. Ростовская]. Под сказкой – правда. С. 253.

[Павел Яковлев]. Толстокожие животные в музее С.-Петербургской Академии наук. (Оконч.). С. 254–257. Подпись: П.Я.

Коля Монти. Рассказ. (Перевод с англ.). (Продолж.). С. 257–261.

[М. Ростовская]. Дети. (С натуры). (Продолж.). С. 261–262.

## Июль

[М. Ростовская]. Несколько случаев из частной жизни Императрицы Екатерины II. (Записано со слов Николая Петровича Румянцева Марии Алексеевной Львовой, урожденной Дьяковой). С. 263–265.

М. Ростовская. Пони. (Продолж.). С. 265–276.

Августин. (С французск.). (Продолж.). С. 276–286.

Баронесса М. Боде. Насущный хлеб. С. 286–293.

Два друга. Легенда. (С немецк.). С. 293–296.

А. Ковалевская. Ива. Сказка. С. 296–299.

Коля Монти. Рассказ. (Перевод с англ.). (Продолж.). С. 299–302.

## Август

М. Ростовская. Пони. (Оконч.). С. 303–312.

Августин. (С французск.). (Продолж.). С. 312–322.

Гремучая змея и удав. С. 323–330. Подпись: М.С.

Прогулка. С. 330–334. Б. п.

Коля Монти. Рассказ. (Перевод с англ.). (Продолж.). С. 334–341.

[М. Ростовская]. Дети. (С натуры). (Продолж.). С. 341–342.

## Сентябрь

Два месяца между самоедами. С. 343–354. Б. п.

Ягодка земляничка. С. 355. Б. п.

На даче. С. 356–363. Подпись: С.М. (*Софья Макарова?*)

Коля Монти. Рассказ. (Перевод с англ.). (Продолж.). С. 363–366.

О некоторых хищных животных. С. 366–369. Подпись: А.В.

Августин. (С французск.). (Продолж.). С. 369–381.

Арестованный капельмейстер. (С немецк.). С. 381–384. Б. п.  
[М. Ростовская]. Дети. (С натуры). (Продолж.). С. 384–386.

Приложение: Мария Ростовская. Встреча принцессы Марии-Дагмары Высоконареченной невесты Государя Цесаревича Великого Князя Александра Александровича. С. 1–4.

### Октябрь

Два месяца у самоедов. (Продолж.). С. 387–400. Б. п.

Коля Монти. Рассказ. (Перевод с англ.). (Продолж.). С. 400–407.

Августин. (С французск.). (Продолж.). С. 407–417.

Совесть. С. 417–419. Б. п.

[М. Ростовская]. Дети. (С натуры). (Продолж.). С. 419–420.

Птицы и природные их способности. (С французск.). (Продолж.). С. 420–426.

Наши книжки. С. 426–429.

Объявление от редакции журнала «Семейные Вечера». С. 430.

Приложение: Мария Ростовская. Встреча принцессы Марии-Дагмары Высоконареченной невесты Государя Цесаревича Великого Князя Александра Александровича. (Продолж.). С. 1–8.

### Ноябрь

Два месяца между самоедами. (Продолж.). С. 431–441. Б. п.

Коля Монти. Рассказ. (Перевод с англ.). (Оконч.). С. 441–446. Б. п.

Августин. (С французск.). (Продолж.). С. 446–455.

Водопады. С. 455–461. Б. п.

Наши книжки. (Продолж.). С. 461–465.

[М. Ростовская]. Дети. (С натуры). (Продолж.). С. 466.

### Декабрь

Софья Дмитриева. Два месяца между самоедами. (Оконч.). С. 467–476.

Августин. (С французск.). (Оконч.). С. 476–487. Б. п.

Семейный праздник. С. 487–497. Б. п.

Птицы и природные их способности. (С французск.). (Оконч.). С. 497–503.

[М. Ростовская]. Дети. (С натуры). (Продолж.). С. 504.

Наши книжки. (Оконч.). С. 504–509. Подпись: В.С.

[М. Ростовская]. Слово Природа. С. 509–510.

Оглавление за 1866 год. С. I–IV.

## 1867

### Январь

М. Ростовская. Крестьянская школа. (Часть вторая). С. 1–15.

[М. Ростовская]. Несколько случаев из жизни Петра Великого. С. 15–21.

Майн-Рид. Юноши невольники. (С англ.). С. 21–31.

Мертвое море. С. 31–33. Б. п.

О. Сомова. Царское Село. С. 33–39.

Один из подвигов христианского самопожертвования в IV веке по Рождестве Христовом (с новогреческого). С. 39–40.

### Февраль

М. Ростовская. Крестьянская школа. (Часть вторая). (Продолж.). С. 41–54.

Капитан Непрошку. (С немецкого). С. 54–56.

Майн-Рид. Юноши невольники. (С англ.). (Продолж.). С. 57–65.

[М. Ростовская]. Дети (с натуры). С. 66–67.

О. Сомова. Царское Село. (Продолж.). С. 67–78.

[М. Ростовская]. Несколько случаев из жизни Суворова. С. 79–80.

### Март

Цветочница. (Рассказ с натуры). Подпись: Н.Л. С. 81–85.

М. Ростовская. Крестьянская школа. (Часть вторая). (Продолж.). С. 86–100.

Быт Императора Петра I (1672–1725). (Из книжки «Русская Старина», соч. Корниловича). С. 100–104.

Майн-Рид. Юноши невольники. (С англ.). (Продолж.). С. 104–112.

Пиетро-Бертини Кортони. (Родился в 1596 г., умер в 1669 г.). (С немецкого). С. 112–115.

О. Сомова. Царское Село. (Продолж.). С. 115–123.

## Апрель

М. Ростовская. Крестьянская школа. (Часть вторая). (Продолж.). С. 124–139.

Слепая Молли. (С англ.). С. 140–143.

Майн-Рид. Юноши невольники. (С англ.). (Продолж.). С. 144–151.

Догадливая лисица. С. 152. Б. п.

Булавка. Сказочка. (С немецкого). С. 153–154.

Случай из жизни Геллерта. (Родился в 1715 г., умер в 1769 г.). С. 154–156. Б. п.

Монгольское иго. Подпись: В.Д. С. 156–163.

[М. Ростовская]. Несколько случаев из жизни Императрицы Екатерины II. С. 163–164.

## Май

М. Ростовская. Крестьянская школа. (Часть вторая). (Продолж.). С. 166–175.

Слепая Молли. (С англ.). (Продолж.). С. 175–182.

Майн-Рид. Юноши невольники. (С англ.). (Продолж.). С. 182–188.

О. Сомова. Царское Село. (Продолж.). С. 188–196.

Из юношеских годов Георга Вашингтона. С. 196–201. Б. п.

Баобаб. С. 201–202. Б. п.

День и вечер Императрицы Екатерины II. Из записок о ней одного из секретарей ея, Адриана Мойсеевича Грибовского. С. 203–204.

## Июнь

М. Ростовская. Крестьянская школа. (Часть вторая). (Продолж.). С. 205–220.

Слепая Молли. (С англ.). (Оконч.). С. 221–226. Б. п.

Майн-Рид. Юноши невольники. (С англ.). (Продолж.). С. 226–238.

Японцы. С. 238–242. Б. п.

Натуральные мосты над пропастями в Гарце и горах Новой Гранады. С. 243–244. Б. п.

## Июль

Майн-Рид. Юноши невольники. (С англ.). (Продолж.). С. 246–257.

День и вечер Императрицы Екатерины II. Из записок о ней одного из секретарей ея, Адриана Мойсеевича Грибовского. (Оконч.). С. 257–258.

Мальчик беглец. С. 258–265.

О. Сомова. Царское Село. (Продолж.). С. 265–277.

Муравьи. С. 277–282. Б. п.

Хвойные деревья. С. 282–284. Б. п.

[М. Ростовская]. Дети (с натуры). (Продолж.). С. 284.

## Август

М. Ростовская. Крестьянская школа. (Часть вторая). (Продолж.). С. 285–295.

Мальчик беглец. (Оконч.). С. 295–301.

Майн-Рид. Юноши невольники. (С англ.). (Продолж.). С. 302–312.

О фарфоре. С. 312–316.

Пробуждение жизни на острове Магерое. С. 316–318.

Аллигатор. С. 318–320.

А.В. Тигр. С. 320–324.

[М. Ростовская]. Дети (с натуры). (Продолж.). С. 324.

## Сентябрь

М. Ростовская. Крестьянская школа. (Часть вторая). (Продолж.). С. 325–338.

О фарфоре. (Продолж.). С. 338–340.

Превращение насекомых. С. 341–343.

О. Сомова. Царское Село. (Продолж.). С. 343–355.

Майн-Рид. Юноши невольники. (С англ.). (Продолж.). С. 355–362.

Кит северных морей. С. 362–364.

### Октябрь

М. Ростовская. Крестьянская школа. (Часть вторая). (Продолж.). С. 365–378.

О фарфоре. (Оконч.). С. 378–384.

Майн-Рид. Юноши невольники. (С англ.). (Продолж.). С. 384–402.

[М. Ростовская]. Дети (с натуры). (Продолж.). С. 402–404.

### Ноябрь

М. Ростовская. Крестьянская школа. (Часть вторая). (Продолж.). С. 405–417.

Майн-Рид. Юноши невольники. (С англ.). (Продолж.). С. 417–430.

Баронесса Мария Боде. Суматоха в улье. С. 430–434.

Огненная земля. С. 435–437.

С.М. Сон. С. 437–444.

### Декабрь

М. Ростовская. Крестьянская школа. (Часть вторая). (Оконч.). С. 445–473.

Майн-Рид. Юноши невольники. (С англ. Перевод Андрея Ростовского). (Оконч.). С. 473–494.

О. Сомова. Царское Село. (Оконч.). С. 495–502.

Мария Ростовская. Библиография. Азбука и первые уроки чтения, сост. Катря Майко. С. 503.

Оглавление. Младший возраст. 1867 г.

Объявления.

## 1868

**Январь**

- Деньги. Турецкая быль. Подпись: Г.Д. С. 1.  
 М. Ростовская. Тюлени. С. 15.  
 Фонарщик. (С англ.). С. 32.  
 М. Ростовская. Бедуины. С. 38.  
 Библиография. Для детей. С. 41.  
 Объявления. С. 43.

**Февраль**

- Е. Талычева. [Е.В. Новосильцева]. Сказание о старине. С. 45.  
 М. Ростовская. Матрос. (Басня). С. 53.  
 [М. Ростовская]. Зайчики. (Басня). С. 54. Б. п.  
 Фонарщик. (С англ.). (Продолж.). С. 55.  
 Учтивость. С. 72. Б. п.  
 Дикие козы. С. 74. Б. п.  
 Все к лучшему. С. 77. Б. п.  
 Объявления. С. 83.

**Март**

- С. Макарова. Нарядное платье. С. 86.  
 Фонарщик. (С англ.). (Продолж.). С. 97.  
 Метеоры. С. 107. Б. п.  
 Маленький башмачник. (С немецк.). С. 114. Б. п.  
 М. Ростовская. Медведь. (Басня). С. 123.  
 Объявления. С. 124.

**Апрель**

- М. Ростовская. Счастливый случай. Рассказ в стихах. С. 126.  
 Великий Князь Александр Невский. Исторический очерк.  
 С. 131. Б. п.  
 Фонарщик. (С англ.). (Продолж.). С. 136.  
 Рыбки. С. 148. Б. п.  
 Павлины. С. 148. Б. п.  
 Маленький башмачник. (С немецк.). (Продолж.). С. 153.

**Май**

- С. Соболевская. Диксионер. С. 165.  
История киевского варенья. С. 173. Б. п.  
М. Ростовская. Человеческие расы. С. 174.  
Крестьянские дети. (С натуры). Подпись: И.С. С. 179.  
Фонарщик. (С англ.). (Продолж.). С. 182.  
М. Ростовская. Мельница. С. 190.  
Маленький башмачник. (С немецк.). (Оконч.). С. 190.  
Любопытная. (С англ.). С. 201.

**Июнь**

- Мишин сон. Подпись: И.К. С. 207.  
С. Соболевская. Диксионер. (Оконч.). С. 211.  
М. Ростовская. Храбрый зайчонок. (Басня). С. 219.  
Фонарщик. (С англ.). (Продолж.). С. 220.  
Озера, реки и ручейки. (Американская басня). С. 225.  
Город игрушек. (С англ.). С. 227.  
Девочка, наступившая на хлеб. (С датского). С. 242.

**Июль**

- С. Соболевская. Чудесный четвертак. С. 247.  
Фонарщик. (С англ.). (Продолж.). С. 260.  
Поездка на Валаам. С. 267. Б. п.  
Землянича. (С немецк.). С. 271.  
[М. Ростовская]. Дети. (С натуры). С. 288.

**Август**

- Е. Талычева. [Е.В. Новосильцева]. Приемыш. С. 289.  
Фонарщик. (С англ.). (Продолж.). С. 302.  
Беседа о мифологии. С. 309. Б. п.  
Испытание. (С англ.). С. 313.  
М. Л[ьво]в. Семишник. С. 321.  
Случай из последней американской войны. С. 323. Б. п.  
Орлиное гнездо. С. 326. Б. п.

### Сентябрь

- Счастливый денек. Подпись: Г.Д. С. 329.  
 Грабы. Подпись: В.Д. С. 343.  
 Фонарщик. (С англ.). (Продолж.). С. 350.  
 Эскимосы. Подпись: Т.С. 355.  
 Монета в сто су. (С англ.). С. 360.  
 «Сделайте милость». Из жизни герцога Веллингтона. С. 370.

### Октябрь

- Маленькие цыгане. (С англ.). С. 371.  
 Фонарщик. (С англ.). (Продолж.). С. 381.  
 Як, бык с лошадиным хвостом. С. 388. Б. п.  
 Монета в сто су. (С англ.). (Оконч.). С. 391.  
 М. Ростовская. Злой филин. С. 403.  
 Сирота. (С англ.). С. 403.

### Ноябрь

- Крещение Руси. С. 413. Б. п.  
 Маленькие цыгане. (С англ.). (Оконч.). С. 417.  
 Слуга Порпоры или Приятная неожиданность. С. 425. Б. п.  
 Лакомка. С. 431. Б. п.  
 Фонарщик. (С англ.). (Продолж.). С. 432.  
 Наставление Карамзина своему сыну. С. 444. Б. п.  
 Равнины Венгрии. Подпись: Т.С. 445.  
 Детская сцена. С. 452. Б. п.

### Декабрь

- М. Ростовская. Две овечки. (Басня). С. 453.  
 Воспоминания детства. С. 454. Б. п.  
 Фонарщик. (С англ.). (Продолж.). С. 459.  
 Первая исповедь. Подпись: А...ъ. С. 471.  
 Товарищ короля Кловиса. (С франц.). С. 473.  
 Бушмены. С. 494. Б. п.  
 [М. Ростовская]. Дети. (С натуры). С. 496.  
 Виктор Смирнов. Библиография. Сокращенная Русская История. С. 496.

**1869****Январь**

М. Ростовская. Жучка. С. 1–24.

П. Р-в. Медведь. С. 25–28.

Шмидт. Ферма под Липами. (Рассказ). С. 29–39.

Фонарщик. (Продолжение). С. 39–42.

**Февраль**

М. Ростовская. Жучка. (Продолж.). С. 43–57.

Босоногая пташка. (С англ.). С. 57–64.

Житие святых Кириллы и Мефодия. (Составлено с изустных рассказов, преподанных в одной школе). С. 64–73.

Шмит. Ферма под Липами. (Рассказ). (Продолж.). С. 73–82.

Фонарщик. (Продолжение). С. 82–85.

Дым и золото. С. 85–86. Б. п.

**Март**

М. Ростовская. Жучка. (Оконч.). С. 87–98.

Босоногая пташка. (С англ.). (Оконч.). С. 99–104.

Светляк. (С французск.). С. 105–108.

Шмидт. Ферма под Липами. (Рассказ). (Оконч.). С. 108–118.

Фонарщик. (Продолжение). С. 118–123.

Страшная борьба с тиграми. (Из All the Year Round). С. 124–126.

**Апрель**

Клад. Сказка. С. 127–132. Б. п.

Фонарщик. (Продолжение). С. 133–142.

М. Ростовская. Утюта. Рассказ в стихах. С. 142–145.

Твердая надежда. Повесть Сарры Буд. (С англ.). С. 145–160.

Чай, сахар и кофе. С. 160–165. Б. п.

Чулки. С. 165–166. Подпись: Р.

**Май**

- Флейщик. С. 167–173.  
 Фонарщик. (Продолжение). С. 174–182.  
 Е. Клевецкая. Общая зараза, или Лотерейный билет. Комедия для детей в одном действии. С. 182–192.  
 Авд. С-в. Река Миссисипи. С. 192–195.  
 Аньхен. Рассказ. (С немецкого). С. 196–207.  
 А.С. Александровская колонна. С. 207–208.

**Июнь**

- Флейщик. (Оконч.). С. 209–214.  
 Фонарщик. (Оконч.). С. 215–223.  
 Волга. С. 224–233. Б. п.  
 Хлопчатник. С. 233–235. Подпись: С.  
 Ральф Мильбурн. (С англ. Пер. С. Соболевская). С. 235–246.  
 Хлебное дерево. С. 247–248. Подпись: С.

**Июль**

- М. Ростовская. Мартышка и Кошечки. Басня. С. 249–250.  
 Физика везде. С. 251–260. Б. п.  
 С. Соболевская. Кошке игрушки, а Мышкам слезки. С. 260–275.  
 Бури на море и спасительные маяки. С. 276–279. Б. п.  
 В чем геройство? Повесть. (С англ.). С. 279–288.

**Август**

- Собор св. Софии в Новгороде. С. 289–296. Подпись: Е.Б.  
 Физика везде. (Оконч.). С. 296–306. Б. п.  
 С. Соболевская. Кошке игрушки, а Мышкам слезки. (Оконч.). С. 307–323.  
 [М. Ростовская]. Дети (с натуры). (Продолж.). С. 323–325.  
 В чем геройство? Повесть. (С англ.). (Продолж.). С. 325–330.

**Сентябрь**

- А. С-ев. Таня – «Божье дитя». Рассказ. С. 331–340.  
 Месяц в Саксонской Швейцарии. С. 341–351.

М. Ростовская. Дети (с натуры). (Продолж.). С. 351–352.  
Гейсор иди кипучий ключ. (Из «Wonder of Nature and Art»).  
С. 352–354.

В чем геройство? Повесть. (С англ.). (Продолж.). С. 354–370.

### **Октябрь**

М. Ростовская. К подписчикам.

Воспоминание о путешествии в Крым. (Из записок г-жи Н.).  
С. 371–379.

[М. Ростовская]. Дети (с натуры). (Продолж.). С. 379.

Месяц в Саксонской Швейцарии. (Оконч.). С. 380–388. Б. п.  
Лавины. С. 389. Б. п.

О Мышке Беляночке. Сказка. (С французск.). С. 389–393.

В чем геройство? Повесть. (С англ.). (Продолж.). С. 393–410.

### **Ноябрь**

С. Соболевская. Увалень. С. 412–424.

Е. Сысоева. Бедность людям не в укор. (Картины из все-  
дневной жизни). Комедия для детей. С. 424–431.

Е. Суворова. Пчелы. С. 431–437.

В чем геройство? Повесть. (С англ.). (Продолж.). С. 437–449.  
Достопримечательные озера. (Из «Wonder of Nature and  
Art»). С. 449–450.

### **Декабрь**

Петергоф. С. 451–463. Подпись: С.П.В.

С. Соболевская. Старые часы. С. 463–474.

Христофор Колумб. С. 474–480. Б. п.

В чем геройство? Повесть. (С англ.). (Оконч.). С. 480–491.

М. Ростовская. К моим подписчикам. С. 491–492.

Оглавление за 1869 г.

1870

**Январь**

О том, как спас мне жизнь человечек, сделанный из снегу. (Картинка, рис. К.Е. Маковским, грав. М.В. Старииковым). С. 1. Подпись: Н.

М. Ростовская. Крестьянская школа. Часть третья. (Карт., рис. Крюковым, грав. Герасимовым). С. 11.

А. Пчельникова. Собака. (Карт., рис. В. Шпаком, грав. К.Б. Вейерманом). С. 43.

С.А. Чистякова. Наша ласточка. С. 55.

Обитатели лесов в Южной Америке. (Картинка). С. 73.

Объявление.

**Февраль**

Ночной гость. Рассказ. (Карт., рис. Б. Шпаком, грав. М.В. Старииковым). С. 1. Подпись: Н.

М.Ф. Ростовская. Крестьянская школа. (Продолж.). (Карт., рис. Крюковым, грав. Герасимовым). С. 9.

История водяной капли. (Из Грубе). С. 46.

С.А. Чистякова. Пчелы. (С рисунками). С. 58.

В.И. Дауль. Святки. Рассказ. (Карт., рис. А. Шурыгиным, грав. М.В. Старииковым). С. 68.

Библиография: I. Сказки – обновки для умной головки. СПб. и Москва. II. Про Гошу долгие руки. Рассказ. Раешника. Лейбциг. С. 86.

Объявления.

**Март**

С. Макарова. Рабочий ящик. (Карт., рис. К.А. Трутовским, грав. М.В. Старииковым). С. 1.

М.Ф. Ростовская. Крестьянская школа. (Продолж.). (Карт., рис. Крюковым, грав. Герасимовым). С. 40.

С. Чистякова. Кит. (С картинкой). С. 80.

С. Чистякова. Шелковичный червь. (С картинкой). С. 87.

Н.Д. Ахшарумов. Лубок. (С малороссийского текста, в собр. рус. сказок Афанасьева). С. 95.

Библиография: I. Сонины проказы, соч. граф. Сегюр урожд. Ростопчиной (перевод с французского). II. Обо всем понемногу, соч. г-жи Палькарпантье (пер. с французского). III. Детский мир, повести г-жи Гумперет (пер. с немецкого). IV. Друзья Эффи. – Редкостный папоротник, рассказ мисс Юнг (пер. с английского). V. Переписка двух кукол, собрано и издано Юлиею Гуро. С. 97.

Объявления.

## Апрель

От редакции.

Картины из детского быта. Шестинедельное заключение. С. 1. Б. п.

Кукольный вечер. (С карт., рис. К.А. Трутовским, грав. М.В. Старииковым). С. 1. Б. п.

Вчерашняя обида. С. 12. Б. п.

Утро вечера мудренее. (С картинкой). С. 17. Б. п.

С. Макарова. Рабочий ящик. (Продолж.). (Карт., рис. К.А. Трутовским, грав. М.В. Старииковым). С. 29.

Пасха. С. 55. Б. п.

В.И. Кельсиев. Мои Мышки. (С картинкой). С. 83.

Объявления.

## Май

Картины из детского быта. (Продолж.). Детские сумерки. – Сумерки первые. – Сумерки вторые. – Сумерки третьи. – Сумерки четвертые. – Сумерки пятые. (С карт., рис. А.Н. Шурыгиным, грав. М.В. Старииковым). С. 1. Б. п.

М.Ф. Ростовская. Крестьянская школа. (Продолж.). (С картинкой). С. 21.

С.А. Чистякова. Бобр. (С картинкой). С. 63.

Дитя в радости и дитя в горе. С. 67. Б. п.

А. Коваленская. Павлика. С. 70.

Любимицы тети Маши. (С картинкой). С. 83. Б. п.

Объявления.

## Июнь

- Картины из детского быта. (Продолж.). Бог пути правит. (С карт., рис. А.Н. Шурыгиным, грав. М.В. Старииковым). С. 1. Б. п.
- Крещенский сочельник. С. 10. Б. п.
- М.Ф. Ростовская. Крестьянская школа. (Продолж.). (С картинкой). С. 32.
- А. Корвин-Крюковская. История маленькой Гризи. С. 67.
- Н. Ахшарумов. Крестная. С. 78.
- Научные беседы. (С картинкой). С. 84. Б. п.
- С. Чистякова. Тюлень. (С картинкой). С. 94.
- Объявления.

## Июль

- Картины из детского быта. (Продолж.). Личинка и мотылек. Крестины. С. 1. Б. п.
- Зерно на добрую почву. (С карт., рис. А. Шурыгиным, грав. М.В. Старииковым). С. 16. Б. п.
- М.Ф. Ростовская. Крестьянская школа. (Продолж.). (С картинкой). С. 30.
- Н.Д. Ахшарумов. Шушера. (По Гримму). С. 62.
- А. Корвин-Крюковская. История маленькой Гризи. (Продолж.). С. 67.
- Строители. (С картинкой). С. 77. Б. п.
- Китай. (С 2 картинками). С. 85. Б. п.
- Объявление.

## Август

- Картины из детского быта. (Продолж.). Будничная жизнь. Детская стряпня. (С рис. К.А. Трутовского, гр. М.В. Старииковым). С. 1–30. Б. п.
- М.Ф. Ростовская. Крестьянская школа. (Продолж.). (С рис. А.Н. Шурыгина, гр. М.В. Старииковым). С. 31–76.
- А. Корвин-Крюковская. История маленькой Гризи. (Продолж.). С. 77–92.
- С.М. Макарова. Прогулка по выставке русских мануфактурных изделий. (С карт., изображающей Путиловские изделия и изделия Императорского фарфорового завода). С. 92–129.

Детство великих людей Италии. Марк Катон. Кай и Тиверий Гракхи. (Соч. Канту, перевод с итальянск.). С. 129–135.

Индейка. С. 136–141. Б. п.

Объявление [о журнале «Заря», ред.-изд. В. Кашпиров].

## Сентябрь

М.Ф. Ростовская. Крестьянская школа. (Продолж.). С рис. А.Н. Шурыгина, гр. М.В. Старииковым. С. 1–21.

Картины из детского быта. (Продолж.). Милостыня. С. 21–39. Б. п.

А. Корвин-Крюковская. История маленькой Гризи. (Продолж.). С. 40–55.

Китай. (Оконч.). (С 2 картинками). С. 55–67. Б. п.

С.М. Макарова. Прогулка по выставке русских мануфактурных изделий. (Продолж.). (С 2 карт.). С. 67–97.

Детство великих людей Италии. Марк Туллий Цицерон. Кай Юлий Цезарь. (Продолж.). (Соч. Канту, перевод с итальянск.). С. 98–107.

Земля и вода. С. 107–119. Б. п.

Объявление [о журнале «Заря», ред.-изд. В. Кашпиров].

## Октябрь

С.М. Макарова. Рекрут. (С рис. К.А. Трутовского, гр. М.В. Старииковым). С. 1–29.

М.Ф. Ростовская. Крестьянская школа. Часть III. (Продолж.). С. 29–63.

А. Корвин-Крюковская. История маленькой Гризи. (Оконч.). С. 64–72.

Картины из детского быта. (Продолж.). Первый сборный рабочий день. (С рис. А.Н. Шурыгина, гр. М.В. Старииковым). С. 73–99.

Ф. Отто. В зоологическом саду. Прогулки и наблюдения над жизнью животных. С. 99–116.

Путешествие во мраке. Капитана Филиппа Форстера первое морское путешествие. С. 116–135. Б. п.

Объявление [о журнале «Заря», ред.-изд. В. Кашпиров].

## Ноябрь

С.М. Макарова. Рекрут. (Продолж.). (С рис. К.А. Трутовского, гр. М.В. Старииковым). С. 1–20.

М.Ф. Ростовская. Крестьянская школа. Часть III. (Продолж.). С рис. А.Н. Шурыгина, гр. М.В. Старииковым). С. 21–44.

С.М. Макарова. Прогулка по выставке русских мануфактурных изделий. (Продолж.). (С карт.). С. 44–67.

Картины из детского быта. (Продолж.). Второй сборный рабочий день. С. 67–87. Б. п.

Путешествие во мраке. Капитана Филиппа Форстера первое морское путешествие. (Продолж.). С. 87–97. Б. п.

Ф. Отто. В зоологическом саду. Прогулки и наблюдения над жизнью животных. (Оконч.). С. 98–119.

Земля и вода. Второй разговор. С. 119–134. Б. п.

Детство великих людей Италии. Публий Виргилий Марон. Публий Овидий. (Продолж.). (Соч. Канту, перевод с итальянск.). С. 135–144.

Объявление. Об издании в 1871 году ученого-литературного и политического журнала «Заря». (Ред.-изд. В. Кашпирев).

## Декабрь

С.М. Макарова. Рекрут. (Оконч.). (С рис. К.А. Трутовского, гр. М.В. Старииковым). С. 1–17.

М.Ф. Ростовская. Крестьянская школа. Часть III. (Оконч. Гл. IX.). С рис. А. Н Шурыгина, гр. М.В. Старииковым). С. 17–41.

А. Коваленская. Сухарь и булочка. С. 42–63.

С.М. Макарова. Прогулка по выставке русских мануфактурных изделий. (Оконч.). (С карт.). С. 63–90.

Картины из детского быта. (Продолж.). Третий сборный рабочий день. С. 91–132. Б. п.

Путешествие во мраке. Капитана Филиппа Форстера первое морское путешествие. (Оконч.). С. 132–153. Б. п.

Земля и вода. Третий разговор. С. 154–163. Б. п.

1871

**Январь**

Час в подвале. Рассказ. (С картиной, рис. Шурыгиным, гр. М.В. Старииковым). С. 1. Б. п.

Нищета. (С картиной, рис. К.А. Трутовским, гр. М.В. Старииковым). С. 12. Б. п.

А. Коваленская. Аист. С. 34.

С. Макарова. Пожар на мельнице. (С картиной, рис. К.А. Трутовским, гр. М.В. Старииковым). С. 63.

Буря. (С карт.). С. 99. Б. п.

Картины из цыганской жизни. С. 120. Б. п.

Детство великих людей Италии. (Григорий IV. – Данте Аллигьери. – Художник Джиротто). С. 154. Б. п.

Объявления.

**Февраль**

С. Макарова. Пожар на мельнице. (Оконч.). (С картиной, рис. К.А. Трутовским, гр. М.В. Старииковым). С. 1.

С.А. Чистякова. Татары. С. 22.

Продажа с молотка. С. 40. Б. п.

Буря. (Продолж.). (С карт.). С. 62. Б. п.

Жизнь в аквариях. (С картинами). С. 85. Б. п.

Г. Нириц. Бетти и Томс или Доктор Дженнер и его открытие. (Перевод). С. 97.

В. Самойлович. Заяц. (С картиной). С. 110.

**Март**

М.С. Дурова. Зина. Рассказ. (Посвящ. Зине Дуровой). (С картиной). С. 1.

Буря. (Продолж.). (С карт.). С. 53. Б. п.

Г. Нириц. Бетти и Томс или Доктор Дженнер и его открытие. (Перевод). (Продолж.). С. 85.

С. Макарова. Вербы. С. 110.

Кукушка. (С картиной). С. 158. Б. п.

Грёз. (С картинами). С. 162. Б. п.

### Апрель

М.С. Дурова. Зина. Рассказ. (Посвящ. Зине Дуровой). (Продолж.). (С двумя картинами, из которых одна рис. бароном Клодтом, грав. М.В. Старииковым). С. 1.

Бородинская битва. С. 17. Б. п.

С. Макарова. Первый день Светлой недели. (С картиной). С. 43.

Буря. (Оконч.). С. 65. Б. п.

Г. Нириц. Бетти и Томс или Доктор Дженнер и его открытие. (Перевод). (Продолж.). С. 75.

Очерк из жизни корсиканцев. С. 96. Б. п.

Орлы. (С двумя картинами). С. 108. Б. п.

Игры и забавы. С. 117.

### Май

С. Макарова. Семик и Троицын день. (Из записок пятнадцатилетней девочки). (С картинкой). С. 1.

Г. Нириц. Бетти и Томс или Доктор Дженнер и его открытие. (Перевод). (Оконч.). С. 51.

А. Коваленская. Баранчик. Народный рассказ. (С картинкой). С. 99.

Светящиеся животные. С. 117. Б. п.

Дикая кошка. (С картинкой). С. 141. Б. п.

### Июнь

Ночь на Иванов день. С. 1. Б. п.

Слепой мальчик. С. 35. Б. п.

Ночные птицы. (С картинами). С. 59.

Как Правда из леса приходила к людям. С. 69.

Земля и вода. С. 85. Б. п.

### Июль

С. Макарова. Приятель. (С картиной, рис. Крюковым, грав. М.В. Старииковым). С. 1.

Гравирование на дереве. С. 31. Б. п.

Андерсен. Бутылочное горлышко. (Сказка.). С. 37.

Кот Васька. (С картинками, грав. М.В. Сатриковым). С. 53. Б. п.  
 Слепой мальчик. (Продолж.). С. 61. Б. п.  
 Лягушонок. (С картинкой). С. 87. Б. п.  
 Игра в шарады. С. 97.

### Август

С. Макарова. Приятель. (Оконч.). С. 1.  
 Слепой мальчик. (Продолж.). С. 25. Б. п.  
 А.Г. Коваленская. Управительский теленок. (С картинкой).  
 С. 49.  
 Зёмко. История одного негритянского семейства. Рассказ.  
 (С картинкой). С. 69.  
 Пингвины. (С картинкой). С. 105. Б. п.  
 Маленький фокусник. Шутка в одном действии. С. 109.  
 Подпись: А. С-кий.

### Сентябрь

С.М. Макарова. Крестьянская свадьба. (С картинкой, рис.  
 бароном Клодтом, грав. М.В. Старииковым). С. 1.  
 Зёмко. История одного негритянского семейства. Рассказ.  
 (Продолж.). С. 39.  
 Слепой мальчик. (Продолж.). С. 73. Б. п.  
 Курочка-Беляночка. (С картинкой). С. 95. Б. п.  
 Пеночка. (С картинкой). С. 119. Б. п.  
 Рафаэль Урбинский. (С картинкой). С. 127. Б. п.  
 Объявление о «Заре». С. 131.

### Октябрь

С.М. Макарова. Крестьянская свадьба. (Оконч.). (С картинкой,  
 рис. бароном Клодтом, грав. М.В. Старииковым). С. 1.  
 Слепой мальчик. (Оконч.). С. 21. Б. п.  
 Няинины сказки. (С картинкой). С. 43. Б. п.  
 Зёмко. История одного негритянского семейства. Рассказ.  
 (Продолж.). (С картинкой). С. 81. Б. п.  
 Искусство ловли певчих птиц. (С картинками). С. 113. Б. п.  
 Сфинкс. С. 129. Б. п.  
 Объявление о «Заре». С. 131.

### Ноябрь

Маруся. Рассказ. (С картинкой, рис. Крюковым, грав. М.В. Старииковым). С. 1.

Зёмко. История одного негритянского семейства. Рассказ. (Продолж.). (С картинкой). Б. п.

Ричард Виттингтон, трижды лор-мер Лондона. (С картинкой). Б. п.

Андерсен. Скороходы. Сказка. (С картинкой Доре).

Птицелов. (С двумя картинками). Б. п.

Дедушка Шарло. (История одного осла). Б. п.

Задачи.

Разгадки.

Объявления.

### Декабрь

Маруся. Рассказ. (Оконч.). С. 1. Б. п.

Зёмко. История одного негритянского семейства. Рассказ. (Оконч.). Б. п.

Совушка. Сказка. Б. п.

Ричард Виттингтон, трижды лор-мер Лондона. (Оконч.). (С картинкой). Б. п.

Певчие птицы. (С двумя картинками). Б. п.

Картины на свету. (С образцом).

Разъяснение задач.

Объявление.

1872

### Январь

С. Макарова. Канун Рождества в 1845 г. Рассказ. (С карт., рис. бароном Клодтом, грав. М.В. Старииковым). С. 1.

А. Коваленская. Галка. Рассказ. (С двумя картинками, грав. М.В. Старииковым, из которых одна рис. Григорьевым). С. 43.

Орехи. Сказка. (С картинкой). С. 79. Б. п.

Сальватор Роза. С. 95. Б. п.

А. Попов. Не в свои сани не садись. (Комедия в трех действиях). Действие 1-е. С. 101.

Сфинкс. С. 117. Б. п.  
Объявления. С. 119.

### Февраль

Прекрасная кукла. (С картиной). С. 1. Б. п.  
Нелли. Рассказ. С. 7. Б. п.  
А. Попов. Не в свои сани не садись. Комедия. (Оконч.).  
С. 37.

Христиан Генрих Гейнекен, удивительный ребенок. С. 63. Б. п.  
А. Пчельникова. Собака. (С картинкой). С. 83.  
Полидоро Караваджо. С. 97. Б. п.  
Кое-что о мышах. (С 2 картинками). Б. п.  
Загадки и разгадки. Б. п.

### Март

А. Коваленская. Медный дедушка. С. 1.  
С. Макарова. Каприз. Рассказ. (С карт.). С. 17.  
Нелли. Рассказ. (Продолж.). (С карт., рис. Адамовым, грав.  
Л.А. Старииковым). С. 37. Б. п.  
Фиалка. Сказка. (С картинкой). С. 69. Б. п.  
Голубь. Рассказ из рыцарских времен. (Пер. с немецкого).  
С. 79. Б. п.

### Апрель

(?)[М.Ф. Ростовская]. Встреча Светлого праздника. Гл. I.  
Канун Пасхи у бедного чиновника. Гл. II. Канун Пасхи на улице.  
Гл. III. Нищие. Гл. IV. Выставка в кондитерской. Гл. V. Бед-  
ненький Ох, а за бедненьким Бог. Гл. VI. Канун Пасхи у бабушки.  
Гл. VII. Заутреня Св. Воскресенья. (С карт., рис. Адамовым и грав.  
М.В. Старииковым). С. 1. Б. п.

Водяная лилия. Б. п.  
Голубь. Рассказ из рыцарских времен. (Пер. с немецкого).  
(Продолж.). Б. п.

Нелли. Рассказ. (Продолж.). Б. п.  
Дальние родственники. (С картинкой). Б. п.  
Разъяснение задачи. Б. п.

## Май

- С. Макарова. Каприз. Рассказ. (Оконч.). С. 1.  
 Как Нужда по свету странствовала. С. 23. Б. п. [A.S.]  
 [А. Пчельникова]. Камни. С. 45. Б. п.  
 Чучелка. С. 53. Б. п.  
 Дальние родственники. (Продолж). С. 72. Б. п.

## Июнь

- Переписка. (С карт., рис. Адамовым, грав. Даммюллером).  
 С. 1. Б. п.  
 Как Нужда по свету странствовала. (Оконч.). С. 21. Подпись:  
 A.S.  
 Е.В. Майкова. Ландыш. Сказка. (С картинкой). С. 45.  
 А. Пчельникова. Камни. (Оконч.).  
 Жан Батист Грёз. С. 63. Б. п.  
 Дальние родственники. (Продолж). Маленький Египтянин.  
 С. 75. Б. п.

## Июль

- Новый Плюшкин. С. 1. Б. п.  
 Жизнь и приключения французского моряка. С. 13. Б. п.  
 Как Богатство давало обед. С. 31. Б. п.  
 [С. Макарова]. Юбилей Петра Великого. С. 69.  
 Цапля. С. 99. Б. п.  
 Жан Батист Грёз. (Оконч.). Б. п.  
 Дальние родственники. (Продолж). Маленький Малаец.  
 С. 115. Б. п.

## Август

- Верные друзья человека. (С картинкой). С. 1. Б. п.  
 Царь и плотник. Комедия в двух действиях. С. 31. Б. п.  
 А. Пчельникова. Часы. С. 69.  
 [С. Макарова]. Юбилей Петра Великого. (Продолж.). С. 75.  
 Жизнь и приключения французского моряка. (Продолж.).  
 (С двумя картинками). С. 83. Б. п.

Дальние родственники. (Продолж.). Китайцы и Японцы. (С четырьмя картинками). С. 113. Б. п.

### Сентябрь

Прогулка. (С картинкой). С. 1. Б. п.

С. Макарова. Юбилей Петра Великого. (Оконч.). С. 17.

Жизнь и приключения французского моряка. (Продолж.). (С двумя картинками). С. 59. Б. п.

Верные друзья человека. (Продолж.). (С картинкой). С. 95. Б. п.

Дальние родственники. (Продолж.). Испанские дети нищие и Неаполитанские мальчики. (С двумя картинками). С. 117. Б. п.

### Октябрь

Жизнь и приключения французского моряка. (Продолж.). (С тремя картинками). С. 1. Б. п.

Выпь. Рассказ из деревенской жизни. (С тремя картинками). С. 63. Б. п.

Фридли или кошачий Рафаэль. С. 81. Б. п.

Пир у слона. Сказка. С. 107. Б. п.

### Ноябрь

А. Коваленская. Андрюшка. Рассказ. (С картинкой). С. 1.

Фридли, или Кошачий Рафаэль. (Продолж.). С. 21. Б. п.

Жизнь и приключения молодого французского моряка. (Продолж.). (С четырьмя картинками). С. 51. Б. п.

Лесной отшельник. (С картинкой). С. 87. Б. п.

Дерзкие девочки. (Комедия в двух действиях). (Переделано с французского Н.Т.). С. 103.

### Декабрь

А. Коваленская. Андрюшка. Рассказ. (Оконч.). (С картинкой). С. 1.

Фридли, или Кошачий Рафаэль. (Оконч.). С. 21. Б. п.

Жизнь и приключения молодого французского моряка. (Оконч.). (С тремя картинками). С. 69. Б. п.

Лесной отшельник. (Оконч.). (С картинкой). С. 143. Б. п.

**Журнал «Семейные Вечера» (старший возраст)**  
**Указатель**

**1864**

**Январь**

- [М. Ростовская]. Горы. (Стихотворение). С. 1. Б. п.  
 М. Ростовская. Очерк человека. С. 2–9.  
 Три месяца в Йерской долине. С. 9–21. Подпись: В.Т.  
 Андрей Ростовский. Происхождение нашей планетной системы. С. 21–28.  
 А. Львова. Годичная выставка в Академии художеств 1863 г. С. 28–32.  
 Как началась моя жизнь. С. 32–48. Подпись: В.  
 Арсеньев. Несколько слов об играющих насекомых и Метлица на Шексне. (Энтомологический этюд). С. 48–59.  
 Александрия при Лагидах. С. 59–64. Подпись: Л.М.  
 Мария Ростовская. Неизвестные люди. С. 64–73.

**Февраль**

- Урок девушки. – Что было, то прошло. (Два стихотворения). С. 75. Подпись: Е.Д.  
 Прасковья Мирново. Три ступени и три рассказа. 1) Карась и Ташка; 2) Мариэтта (рассказано француженкою); 3) Лаура Бриджмен и Оливер Кесвель (из Диккенсовых записок об Америке). С. 76–102.  
 Прогулка по полям и лесам. Статья I. Зимняя жизнь растений. С. 102–107. Б. п.  
 Три месяца в Йерской долине. (Продолж.). С. 107–115. Подпись: В.Т.  
 Тёпфер. Дом священника, близ Женевы. Повесть из Швейцарского быта. (Перевод с французск. Рейбаза). С. 115–131.  
 Амурский край, его прошедшее, настоящее и будущее. С. 131–144. Подпись: А.К.  
 Мария Ростовская. Неизвестные люди. (Продолж.). С. 144–149.  
 Афоризмы. С. 149.

## Март

Мария Ростовская. Воспоминание о Гаврииле Романовиче и Дарье Алексеевне Державиных. С присовокуплением четырнадцати анекдотов из жизни Державина. С. 151–180.

Как началась моя жизнь. (Оконч.). С. 180–203. Подпись: В.

Тёпфер. Дядюшкина библиотека. (Перевод с французск.). (Продолж.). С. 203–217.

Нат. Грот. Крестьянин и его дочка. С. 217–225.

Георгиевский крест. Рассказ. С. 225–226. Б. п.

## Апрель

Каменный уголь и допотопные леса. С. 227–239. Подпись: А.К.

Открытие Америки и Христофор Колумб. С. 239–248. Подпись: К-с-д-ъ.

Тёпфер. Дядюшкина библиотека. (Перевод с французск.). (Продолж.). С. 248–261.

Прогулка по полям и лесам. (Продолж.). Статья II. Весенняя жизнь растений. С. 261–270. Б. п.

Мато-Виржем (девственные леса). Сцены и воспоминания из путешествия по Бразилии. (Перевод с французск.). С. 270–282. Б. п.

Калампин. (Перевод с французск.). С. 282–288. Б. п.

Три месяца в Йерской долине. (Продолж.). С. 288–298 (288). Подпись: В.Т.

Мария Ростовская. Неизвестные люди. (Продолж.). С. 298 (288)–302 (292).

## Май

Мария Ростовская. Голенький Ох, а за голеньким Бог. Рассказ с натуры. (Посвящ. Е.Е. Волковой). С. 303–309.

Тёпфер. Дядюшкина библиотека. (Перевод с французск.). (Продолж.). С. 310–328.

Прогулка по полям и лесам. (Продолж.). III. Летняя жизнь растений. IV. Осенняя жизнь растений. С. 328–333. Б. п.

М. Остен. Окно в светлице. (Перевод с немецк. Е. Эйлер). С. 333–343.

Данте Алигьери. Биографический очерк, читанный на литературном вечере 5 апреля 1864 г., в пользу Мариинского женского училища в Харькове, профессором А. Станиславским. С. 343–360.

Случай из войны 1812 г. С. 360–363. Б. п.

Андрей Ростовский. Российские владения на Тихом океане и Российско-Американская компания. С. 364–374.

## Июнь

П. Бакунина. Три вечера в Иерусалиме, в царствование Юлиана. С. 375–382.

Мато-Виржем (девственные леса). Сцены и воспоминания из путешествия по Бразилии. (Перевод с французск.). (Оконч.). С. 382–398.

Путешествие вокруг света. (Из воспоминаний моряка). С. 399–411. Подпись: А.К.

Несколько слов о Бетговене. (Перевод с французск.). С. 411–414. Б. п.

Сонет Микель-Анджело на Данте. С. 414.

Открытие Америки и Христофор Колумб. (Оконч.). С. 415–421. Подпись: К-с-д-ъ.

Нечто об Линнене. (Перевод с немецк.). С. 421–424. Б. п.

Тёпфер. Дядюшкина библиотека. (Перевод с французск.). (Продолж.). С. 424–435.

Библиография. Новая повесть г-жи Кохановской «Феодосий Саввич Рой». С. 435–455. Подпись: Ел. Л-а. [Львова?]

Афоризмы. С. 455.

## Июль

Прасковья Мирново. Ученый и его сын. История разбитого горшка. С. 457–468.

Тёпфер. Дядюшкина библиотека. (Перевод с французск.). (Продолж.). С. 469–482.

Путешествие вокруг света. (Из воспоминаний моряка). Ст. II. С. 482–490. Подпись: А.К.

Чудеса механики. (Перевод с немецк.) С. 490–497. Б. п.

Канатные плясуньи. (Перевод с англ.). С. 498–510. Б. п.

Десять дней в Финляндии. Письма Ольги П. к брату. С. 510–523.

Фридрих и генерал Циттен. (Перевод с французск.). С. 523–525. Б. п.

Мария Ростовская. Несколько слов о женщине. (Посвящ. материам семейств). С. 526–531.

### Август

А. Львова. Терраиум и аквариум. С. 533–537.

Тёпфер. Дядюшкина библиотека. (Перевод с французск.). (Оконч.). С. 537–548.

Прогулка по полям и лесам. (Продолж.). V. Месячная жизнь растений. VI. Суточная жизнь растений. С. 548–558. Б. п.

Живой урок. Рассказ с натуры. С. 558–560. Б. п. [М. Ростовская?]

Юность Шиллера. С. 560–581. Б. п.

Путешествие вокруг света. (Из воспоминаний моряка). (Продолж.). С. 581–598. Подпись: А.К.

Воздушный шар-великан. (С французск.). С. 598–601. Б. п.

Мария Ростовская. Неизвестные люди. (Продолж.). С. 601–606.

### Сентябрь

Андрей Ростовский. Российские владения на Тихом океане и Российско-американская компания. (Продолж.). С. 607–624.

Девадатта. Очерки индусских нравов. (С французск.). С. 624–638. Б. п.

Путешествие вокруг света. (Из воспоминаний моряка). (Продолж.). С. 638–647. Подпись: А.К.

Лук. (Сказка). С. 647–659. Подпись: И.К. (или Н.К.).

Мирза Александр Казем-Бек. Баб и Бабиды. С. 659–673.

О церковном пении в России. Из рукописи Гр. Д.Н. Т...го. С. 673–678.

Приложение к этой статье.

## Октябрь

А. Виноградская. Отрывок из записок. (Воспоминания о Пушкине, Дельвиге и Глинке). С. 679–694.

В Кохинхине. С. 694–705. Подпись: К.С.

Девадатта. Очерки индусских нравов. (Продолж.). (С французск.). С. 705–716. Б. п.

Путешествие вокруг света. (Из воспоминаний моряка). (Продолж.). С. 716–732. Подпись: А.К.

Н. Ярцова. Клад. (Рассказ с натуры). С. 732–739.

Мирза Александр Казем-Бек. Баб и Бабиды. (Продолж.). С. 740–748.

Уединение. (Стихотворение). С. 748. Подпись: \*\*\*.

Афоризмы. Мысли Христины королевы шведской. С. 749.

## Ноябрь

М. Ростовская. Горгона и Милор. (Рассказ с натуры). С. 751–768.

Людвиг де-Камоэнс. С. 768–791. Б. п.

Путешествие вокруг света. (Из воспоминаний моряка). (Продолж.). С. 791–815. Подпись: А.К.

Мраморы Альтиссимы и Каррары. (С французск.). С. 815–821. Б. п.

Посещение Александро-Невской лавры и взгляд на ее прошедшее. С. 821–835. Подпись: С.

Объявление.

## Декабрь

Отрывки из писем сестры милосердия в 1855 г. С. 837–862. Б. п.

Надар. Записки великана. (С французск.). С. 862–879.

Поездка на Соловецкий монастырь в 184... годах. (Посвящ. Мастридии Николаевне Б...ой). С. 880–890. Подпись: А.

Мраморы Альтиссимы и Каррары. (Оконч.). (С французск.). С. 890–899. Б. п.

М. Ростовская. На дороге. (С натуры в Тверской губернии). С. 899–905.

Путешествие вокруг света. (Из воспоминаний моряка). (Оконч.). С. 905–920. Подпись: А.К.

А. Ростовский. Российские владения на Тихом океане и Российско-американская компания. (Оконч.). С. 920–936.

Приложения:

А. Львов. Несколько слов о правилах, необходимых для сочинения гармонического пения. С. 1–4.

А. Львов. О церковных хорах. С. 4–7.

Объявления.

## 1865

### Январь

Преподобный Нестор, летописец Печерский. С. 1–18. Подпись: М.С.

Капитан Мэйн-Рэд. Негропромышленник. (С англ.). С. 18–37.

Отрывки из писем сестры милосердия, 1855 г. С. 37–44. Б. п.

Еще несколько слов о Лудвиге Бетговене. (С немецк.). С. 45–47. Б. п.

Санта-Роза. Очерки и воспоминания степей Аргентинской республики. (С французск.). С. 48–57. Б. п.

Что видела луна. (С финск.). С. 57–65. Б. п.

В Китайских портах. (Из морского дневника). С. 65–72. Подпись: К. С-д-р-ъ.

### Февраль

Александр Васильевич Суворов. С. 73–108. Б. п.

Капитан Мэйн-Рэд. Негропромышленник. (С англ.). (Продолж.). С. 108–123.

Жизнь Шекспира. С. 124–129. Подпись: Л.

Санта-Роза. Очерки и воспоминания степей Аргентинской республики. (Оконч.). (С французск.). С. 129–151. Б. п.

В Китайских портах. (Из морского дневника). (Оконч.). С. 151–156. Подпись: К. С-д-р-ъ.

### Март

Архиепископ Московский и Калужский Амвросий Цертис-Каменский. С. 157–178. Подпись: С.

Капитан Мэйн-Рэд. Негропромышленник. (С англ.). (Продолж.). С. 178–198.

И. Белов. Наши земские учреждения и наш будущий новый уголовный суд. С. 198–204.

Тоби Гарвинг, сплавщик леса в Канаде. С. 204–217. Б. п.

Пушинка, снежинка, капелька. (Сказка). С. 217–220. Подпись: Н.К.

Охота на медведя в Арканзасе. (С немецк.). С. 221–227. Б. п.

### Апрель

М. Ростовская. На пароходе. (Рассказ доктора). С. 229–236.

Капитан Мэйн-Рэд. Негропромышленник. (С англ.). (Продолж.). С. 236–250.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. С. 250–273. Подпись: Е.Б.

Тоби Гарвинг, сплавщик леса в Канаде. (Оконч.). (С французск.). С. 273–284. Б. п.

Учреждение христианского милосердия в Капской колонии. С. 285–288. Б. п.

Суэзский перешеек. С. 288–291. Б. п.

Народные поверья и праздники. С. 291–300. Подпись: С.

### Май

Памяти наследника цесаревича Николая Александровича. С. 301–307. Б. п. (Новгород, 22 апреля 1865 г.)

Андрей Ростовский. Рыбные промыслы в России. С. 307–323.

Капитан Мэйн-Рэд. Негропромышленник. (С англ.). (Продолж.). С. 324–337.

И. Белов. Значение природы и польза, соединенная с ее изучением. С. 337–345.

Альпийский тоннель. (С французск.). С. 345–361. Б. п.

Фредерика Бремер. Герта. (С шведск.). С. 361–379.

Афоризмы. С. 380.

### Июнь

Андрей Ростовский. Рыбные промыслы в России. (Оконч.). С. 381–393.

Капитан Мэйн-Рэд. Негропромышленник. (С англ.). (Оконч.). С. 393–411.

М. Ростовская. Счастье у порога. (Комедия с куплетами, в одном действии). С. 411–429.

Фредерика Бремер. Герта. (С шведск.). (Продолж.). С. 429–444.

Жемчуг и перламутр. С. 444–449. Подпись: А. М-ф-ъ.

### Июль

Некоторые черты из жизни Д.И. Языкова. С. 451–471. Подпись: С.

М. Ростовская. По дороге в Швейцарию. (Рассказ). С. 471–480.

Уржумский. Мое былое. (Часть 1). С. 480–488.

Фредерика Бремер. Герта. (С шведск.). (Продолж.). С. 488–505.

Из записок моряка. С. 505–518. Подпись: С.

Лов сельдей. С. 518–521. Подпись: А.М.

### Август

Солидная беседа после обеда. С. 523–536. Подпись: К. Мик...

Уржумский. Мое былое. (Часть вторая и последняя). С. 536–557.

Фредерика Бремер. Герта. (С шведск.). (Продолж.). С. 557–585.

Марк Аврелий и его «Мысли». С. 585–594. Б. п.

### Сентябрь

Мария Ростовская. По дороге в Швейцарию. (Рассказ). (Продолж.). С. 595–608.

У Северного полюса. (С англ.). С. 608–614.

Линкольн, президент Соединенных Штатов. (С французск.). С. 615–626.

По России. С. 626–637. Подпись: А.

Фредерика Бремер. Герта. (С шведск.). (Оконч.). С. 637–654.

Кремль. (Стихотворение). С. 654–655. Б. п.

Страничка из жизни людей бедных. С. 655–663. Б. п.

Афоризмы. С. 663.

## Октябрь

Мария Ростовская. По дороге в Швейцарию. (Рассказ). (Продолж.). С. 665–679.

Английское посольство, отправленное к Дагомейскому королю Желелю. (С французск.). С. 679–692.

Тому, кто любит цветы. С. 692–701. Подпись: Е.В.

М. Ростовская. Вениамин Франклайн. С. 701–717.

Странствование трех сестер милосердия для отыскания транспорта и следование за ним. С. 718–737. Б. п.

Римские катакомбы. (С французск.). С. 738–740.

М. Ростовская. Ответ редакции. (Журналу «Дух Христианства»). С. 740.

## Ноябрь

М. Ростовская. Швейцария. (Продолж.). С. 741–764.

Английское посольство, отправленное к Дагомейскому королю Желелю. (С французск.). (Оконч.). С. 764–774.

М. Ростовская. Вениамин Франклайн. (Оконч.). С. 774–791.

Зимовка в Гренландии. (С англ.). С. 791–809. Б. п.

Норвичский тюремщик. (Истинное происшествие). (С англ.). С. 809–818. Б. п.

## Декабрь

М. Ростовская. Швейцария. С. 821–838.

Смерть Лудовика XIV. (С французск.). С. 838–848. Б. п.

Денис Иванович Фон-Визин. С. 848–866. Подпись: С.

Соловьиная песня. С. 866–870. Подпись: Н.К.

Петербург при Петре Великом. С. 870–882. Подпись: С.В.

Густав Эмар. Охота за пчелами. (С французск.). С. 882–886.

Афоризмы. С. 887.

**1866****Январь**

Мария Ростовская. Швейцария. (Продолж.). С. 1–19.

Викторин Сарду. Черная жемчужина. (Рассказ). (С французск.). С. 19–40.

Народные школы в Америке. (С французск.). С. 40–51. Б. п.

Выписка из письма отца к сыну. С. 51–52. Подпись: В.Е.

Параша сибирячка. С. 52–63. Подпись: М.С.

[Мария Ростовская]. Народный русский гимн «Боже, Царя Храни» (с портретами и fac-simile Жуковского и Львова). С. 63–64 и приложение на 6-ти страницах.

**Февраль**

Параша сибирячка. (Оконч.). С. 66–75. Подпись: М.С.

Ч. Диккенс. Сверчок. (Рассказ). (С англ.). С. 75–90.

Народные школы в Америке. (Продолж.). С. 90–96. Б. п.

В. Даль. Словесная речь. С. 96–102.

Библиография. Книга Самуэля Смайлсса «Самообразование» («Self-help»). С. 102–122. Б. п.

С. Весин. Сказки и былины. С. 122–131.

**Март**

Мария Ростовская. Швейцария. (Оконч.). С. 133–154.

В.И. Даль. Момыри. С. 155–162.

Невольник Донатий на острове Мартинике. (С французск.). С. 163–170.

Алмаз. С. 170–178. Подпись: И.Ш.

Ч. Диккенс. Сверчок. (Рассказ). (С англ.). (Продолж.). С. 178–198.

М. Ростовская. Библиография. С. 198–199.

**Апрель**

Мария Ростовская. 4 апреля 1866 г. С. I–II.

Древности Босфорского царства, найденные в Крыму. С. 201–213. Подпись: П.Я.

- В.И. Даль. Природа. С. 213–219.  
 Невольник Донатий на острове Мартинике. (Оконч.). С. 220–235. Б. п.  
 Ч. Диккенс. Сверчок. (Рассказ). (С англ.). (Продолж.). С. 235–256.  
 Пчелы. С. 256–261. Подпись: А.И.  
 В размышлениях сама с собою. С. 262–264. Б. п.  
 Афоризмы. С. 264.

### Май

- Н.М. Карамзин. С. 265–284. Подпись: М.С.  
 Баронесса Мария Боде. Людовик XVII. (Исторический рассказ). С. 284–293.  
 София Шварц. Писательница. (Повесть). (Со шведск.). С. 293–305.  
 Петропавловский собор в Петербурге. С. 305–315. Подпись: М.С.  
 Суворов и княгиня Екатерина Романовна Дашкова. С. 315. Б. п.  
 Рылеев и барометр. С. 315–316. Б. п.  
 Разрушение Ниагарского водопада. С. 316–319. Подпись: А.Р. [Андрей Ростовский]  
 Янтарь. С. 319–323. Подпись: И.Ш.

### Июнь

- Я.К. Гrot. Характеристика Державина как поэта. (Речь академика Я.К. Грота, произнесенная в торжественном собрании Академии наук 29 декабря 1865 г.). С. 325–337.  
 Баронесса Мария Боде. Людовик XVII. (Исторический рассказ). (Продолж.). С. 337–343.  
 София Шварц. Писательница. (Повесть). (Со шведск.). (Оконч.). С. 343–364.  
 В.И. Даль. Солдат Петра I. С. 364–367.  
 Аурбах. Жена присяжного. (С немецк.). С. 367–374.  
 Что мы знаем о змеях Петербургской губернии. С. 374–382.  
 Б. п.  
 Н.М. Карамзин. (Продолж.). С. 382–392. Подпись: М.С.

### Июль

Н.М. Карамзин. (Оконч.). С. 393–407. Подпись: М.С.

Светильный газ. С. 408–413. Подпись: И.Ш.

Аурбах. Жена присяжного. (С немецк.). (Оконч.). С. 413–426.

Военные контрабандисты. Из последней Американской войны. (Перевод с англ.). С. 426–455. Б. п.

В.И. Даль. Червяной дождь. С. 455–457.

Афоризмы. С. 457–458.

### Август

Опыт системы теории поэзии, в применении к гимназическому курсу. С. 459–468. Подпись: К.Ф.

Водолазы в Англии. (С французск.). С. 468–481. Б. п.

В. Сорокин. Замечательнейшие памятники в Петербурге. С. 481–492.

Давид Ливингстон в Южной Африке. С. 492–503. Б. п.

В.И. Даль. Охота на волков. С. 503–512.

Кое-что о Сибири. Сохондо, высочайший Альп в Даурии. С. 512–515. Подпись: Пастух Даурский. [Зензинов Михаил Андreeвич].

М. Ростовская. Библиография. «Самодеятельность», соч. Смайльса, второе издание, перевод с английского Н. Кутейникова. С. 515–516.

Афоризмы. С. 516.

### Сентябрь

Моя сельская школа в 1864 и 1865 годах. (Из записок Н.С. [Н.Ф. Самсоновой], помещицы села Б.). С. 518–533.

В. Сорокин. Замечательнейшие памятники в Петербурге. (Продолж.). С. 533–542.

Водолазы в Англии. (Оконч.). С. 543–557. Б. п.

В.И. Даль. Соколиная охота. С. 557–565.

Материнская любовь в природе. С. 565–570. Б. п.

Мария Дмитриева. Воспоминание о Киеве. С. 571–579.

Афоризмы. С. 579–580.

### Октябрь

- Моя сельская школа в 1864 и 1865 годах. (Из записок Н.С. [Н.Ф. Самсоновой], помещицы села Б.). (Оконч.). С. 581–593.
- Английские миссионеры. (С французск.). С. 593–601. Б. п.
- Материнская любовь в природе. (Оконч.). С. 601–607. Б. п.
- Наша бывшая портниха. (С англ.). С. 607–617.
- Мария Дмитриева. Воспоминание о Киеве. (Продолж.). С. 617–626.
- Цыганы. (Составлено по Грелльману). С. 626–644. Подпись: М.С.

### Ноябрь

- Цыганы. (Составлено по Грелльману). (Продолж.). С. 645–652. Подпись: М.С.
- Волканические явления в Санторине. (С французск.). С. 652–662. Б. п.
- Мария Дмитриева. Воспоминание о Киеве. (Продолж.). С. 662–675.
- Английские миссионеры. (Продолж.). С. 675–685.
- В. Сорокин. Замечательнейшие памятники в Петербурге. (Оконч.). С. 686–692.
- Лимерикские перчатки. (С англ.). С. 692–709. Б. п.
- Кое-что о Сибири. Тэн – долина на реке Витиме. С. 709–712. Подпись: Даурский Пастух [Зензинов Михаил Андреевич].

### Декабрь

- Мария Дмитриева. Воспоминание о Киеве. (Оконч.). С. 713–720.
- Волканические явления в Санторине. (Оконч.). С. 720–727.
- Мария Ростовская. Кошка и Мышка. (Комедия в двух действиях с куплетами). С. 727–747.
- Цыганы. (Оконч.). С. 747–755. Подпись: М.С.
- Греческие ораторы. С. 755–761. Б. п.
- Английские миссионеры. (Оконч.). С. 762–777.
- Оглавление за 1868 г.

1867

### Январь

Н. Навроцкий. Поездка по степи Астраханских калмыков. С. 1–17.

Андерсен. Дева льдов. Сказка. (С немецк.). С. 17–33.

Остров Куба и Антильские острова. (С французск.). С. 33–41.

Под бюстом Моцарта. (С немецк.). С. 41–45.

Я.К. Грот. Очерк деятельности и личности Карамзина. (Читанный академиком Я.К. Гротом в торжественном собрании Императорской академии наук 1 декабря 1866 г.). С. 45–56.

Кое-что о Сибири. (I. Экспедиция на Амур в год возвращения Амура России; II. Ловля диких коней окрюком). С. 56–60. Подпись: Даурский Пастух [Зензинов Михаил Андреевич].

Из поучения детям своим Великого Князя Киевского Владимира Всеволодовича Мономаха. (1113–1125 гг.). С. 61–62.

### Февраль

Краткий очерк психологии К.К. Фойхта. С. 63–73. Б. п.

Андерсен. Дева льдов. Сказка. (С немецк.). (Продолж.). С. 73–79.

Постепенное отпадение Западной церкви от православной Восточной. С. 79–99. Б. п.

Остров Куба и Антильские острова. (С французск.). (Продолж.). С. 99–109.

Записки Поля де-Монтреда, французского офицера, служившего охотником в рядах американской армии в минувшую великую войну. (С французск.). С. 109–120.

Фридрих Бёттгер. С. 120–129. Б. п.

### Март

Сергей Шипов. Взгляд на историю Западной Руси. С. 131–141.

Андерсен. Дева льдов. Сказка. (С немецк.). (Оконч.). С. 141–147.

В семейном кругу. (Об электричестве атмосферы). С. 147–157. Подпись: -3-.

Записки Поля де-Монтреда. (С французск.). (Продолж.).  
С. 157–176.

Н. Крылова. Набранные грибы. (Сказка). С. 176–179.

Теодор Гризингер. Далеко на Севере. (С немецк.). С. 179–193.

Из наказа Императрицы Екатерины II. С. 193–194. Б. п.

### Апрель

Сергей Шипов. Взгляд на историю Западной Руси. (Оконч.).  
С. 195–206.

Теодор Гризингер. Далеко на Севере. (Оконч.). С. 206–221.

С. Весин. Некоторые сведения о путешествии Императрицы Екатерины II в Крым в 1787 г. С. 221–230.

Записки Поля де-Монтреда. (С французск.). (Продолж.).  
С. 230–244.

Остров Куба и Антильские острова. (С французск.).  
(Оконч.). С. 244–248.

Л. Илляшевич. Очерки Нью-Йорка и Соединенных Штатов.  
(Из Записок русского моряка). С. 248–259.

### Май

Феликс Мендельсон Бартольди. С. 261–271. Подпись: О.С.

Записки Поля де-Монтреда. (С французск.). (Продолж.).  
С. 271–284.

Краткий очерк жизни преосвященного Платона, митрополита Московского. С. 284–296. Подпись: М.С.

Письма из Нерчинска. С. 296–300. Подпись: Пастух Даурский [Зензинов Михаил Андреевич].

Деревянная ложка. Повесть дяди Адама (Веттерберга). (Перевод со шведск.). С. 300–320.

### Июнь

Феликс Мендельсон Бартольди. (Продолж.). С. 321–337.  
Подпись: О.С.

Записки Поля де-Монтреда. (С французск.). (Продолж.).  
С. 337–347.

Краткий очерк жизни преосвященного Платона, митрополита Московского. (Оконч.). С. 347–361 (357). Подпись: М.С.

Деревянная ложка. Повесть дяди Адама (Веттерберга). (Продолж.). С. 357 (361) – 379.

По случаю приезда в Россию славянских гостей. С. 379–382.  
Б. п.

### Июль

Арий и Первый вселенский собор. С. 387–407. Б. п.

Записки Поля де-Монтреда. (С французск.). (Продолж.). С. 407–422.

Сборщик. (Фотографический снимок). С. 421–427. Подпись: А.Н.

Морское учреждение в Англии. (С французск.). С. 428–438.  
Б. п.

Феликс Мендельсон Бартольди. (Продолж.). С. 438–451.  
Подпись: О.С.

[Зензинов Михаил Андреевич]. Кое-что о Сибири. Отсутствие сильной бедности в улусах бурятов. С. 451–452. Подпись: Пастух Даурский.

### Август

А. Филонов. Исторические басни И.А. Крылова. С. 453–470.

Записки Поля де-Монтреда. (С французск.). (Продолж.). С. 470–486.

Заметки охотника до грибов. С. 486–494. Б. п.

Феликс Мендельсон Бартольди. (Продолж.). С. 494–509.  
Подпись: О.С.

Деревянная ложка. Повесть дяди Адама (Веттерберга). (Продолж.). С. 509–520.

### Сентябрь

Феликс Мендельсон Бартольди. (Продолж.). С. 521–537.  
Подпись: О.С.

Морские учреждения в Англии. (Продолж.). С. 547–562. Б. п.

Деревянная ложка. Повесть дяди Адама (Веттерберга). (Продолж.). С. 562–584.

### Октябрь

- Мария Ростовская. Остров Эзель и Аренсбург. С. 585–598.  
 Морские учреждения в Англии. (Оконч.). С. 599–608. Б. п.  
 Несколько случаев из частной жизни Императрицы Екатерины II. С. 608–615. Подпись: В.С.  
 Феликс Мендельсон Бартольди. (Оконч.). С. 615–627. Подпись: О.С.  
 Деревянная ложка. Повесть дяди Адама (Веттерберга). (Продолж.). С. 627–643.  
 Ливадия. Летняя резиденция Государыни Императрицы. (Из газеты «Москва»). С. 644–645.  
 Скромное слово нашего баснописца. С. 645. Б. п.  
 Об старости и стариках. С. 645–646. Б. п.  
 [М. Ростовская]. Другу Ф.Ф. Л-ву [Львову] в день его рождения. (Стихотворение). С. 647.

### Ноябрь

- Мария Ростовская. Остров Эзель и Аренсбург. (Оконч.). С. 649–664.  
 Вильгельм Гофман. С. 664–665. Б. п.  
 Чертов эликсир. Из ночных фантастических сказок Гофмана. (С немецк.). С. 665–684.  
 Придворные и общественные увеселения в царствование Императрицы Екатерины II. С. 685–690. Б. п.  
 Деревянная ложка. Повесть дяди Адама (Веттерберга). (Продолж.). С. 690–709.  
 Кораллы. С. 709–712. Подпись: А.Р. [Андрей Ростовский].

### Декабрь

- Северный полюс. Арктическая природа. Мираж. Северное сияние. Арктический лед. – Арктические экспедиции. Кабот. Гудзон. Дежнев. Беринг. Чичагов. Генденштрем. Врангель, Анжу и многие другие. – Снаряжение новых арктических экспедиций. Проекты Осборна, Петермана и Ламберта. – Арктические страны и их население. Исландия, Гренландия. Эскимосы. Киты. Моржи. Тюлени. Белые медведи. Мамонт. С. 715–736. Подпись: Л.В.И.  
 Краткая биография Чокке. С. 736–737. Б. п.

Чокке. Агафокл, Сиракузский тиран. Повесть. (Перевод с немецк.). С. 737–756.

Деревянная ложка. Повесть дяди Адама (Веттерберга). (Перевод со шведск.). (Оконч.). С. 756–773.

Оглавление на 1867 год.

Объявления.

## 1868

### Январь

С. Соболевская. Что с возу упало – то пропало. С. 1–21.

Прихоти нарядов и красоты. С. 21–28. Б. п.

Морской музей в С. Петербурге. (Посвящ. памяти моего отца). С. 29–48. Подпись: Л.В.И.

Инвалид. Повесть дяди Адама (Ветенберга). (Перевод со шведск.). С. 48–63.

В. Авенариус. Весенние цветы. (Стихотворение). С. 63.

Объявления.

### Февраль

С. Соболевская. Что с возу упало – то пропало. (Оконч.). С. 65–89.

Душевный врач языческих времен. Взгляд на Плутарха как на моралиста. (С французск.). С. 90–99.

Морской музей в С. Петербурге. (Оконч.). С. 99–115. Подпись: Л.В.И.

Никшич. Борисовка. (Из воспоминаний охотника). С. 115–119.

Отрывки из записок и журнала неизвестного человека. С. 120–123. Подпись: А.М.-В.

### Март

Литературная жизнь Крылова. (Академическое чтение Я.К. Грота в день юбилея Крылова 2 февраля 1868 г.). С. 125–137.

Черты из домашней жизни московских царевичей. (Извлечено из соч. Забелина «Домашний быт русских царей прежнего времени»). С. 137–152.

Душевный врач языческих времен. (Продолж.). С. 152–160.

Полезные и вредные животные. (Извлечение из лекций Карла Фогта). С. 160–167. Подпись: С.

Отрывки из записок и журнала неизвестного человека. (Оконч.). С. 167–179. Подпись: А.М.-В.

А. Погосский. Слово о полку Игореве. С. 179–188.

М. Ростовская. Аренбургские грязи и морские купания. (Прибавление).

### Апрель

Никита. С. 189–212. Подпись: Георгий Д.

Душевный врач языческих времен. (Оконч.). С. 213–217.

М.П. Иванова. Телеграф. С. 217–229.

О питании растений. С. 229–236. Б. п.

Теодор Гризингер. Пушной промысел в землях Гудсонской компании. (С немецк.). С. 236–251.

Объявление. С. 252.

### Май

Освящение часовни в Ницце в память покойного Цесаревича Николая Александровича и воспоминание о нем. С. 253–262. Б. п.

Андрей Ростовский. Об измерении времени. С. 262–272.

Посольство князей Долгорукова и Мышецкого во Францию и Испанию в 1687 г. С. 272–290. Б. п.

С Кавказа. (Из юношеских воспоминаний 1863 г.). С. 291–309. Подпись: П.С.

Никшич. Ночлег. (Из воспоминаний охотника). С. 310–315.

В. Авенариус. Сила сказок. (Стихотворение). С. 315.

### Июнь

Андрей Ростовский. Об измерении времени. (Оконч.). С. 317–329.

Из деревни. (От Н\*\*\* С\*\*\* к М\*\*\* Р\*\*\* [От Надежды Самсоновой к Марии Ростовской]). С. 329–340.

Три богатства, или Поездка на частные золотые прииски. С. 340–360. Подпись: Пастух Даурский [Зензинов Михаил Андреевич].

Шекспир. С. 360–366. Б. п.

История такого министра, каких уж теперь больше не бывает.  
(Из фантастических сказок Гофмана). (С немецк.). С. 366–378.

Мысли и афоризмы. С. 379–380.

## Июль

Три богатства, или Поездка на частные золотые прииски.  
(Оконч.). С. 381–390. Подпись: Пастух Даурский [Зензинов Михаил  
Андреевич].

С. Соболевская. Жанна д'Арк. Статья первая. С. 390–413.

Капитан и белка. Повесть. (Перевод с англ.). С. 413–432.

Д. Уральский. Рассказ матери. С. 432–435.

С. Бураковский. Образцы древнерусской обрядной поэзии.  
С. 436–443.

В. Авенариус. Ранний снег. (Стихотворение). С. 443.

## Август

В дороге на Кавказ. (Путевые воспоминания). С. 445–449.  
Подпись: Н-ч [Никшич?]

С. Соболевская. Жанна д'Арк. (Оконч.). С. 449–467.

Капитан и белка. Повесть. (Перевод с англ.). (Оконч.).  
С. 467–479.

Никшич. Горение. С. 479–487.

Наваринская битва 8 октября 1827 г. С. 487–497. Подпись:  
Л.В.И.

В. Авенариус. В Царскосельском парке. (Стихотворение).  
С. 497.

В. Авенариус. «\*\*\*» («По полю жизни тропинкою зыб-  
кою...»). (Стихотворение). С. 497.

Шекспир. (Продолж.). С. 498–505. Б. п.

Зарождение и судьба Днепра. С. 506–508. Б. п.

## Сентябрь

С. Соболевская. Жизнь пережить – не поле перейти. (Рас-  
сказ). С. 509–523.

Шекспир. (Оконч.). С. 524–530.

И. Железнов. Сайгаки и сайгачники на Урале. (Из рассказов старого уральца). С. 531–537.

Наваринская битва 8 октября 1827 г. (Оконч.). С. 537–548. Подпись: Л.В.И.

Тинторетто. Рассказ. (С англ.). С. 548–560. Б. п.

Естествоиспытатель на Амазонской реке. С. 560–568. Б. п.

### Октябрь

М. Ростовская. Поездка за границу в 1868 г. Мариенбад. С. 569–581.

С. Соболевская. Жизнь пережить – не поле перейти. Рассказ. (Продолж.). С. 582–601.

Предания о кладах на Волжском низовье. С. 601–606. Б. п.

Естествоиспытатель на Амазонской реке. (Оконч.). С. 606–615. Б. п.

Сироты Лихетт. Истинное происшествие. (С англ.). С. 615–632. Б. п.

В. Авенариус. Поэзия. (Сонет). С. 632.

### Ноябрь

М. Ростовская. Поездка за границу в 1868 г. (Мариенбад. Кёльн). (Продолж.). С. 633–647.

Сироты Лихетт. Истинное происшествие. (Оконч.). С. 648–678. Б. п.

Т. Толычова [Е.В. Новосильцева]. Троице-Сергиева лавра. С. 678–684.

С. Весин. Н.И. Надеждин. С. 684–692.

### Декабрь

Т. Толычова [Е.В. Новосильцева]. Троице-Сергиева лавра. (Оконч.). С. 693–701.

Бернарден де Сен-Пьер. С. 702–705. Подпись: А. С-ъ.

Де Сен-Пьер. Индейская хижина. С. 705–724.

С. Весин. Н.И. Надеждин. (Оконч.). С. 724–729.

М. Ростовская. Поездка за границу в 1868 г. (Остенде). (Продолж.). С. 729–754.

Библиография. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. С. 754–755. Подпись: А.С.

## 1869

### Январь

М. Ростовская. Поездка за границу в 1868 г. (Одннадцать дней в Париже). (Оконч.). С. 1–13.

Софья Дмитриева. О некоторых явлениях растительной жизни. С. 13–22.

Коневец и Валаам. С. 23–26. Подпись: О.Е.

Древняя Германия и ее жители. С. 26–34. Б. п.

Мечты и действительность. Повесть в письмах. (Перевод с немецк.). С. 34–58.

Герман Унтан. С. 58–59. Подпись: А. С-ъ.

Афоризмы. С. 59–60.

### Февраль

Мария Ростовская. Любовь к России. С. 61–66.

Гр. Антонида Блудова. Пять месяцев на Волыни. (Острожская летопись 1867 г.). С. 67–98.

Андрей Ростовский. Гроза. С. 98–107.

Мечты и действительность. Повесть в письмах. (Перевод с немецк.). (Оконч.). С. 107–116. Б. п.

Мариетца. Рассказ. (С англ.). С. 116–122. Б. п.

### Март

Граф Дмитрий Николаевич Блудов. С. 125–142. Подпись: Авд. С-в.

Ночь на Ортлер-Шпице. Из записок Роберта Джекоба. С. 142–147.

Андрей Ростовский. Гроза. (Продолж.). С. 148–161.

Л. Весин. Очерк Крымской войны. С. 161–181.

Суд присяжных. (Мисс Эджеворт). С. 181–187. Афоризмы. С. 187–188.

### Апрель

- М. Погодин. Татарское нашествие. С. 189–202.  
 Суд присяжных. (Мисс Эджеворт). С. 202–211.  
 Настя. (Повесть). С. 211–240. Подпись: Е. Г-фова.  
 Россини. С. 240–244. Б. п.  
 Марта Браун – богатая наследница. (С англ.). С. 244–252. Б. п.

### Май

- А. Катенкамп. Степан Силин. (Эпизод из времен Петра Великого). С. 253–283.  
 Мария Ростовская. Из юношеских моих воспоминаний. С. 283–287.  
 Бедная племянница. Комедия в двух действиях. (Посвящ. Ю.Л. Тюриной). Действие первое. С. 288–301. Подпись: Из Г...  
 Россини. (Оконч.). С. 301–309. Б. п.  
 Марта Браун – богатая наследница. (С англ.). (Продолж.). С. 309–316. Б. п.

### Июнь

- А. Катенкамп. Степан Силин. (Эпизод из времен Петра Великого). (Оконч.). С. 318–332.  
 Рассказы с Ротэнберга. (С немецк.). С. 332–343. Подпись: В. Г...ов.  
 Бедная племянница. Комедия в двух действиях. Действие второе. С. 344–354. Подпись: Из Г...  
 А. Львова. Об уходе за комнатными растениями. С. 354–362.  
 Марта Браун – богатая наследница. (С англ.). (Продолж.). С. 362–380. Б. п.

### Июль

- Л. Весин. Первое путешествие Петра Первого за границу. С. 381–390.  
 Рассказы с Ротэнберга. (С немецк.). (Оконч.). С. 390–398.  
 Подпись: В. Г...ов.  
 Беглый. С. 398–415. Подпись: М.З.

Марта Браун – богатая наследница. (С англ.). (Продолж.). С. 416–433. Б. п.

Поездка с Ветурином. (Из путешествия Андерсона по Италии). С. 433–442.

Афоризмы. С. 443.

## Август

Беглый. (Оконч.). С. 445–462. Подпись: М.З.

Богдан Хмельницкий. С. 462–489. Подпись: М.

Над. Ушакова. Немецкие легенды. С. 489–493.

Воздух. С. 493–496. Б. п.

Марта Браун – богатая наследница. (С англ.). (Продолж.). С. 496–508.

## Сентябрь

С. Соболевская. Игнатий Лойола. С. 509–533.

О некоторых древностях в Императорском Эрмитаже. (Из «Петербургских Ведомостей»). С. 533–538.

Марта Браун – богатая наследница. (С англ.). (Продолж.). С. 538–559. Б. п.

Туркестанская выставка. С. 559–561. Б. п.

Жаннина. С. 561–568. Б. п.

## Октябрь

А. Катенкамп. И горе – Божья благодать. (Повесть простонародного быта). С. 569–596.

Вильям Прескотт, его жизнь и сочинения. С. 596–608 Б. п.

Тютчев. История изобретения железных дорог. С. 608–621.

Марта Браун – богатая наследница. (С англ.). (Продолж.). С. 621–627.

Пожар в девственном лесу. (Из неизданного путешествия по Южной Америке Фридриха Лидца). С. 627–632.

### Ноябрь

Андрей Ростовский. Гроза. (Продолж.). С. 633–644.

Джон Галифакс. Из дневника одной девушки. Повесть. (Перевод с англ.). С. 644–670.

Александр Гумбольдт. С. 670–679. Б. п.

Марта Браун – богатая наследница. (С англ.). (Оконч.). С. 680–691.

Библиография. [Педагогический журнал для родителей, наставников и воспитателей «Детский Сад» г-жи Е. Бороздиной]. С. 691–692. Б. п.

### Декабрь

Андрей Ростовский. Гроза. (Оконч.). С. 693–707.

Архипелаг Филиппинских островов. (Путевые воспоминания). (С французск.). С. 707–730. Б. п.

Наталья Борисовна Долгорукова. С. 731–745. Подпись: Е.С.

Несколько дней в Константинополе. (С французск.). С. 745–748. Б. п.

Мария Ростовская. К моим подписчикам. С. 748–749.

## 1870

### Январь

А. Коваленская. Мир в тростинке. С. 1–13.

Из дядюшкина портфеля (Поклонение змеям в Африке). (С немецк.). С. 14–37.

Гр. А.Д. Блудова. Известие о Свято-Кирилло-Мефодиевском Острожском братстве. (Два письма из Острога). (С портретом Сербского митрополита Михаила). С. 38–55.

Иоанн Гус. (С портретом). С. 56–68. Б. п.

А.Е. Разин. Римские катакомбы. С. 69–84.

Суэзский канал. (С планом). С. 84–92

Библиография. 1. «История чересчур доброй собаки». Сочинение де Шервиля, перевод Марко Вовчка. СПб. 1870 г. 2. «Приключения Ромэна Кальбри». Сочинение Гект. Мало. Перевод Марка Вовчка. СПб. 1870 г. С. 92–101.

И. Хрущов. Беседы по русской литературе. Беседа первая.  
С. 3–24.

Объявления.

### Февраль

М. Чистяков. Героиня. Повесть из русского быта. С. 1–29.

Каспар Гаузер, загадка своего времени. С. 30–42. Б. п.

С. Чистякова. Жизненная сила в растениях. (С картинкой).  
С. 43–76.

Исторический очерк Черногории и Сербского племени.  
(С портретом кн. Николая I Черногорского и его семейства). С. 76–  
97. Б. п.

Земля и небо. (С рисунками). С. 98–110. Б. п.

И. Хрущов. Беседы по русской литературе. Беседа вторая.  
С. 25–43.

Объявления.

### Март

М.Б. Чистяков. Героиня. Повесть из русского быта. (Продолж.). С. 1–32.

С. Чистякова. Жизненная сила в растениях. (Оконч.). (С картинкой). С. 32–46.

Славяне. (Перечневый обзор славянских племен и их жизни. –  
Расселение славян западных. – Восточные славяне. – Основание  
славянских государств на западе. – Основание славянского госу-  
дарства на востоке. – Христианство в Славянах. – Моравия  
христианская. – Чехия христианская). (С картинкой). С. 47–67. Б. п.

В. Келсиев. Вотяки. (С картинкой). С. 67–71.

Непрошеный гость. С. 72–83. Б. п.

Жажда и буря в пустыне. Отрывок из путешествия Вамбери,  
рассказанный В. Вернером. С. 83–100.

И. Хрущов. Беседы по русской литературе. Беседа третья.  
С. 45–74.

Объявления.

## Апрель

М.Б. Чистяков. Героиня. Повесть из русского быта. (Продолж.). С. 1–34.

Франц Гоффман. Банковые билеты. Рассказ для моих молодых друзей. С. 34–55.

Славяне. (Продолж.). (Польша христианская. – Сербия христианская. – Болгария христианская). (С картинкой). С. 55–69. Б. п.

Евгений Белов. Русский Раскол и Патриарх Никон. С. 69–85.

Смысл у животных. (С картинкой). С. 85–121. Б. п.

Торговка-лоскутница. Эпизод из французской революции 1793 года. С. 121–139. Б. п.

А. Кельсиев. Библиография: 1) «Повести и сказки для детей от 12 до 15 лет» М. Чистякова. Изд. второе Я. Исакова. СПб. 1869. 2) «Живописные виды, встречи и приключения» М. Чистякова. Изд. второе Я. Исакова. СПб. 1865.

И. Хрущов. Беседы по русской литературе. Беседа четвертая. С. 75–98.

## Май

М.Б. Чистяков. Героиня. Повесть из русского быта. (Оконч.). С. 1–31.

Франц Гоффман. Банковые билеты. Рассказ для моих молодых друзей. (Продолж.). С. 32–54.

Похождения одного венгерского ученого, путешествовавшего в звании Хаджи между туркменцами. (С немецк., по сочинению Вамбери). (С картинкой). С. 54–70.

Славяне. (Оконч.). (Русь христианская. – Заключение). С. 71–88. (С приложением «Молитвы Господней» на 13 славянских языках).

Е.И. Белов. Русский раскол и Патриарх Никон. (Продолж.). (С портретом). С. 88–106.

Письмо из Цетиньи. Письмо 1-е. С. 106–110. Подпись: Н.П. [Н. Пацевич].

Смесь. (Исчезнувший город. – Незамерзаемое место в Карском море. – Могильные фонари. – Солдат в качестве матери невесты. – Способ парового топления вагонов. – Геройский подвиг одного машиниста. – Глубокая старость. – Наводнения Нила. –

Отравление заплесневелым хлебом. – Две героини. – Миткалевый бал). С. 110–116.

И.П. Хрущов. Беседы по русской литературе. Беседа пятая. (С картинкой). С. 99–128.

Объявления. С. 129.

## Июнь

Е. Обухова. Княжич Дмитрий. С. 1–11.

Франц Гоффман. Банковые билеты. Рассказ для моих молодых друзей. (Продолж.). С. 11–37.

Похождения одного венгерского ученого, путешествовавшего в звании Хаджи между туркменцами. (С немецк., по сочинению Вамбери). (Оконч.). С. 37–57.

Евгений Белов. Богдан Хмельницкий. (С портретом). С. 57–95.

Эскимосы. (С двумя картинками). С. 95–115. Б. п.

Иероглифическое письмо и ключ к нему. (С рисунком). С. 116–132. Б. п.

Смесь. (Источники Нила. – Деревянные обои. – Варварский конкурс птиц. – Слоны и лошади, присланные Эмиром бухарским в подарок русскому двору. – Истребление сусликов). С. 132–136.

Объявления.

## Июль

Е. Обухова. Княжич Дмитрий. (Продолж.). С. 1–20.

Франц Гоффман. Банковые билеты. Рассказ для моих молодых друзей. (Оконч.). С. 20–61.

Эскимосы. (Продолж.). (С двумя картинками). С. 61–74. Б. п.

Гр. А.Д. Блудова. Известие из Св. Кирилло-Мефодиевского Острожского братства. С. 74–84.

Евгений Белов. Богдан Хмельницкий. (Продолж.). Статья 2. С. 84–128.

В.И. Даль. Общежитие и сожительство животных. С. 129–134.

Смесь. (Библиография).

И.П. Хрущов. Беседы по русской литературе. Беседа шестая и седьмая. С. 129–159.

Объявления.

## Август

- Е. Обухова. Княжич Дмитрий. (Продолж.). С. 1–19.
- Георг Эрбес. Дочь фараона. Исторический роман в трех частях. Часть первая. Перевод З. Кельсиевой. С. 20–43.
- Эскимосы. (Оконч.). (С картинкой). С. 43–52. Б. п.
- Авраам Линкольн. С. 52–75. Б. п.
- Е.А. Белов. Смерть Олега. (С картинкой). С. 76–99.
- В. Самойлович. О беличьем промысле в Сибири. С. 99–127.
- Внутри Земли. Воспоминания из «Путешествия во внутрь земли» Г.Л. Штецнера. (С чертежами). С. 127–141.
- Смесь. (Майское общество для защиты пташек. – Морское чудовище. – Черноголовые лебеди. – Матофон). С. 142–145.
- Объявления.

## Сентябрь

- Е. Обухова. Княжич Дмитрий. (Оконч.). С. 1–34.
- Георг Эрбес. Дочь фараона. Исторический роман. Часть первая. (Продолж.). Перевод З. Кельсиевой. С. 35–75.
- Е.А. Белов. Очерки из истории Петра Великого. (С портретом Царицы Натальи Кирилловны, рис. А.Н. Шурыгиным, гр. М.В. Стариковым). С. 76–104.
- Авраам Линкольн. (Продолж.). С. 105–122.
- В городе пророка. Отрывки из путешествия в Аравию барона Мальцана и Капитана Буртона. (С картиной). С. 122–140.
- Г.Л. Штецнер. Путешествие во внутрь земли. (Оконч.). С. 141–170.
- Гр. А.Д. Блудова. Известие о Св. Кирилло-Мефодиевском братстве. С. 170–176.
- Смесь. (Алмазные прииски. – Вата для унятия крови. – Голубятники. – Редкая птица. – Заботливый журавль). С. 176–180.
- Объявления.

## Октябрь

- Т. Толычева [Е.В. Новосильцева]. Крестница Императрицы Анны Иоанновны. В двух частях. Часть первая. С. 1–55.
- Георг Эрбес. Дочь фараона. Исторический роман. Часть первая. (Продолж.). Перевод З. Кельсиевой. С. 55–87.

Абраам Линкольн. (Продолж.). С. 88–104.

Е.А. Белов. Очерки из истории Петра Великого. (Продолж.). (С портретом Петра Великого рис. А.Н. Шурыгиным, гр. М.В. Старицким). С. 105–127.

Описания ряда фабричных производств. Статья первая. С. 128–149. Подпись: А.М. Н...в.

Эрнест Брюйссель. Питомцы грушевого дерева. (С картинами). С. 150–168.

В городе пророка. Отрывки из путешествия в Аравию барона Мальцана и Капитана Буртона. (Продолж.). (С картиной). С. 168–188.

Объявления.

## Ноябрь

Т. Толычева [Е.В. Новосильцева]. Крестница Императрицы Анны Иоанновны. В двух частях. Часть вторая. С. 1–28.

Георг Эрбес. Дочь фараона. Исторический роман. Часть первая. (Продолж.). Перевод З. Кельсиевой. С. 29–69.

Абраам Линкольн. (Продолж.). С. 69–79. Б. п.

В городе пророка. Отрывки из путешествия в Аравию барона Мальцана и Капитана Буртона. (Продолж.). (С картиной). С. 79–97.

Мудрый Монкут король Сиамский. (С картиной). С. 98–110. Б. п.

Эрнест Брюйссель. Питомцы грушевого дерева. (Продолж.). (С картинками). С. 110–129.

Описания ряда фабричных производств. Статья первая. (Продолж.). С. 128–147. Подпись: А.М. На...в.

И.П. Хрущов. Беседы по русской литературе. Продолжение седьмой беседы. С. 154–174.

Объявления.

## Декабрь

Т. Толычева [Е.В. Новосильцева]. Крестница Императрицы Анны Иоанновны. В двух частях. Часть вторая и последняя. (Оконч.). С. 1–49.

Георг Эрбес. Дочь фараона. Исторический роман. Часть первая. (Продолж.). Перевод З. Кельсиевой. С. 50–95.

Эрнест Брюйссель. Питомцы грушевого дерева. (Продолж.). (С картинками). С. 96–122.

Гр. А.Д. Блудова. Известие о Св. Кирилло-Мефодиевском братстве. (С двумя картинами, рис. А. Адамовым, гр. М.В. Старииковым). С. 122–139.

В. Самойлович. Медведь, лисица, волк и способы добывания их сибирскими зверопромышленниками. С. 140–155.

Письмо из Цетиньи. С. 155–158. Подпись: Н.П. [Н. Пацевич]. Мудрый Монкут король Сиамский. (Оконч.). (С картиной). С. 158–172. Б. п.

И.П. Хрущов. Беседы по русской литературе. Продолжение седьмой беседы. С. 177–194.

Объявления.

## 1871

### Январь

Две сестры, или Приключения Вари. (Семейство Далиных). С. 1–28. Б. п.

Падчерица. С. 28–58. Б. п.

Таинственная деятельность в недрах земли. Землетрясения на море и суще. (С двумя картинами). С. 59–78. Б. п.

В. Родиславский. Феодор Григорьевич Волков. Основатель русского театра. С. 78–102.

Эрнест Брюйссель. Питомцы старого грушевого дерева. (Жизнь насекомых). (Продолж.). (С картинками). С. 103–146.

В. Самойлович. Медведь, лисица, волк и способы добывания их сибирскими зверопромышленниками. (Продолж.). С. 147–166.

Георг Эрбес. Дочь фараона. Исторический роман. (Продолж.). Перевод З. Кельсиевой. С. 167–180.

Граф Сперанский. (Биографический очерк). С. 181–199. Б. п. Странствование венецианца Марко Поло (1253–1324). С. 199–220. Подпись: М.Т.

Объявления.

## Февраль

Две сестры, или Приключения Вари. (Продолж.). С. 1–22. Б. п.  
Падчерица. (Продолж.). С. 23–53. Б. п.

Граф Сперанский. (Биографический очерк). (Продолж.).  
С. 54–61. Б. п.

Георг Эрбес. Дочь фараона. Исторический роман. (Продолж.). Перевод З. Кельсиевой. С. 62–102.

Эрнест Брюйссель. Питомцы старого грушевого дерева.  
(Жизнь насекомых). (Оконч.). (С картинами). С. 103–146.

Е.А. Белов. Очерки из истории Петра Великого. (Продолж.).  
С. 75–89.

Таинственная деятельность в недрах земли. (Оконч.).  
(С двумя картинами). С. 90–117. Б. п.

Странствование венецианца Марко Поло (1253–1324). (Продолж.). С. 118–126. Подпись: М.Т.

М.Б. Чистяков. Журналист, читатель и писатель. С. 127–134.

## Март

Две сестры, или Приключения Вари. (Продолж.). С. 1–20. Б. п.  
Падчерица. (Продолж.). С. 21–42. Б. п.

Вольфганг Амадей Моцарт. (С картиной). С. 43–67. Б. п.

Георг Эрбес. Дочь фараона. Исторический роман. Часть первая.  
(Продолж.). Перевод З. Кельсиевой. С. 68–88.

Странствование венецианца Марко Поло (1253–1324).  
(Оконч.). С. 89–101. Подпись: М.Т.

Шарль Верль. (С картиной). С. 102–103. Б. п.

Е.А. Белов. Очерки из истории Петра Великого. (Продолж.).  
С. 104–121.

Граф Сперанский. (Биографический очерк). (Продолж.).  
С. 122–144.

Смесь. (Алексей Федорович Львов. – г. Тьер и его школьный  
учитель. – Французская Конституция. – Северная экспедиция).  
С. 145–150.

### Апрель

- Две сестры, или Приключения Вари. (Продолж.). С. 1–22. Б. п.  
 Падчерица. (Продолж.). С. 23–46. Б. п.  
 Георг Эрбес. Дочь фараона. Исторический роман. В трех частях. Часть третья. (Оконч.). Перевод З. Кельсиевой. С. 47–80.  
 А.Е. Разин. Мечты и происки в Самборе. С. 81–106.  
 Александр Николаевич Серов. (С портретом). С. 107–127. Б. п.  
 И.П. Хрущов. Беседы по русской литературе. Беседа восьмая. (С портретом Ломоносова). С. 129–157.

### Май

- Две сестры, или Приключения Вари. (Оконч.). С. 1–21. Б. п.  
 Падчерица. (Оконч.). С. 23–65. Б. п.  
 Подземный город. (С картинками). С. 67–107. Б. п.  
 А.Е. Разин. Мечты и происки в Самборе. (Продолж.). С. 109–140.  
 Граф Сперанский. (Биографический очерк). (Продолж.). С. 141–152. Б. п.  
 Рысь. (С картинкой). С. 153–157. Б. п.  
 Мелочи. (Перевод с англ. С.Ф. Т-ой). С. 159–186.

### Июнь

- Фраза и правда. С. 1–18. Подпись: Г.Д.  
 Дмитрий Столыпин. Бетховен. (С картиною). С. 21–44.  
 А.Е. Разин. Мечты и происки в Самборе. (Продолж.). С. 45–67.  
 В. Кельсиев. Святые равноапостольные просветители славян  
 Кирилл и Мефодий. С. 69–79.  
 Новая Земля. С. 81–118. Б. п.  
 Случай на море. С. 119–127. Б. п.  
 Граф Сперанский. (Биографический очерк). (Оконч.). С. 129–154. Б. п.

### Июнь

- Фраза и правда. (Оконч.). С. 1–20. Подпись: Г.Д.  
 Об алмазах. С. 21–46. Подпись: С.С.

В. Кельсиев. Святые равноапостольные просветители славян Кирилл и Мефодий. (Оконч.). (С двумя картинами рис. Крюковым, грав. Серяковым). С. 47–62.

А.Е. Разин. Мечты и происки в Самборе. (Продолж.). С. 63–91.

Иоанн Грозный. Статуя академика Антакольского. (С картиной рис. А.О. Адамовым, грав. М.В. Стариковым). С. 93–99. Б. п.

Девичий пансион. Несколько эпизодов из жизни А.Н. Серова. С. 101–110. Подпись: А.Л.

Смесь. (Казнь краснокожих. – Хинное дерево в Ост-Индии. – Курьезный водолаз. – Сколько еще остается на свете людоедов). С. 111–116.

## Август

А.А. Фет. Первый заяц. (Посвящ. маленькому приятелю графу С.Л. Толстому). С. 1–9.

А.Е. Разин. Мечты и происки в Самборе. (Продолж.). С. 11–26.

Альгейя. (Рассказ). С. 27–45. Б. п.

Рейналь и его спутники (или Двадцатимесячное пребывание на рифе Аукландских островов). (С картиной). С. 47–76. Б. п.

Карл Рид. Приключения Жерарда. (Рассказ из средневековых времен). С. 77–123.

## Сентябрь

Карл Рид. Приключения Жерарда. (Рассказ из средневековых времен). (Продолж.). С. 1–44.

А.Е. Разин. Мечты и происки в Самборе. (Продолж.). С. 45–57.

Рейналь и его спутники (или Двадцатимесячное пребывание на рифе Аукландских островов). (Оконч.). С. 59–85. Б. п.

Альгейя. Рассказ. (Оконч.). С. 87–118. Б. п.

Среди Океана. Телеграфное соединение Атлантическим та-белем Древнего и Нового Света. (С картинкой). С. 119–146. Б. п.

Две Судьбы. (С англ.). С. 147–162. Б. п.

Охота на глухарином токе. (С картинкой). С. 163–172. Подпись: В. Л-в.

Н. Пацевич. Письмо из Цетиньи. С. 173–177.

Объявление о «Заре».

### Октябрь

С. Макарова. Воротничок. С. 1–27.

Карл Рид. Приключения Жерарда. (Рассказ из средневековых времен). (Продолж.). С. 29–77.

Две Судьбы. (С англ.). (Оконч.). С. 79–94.

А.Е. Разин. Мечты и происки в Самборе. (Оконч.). С. 95–122.

Лесной царь Западной Африки (или Загадочное семейство лесовиков на реке Габуне). (Из новейших путешествий по западным берегам Африки г. Вагнера). С. 123–138.

Среди Океана. (Оконч.). С. 139–150. Б. п.

Чарльз Диккенс. (С портретом). С. 151–156. Б. п.

Объявления.

### Ноябрь

В. Кельсиев. На все руки мастер. (Историческая повесть). (С портретом фон-Визена, рис. Адамовым, грав. М.В. Старииковым). С. 1–38.

С. Макарова. Воротничок. (Оконч.). С. 39–60.

Карл Рид. Приключения Жерарда. (Рассказ из средневековых времен). (Продолж.). С. 61–94.

Нерон, или Молодая гречанка при дворе императора Нерона. (Рассказ). С. 95–112. Б. п.

А.Н. Майков. Рассказ из русской истории. (Взятие турецким султаном Магометом II Константинополя. Москва – третий Рим. Покорение при царе всея Руси Иване Васильевиче Грозном мусульманских царств: Казанского, Астраханского и Сибирского). С. 113–156.

Дант Аллигьери. (С картиной). С. 157–162. Б. п.

Смесь. (Венера Милосская). С. 163–164.

Объявления.

### Декабрь

В. Кельсиев. На все руки мастер. (Историческая повесть). (Продолж.). (С портретом). С. 1–30.

Карл Рид. Похождения Жерарда. (Рассказ из средневековых времен). (Оконч.). С. 31–66.

Нерон, или Молодая гречанка. (Продолж.). С. 67–85. Б. п.  
А.Н. Майков. Ермак. (Рассказ из русской истории). С. 87–109.  
Дант Аллигьери. (Оконч.). (С двумя картинами). С. 111–118.  
Объявления.

## 1872

### Январь

С. Макарова. Горемычные. (Исторический рассказ). С. 1–19.  
Г. Нариц. Зубы Якова д'Арманьяка. (Исторический рассказ из XV столетия). С. 21–35.

Священник Петр Соловьев. Из воспоминаний о востоке. Бедуины и пустыня. (С картиной). С. 37–54.

В. Кельсиев. На все руки мастер. (Историческая повесть). (Оконч.). С. 55–78.

Нерон, или Молодая гречанка. (Рассказ). (Продолж.). С. 79–95. Б. п.

Вальтер Скотт. (С портретом). С. 97–102. Б. п.

Смесь. (Привязанность лошади. – Долина смерти. – Акклиматизация лосося в Австралии). С. 103–106.

Объявления.

### Февраль

С. Макарова. Горемычные. (Исторический рассказ). (Продолж.). С. 1–17.

Г. Нариц. Зубы Якова д'Арманьяка. (Исторический рассказ из XV столетия). С. 19–53.

Священник Петр Соловьев. Из воспоминаний о востоке. Бедуины и пустыня. (Продолж.). С. 55–88.

Древняя Мексика. (С картиной). С. 89–105. Б. п.

Нерон, или Молодая гречанка. (Рассказ). (Продолж.). С. 107–126. Б. п.

Книгопечатание. (С картиной). С. 127–165. Б. п.

### Март

С. Макарова. Горемычные. (Исторический рассказ). (Продолж.). С. 1–18.

Г. Нариц. Зубы Якова д'Арманьяка. (Исторический рассказ из XV столетия). (Продолж.). С. 19–38.

Древняя Мексика. (Продолж.). (С двумя картинами). С. 39–52. Б. п.

Нерон, или Молодая гречанка. (Рассказ). (Оконч.). С. 53–86.

Священник Петр Соловьев. Из воспоминаний о востоке. Бедуины и пустыня. (Продолж.). С. 87–105.

Книгопечатание. (Оконч.). (С двумя картинами). С. 107–118.

Смесь. (Зима с летом встретились. – Обезьяна в 1812 г. – Перевозные животные. – Живые часы. – Давид Дуглас, ботаник-путешественник). С. 119–127.

### Апрель

Т. Толычева [Е.В. Новосильцева], П. Бибиков. Христос Воскрес. (Повесть). С. 1–88.

С. Макарова. Горемычные. (Исторический рассказ). (Продолж.). С. 89–103.

Г. Нариц. Зубы Якова д'Арманьяка. (Исторический рассказ из XV столетия). (Продолж.). С. 105–125.

Священник Петр Соловьев. Из воспоминаний о востоке. Бедуины и пустыня. (Оконч.). С. 126–153.

Древняя Мексика. (Продолж.). (С картиной). С. 155–163. Б. п.

Охота весной на тяге вальдшнепов. (С картиной). С. 165–182. Подпись: П. Л-ев.

### Май

В.В. Крестовский. Рассказ о том, как мальчики взяли в плен француза. С. 1–15.

С. Макарова. Горемычные. (Исторический рассказ). (Продолж.). С. 17–27.

Джон Галифакс. Глава дома. (Роман, перевод с англ.). С. 19–59.

Г. Нариц. Зубы Якова д'Арманьяка. (Исторический роман из XV столетия). (Оконч.). С. 61–105.

Древняя Мексика. (Оконч.). С. 106–133. Б. п.

Гравирование на меди, стали, олове и стекле. С. 135–151 (171). Б. п.

Смесь. (О действиях ужаления пчелы. – Ограничность понятия у самоедов). С. 173–175.

### Июнь

Наташа. (Повесть в четырех частях). Часть первая. С. 1–24. Б. п.

С. Макарова. Горемычные. (Исторический рассказ). (Продолж.). С. 25–42.

Джон Галифакс. Глава дома. (Роман, перевод с англ.). (Продолж.). С. 43–70.

Евгений Александрович Белов. Петр Великий. С. 71–101.

Новая Мексика. (С картиной). С. 103–117. Б. п.

С.М. Ушаков. О воздухоплавании. С. 119–130.

Смесь. (Охотничьи сюжеты на Петербургской академической выставке. – Прикармливание певчих птиц в городе Рейтлингене. – Ташкентцы в Москве. – Не Одер, а Одерище). С. 131–134.

### Июль

Наташа. (Повесть в четырех частях). (Продолж.). С. 1–25. Б. п.

С. Макарова. Горемычные. (Рассказ из Русской истории). (Оконч.). С. 27–49.

Джон Галифакс. Глава дома. (Роман, перевод с англ.). (Продолж.). С. 51–91.

Евгений Александрович Белов. Смутное время. (Царь Борис Федорович Годунов. – Лжедмитрий I). С. 93–107.

Новая Мексика. (С двумя картинами). С. 109–124. Б. п.

С.М. Ушаков. О воздухоплавании. (Продолж.). С. 125–158.

Смесь. (Великодушие князя Репнина. – История изобретения вики, зонтика и пилки дерева). С. 159–160.

### Август

Наташа. (Повесть в четырех частях). (Продолж.). С. 1–51.

Джон Галифакс. Глава дома. (Роман, перевод с англ.). (Продолж.). С. 53–87.

Евгений Александрович Белов. Смутное время. (Оконч.). (Василий Иванович Шуйский. – Тушинский вор. – Междуцарствие). С. 89–122.

Новая Мексика. (Оконч.). (С картиной). С. 123–138.

С.М. Ушаков. О воздухоплавании. (Оконч.). С. 139–167.

Воззвание. К благотворителям из Введенской девичьей Обители. С. 169–171.

*Составление и вступительная статья  
М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва*

## ЗАМЕТКИ КОТА УЧЁНОГО

### Безмерная радость Кота Учёного

В марте текущего года К. У., как истинный кот, пришел в неистовый восторг. Предержащие власти заговорили наконец не о каком-то прожиточном минимуме, а о социальных обязательствах перед «слугами народа», то бишь депутатами Думы и сенаторами. Эти граждане получили зарплату свыше 420 тыс. ежемесячно, а с дополнениями 18 млн в год. Как-то даже неудобно после такого называть таких господ гражданами.

«Какой восторг!» – воскликнул К. У. вслед за Суворовым (после взятия Измаила). Чтобы сохранить баланс и бюджет России, научным работникам Российской академии наук, преобразованной министрами правительства в ФАНО, получающим зарплату в десятки раз меньшую, предложили два пути: сократить мизерную зарплату на 20% или дважды в год брать месячный отпуск без содержания. Как это напоминает единство партии и народа в незабываемые советские времена!

Чем больше денег получают «слуги народа», тем больший позор они покрывают.

## КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

**Богданова** Ольга Алимовна, доктор филол. наук, старший научный сотрудник Отдела русской литературы конца XIX – начала XX в. ИМЛИ РАН. Автор книг: «Русская литература XIX–XX веков: Русская литература как религиозный феномен» (2008), «Под со-звездием Достоевского: (художественная проза рубежа XIX–XX вв. в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы)» (2008), «Русская проза конца XX – начала XXI в. Основные тенденции» (2013).

[olgabogda@yandex.ru](mailto:olgabogda@yandex.ru)

**Ивинский** Александр Дмитриевич (р. 1985), кандидат филологических наук (2009), младший научный сотрудник филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (с 2010), автор более 30 работ по истории русской литературы. Сфера научных интересов: история русской литературы XVIII в., творчество императрицы Екатерины II.

[ivinskij@gmail.com](mailto:ivinskij@gmail.com)

**Илюшин** Александр Анатольевич (р. 1940), доктор филол. наук, проф. МГУ им. М.В. Ломоносова, переводчик, поэт. Автор книг: «Поэзия декабриста Г.С. Батенькова» (1978), «Русское стихосложение» (1988), «Поэзия Некрасова» (1998), «Стихотворения и поэмы А.К. Толстого» (1999) и др. Перевел размером подлинника «Божественную комедию» Данте (1995).

[milamsu@mail.ru](mailto:milamsu@mail.ru)

**Кибальник** Сергей Акимович (р. 1957), доктор филол. наук, вед. научный сотрудник Института русской лит-ры РАН, профессор С.-Петербург. гос. ун-та. Автор книг: «Русская антологическая поэзия первой трети XIX века» (1990), «Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской культуре» (2011), «Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского» (2013), «Пушкин: Лики и “отраженья”» (2014) и др.

**Коровин** Владимир Леонидович (р. 1972), кандидат филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор монографии «Семен Сергеевич Бобров. Жизнь и творчество» (2004).

[korovinv@yandex.ru](mailto:korovinv@yandex.ru)

**Курилов** Александр Сергеевич (р. 1937), доктор филол. наук, гл. научный сотрудник Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН, автор книг: «Традиции русской критической мысли» (1974), «История русского литературоведения» (1980, в соавторстве с П.А. Николаевым и А.Л. Гришуниным), «Литературоведение в России XVIII века» (1981), «Виссарион Белинский» (1985), «В.Г. Белинский в жизни и творчестве» (2012).

Тел.: 8 495 612 61 36

**Лозинская** Евгения Валентиновна, ст. научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН. Автор монографии «Литература как мышление: Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI вв.» (2007); статей по истории поэтики и литературоведения, новейшим методам литературоведческих исследований.

[jane.lozinsky@gmail.com](mailto:jane.lozinsky@gmail.com)

**Махлин** Виталий Львович (р. 1947), доктор филос. наук, профессор кафедры философии МПГУ, член-кор. Академии гуманитарных исследований при Институте философии РАН, член редколлегии журнала «Вопросы литературы». Автор монографии «Второе сознание: Подступы к гуманитарной эпистемологии» (2009), многочисленных статей и переводов. Исследователь творчества М.М. Бахтина.

[vitmahlin@mail.ru](mailto:vitmahlin@mail.ru)

**Махов** Александр Евгеньевич (р. 1959), доктор филол. наук, вед. научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор РГГУ. Автор книг: «Ранний романтизм в поисках музыки» (1993), «*Hostis antiquus*: Категории и образы христианской средневековой демонологии» (2004), «*Musica literaria*: Идея словесной музыки в европейской поэтике» (2005), «Средневековый образ: Между теологией и риторикой» (2011) и др.

[intrada1@yandex.ru](mailto:intrada1@yandex.ru)

**Миллионщикова** Татьяна Михайловна, кандидат филол. наук, ст. научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН. Специалист по древнерусской литературе, творчеству Ф.М. Достоевского.

Тел.: 8 499 135 42 12

**Мосиенко** Елизавета Олеговна, студентка второго курса колледжа Московского гос. института музыки им. А.Г. Шнитке.

[comperete-chicot@yandex.ru](mailto:comperete-chicot@yandex.ru)

**Николюкин** Александр Николаевич (р. 1928), доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН. Автор 12 монографий по американистике и истории русской литературы.

[anikolyukin1928@yandex.ru](mailto:anikolyukin1928@yandex.ru)

**Пахсарьян** Наталия Тиграновна, доктор филол. наук, вед. научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор книг: «Генезис, поэтика и жанровая система французского романа 1690–1760-х годов» (1996), «Избранные статьи о французской литературе» (2010) и др.

[natapa@mail.ru](mailto:natapa@mail.ru)

**Семёнова** Анастасия Владимировна (Астана), ассистент кафедры филологии Казахстанского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова; аспирантка Института филологии СО РАН.

[anastasia\\_semenova@list.ru](mailto:anastasia_semenova@list.ru)

**Цурганова** Елена Алексеевна, кандидат филол. наук, старший научный сотрудник, зав. Отделом литературоведения ИНИОН РАН. Автор работ по теории литературы, зарубежному литературоведению, литературе США. Гл. редактор реферативного журнала «Социальные и гуманитарные науки. Серия 7. Литературоведение. Отечественная и зарубежная литература».

[elets\\_2005@mail.ru](mailto:elets_2005@mail.ru)

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**  
**2016 – № 39**

Художник В.Д. Дольский

Технический редактор Л.А. Можаева

Корректор И.Б. Пугачева

Компьютерная верстка Н.М. Власова

Свидетельство о регистрации журнала № 003610 от 25.02.2000

Адрес редакции: 117418, Москва, Нахимовский просп., 51/21,

ИИОН РАН. Отдел литературоведения

[liter@ionion.ru](mailto:liter@ionion.ru)

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.0.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 12/V-2016 г. Формат 60x84/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Усл. печ. л. 21,3

Уч.-изд. л. 16,0

Тираж 400 экз.

Заказ № 35

**Институт научной информации  
по общественным наукам РАН,  
Нахимовский проспект, д. 51/21  
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения  
информационных изданий  
Тел./Факс +7(925) 517-3691  
E-mail: [ionion@bk.ru](mailto:ionion@bk.ru)**

**E-mail: [ani-2000@list.ru](mailto:ani-2000@list.ru)  
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИИОН РАН  
Нахимовский пр-кт, д. 51/21  
Москва, В-418, ГСП-7, 117997  
042(02)9



